

Ф.Н.Глинка
ПИСЬМА РУССКОГО ОФИЦЕРА

Ф.Н.Глинка
ПИСЬМА
РУССКОГО
ОФИЦЕРА

Литературная
летопись
Москвы

Ф.Н.Глинка

ПИСЬМА
РУССКОГО ОФИЦЕРА

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1985

Текстологическая подготовка издания
С. СЕРКОВА

Составление, вступительная статья и комментарии
С. СЕРКОВА и Ю. УДЕРЕВСКОГО

Глинка Ф. Н.

Г54 Письма русского офицера: Проза. Публицистика. Поэзия. Статьи. Письма / Сост., вступ. статья, коммент. С. Серкова и Ю. Удереvского.— М.: Моск. рабочий, 1985.— 366 с.— (Литературная летопись Москвы).

Ф. Н. Глинка (1786—1880) — поэт-декабрист, прозаик, публицист, общественный деятель первой половины XIX века.

Значительное место в творческой биографии писателя занимает Москва, образ которой воспет автором в проникновенных строках статьи «Семисотлетие Москвы» и гимна «Москва». Довольно часто столица становилась предметом возвышенных и горячих раздумий Ф. Глинки, связанного с ней многочисленными дружескими связями.

Книга начинается с «Очерков Бородинского сражения» — блестящего образца военно-патриотического жанра отечественной литературы, положительно оцененных В. Г. Белинским. Избранная поэзия и письма, рисующие живой облик автора, позволят читателю дополнить представление о жизни и творчестве писателя-декабриста.

Г $\frac{4702010100-233}{M172(03)-85}$ 166—85

Р1

© Составление, вступительная статья, комментарии, оформление издательства «Московский рабочий», 1985 г.

ПИСАТЕЛЬ, ВОИН, ГРАЖДАНИН — Ф. Н. ГЛИНКА

Ф. Н. Глинка (1786—1880) — видный поэт и прозаик пушкинской эпохи, проживший огромную жизнь, современник не только Грибоедова и Пушкина, но и Тургенева, Л. Толстого, Чехова. Участник наполеоновских войн, герой Отечественной войны 1812 года, он был активным общественным деятелем и публицистом, идейно близко стоявшим к декабристскому направлению в литературе. Будучи активным и опытным руководителем Вольного общества любителей российской словесности, явившегося своеобразным филиалом Союза благоденствия, Глинка сыграл заметную роль в формировании декабристской идеологии. Человек независимых убеждений, он и в литературе шел своим, самобытным путем, не подчиняясь господствующим литературным традициям.

Являясь одним из первых создателей краеведения, так называемой «поэтической географии», он оставил также заметный след в создании жанра военно-исторических мемуаров.

Его огромное творческое наследие, не всегда равнозначное, представляет несомненную познавательную ценность для современного советского читателя, интересующегося судьбами отечественной культуры и литературы.

* * *

Ты должен быть гордым, как знамя,
Ты должен быть острым, как меч,
Как Данту, подземное пламя
Должно тебе щеки обжечь.

Эти строки В. Я. Брюсова, написанные, конечно, без всякой мысли о Глинке, тем не менее удивительным образом «приложились» к нему — вплоть до того, что уместным здесь оказывается и

упоминание о Данте (не говоря о воинских мотивах: меч, знамя).

Высокое вдохновение не раз обжигало поэта своим пламенем. Под непосредственным влиянием «Божественной комедии» Данте Глинка писал страницы своего «Ада», частично вошедшего в огромную поэму «Таинственная капля». Обращение к произведению великого флорентийца поэта-декабриста, прошедшего ад Петропавловской крепости и ссылки, не случайно. Для Глинки, и не только, конечно, для него, Данте был символом поэта-пророка, поэта-изгнанника, поэта-борца. При всей пестроте своей внешней жизни и идейных увлечений Ф. Глинка имел сердце неустрашимого воина, твердые, и в основном передовые для своего времени, убеждения. Его близость к декабристским кругам красноречиво характеризует его внутренний облик, его гражданскую позицию.

Нравственный облик Федора Глинки имеет определяющую черту — неистовое правдолюбие. Известно, что в 1802 году на более чем лестное предложение генерала Милорадовича стать его адъютантом молодой тогда прапорщик Апшеронского полка Федор Глинка ответил, что на нем лежит зарок, который он никогда не хотел бы с себя снимать. Когда же несколько заинтригованный Милорадович полюбопытствовал, какой же это зарок, Глинка ответил: «Говорить всегда правду, ваше превосходительство». Слова у Глинки никогда не расходились с делами: он не только говорил правду, но и бескорыстно служил ей.

Обостренное чувство правды, нравственный максимализм Глинки в чем-то сродни позиции, занятой еще в юности Львом Толстым, который заявил в «Севастопольских рассказах»: единственный бог, которому он присягает служить всеми силами своей души, была, есть и будет правда.

Творческое наследие Ф. Н. Глинки обширно: он и поэт, и прозаик, и драматург, и мемуарист. Общеизвестны песни, которыми стали его лучшие стихи: «Тройка» («Вот мчится тройка удалая...»), «Узник» («Не слышно шуму городского...»), гимн «Москва» («Город чудный, город древний...»).

Более узкому кругу читателей Глинка известен как автор элегических стихов и прекрасной романтической поэмы «Карелия», удостоенной в свое время одобрительного отзыва А. С. Пушкина. Он был не только видным поэтом, но и общественным деятелем декабристской ориентации; в разные годы близко сходилась с Пушкиным, Рылевым, Жуковским, Шевыревым, Погодиным.

Федор Глинка тяготел в своем творчестве к афористической завершенности мысли. Он — автор интересных философских произведений, редактор «Военного журнала». Он был путешественником, ученым, краеведом и археологом, организатором народных училищ

и общества помощи бедным в тогдашней Твери. Деятельность Ф. Глинки была на редкость разносторонней и масштабной.

Ф. Глинка — мастер стиха, глубоко проникший в тайны версификации, поэт сильный, самобытный. Его стихи могут показаться архаичными, но едва ли это «отпугнет» и разочарует современного читателя.

Впрочем, Глинка не перегружал свои произведения чрезмерным употреблением архаики, и в контексте пушкинской эпохи его голос звучал достаточно естественно.

Общей потерей было бы забвение прозаических произведений Глинки, гораздо менее известных по сравнению с его поэтическим наследием. Конечно, в прозе Глинки не все равноценно, но среди множества материалов, основательно забытых, встречаются подлинные художественные ценности. Проза Глинки дополняет наше представление о замечательном русском поэте, «великодушном гражданине», как называл его Пушкин, «витязе добра и чести» (слова Якова Толстого).

* * *

Федор Николаевич Глинка родился 8 июня 1786 года в Смоленской губернии, в семи верстах от города Духовщина, в селе Сутоки. Отец его — отставной капитан Николай Ильич Глинка — находился при графе Румянцеве в Кагульской битве и пользовался впоследствии особенным его расположением. Мать Ф. Глинки — Анна Яковлевна — происходила из рода Каховских.

Ф. Глинка получил воспитание в 1-м кадетском корпусе, который закончил в 1803 году, после чего был направлен в чине прапорщика в Апшеронский пехотный полк. Там-то во время одного из смотров и обратил на него внимание генерал М. А. Милорадович, адъютантом которого Глинка становится с 1805 года. Затем принимает самое близкое и непосредственное участие в войне 1805—1806 гг. Сражается под Аустерлицем, правда в самом конце сражения, в штыковом бою. После завершения военной кампании, 11 сентября 1806 года, Глинка по болезни выходит в отставку и поселяется в родной смоленской деревеньке Сутоки, где живет безвыездно четыре года, занимаясь в основном хозяйством и приводя в порядок свои записи военного времени. Первые отрывки из «Писем русского офицера», наряду с его первыми стихотворениями, появляются в журнале «Русский вестник» в 1808 году.

Затем Глинка отправляется на два года (1810—1811) в краеведческое путешествие по Смоленской и Тверской губерниям, плавает по Волге, наезжает в Москву и Киев. Дорожные его записи позднее войдут в состав «Писем к другу», которые вышли в свет

в 1816 году. «Замечания, мысли и рассуждения во время поездки в некоторые отечественные губернии», вошедшие в «Письма к другу», носят на себе следы очевидного влияния «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. В обширной литературе «путешествий», появившейся после «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина, «Замечания» Ф. Глинки занимают особое место. В письмах Глинки нет той избыточной чувствительности, которая была присуща последователям Карамзина. Уже в самых ранних письмах Глинки особое внимание уделил изображению народных обычаев и нравов, характеристике государственного строя и анализу причин народных бедствий. В самом первом письме, написанном перед отправлением в поход 1805 года, Ф. Глинка предупреждает своего друга, что он не будет следовать примеру сентиментальных путешественников, «ибо путешествовал по обязанности, а не от праздности или пустого любопытства».

Вернувшись в Сутоки зимой 1811 года, Глинка с головой уходит в творческую работу. В этом же году в журнале «Русский вестник», с которым у Глинки завязываются добрые отношения, появляется его статья «Замечания о языке Словенском и о Русском, или светском наречии». Так Глинка отреагировал на вспыхнувший знаменитый спор о судьбах русского языка между сторонниками Карамзина и Шишкова. В развернувшейся полемике его симпатии склоняются на сторону адмирала А. С. Шишкова. Глинка пишет: «Какое изобилие! Какие возвышенные и какие величественные красоты в наречии славянском. И при том какое искусное и правильное сочетание слов, без чего и лучшие мысли теряют свою красоту. Славянское наречие особенно отличается силою, краткостью, выразительностью. Силу и краткость и выразительность постараемся сохранить в русском языке».

Пафос Глинки в этом пассаже целиком и полностью совпадает с установками, декларируемыми А. С. Шишковым в напумевшем «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка», в котором автор, полемизируя с Карамзиным, провозглашает церковнославянский язык, старинные книги (а позднее и фольклор) тем фундаментом, на котором должна строиться современная литература. Обострившаяся литературная борьба между кругом Шишкова и сторонниками Карамзина привела к созданию общества «Беседа любителей русского слова» (1811), которое сыграло немалую роль в формировании русского романтизма и декабристской эстетики.

Выступив в защиту славянского наречия и одической поэзии, Ф. Глинка тем не менее не примкнул ни к «шишковистам», ни к «карамзинистам». В это время Глинка стремится к самобытности, стремится «брести своим путем» и в этом своем стремлении как

художник легко объединяет, казалось бы, противоположные поэтические традиции, отчего его собственная поэзия этого периода становится на редкость пестрой и неоднородной, — при всем том, что она подчеркнута ориентирована на архаику, на витийственный и громкий гражданский пафос в духе Ломоносова, Державина, Радищева. Идеи, провозглашенные Шишковым, оказались созвучными творческим пристрастиям Ф. Глинки. Да и только ли одному Глинке? Литературоведческие работы Ю. Н. Тынянова показали, что это было широко распространенным веянием эпохи. «Шишковистами», например, с гордостью называли себя декабристы Кюхельбекер и Рылеев, использовал идеи Шишкова для создания русского политического словаря Пестель. Их привлекало высокое звучание «старого слога», возможность выразить им емкие политические идеи.

Высокая гражданственность старой русской литературы, патетичность ее строя и слога были особенно близки Федору Глинке. Справедливости ради заметим, однако, что его творческой индивидуальности было в высокой степени присуще стремление к синтезу. Помимо одической, ораторски декламационной, витийственной, в духе Ломоносова и Княжнина, его поэзии свойственна и тихая, задушевно интимная, лирическая нота, связывающая его творчество с мелодической линией русской поэзии, с традициями поэзии «сердечного воображения», т. е. с традициями К. Батюшкова и В. Жуковского. Таково большое стихотворение Глинки «Мечтания на берегах Волги» (1810), проникнутое элегической тональностью и живо напоминающее соответствующие образцы этого жанра у двух вышеупомянутых поэтов.

Исключительное место в личной и творческой биографии Ф. Н. Глинки занимает Отечественная война 1812 года. Сам Глинка вспоминал, что с приближением неприятеля он надел «синюю куртку, сделанную из синего фрака, у которого при полевых огнях фалды обгорели», и вновь вступил в ряды русской армии. Уже в июле 1812 года Федор Глинка в числе тех, кто мужественно оборонял от наседавших французских полчищ древний Смоленск в составе дивизий генералов Неверовского и Раевского. Несмотря на яростное сопротивление русских воинов, город был оставлен. С чувством глубокой скорби, но вместе с тем достоверно, с документальной точностью описано это горестное событие в «Письмах русского офицера». Эпизод гибели Смоленска исполнен исключительной динамики и вместе с тем восхищает эпически величавой картинностью. Опытный, бывалый воин не ошибся в своем печальном прогнозе, что со взятием Смоленска «дверь в Россию отперта», как оказался прав и в другом своем прозрении: «Злодеи берут одним многолюдством. Вооружайтесь все, вооружайся всяк, кто толь-

ко может, — гласит, наконец, главнокомандующий в последней прокламации своей! Итак — народная война!..»

Ф. Н. Глинка пытается разобраться в причинах войны 1812 года, понять ее истоки. Размышления на эту тему встречаются уже в первых стихотворениях, написанных в 1812 году, например, таких, как «Военная песнь», «Картина ночи перед последним боем под стенами Смоленска», «Прощальная песнь русского воина».

Самостоятельную и глубокую оценку причин отступления русской армии, руководимой в тот печальный период Барклаем-де-Толли, применявшим тактику заманивания, завлечения неприятеля, Ф. Глинка дал в позднее написанных «Очерках Бородинского сражения». Будучи непосредственным участником этого поворотного сражения, Глинка запишет в своем дневнике: «Сердца русские внимали священному волю сему, и мужество наших войск было неописанно. Они, казалось, дорожили каждым вершком земли и бились до смерти за каждый шаг. Многие батареи до десяти раз переходили из рук в руки». Бородинское сражение описано Глинкой и в стихотворении, ставшем поистине всенародно известным, — это «Авангардная песнь»:

Друзья! Враги грозят нам боем,
Уж села ближние в огне,
Уж Милорадович пред строем
Летает вихрем на коне.
Идем, идем, друзья, на бой!
Герой! Нам смерть сладка с тобой...

Глинка прошел всю войну, отступая и наступая с русской армией; после Бородинского сражения дошел с нею до Тарутина; был участником всех главных сражений — под Вязьмой, Красным, Малоярославцем; освобождал родной город Смоленск; принимал участие в заграничном походе 1813—1814 годов. За ратные подвиги в Отечественной войне 1812 года Ф. Н. Глинка был награжден орденом Владимира 4-й степени, орденом Анны 2-й степени, золотой медалью и золотой шпагой с надписью «За храбрость».

Федор Глинка был не только воином, но и писателем, поэтому всюду при первой возможности, в перерывах между боями, в походах, на привале, нередко под открытым небом он вел дневник, в который заносил свои мысли и рассуждения о происходящих событиях. Как впоследствии признавался он сам: «Не в уединении спокойном, но под небом, освещенным огнями обширных пожаров, посреди шума сражений, наконец, во время долговременного томления Отечества, сочинитель писал письма свои о войне Отечественной». Письма эти не что иное, как «Письма русского офицера», вышедшие вторым изданием в 1815—1816 годах, куда Глинка включил свои записи о Бородинском сражении и о заграничном походе.

«Письма...» имели огромный успех и сделали имя автора широко известным. Он стал признанным писателем, занявшим прочное место в отечественной литературе. Секрет небывалой популярности «Писем...» объясняется, на наш взгляд, прежде всего проблематикой и жанром этого произведения. При всей, казалось бы, ориентации «Писем...» Ф. Глинки на жанр «путешествий», уже утвержденных его выдающимися предшественниками, в них есть свои существенные отличия. Во-первых, появляется новый тип рассказчика. Это не просто праздный путешественник, коллекционирующий свои впечатления о чужих землях, интеллектуал, смакующий игру ума европейских знаменитостей, пикантные подробности политической жизни. Пожалуй, в «Письмах...» Глинки больше радищевского острогражданского пафоса, «уязвленности человеческими страданиями». Путешественник Глинки неразрывно связан с историческим процессом, историческими реалиями своего времени. Основная заслуга Ф. Глинки как автора «Писем русского офицера» в том, что он показал народный характер войны 1812 года, показал героизм и мужество русского народа в борьбе за независимость родины.

Предшественники писателя попеременно описывали то Россию, то Европу — он же держит в поле зрения и то и другое, сплетая воедино впечатления как от русской, так и от европейской действительности. Автор «Писем...» как бы все время поверяет русскую жизнь европейскими проблемами — и наоборот, тем самым значительно расширяя проблематику традиционных «записок», что придает повествованию и внутреннее разнообразие, и напряжение. «Письма русского офицера» не поддаются заключению в рамки строгого жанра. В текст вкраплены и повесть, и анекдот, и разные виды лирических описаний. Помимо сентиментальной и нраво-описательной, бытовой разновидностей русской прозы автор использует традиции обиходной и деловой прозы. Путешествие в «Письмах...» сменяется воинскими записками, затем следуют небольшие этюды, пронизанные философской символикой. Тема войны в «Письмах...» Ф. Глинки является преобладающей. Причем ракурс изображения войны постоянно меняется: то повествование ведется от лица непосредственного участника событий, то описание дается со слов очевидца, то возникает оформленное в виде отдельного очерка некое размышление — обобщение о воинском искусстве вообще, русских и французов в частности.

Под пером Глинки строгое документированное повествование перерастает иногда в субъективное лирическое воспоминание, что сближает его как стилиста не только с Карамзиным, но и с Батюшковым и с Жуковским.

Умелое переплетение эпизодов «войны» и «мира» в «Письмах

русского офицера» невольно заставляет вспомнить написанное много позже великое произведение Л. Н. Толстого, который, кстати, внимательно читал походные записи Ф. Глинки.

В первой части «Писем...», посвященной событиям 1805—1806 годов, Глинка весь во власти исторических и национально-патриотических переживаний. Большое место уделено австрийскому походу. Во второй части книги уже отчетливо ощутим резкий поворот, придавший размышлениям автора новый импульс. Это связано, безусловно, с 1812 годом, который постепенно осознается автором как историческая вежа, как год начала народной войны. Вот почему мы вправе говорить о «Письмах...» как о документе, где произошло оформление преддекабристских взглядов на исторический процесс. Впервые так резко и сильно в «Письмах...» поставлена проблема роста национального и гражданского самосознания. Произошедшая, таким образом, трансформация жанра «путешествий», расширение его проблематики и тематического диапазона в «Письмах...» Глинки подготовили появление целого ряда описаний путешествий и писем в конце 10-х годов XIX века. Среди них — «Письма к другу в Германию», приписываемые А. Д. Улыбышеву (1819—1820), «Походные записки русского офицера» И. И. Лажечникова (1820). «Записки» Д. Давыдова и «Записки кавалерист-девицы» Н. Дуровой, написанные, правда, позднее, но также связанные тематически с произведением Ф. Глинки. Безусловно, разработка Глинкой жанра военных записок имеет непреходящее значение для русской национальной литературы.

Собственно, значение «Писем...» Ф. Глинки выходит за рамки одной национальной литературы и вписывается в широкий европейский контекст. В 1821 году появляется произведение французской писательницы мадам де Сталь «Dix années d'exile» («Десять лет изгнания»), которое так же, как и «Письма русского офицера», обращено к событиям Отечественной войны 1812 года. «Время и искания поставили рядом Глинку и де Сталь,— справедливо отмечал В. И. Кулешов,— обусловили примечательное совпадение их оценок русского народа». И Глинка и де Сталь принадлежали к числу тех немногих людей, которые еще в 1812 году, причем независимо друг от друга, сумели увидеть и прямо выразить свое восхищение патриотизмом русского народа. Впрочем, были и свои существенные различия между Глинкой и де Сталь в постижении «русской темы». Нередко неприкрытый сарказм и негодование слышатся в суждениях Глинки, адресованных правительственным кругам, не решающимся во всеуслышание объявить войну народной. Глинка так и пишет: «Дух пробуждается, души готовы. Народ просит воли, чтоб не потерять вольности. Но война народная слишком нова для нас. Кажется, еще бояться развязать руки. До сих

пор нет ни одной прокламации, позволяющей сбираться, вооружаться и действовать где, как и кому можно». Де Сталь, при всей резкости отдельных суждений, далека от подобных умозаключений. Это и понятно: ее взгляд на Россию — со стороны. Глинка нередко восклицал в духе Радищева: «Богачи нашего времени! Какой ответ дадите вы, если глас царя небесного или голос отечества спросит и вас: «Где девае вы свои имения?» — горе тем, которые, указав на лилющееся море роскоши, скажут: «Там утопают они!» Не думаете ли вы, питомцы неги, пресыщаться спокойно отрадами жизни, когда пройдут грозы и вы по-прежнему в домах своих расставите ломкие сокровища, зеркала и фарфоры? Нет! Тогда громкие стоны бедных, которые вернулись к пеплу пожарищ своих, заглушат все песни вашей радости!..» В этих словах Глинки, страстных по тону, выразительно архаичных по стилю, уже угадываются мотивы обличительной лирики декабристов, в частности знаменитого «Гражданина» К. Рылеева. Наметившееся в «Письмах...» Ф. Глинки перерастание патриотизма эпохи войны в гражданское обличение внутренних язв было важным явлением в зарождавшейся декабристской идеологии.

К «Письмам русского офицера» тесно примыкают «Письма к другу», вышедшие в свет в трех частях в течение 1816—1817 годов. Они открываются замечательным рассуждением «О необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года». В этом рассуждении выражена убежденность автора в том, что «нам необходима история Отечественной войны. Чем более о сем думаю,— писал Ф. Глинка,— тем более утверждаюсь в мысли моей. Сочинитель истории сей должен иметь все способности и все способы, приличные великому предприятию, изобразить потомству-беспримерную борьбу свободы с насилием, веры с безверием, добродетели с пороком». Какие же критерии выдвигает Ф. Глинка для будущего историографа Отечественной войны 1812 года? По мнению автора, он должен быть «прежде всего воин, историк и русский». Кроме того, слог будущего военного историка «должен быть чист, ясен и понятен», он должен «напоить перо и сердце свое умом и духом драгоценнейших остатков древних рукописей наших».

Многим современникам казалось, что таким историком должен быть сам Глинка. Так, например, генерал А. А. Писарев в 1817 году высказывал надежду иметь в лице Ф. Глинки отечественного повествователя, который передаст «со всею точностию военной науки и с пламенеющим даром красноречия сбывшееся в войне Отечественной».

Близкий друг и биограф Ф. Н. Глинки А. К. Жизневский писал: «Великие события, коих Федору Николаевичу привелось быть очевидцем, и особенность его таланта сделали его народным писа-

телем и истолкователем народных чувств». (Не случайно и критик В. Г. Белинский заявлял, что русскому стыдно не читать «Очерков Бородинского сражения», книги, которая «вполне достойна названия народной».) В целом же «Письма к другу» вполне можно считать одним из первых манифестов декабристского романтизма, поскольку вопросы национальной самобытности и гражданственности трактовались в книге Ф. Глинки совершенно в духе Рылеева и Кюхельбекера, выступивших со своими декларациями несколько позднее. Глинка же и в «Письмах к другу» продолжает совершенствовать свой творческий метод, исповедуя и здесь принцип многожанровой структуры повествования. Признанием больших заслуг перед отечественной литературой явилось избрание его в этот период председателем Вольного общества любителей российской словесности, так называемой «ученой республики», являвшейся, по существу, легальным филиалом Союза благоденствия.

В 1816 году Ф. Н. Глинка получает чин полковника, после чего его переводят в лейб-гвардии Измайловский полк. Одновременно его назначают главным редактором «весьма престижного», как бы мы сказали сегодня, «Военного журнала». В том же 1816 году Глинка вступает в «Союз спасения, или Общество истинных и верных сыновей отечества», по сути являющийся первой декабристской организацией в России. Практическая деятельность тайного общества была направлена на борьбу с остатками абсолютизма и жестокими проявлениями крепостничества. Позже, когда Союз спасения был преобразован в Союз благоденствия, Глинка, наряду с Рылеевым и Бестужевым, занимал в нем один из руководящих постов. В 1818 году в журнале «Сын отечества» Глинка печатает с небольшим интервалом два любопытных произведения: «Опыты двух трагических явлений» и «Отрывок из Фарсалии». Оба произведения представляют своеобразный опыт республиканской декабристской трагедии, построенной на античном материале, и красноречиво свидетельствуют о мере близости их автора к соответствующим художественным поискам П. Катенина, В. Кюхельбекера и К. Рылеева в жанре политической трагедии. В 1819 году полковник Глинка получает назначение на должность заведующего канцелярией Санкт-Петербургского военного губернатора генерала М. А. Милорадовича. Глубокая порядочность, правдолюбие, честный, смелый, прямой и открытый нрав снискали Глинке всеобщее уважение. Он сближается с пушкинским кругом, Н. М. Карамзиным, становится своим, «домашним человеком» в доме А. С. Шилкова. Широта и разнообразие литературных знакомств Федора Глинки соответствовали его натуре. Как в своей жизни, так и в литературе он не мог втиснуть себя в тесные рамки только роман-

тизма или только классицизма. Не случайно сам Глинка сделал однажды любопытное признание в письме к В. В. Измайлову: «Я не классик и не романтик, а что-то сам не знаю, как назвать». О двойственном отношении Глинки к ведущим направлениям в современной ему литературе свидетельствует его статья «Две сестры, или: которой отдать преимущество?», опубликованная в 1828 году. В форме аллегории автор статьи рассматривает сильные и слабые стороны классицизма и романтизма. В частности, он признается: «Я люблю, люблю пламенно двух сестер, и сия любовь не знала бы предела, если б это прекрасное, высокое чувство могло быть решительнее, без колебания, без двойственности. Но я чувствую, что оно не может быть полным, единственным, от беспрерывного уклонения то к старшей, то к младшей сестре». Свообразие и сложная противоречивость писательской индивидуальности Глинки в том и заключались, что он шел в литературе путем синтеза, стремясь славить воедино в своей творческой системе самые разнородные элементы.

На 20-е годы XIX столетия приходится особый расцвет поэтической деятельности Федора Глинки. В его творчестве этого периода все больше начинают преобладать жанры высокой поэзии — гимн, элегический псалом, морально-дидактическая аллегория, политическая шарада. Именно эти жанры способны были выразить столь волновавшие Глинку темы важного общественного и политического значения. Глинка любил поэзию жесткую и архаическую, во многом контрастировавшую современным ему взглядам и вкусам. С помощью церковнославянской книжной лексики, библеизмов Глинка создает торжественную поэтическую речь. Традиция переосмысления библейской поэзии и Священного писания издавна существовала в русской литературе; особенно часто и широко ее использовали поэты XVIII века. Глинка, не скрывавший своей приверженности традициям Ломоносова, Сумарокова, Державина, активно продолжает развивать в своем творчестве просветительские идеалы. Необходимо в этой связи заметить, что Пушкин, создавая своего замечательного «Пророка», несомненно, опирался на достижения В. Кюхельбекера («Пророчество») и Ф. Глинки («Пророк», «Глас пророка») в разработке этой важной темы.

Начиная примерно с 1822 года Глинка довольно часто выступает на собраниях «ученой республики» с чтением своих элегических псалмов и нравоучительных аллегорий, причем выступает нередко с Рылевым, который читал свои «Думы» и отрывки из поэмы «Войнаровский». В это время поэты-декабристы в лице Рылева, Бестужева, Кюхельбекера, которых все менее устраивала лирико-философская, иносказательно-дидактическая поэзия, решительнее переходили к поэзии высоко гражданской, резко облич-

тельной, бесстрашной в отношении правительственной власти и ее пособников.

Переложения псалмов и стихотворения духовного содержания Глинка объединил в «Опытах священной поэзии», которые вышли отдельным изданием в 1826 году. Вскоре появилась и другая книга Ф. Глинка — «Опыты аллегорий или иносказательных описаний в стихах и прозе» (1826). Любопытно отметить, что именно это направление в поэзии Глинка вызывало острые выпады и иронические уколы со стороны А. Пушкина. Так, в 1825 году поэт посылает П. А. Вяземскому следующую эпигramму на Ф. Глинка:

Наш друг Фита ¹, Кутейкин в эполетах,
Бормочет нам растянутый псалом:
Поэт Фита, не становись фертóм!
Дьячок Фита, ты ижица в поэтах!

Впрочем, в том же письме, где помещена эпигramма, Пушкин просит П. Вяземского: «Не выдавай меня, милый, не показывай этого никому: Фита бо друг сердца моего, муж благ, незлобив, удаляйся от всякия скверны».

Столь двойственное отношение Пушкина к Ф. Глинке объясняется тем, что, глубоко ценя и уважая в Глинке человека и гражданина, его неподдельный лиризм, Пушкин совершенно не принимал его нравоучительных философствований, обилия архаизмов и вольностей и отклонений от традиционного стихосложения. Видимо, осознавал это и сам Глинка, писавший Краевскому: «Поэзия моя, если можно так назвать мои псалмы, возгласы и тому подобное, не по нынешнему вкусу: она шатка и темна, не посыпана тем сахаром, который льстит современному вкусу». Справедливости ради надо отметить, что позднее, познакомившись с поэмой Федора Глинка «Карелия», А. Пушкин отметит и подчеркнет самобытность и оригинальность дарования автора поэмы.

1825 год явился эпохальным рубежом русской истории. Несмотря на то что Глинка не принимал непосредственного участия в восстании 14 декабря на Сенатской площади (так как он не был членом Северного общества), ему пришлось нести ответственность за деятельность в Союзе спасения и Союзе благоденствия, а также за многочисленные личные связи с «бунтовщиками».

С 1918 года Ф. Н. Глинка — деятельный и активный член Союза благоденствия, целью которого (известной только его учредителям) было свержение самодержавия и введение конституционного правления. Будучи членом Коренной управы и одновременно занимая высокий пост при Милорадовиче, Глинка, используя свое служеб-

¹ Фита (Θ), т. е. первая буква в имени Глинка (Федор).

ное положение, имел возможность поставлять ценную информацию тайному обществу. Широкая общественно-политическая деятельность Глинка имела определенную политическую окраску, была проникнута беспредельной любовью к родине, своему народу. Своими обязанностью и долгом члена тайного общества Ф. Н. Глинка считал: «Порицать Аракчеева, военные поселения, рабство и палки, левость вельмож, жестокость и неосмотрительность уголовной палаты».

В январе 1820 года на квартире полковника Ф. Глинка состоялось совещание Коренной управы Союза благоденствия, на котором с докладом о преимуществах и недостатках как монархического, так и республиканского правлений выступил П. И. Пестель. Глинка, выступая в прениях первым, высказался в пользу конституционной монархии. Большинство же высказалось за республиканское правление. По ряду свидетельств, при окончательном голосовании к большинству присоединился и Ф. Глинка, тем самым выбрав республику. Колебания его по-своему поучительны и красноречиво характеризуют его политические взгляды. Ясно одно: он не был сторонником крутых и радикальных мер, считая более приемлемым путь постепенных реформ.

В 1821 году прибывший на московский съезд Ф. Глинка сообщил, что властям известно о съезде и что за заговорщиками установлена слежка. Не решив ничего определенного на съезде, его участники разъехались. Вскоре Союз благоденствия, разрываемый внутренними разногласиями, прекратил свое существование.

30 декабря 1825 года Ф. Н. Глинка был вызван в Зимний дворец и после продолжительного допроса, который вел сам Николай, он «по высочайшей воле» был отпущен, хотя Николай I уже знал содержание «Записки о тайных обществах в России» некоего Грибовского, поступившей на имя его предшественника — Александра I — еще в 1821 году. Автор «Записок...» характеризовал членов тайного общества (Союза благоденствия) как людей, которые «грезят гильотиною» и «проповедуют пагубный образ мыслей». Первым среди лиц, требующих особенного внимания, был Николай Тургенев, а вторым шел Федор Глинка. Спасло Глинку то обстоятельство, что, по официальным данным, после роспуска Союза благоденствия (1821) он не участвовал ни в каких политических организациях.

Однако в ходе следствия по делу 14 декабря постепенно начала выявляться подлинная роль Ф. Глинка в работе тайных организаций. Разногласия, возникшие в Союзе благоденствия, побудили Ф. Н. Глинку совместно с С. М. Семеновым и Н. И. Кутузовым приступить к созданию строго законспирированного тайного общества без названия и устава. В это общество был принят Г. А. Пе-

ретц — сын известного откупщика, которому была доверена вербовка новых членов. Вскоре в общество были приняты офицеры: Сенявин, Искритский, Данченко, Устинович и другие. Хотя политическая программа общества была ориентирована на конституционную монархию, но тем не менее она носила четко прослеживаемый антиправительственный характер. Об этом свидетельствуют и показания Г. Перетца, раскрывающие круг вопросов, затрагиваемых на заседаниях общества. «Предметом наших совещаний,— показывал Г. А. Перетц,— было или принятие членов, или замечания о действиях правительства... о тяжести налогов, о военном поселении... о разорительных для России иностранных займах с 1817 года, без существенной нужды сделанных... о многих несправедливостях, особенно в делах, с казенным интересом сопряженных, об отягощении войск учением... о взыскательности тогдашних великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича, наиболее о ныне царствующем государе-императоре, коего описывали скупым и злопамятным, о самовластии вельмож... О строгости, подавшей повод к Семеновскому бунту (в день сего происшествия встретился я с Глинкою у Попелуевского моста, который остановил меня и сказал: «У нас начинается революция» и рассказал о бунте сем, о коем я ничего не знал), о строгом с сим полком поступлении...»

В первые дни 1826 года, еще до вторичного ареста, когда Глинка был препровожден уже не в Зимний дворец, а в Петропавловскую крепость, поэт выступает на страницах «Северной пчелы» с обращением к некоторым растерявшимся в жестких условиях царских «дознаний» декабристам, провозглашая образец того, как надо вести себя во время следствия:

Собой других не заслонять,
В делах других не поперечить,
В словах своих не пусторечить
И никого не осуждать...
О слабостях людей молчи!
О добродетелях — кричи!

(«Правила»)

Этих энергично сформулированных правил Глинка придерживался и в своих показаниях Следственному комитету в Петропавловской крепости, куда он был заточен 15 февраля 1826 года, после того как начали давать показания арестованные незадолго до того члены организованного им тайного общества Г. Перетц и С. Семенов. Ф. Глинка действительно никого не осуждал, был скуп на слова, держался мужественно, с достоинством и находчиво защищал себя от показаний против него. Глинка отвечал осторожно, стараясь не раскрывать своих связей с декабристами и не выда-

вать товарищей. Не отрицая своего участия в Союзе спасения и Союзе благоденствия, Глинка называл эти тайные общества литературно-просветительскими организациями, где собирались молодые люди для «обозрения художеств, изучения политических наук» и т. д.

Глинка категорически отрицал показания Г. Перетца, который утверждал, что в тайное общество его принял Ф. Глинка, показывая, что «Перетца ни в какое общество не принимал, а предложил ему вступить в число членов Ланкастерского общества, на что он, Перетц, и согласился». Долгое время молчавший С. Семенов, лишь 6 апреля, когда его заковали в «железы», дал показания, что он, Глинка и Кутузов приняли Перетца во вновь учрежденное общество.

Следствию стало известно и то, что за несколько дней до восстания Ф. Глинка дважды заходил на квартиру К. Рылеева. В первый раз якобы для того, чтобы показать корректуру книги «Опыты священной поэзии», а во второй — буквально накануне восстания, 12 или 13 декабря, — в тот самый момент, когда руководители Северного общества обсуждали план восстания. Разговор был прерван на мгновение, но затем был продолжен. В своих показаниях Рылеев говорил об этом посещении Глинки, который, узнав о готовящемся восстании, сказал: «Смотрите, господа», и, кажется, прибавил «чтоб крови не было», потому что я отвечал: «Не беспокойтесь; приняты все меры, чтобы дело обошлось без крови». Также, помнится, что я сказал ему, что некоторые роты приготовлены».

Хотя Ф. Н. Глинка стойко стоял на том, что о готовящемся восстании он «никакого сведения не имел и никакого, ни малейшего участия в событиях сего дня не принимал», из многочисленных показаний его роль в декабрьских событиях постепенно выяснилась, и участь его была решена: высочайшим указом от 7 июня 1826 года «состоящий по армии Глинка 1-й отставлен от службы с ссылкой в город Петрозаводск», куда он и был доставлен с фельдъегерем 30 июля 1826 года, где определено было «жить ему без выезда под бдительным тайным надзором полиции».

В эти трудные для Глинки годы (а ссылка продлилась в общей сложности около шести лет) он много и плодотворно трудится на литературном поприще. Нетрудно понять, почему мотивы тоски, одиночества, скорби, заброшенности становятся преобладающими в этот период.

Еще в казематах Петропавловской крепости сложился у Глинки первый вариант замечательного «Узника», который со временем приобрел исключительную популярность, став истинно народной песней. Отдельные образы «Узника» мелькали и в других сти-

хотворениях опального поэта, например в «Повсеместном свете», «Жилище узника», «К луне». Но лишь в «Узнике» все эти блестящие и находки совместились и сконцентрировались в один мощный художественный образ:

Не слышно шуму городского,
В заневских башнях тишина,
И на штыке у часового
Горит полночная луна...¹

Символика этого образа оказалась настолько содержательной, емкой и долговечной, что дошла до XX века и предстала, правда в несколько преобразенном виде, в одной из главок поэмы А. Блока «Двенадцать».

В эти трудные для Ф. Глинки времена он внимательно вчитывается в тексты Библии, особенно в «Книгу Иова» — эту, по его словам, «грустнейшую и величественнейшую песнь человечества в местах земной ссылки». Достаточно в качестве примеров, наиболее ярко и точно характеризующих душевное состояние Глинки, назвать такие его стихотворения, как «Вздых», «Ловители», «Глас», «Олонедкая песня» и др. Любопытно отметить, что библейская символика некоторых из названных произведений начинает сложно взаимодействовать с фольклорной стилизацией, с так называемым «местным колоритом», — черта, присущая не только Глинке, но и многим другим поэтам декабристской ориентации.

Основная тональность лирики той поры — пессимистическая, мотив личной глубокой и сосредоточенной скорби является преобладающим, но в ряде случаев появляется и иная тональность, теснящая первую, — это мужество преодоления. Духовно-философская и пейзажная лирика Федора Глинки подготавливает почву для создания двух поэм: «Дева карельских лесов» (1828) и «Карелия, или Заключение Марфы Иоанновны Романовой» (1830), сюжеты которых основаны на историческом предании.

Посылая А. С. Пушкину в 1830 году поэму «Карелия», Глинка писал: «Из глубины карельских пустынь я посылаю вам усердные поклоны. Часто, часто, живя только воспоминаниями, припоминаю я то приятное время, когда пользовался удовольствием личных с вами свиданий, вашей беседой, и, как мне казалось, приятною вашей, для меня драгоценною. И без вас мы, любящие вас, были с вами. В приятном уголке любезного П. А. Плетнева мы часто и с любовью о вас говорили, радовались возрастающей славе вашей...» В заключение, поручая благосклонности Пушкина свою поэму, Глинка выражает надежду, что его чуткий собрат «заметит в

¹ Существует несколько редакций этого стихотворения.

«Карелии» чувствования, незаметные другим или другими пренебрегаемые». Со времени южной ссылки Пушкина, когда Глинка так искренно, по-рыцарски поддержал впавшего в немилость поэта, прошло десять лет. Теперь же Пушкин, верный прежней дружбе, отзываясь такой рецензией на страницах «Литературной газеты»: «Изо всех наших поэтов,— писал А. Пушкин,— Ф. Н. Глинка, может быть, самый оригинальный. Он не исповедует ни древнего, ни французского классицизма, он не следует ни готическому, ни новейшему романтизму; слог его не напоминает ни величавой плавности Ломоносова, ни яркой и неровной живописи Державина, ни гармонической точности, отличительной черты школы, основанной Жуковским и Батюшковым. Вы столь же легко угадаете Глинку в элегическом псалме, как узнаете князя Вяземского в станцах метафизических или Крылова в сатирической притче. Небрежность рифм и слога, обороты то смелые, то прозаические, простота, соединенная с изысканностью, какая-то вялость и в то же время энергическая пылкость, поэтическое добродушие, теплота чувств, однообразие мысли и свежесть живописи, иногда мелочной,— все дает особенную печать его произведениям. Поэма «Карелия» служит подкреплением сего мнения. В ней, как в зеркале, видны достоинства и недостатки нашего поэта»¹.

Известно, что Пушкин вместе с Жуковским и Гнедичем ходатайствовали о переводе Глинки из Петрозаводска, ссылаясь на суровый климат северного края и его крайне расстроенное здоровье.хлопоты эти увенчались успехом, и 4 марта 1830 года граф Бенкендорф удовлетворяет «ходатайство о переводе старшего советника Олонецкого губернского правления Ф. Глинки в г. Тверь на ту же должность по состоянию здоровья». Однако тайный полицейский надзор за ним не снимается, и фактически ссылка Глинки продолжалась. Но все же Тверь — это не Петрозаводск, да и расположен город между двумя столицами. Глинка, таким образом, получает наконец возможность видеться со своими друзьями. Действительно, гостей не пришлось ждать долго. Уже 10 августа А. Пушкин вместе с П. Вяземским по дороге в Москву навещают недавно вернувшегося из дальних краев Ф. Глинку. Об этом посещении он вспоминает в письме к Пушкину, где просит похлопотать вместе с Жуковским об улучшении его «изувеченной судьбы». «Драгоценное посещение ваше,— писал Глинка,— для меня сугубо памятно. Вы утешили меня, как почитателя вашего, давно желавшего вас видеть и обнять и, в то же время, вы приняли во мне участие, как человек, в котором совсем не отразился настоящий век». В Твери же Глинка познакомился с Авдотьей Павловной Го-

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: М., 1949, т. 11, с. 10.

ленищевой-Кутузовой, с которой вскоре, в том же 1830 году, обвенчался. В 1832 году Глинка переводят в Орел, а в 1835 году он выходит в отставку и переезжает в Москву. Довольно быстро Глинка сходитя со многими московскими писателями, среди которых Погдин, Шевырев, Лажечников, Даль, Загоскин. Когда в 1837 году трагически оборвалась жизнь А. С. Пушкина, Ф. Глинка одним из первых откликнулся на кончину поэта проникновенными стихами «Воспоминания о пиитической жизни Пушкина».

В 1839 году широко праздновалась 27-я годовщина Бородинского сражения. На Бородинском поле проведены маневры, целью которых было воссоздать великую битву. К славному торжеству Ф. Н. Глинкой были написаны и изданы в Москве отдельной книгой «Очерки Бородинского сражения», в основу которых легли многочисленные дневниковые записи автора, относящиеся к событиям 1812 года. «Очерки...» — поистине увлекательнейшее произведение военно-патриотического жанра в нашей литературе. Грандиозное сражение, во многом определившее исход Отечественной войны 1812 года, изображено Глинкой с необычайной силой и энергией, изображено масштабно и в то же время с мельчайшими подробностями. Чередуя дальний и близкий, общий и крупный планы, писатель с захватывающим искусством воспроизводит все наиболее яркие эпизоды исторического сражения. Профессиональная точность глазомера опытного военного сочетается здесь с картинностью и сочностью описаний, изобличающих истинного мастера, вполне владеющего, как говаривали в старину, «тайной занимательности».

Вот поэтому «Очерки...» хочется читать и перечитывать, постепенно впитывая все детали, звуки боя, краски и оттенки, набросанные так рельефно, осязаемо и пластично, что у читателя возникает иллюзия его сиюминутного присутствия на Бородинском поле то в самый разгар сражения, то в минуты внезапного затишья.

«Очерки...» представляют бесценный материал для историков, знатоков военного дела, поэтов, писателей, живописцев. Они получили в журнальной критике того времени весьма положительную оценку В. Г. Белинского. Великий русский критик, отозвавшийся на книгу Ф. Глинки большой одобрительной рецензией, в частности, писал: «Она (книга Ф. Н. Глинки.— *Сост.*) не умрет вместе с умершим 1839 годом, она останется надолго и не утратит своего увлекательного интереса. Это история славной Бородинской битвы, отличающаяся строгою отчетливостью, какую только можно ожидать от действовавшего очевидца, живую увлекательностью рассказа, обличающего поэтическую душу. Большая часть страниц в этой прекрасной книге горит мужественною жизнью и вполне достойна великого предмета. Бородинская битва так полна поэзии,

так обаятельно действует на чувство народное, что она стала, наконец, для нас каким-то светлым очаровательным мифом». Перекликается с рецензией Белинского и статья П. А. Плетнева, в которой, отмечая достоинство и своеобразие «Очерков...», критик подчеркивает, что Глинка «художнически, во всем блеске и самобытности, вызывает перед читателем каждое из тех знаменитых лиц, которые живут в памяти народа с воспоминаниями о великом и славном событии». Справедливости ради следует отметить объективность Глинки в описании батальных сцен сражения. Следуя традициям русского офицерства, военный писатель наряду с восхищением стойкостью русских воинов отдает дань и мужеству французских солдат и военачальников. Вдохновленный нахлынувшими воспоминаниями о незабываемых годах своей «опаленной» молодости, Федор Глинка в эти же годы пишет два прекрасных стихотворения: «1812 год» и «Славное погребение», в которых с большим мастерством и глубоким чувством описывает подвиг русского народа в Отечественной войне 1812 года.

«Глинки поселяются в Москве на улице Садовой-Спасской,— вспоминал А. К. Жизневский,— где они приобрели небольшой домик недалеко от Сухаревой башни. В гостеприимном домике Глинок по понедельникам, как и в Петербурге, собиралось избранное московское общество: художники, литераторы, ученые, военные. Часто здесь бывают сотрудники «Москвитянина», в котором Глинка активно участвует. Вскоре он становится постоянным сотрудником и газеты «Московские ведомости». Сохраняя известную самостоятельность и независимость во взглядах, Глинка вместе с тем в эти годы начинает все более сближаться с кругом славянофилов, прежде всего с братьями Киреевскими и Аксаковыми, Хомяковым.

Всех этих людей, с которых начинается «перелом русской мысли», объединяло, по меткому наблюдению А. И. Герцена, «чувство безграничной, охватывающей все существование любви к русскому народу, к русскому быту, к русскому складу ума». Чувство это находило выражение и в стихах, и в драмах, и в философских трактатах, а иногда в жанре простой и безыскусной по форме повести для народа. Одну из таких повестей, «Лука да Марья», написанную еще в годы Отечественной войны, в 1845 году переиздал Ф. Глинка.

Весьма активное участие принял он в подготовке торжеств, посвященных 700-летию Москвы. В «Московских ведомостях» была помещена его статья «Семисотлетие Москвы». Но, конечно, намного выше, ярче и поэтичнее выплеснулись чувства, владевшие Глинкой по отношению к древней столице, в на редкость вдохновенном гимне «Москва», написанном также к юбилею любимого города.

Глинка нашел удивительно проникновенные слова для «града среднего, града сердечного», для характеристики его прошлого, настоящего и будущего. В русской поэзии найдется немного строк, способных стать вровень с глинкинским гимном Москве. Наряду с пушкинскими строками: «Москва, как много в этом звуке для сердца русского слилось, как много в нем отозвалось...», наряду с не менее известными строчками Лермонтова: «Москва, Москва... люблю тебя, как сын, как русский, сильно, пламенно и нежно...», стихотворение Глинки является подлинной жемчужиной патристической лирики, воздействие которой явственно ощущается на «объяснениях в любви» Москве, написанных в разное время С. Есениным, М. Цветаевой, Б. Окуджавой, Д. Самойловым.

Вообще следует подчеркнуть, что Москва довольно часто становилась предметом возвышенных и горячих раздумий Ф. Глинки. Напомним хотя бы обозрение Москвы с высоты птичьего полета, в чем-то предвосхищающее «Панораму Москвы» М. Лермонтова, встретившееся еще в «Письмах русского офицера». Это — «Москва» и «Взор с Ивана Великого» в главе «Окрестности Москвы», где древняя столица охарактеризована как «сердце России и мать городов», в главе «Боровской перевоз», где картинно описан пожар Москвы в 1812 году, и т. д. Живя в Москве, Глинка часто прогуливается по территории Кремля, осматривает внимательно его соборы и дворцы, впитывает старинный московский дух. Именно в московский период широко разворачивается благотворительная деятельность Глинки. Вместе с женой Авдотьей Павловной он пытался создать в Москве общество помощи бедным, придумав для него колоритное, в духе просветителя Новикова, название — «Доброхотная копейка». Правда, осуществить задуманное удалось лишь в Твери, где Глинка будет доживать последние годы своей жизни.

Известно также, что Глинка принимал живое и активное участие в открытии Московского комитета для призрения просящих милостыню.

Патристические ноты заметно усиливаются в творчестве Глинки в 40—50-е годы в связи с начавшейся русско-турецкой войной. Особой популярностью пользовалось стихотворение «Ура! На трех ударим разом», в котором, правда, преобладают ура-патристические настроения.

С 1862 года Ф. Н. Глинка после кончины супруги безвыездно живет в Твери. Там он выполняет обязанности почетного попечителя тверской мужской гимназии, особенно много внимания уделяя вопросам нравственного воспитания гимназистов; много помогает основателю Тверского краеведческого музея А. К. Жизневскому, оставившему воспоминания о Ф. Глинке. Пестра и разнообраз-

на переписка Глинка этих лет, в частности его многочисленные письма к М. П. Погодину. Интересно также отметить, что в 1872 году бывший боевой офицер, участник Отечественной войны 1812 года И. П. Липранди прислал Глинке на отзыв свое авторское предисловие к «Собранию статей об Отечественной войне 1812 года». В 1872 году Глинку навещил его старый друг М. Погодин, издавший незадолго перед этим трехтомное Собрание сочинений Ф. Н. Глинка. Федору Николаевичу было суждено пережить Погодина, о котором он, узнав о его смерти, очень выразительно сказал: «Москва без Погодина, что без Сухаревой башни».

Последние два десятилетия своей жизни Ф. Глинка практически отходит от большой литературы, но продолжает писать «для себя и для друзей». Многие из написанного Глинкой не дошло до наших дней, многое еще не найдено.

Федор Николаевич Глинка скончался в Твери 11 февраля 1880 года. Он был похоронен с воинскими почестями как герой 1812 года и обладатель золотого оружия «За храбрость». В сухом морозном воздухе над могилой полковника Глинка прозвучал прощальный ружейный салют.

Известно, что в годы Великой Отечественной войны творчество Глинка пригодилось, «как старое, но грозное оружие», в деле патриотического воспитания советских воинов: в издававшейся в те суровые дни «Библиотеке офицера» вышли выдержки из «Писем русского офицера» и «Очерков Бородинского сражения».

Это одно из ярких свидетельств актуальности творчества Ф. Н. Глинка в советское время. Примечательно также и то, что он является создателем в России так называемого «поэтического краеведения», чьи благородные традиции живут и развиваются в нашей литературе. Достаточно в этой связи указать на отмеченные печатью высокой художественности путевые очерки М. Пришвина и К. Паустовского, Ю. Казакова и В. Солоухина, В. Гусева и В. Субботина — эта линия продолжает то, что начиналось в прошлом веке и у истоков чего стоит, среди прочих, фигура Ф. Н. Глинка.

Историзм мышления, гражданственность, народолюбие, высокая патетика в сочетании с философской лиричностью, сочная живописность пейзажных зарисовок, кропотливая работа над совершенствованием и развитием форм русской версификации — вот, пожалуй, основной вклад Ф. Н. Глинка в историю отечественной литературы и культуры. Всю свою долгую жизнь писатель-воин шел в литературе своим путем, «неготовыми дорогами» и сумел до конца сохранить своеобразие — то, что называют «лица необщим выраженьем».

*С. СЕРКОВ,
Ю. УДЕРЕВСКИЙ*

ПРОЗА И ПУБЛИЦИСТИКА

ОЧЕРКИ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ (Воспоминания о 1812 году)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БОРОДИНО

Смоленск сгорел, Смоленск уступлен неприятелю. Русские сразились еще на Волутиной горе и потом отступали, как Парфы, поражая своих преследователей. Это отступление в течение 17 дней сопровождалось непрерывными боями. Не было ни одного, хотя немного выгодного места, переправы, оврага, леса, которого не ознаменовали боем. Часто такие бои, завязываясь нечаянно, продолжались по целым часам. И между тем как войско дралось, народ перекочевывал все далее в глубь России. Россия сжималась, сосредоточивалась, дралась и горела. Грустно было смотреть на наши дни, окуренные дымом, на наши ночи, окрашенные заревом пожаров. С каждым днем, и для самых отдаленных мест от полей битв, более и более ощутительно становилось присутствие чего-то чуждого, чего-то постороннего, ненашего. И по мере, как этот чуждый неприязненный быт, в виде страшной занозы, вдвигался в здоровое тело России, части, до того спокойные, воспалялись, вывихнутые члены болели и все становилось не на своем месте. Чем далее вторгались силы неприятельские, тем сообщения внутренние делались *длиннее*, города *разъединеннее*; ибо надлежало производить огромные объезды, чтобы не впасть в руки неприятелю: от этого торговля теряла свое общее направление, промышленность становилась местною, стесненною, ход ежедневных занятий и дела гражданской жизни цепенели. Во многих присутственных местах закрыты были двери. Одни только церкви во все часы дня и ночи стояли

отворены и полны народом, который молился, плакал и вооружался. Около этого времени сделалось известным *ответное письмо Митрополита Платона Императору Александру*. Копии с него долго ходили по рукам. Любопытно заметить, что первосвященник наш почти предрек судьбу Наполеона и полчищ его еще прежде перехода неприятельского за Днепр. Он писал: «Покусится враг простереть оружие свое за Днепр, и этот *Фараон погрязнет здесь с полчищем своим, яко в Черном море*. Он пришел к берегам Двины и Днепра провести *третью новую реку: реку крови человеческой!*» И в самом деле, кровь и пожары дымилась на длинном пути вторжения. Французы, в полном смысле, шли по пеплу наших сел, которых жители исчезали пред ними, как тени ночные. Обозы, длинные, пестрые, напоминавшие Восточные караваны, избирали для себя пути, параллельные большой столбовой дороге, и тянулись часто в виду обеих армий. Дорогобуж, Вязьма и Гжать уступлены без боя. Если огни в полях, курение дыма и шум от шествия ратей недостаточны были навеять на людей той години важные и таинственные мысли о *временах апокалипсических*, то всеобщее переставление лиц и вещей — переставление гражданского мира — должно было непременно к тому способствовать. Неаполь, Италия и Польша очутились среди России! Люди, которых колыбель освещалась заревом Везувия, которые читали великую судьбу Рима на древних его развалинах и, наконец, люди с берегов Вислы, Варты и Немана шли, тянулись по нашей столбовой дороге в Москву, ночевали в наших русских избах, грелись нашими объемистыми русскими печами, из которых так искусно и проворно умели делать *камины* для Наполеона, превращая избу, часто курную, в *кабинет* императорский, наскоро прибранный. И в этом кабинете, у этого скороделанного камина (особливо в эпоху возвратного пути из Москвы) сиживал он, предводитель народов, с видом спокойным, но с челом поникшим, упершись концами ног в испод камина, в шубе, покрытой зеленым бархатом, подбитой соболем. Так сиживал он перед красным огнем из березовых и смольчатых русских дров, этот незванный гость, скрестя руки на грудь, без дела, но не без дум! Стальные роцци штыков выростали около места его постоя, рати облегали бивак императорский и рати мыслей громоздились в голове его! Было время, когда князь Экмюльский помещался в селе Покровском: какое стечение имен *Экмюля с Покровским!* — Всеобщее перемещение мест, сближение от-

даленностей не показывало ли какого-то смещения языков, какого-то *особенного* времени.

Солдаты наши желали, просили боя! Подходя к Смоленску, они кричали: «Мы видим *бороды наших отцов!* пора драться!» Узнав о счастливом соединении всех корпусов, они объяснялись по-своему: вытягивая руку и разгибая ладонь с *разделенными пальцами*, «прежде мы были так! (т. е. корпуса в армии, как пальцы на руке, были разделены) теперь мы,— говорили они, сжимая пальцы и свертывая ладонь в кулак,— вот как! так пора же (замахиваясь дюжым кулаком), так пора же дать французу раза: вот так!» — Это сравнение разных эпох нашей армии с распростертою рукою и свернутым кулаком было очень по-русски, по крайней мере очень *по-солдатски* и весьма у места.

Мудрая воздержность Барклай-де-Толли не могла быть оценена в то время. Его война отступательная была, собственно,— война завлекательная. Но общий голос армии требовал иного. Этот голос, мужественный, громкий, встретился с другим еще более громким, более возвышенным, с голосом России. Народ видел наши войска, стройные, могучие, видел вооружение огромное, государя твердого, готового всем жертвовать за целость, за честь своей Империи, видел все это — и втайне чувствовал, что (хотя было все) недоставало еще кого-то — недоставало полководца русского. Зато переезд Кутузова из С.-Петербурга к армии походил на какое-то торжественное шествие. Предания того времени передают нам великую пиитическую повесть о беспредельном сочувствии, пробужденном в народе высочайшим назначением Михаила Ларионовича в звание Главноначальствующего армии. Жители городов, оставляя все дела расчета и торга, выходили на большую дорогу, где мчалась безостановочно почтовая карета, которой все малейшие приметы заранее известны были всякому. Почетнейшие граждане выносили хлеб-соль; духовенство напутствовало предводителя армий молитвами; окольные монастыри высылали к нему на дорогу иноков с иконами и благословениями от святых угодников; а народ, не находя другого средства к выражению своих простых душевных порывов, прибегал к старому, радушному обычаю — отпрягал лошадей и вез карету на себе. Жители деревень, оставляя сельские работы (ибо это была пора косы и серпа), сторожили так же под дорогою, чтобы взглянуть, поклониться и в избытке усердия поцеловать горячий след, оставленный колесом путешественника. Самовидцы расска-

звали мне, что матери издалека бежали с грудными младенцами, становились на колени и, между тем как старцы кланялись седыми головами в землю, они с безотчетным воплем подымали младенцев своих вверх, как будто поручая их защите верховного Воеводы! С такою огромною в него верою, окруженный славою прежних походов, прибыл Кутузов к армии. После этого нисколько не удивительно, что начетки церковных книг и грамотей, особливо в низшем слое народа, делали различные применения к обстоятельствам того времени, переводили буквы имени Наполеона в цифры и выводили заключения, утешительные для России. Иногда следствием их выкладок, довольно затейливых, бывали слова: «Солнце познает запад свой!» Это относили к народам нашествия и Наполеону; иногда делали толкования на слова: «В те дни восстанет князь Михаил и ополчится за людей своих! (на Гога и Магога) и проч.». Можете вообразить, какую народность, какую огромную нравственную силу давало все это в то время новому Главнокомандующему! Зато, как приехал (под Царев-Займище), тотчас обещал он сражение. Все ожило и жило этим великим обетом; и, наконец, 22 Августа занята знаменитая позиция Бородинская.

Мы опишем ее.

Наша боевая линия стала на правом берегу Колочи, лицом к Колоцкому монастырю, к стороне Смоленска; правым крылом к Москве-реке, которая в виде ленты извивается у подножия высот Бородинских. Перед лицевою стороною (перед фронтом) линии, особенно перед фронтом центра и правым крылом, бежала речка Колоча в реку Москву, составляя с нею угол в полуверсте от высот Бородинских. В Колочу впадают: речка Войня, ручьи — Стонец, Огник и другие безыменные. Все эти речки и ручьи имеют берега довольно высокие, и если прибавить к тому много рытвин, оврагов, по большей части лесистых, и разных весенних обрывов, промоин, то понятно будет, отчего позиция Бородинская на подробном плане ее кажется бугристою, разрезанною, изрытою. Леса обложили края, частые кустарники и перелески шершавятся по всему лицевому протяжению, и две больших (старая и новая Московские) дороги перерезают позицию, как два обруча, по направлению от Смоленска к Москве. Дорога Смоленская была так же дорога во Францию, по которой пришла к нам вооруженная Европа, как будто сдвинувшись с вековых оснований своих.

Сказав, что высоты правого русского фланга были лесистые, мы добавим, что они были и утесистые, а потому и составляли оборону прочную. Левое крыло наше также довольно щедро защищено природою, если принять в этом смысле общее протяжение высот Бородинских, на которых простиралось оно, впоследствии загнутое до деревни Семеновской. Впереди этого (левого) крыла тянулись и перепутывались глубокие рвы и овраги, опущенные и закрытые частыми кустарниками. Сверх того позиция русская, как мы сказали, прикрыта была: Колочею, Войнею, Огником и ручьями Столцем и Семеновским.

Искуство поспешило придать то, чего не додала природа для защиты линии. Густой лес на правом фланге, сходящий с вершин до подножия холмов к стороне реки Москвы, был осмотрен, занят, перегорожен засеками и, по местам, вооружен укреплениями. В этом лесе сделаны три флешы. На лесистое и утесистое местоположение правого фланга можно было опереться надежно. В центре отличался высокий кругляк, может быть, древний, насыпной курган. Через него перегибается большая Смоленская (в Москву) дорога. Это округленное возвышение носит название Горки и находится в деревне того же имени. На этом-то кругляке устроили батарею из пушек огромного калибра и заслонили ее еще другою, более скрытою, из 12 пушек, которую поставили в 200 саженьях напротив Бородина, на расклоне высот правого берега Колочи. Идя с правого крыла к левому, вдоль по линии, в середине расстояния от Горок к Семеновскому, вы встретите высокий бугор, далеко повелевающий окрестностями. Этот бугор пришелся на самой важной точке, почти у замка левого крыла с центром. Этим воспользовались, и высота, господствовавшая над другими, увенчана большим окопом с бастионами. Иные называли его большим редутом, другие, и кажется правильнее, люнетом. Но солдаты между собою называли это укрепление Раевскою батареею, потому, что корпус его был пристроен к этому люнету и потому, что они любили храброго генерала, о котором так много было рассказов в то время! Из уст в уста переходила повесть о подвиге его под Дашковкою, как он, взяв двух, еще незрелых сыновей за руки, повел их знакомить с пулями — туда, где всех троих с головы до ног окатило свинцовым дождем!

По всему видно стало, что неприятель направит сильнейшие нападения свои на наше левое крыло: для того-то и обратили все внимание на эту часть линии.

У деревни Семеновской нашлась также выгодная высота; на расклоне ее построили три реданта: их называли и флешами. Эти окопы должны были обстреливать окрестное пространство и поддерживать войска, которые, в свою очередь, поддерживали стрелков, насыпанных в лесах и перелесках перед фронтом и левым крылом нашей линии. Деревня Семеновская впоследствии разорена. Так устроена, вооружена была наша боевая линия в трех основных пунктах своих. Но кипящая отвага, с которою французы привыкли кидаться вперед в их порывистых наступках, требовала еще большей предусмотрительности, большей осторожности. Чтоб удержать неприятеля в почтительном расстоянии от нашего левого крыла, куда он нацеливал все удары, насыпали большою редут на большом и высоком холме, почти на два пушечных выстрела, впереди главной линии к левой ее оконечности. Этот редут, стоявший исполоном на отводной страже, устроен был саженьях во ста за деревнею Шевардиным и назывался Шевардинским. Если пожелаете объяснить себе сделанное здесь описание взглядом на плане, то прежде всего отметьте карандашом село Бородино, принадлежавшее тогда гг. Давыдовым, в 10 верстах от Колоцкого монастыря, на 11-й не доходя Можайска, в 111-ти от Москвы. Теперь имеет оно счастье принадлежать порфиородному владельцу — государю цесаревичу. За Бородиным, правее от кургана Горецкого, прищипите и подчеркните на большой Московской дороге селение Татариново: там была главная квартира Кутузова. Заметьте там же деревню Князьково. Окружив потом внимательным взглядом наше правое крыло, вы встретите Старое, Малое, Беззубово, Логиново, Новое, Захарьино и, наконец, в лесу, где были окопы, Маслово. Заметьте пока эти селения и перенеситесь по линии к левому нашему крылу. Здесь встретите вы (после Бородина) другую, так же роковую точку, деревню Семеновскую. За нею, ближе к Татаринову, заметите Псареву с прилежащим к нему лесом. Там стоял наш главный артиллерийский резерв. Насупротив Семеновского приметьте деревни: Алексинку, Фомкино, Доронино и, наконец, Шевардино, знаменитое битвою за редут его имени. Левее от этой купы деревень найдете вы Валуево: тут стоял Наполеон. Деревни Ратово и Головино принадлежат к той же категории. Потом перенеситесь к Ельне, следуйте по лесной дороге и в одном месте чрез болото к деревне Утице: это путь Понятовского, остановившегося сперва при деревне Рыкачеве и оттуда

следовавшего по так называемой старой Смоленской дороге, которая из Царева-Займища идет чрез Ельню в Можайск. За Можайском связываются обе дороги: старая и новая Смоленская. Туда намеревался Кутузов перевести войско, если б французы стали решительно обходить наше левое крыло. Наполеон угадывал это и хотел разбить нас там, где застал. Поэтому-то не послушался он и Даву, советовавшего послать заранее два корпуса в обход по старой Смоленской дороге. Отметки деревень, на которые я вам указал, будут вам полезны при чтении описания битвы Бородинской в составленных мною очерках.

КАРТИНА ПОЗИЦИИ

Описав позицию нашу в историческом смысле, взглянем на нее как на картину издали, почти неподвижную, грозно воинственную, вблизи живую, движущуюся. Взглянем — разумеется, более мысленными глазами, ибо обыкновенное зрение, даже вооруженное трубою, не может объять всей позиции; взглянем на этот город, мгновенно возникший на месте жатв и селений: его дома — шалаши из ветвей и соломы; его длинные улицы протянуты между длинными стальными заборами из ружей и штыков; его площади уставлены молчаливо-грозною артиллериею. Ночью он весь, кажется, слит из стали и огней, потому что огни bivakov, повсеместно разведенные, отражаются на стволах ружей, на гранях и лезвиях штыков.

Поставьте себя на одной из высот, не входя в Бородино, где-нибудь на большой Смоленской дороге, лицом к Москве, и посмотрите, что делается за Бородиным, за Колочею, за Войнею, за этими ручьями с именем и без имени, за этими оврагами, крутизнами и ямищами. Примечаете ли вы, что поле Бородинское — теперь поле достопамятное — силится рассказать вам какую-то легенду заветную, давнее предание? О каком-то великом событии сохранило оно память в именах урочищ своих. Войня, Колоча, Огник, Стонец, не ясно ли говорят вам, что и прежде здесь люди воевали, колотились, палили и стонали? Но когда ж было это прежде? сколько столетий наслоилось над этим событием? Может быть (и вероятно), что оно современно той отдаленной эпохе, когда курганы Горецкий, Шевардинский и другие, встречаемые в каком-то симметрическом порядке в этих окрестностях, были холмами священными, на

которых совершались тризны. Народы, утомленные видом зачухшей гражданственности, ведомые тайным влечением судьбы, покорно следовали за путеводною звездой и текли с дальнего Востока — колыбели рода человеческого — с семенами жизни на девственную почву нашего севера, тогда еще пустынного, задернутого завесою неизвестности. На путях их великого шествия остались *городища и курганы*, на которых возжигали огни и сожигали жертвы. Но когда ж все это было? Человек моложе истории, история моложе событий этого разряда!

Обратимся к нашей позиции. Прежде всего встретите вы большой, высокий кругляк, называемый Горкою. С этого кругляка — кургана Горецкого — одного из роковых холмов Бородинских, вся позиция видна как на ладони! Наша линия шла справа от села Нового за деревню Семеновское. Позиция неприятельская тянулась от села Беззубова за Шевардино. На этом кургане, о котором мы начали говорить, вы видите — мелькает деревенька Горки, удостоившаяся даже на несколько часов быть главной квартирою армии и самого Кутузова. Но вы скоро ее не увидите: война все сносит и перемещает. Вот уже взвозят на курган артиллерию: это не так легко, потому что здесь стараются сосредоточить орудия огромного калибра. По мере, как военный быт покрывает своими принадлежностями высоту Горки, солдаты, вы видите, раскрывают крестьянские лачуги и растаскивают бревна. Это точно работа муравьев! Толпа разномундирных кишит, шевелится, торопится; всякий унес, что попало, и деревни не стало! Все пошло в огонь на биваки.

Я забыл сказать, что вы приглашены посмотреть на нашу Бородинскую позицию 23 августа. Но ее заняли 22-го. Точно так! Я расскажу вам об этом дне.— 22 августа 1812 года армия русская увидела высоты Бородинские, и много голосов раздалось в войске: «Здесь остановимся! Здесь будем драться!» Заключение неошибочное! Оно внушено видом высот и стечением речек, ручьев и оврагов у подножия цепи возвышенностей. Тогда же промчалась молва в войске, что Кутузов нарочно посылал вперед Бенигсена отыскать крепкое место, где бы можно было стать и отстоять Москву. Бенигсен, как говорили, избрал Бородино, и Кутузов остался доволен его выбором.

Около 10 часов утра (22 августа) передовые полки и на челе их ¹ Михайло Ларионович с своим штабом прошли

¹ Здесь: во главе. (Примеч. ред.)

Бородино, приостановились на минуту в деревеньке Горки, и главный штаб пошел далее. На большой Московской дороге есть сельцо Татариново. Там стоял уже пустырем сельский господский дом: там поместили Кутузова; Барклай, Бенигсен, принц Виртембергский и другие генералы, люди, имевшие поместья и палаты, разместились в окружающих деревеньках и домах, кто как смог, кому где случилось.

Генерал Бенигсен и полковник Толь, большой знаток своего дела, тотчас пустились помогать природе искусством, укреплять позицию. По доверенности, которую пользовался от высшего начальства и по внутреннему своему достоинству, полковник Толь был далеко выше своего чина. В то время, о котором мы говорим, он пользовался двумя славами: славою храброго офицера и ученого военного человека.

23-го, на другой день, пришло из Москвы 12 000 московского ополчения. Их привел граф Марков. На этом войске было две коренных принадлежности Руси: *борода и серый кафтан*; третья и важнейшая принадлежность Руси — христианской — был крест. Он блистал на планке ратников. С офицерами пришли русские кибитки, повозки и роспуски с колокольчиками, заводные лошади, крепостные слуги. В другое время можно бы подумать, что это помещики, съехавшиеся дружною толпою, с конюхами и доезжачими, в отъезжее поле на дальнейшее полеванье. Но тут предстояло другого рода поле! Отпустив далее в глубь России жен и детей, сестер и невест, дворянство русское, покинув дедовские поместья и собрав своих домочадцев, село на коней и выехало в поле, которое должно было сделаться полем крови, жатвою смерти!

Любовь к отечеству вызвала мирных поселян на священное ратование. Нельзя было смотреть без чувства на такой избыток доброй воли. Появление этих войск перенесло нас далеко в старые годы. Один офицер, которого записки остались ненапечатанными, говорит: «Казалось, что царь Алексей Михайлович прислал нам в секурс свое войско! В числе молодых людей, воспитанников Московского университета, чиновников присутственных мест и дворян, детей первых сановников России, пришел в стан русских воинов молодой певец, который спел нам песнь, песнь великую, святую, песнь, которая с быстротою струи электрической перелетала из уст в уста, из сердца в сердце; песнь, которую лелеяли, которою так тешились, любовались, гордились люди XII года! Этот певец в стане рус-

сих: был наш Керпер, В. А. Жуковский. Кто не знает его песни, в которой отразилась высокая поэзия Бородинского поля?» Но обратимся к обозрению нашей позиции. Помните, что мы смотрим на нее 23-го августа 1812 года.

ВИД ПОЗИЦИИ (23 АВГУСТА)

Видите ли вы правый фланг нашей армии? Как он высоко поднят над долиною! Цепь холмов служит ему основанием. Частый лес, в виде зеленого ковра, накинут на эти холмы и свешивается вниз до самого подножия, где серебрится Москва. Этот лес, перегороженный засеками, таит в себе укрепления. Высок и крут наш правый берег, и везде, до деревушки Горки, повелевает противным, низистым. Фронт наш прикрыт (если можно это счесть за прикрытие) речкою Колочею. Но мы, по какому-то предчувствию, любопытствуем обозреть скорее левое крыло. Видите ли вы эту массу дерев, которые огромным зеленым султаном колышатся за нашим левым флангом? Это густой лес, торчащий на рассеянных холмах и спускающийся в низину. Под тенью этого леса виднеются, в правильных линиях, еще свежие насыпи: это вырастающие ретраншменты!

В середине нашей боевой линии заметны и важны два пункта: Горки и деревня Семеновская. Между ними тянется отлогая высота с легким скатом к речке Колоче. Видите ли, как начинаются рисоваться бастионы на гребне этой высоты? Это большой люнет (батарея Раевского), оспариваемый с такою славою. Вот и еще окопы! За ручьем, перед деревнею Семеновскою, уже выросли из земли укрепления, наскоро сработанные: это три реданта (или флешпи). Защита их поручена графу Воронцову с его сводными гренадерами и 27 дивизией. Знатоки находят недостатки в этих скороспелых окопах; находят, что они открывают тыл свой французским атакам от ручья и слишком подвержены сосредоточенному огню неприятельской артиллерии с окольных высот. Но стойкая русская храбрость все дополнит, исправит! Следуя глазами за протяжением главной линии к левой стороне, вы упираетесь на левом фланге в болото, покрытое частым лесом. Тут расположена деревня Утица. Через нее, от села Ельни, идет на Можайск старая Смоленская дорога, уже давно оставленная.

После взгляда на позицию, как она была 23-го августа,

вам понятнее будет рассказ о событиях этого дня. 23-го августа французы сделали сильное движение вперед, с места своего расположения от почтовой станции Гриднева. Впереди конницы неприятельской, еще многочисленной, грозной, блестящей, на статном крутом коне, рисовался лучший наездник французской армии. По наряду его, живописно-фантастическому, узнавали в нем короля Неаполитанского. Глубокий ров за станцією Гриднево приостановил его на минуту. За этим ровом стоял сильный аррьергард русский. Для совершенной противоположности щегольскому наряду Мюрата, развезжал за оврагом, перед рядами русских, на скромной лошадке, скромный военачальник. На нем была простая серая шинель, довольно истертая, небрежно подпоясанная шарфом, а из-под форменной шляпы виднелся спальный колпак. Его лицо спокойное и лета, давно преступившие за черту средних, показывали человека холодного. Но под этою мнимую холодностью таилось много жизни и теплоты. Много было храбрости под истертой серою шинелью и ума, ума здорового, дельного, распорядительного — под запыленным спальным колпаком. Это был генерал Коновницын, истый представитель тех коренных русских, которые с виду кажутся простаками, а на деле являются героями. Тут (за Гридневым) завязался сильный бой. С обеих сторон дрались превосходно. Удержанные с фронта, французы пролились рекою влево. Мюрат далеко объехал наш правый фланг и думал торжествовать победу. Уже фантастические одежды его развевались у нас в тылу; но генерал в колпаке смотрел на это как на шалость запальчивого наездника и не смутился нимало. Наши загнули фланг, немного отступили и выстояли спокойно. Ночь развязала драку. Пользуясь темнотою, Коновницын отвел свои войска к стенам Колоцкого монастыря, а французы засветили огни там же, где были: Наполеон у Гриднева, Мюрат в Лососне.

24 АВГУСТА

Армия готовилась к бою. Главнокомандующий переехал (ближе к линии) в Горки. День был прекрасный и, с десяти часов утра, на ясной дали закудрявились легкие облака дыма и послышалась канонада, которая все более и более приближалась. Французы, сделав большое движение вперед, подошли под Колоцкий. Коновницын их встретил.

Было уже около 4 часов пополудни. Схватились горячо, боролись ровно. Храбро рубились. Изюмцы вконец изрубили три неприятельских эскадрона. Но бой не мог более продолжаться в этом положении. Дело шло не о простой авангардной ошибке. Тут были виды высшей тактики. Вице-король обходил наш правый фланг. Король напирал с лица, вице-король вился с фланга, французы, то рекою, по большой дороге, то отдельными ручьями, просачиваясь между пригорками и частыми перелесками, лились влево за большую дорогою к подножию высот Бородинских. Коповницыну нельзя было оставаться более на поле. Он прислонил свои войска к защитам Бородинским и ввел их в линию.

ПРИБЛИЖЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ К БОРОДИНУ

С вершин, укрепленных и неукрепленных высот Бородинских, солдаты, как простые зрители (я говорю о правом крыле, где сам находился), и офицеры увидели наконец приближение всей французской армии. Три огромных клуба пыли, пронзенные лучами склонявшегося солнца, светлели в воздухе, три стальных реки текли почти в ровном между собою расстоянии. На полянах пестрели люди; над перелесками, немного превышавшими рост человека, сверкала железная щетина штыков. Русское солнце играло на гранях иноземной стали. Все это шло скоро, но мерно. Три линии изредка и только слегка изламывались, уступая неровностям местоположения. Одна артиллерия, казалось, своевольно разгуливала. Пушки переезжали то вправо, то влево, избирая для себя удобнейшие пути и дороги. Французы подступали к Бородину тремя колоннами. Понятовский, с своими поляками, тянулся вправо по старой Смоленской дороге на Ельню; Наполеон — посредине, прямо на Бородино: за ним следовала большая часть армии; вице-король италийский держал левее от большой дороги, к деревне Большим Садам. Когда все силы неприятельской армии выяснились, заревел редут Шевардинский, ожили овраги и кустарники на правом берегу Колочи и пули засновали с свистом в уровень человека, ядра и гранаты стали описывать дуги над головами наступающей армии. Это русское укрепление, это русские стрелки, которыми насыпаны были перелески и деревни Алексинки,

Фомкино и Доронино; это они встретили неприятеля, тянувшегося по большой дороге.

С прискорбием, видя напрасную потерю людей, Наполеон приказал Мюрату перейти с конницею Колочу и присоединить к себе дивизию Кампана из 1 корпуса. Этим войскам предоставлена была участь редута Шевардинского. Дивизия Кампана еще наперед (в 2 часа пополудни) захватила деревню Фомкино и теперь, по первому знаку, живо пошла по направлению к редуту.

Князь Горчаков приготовился встретить напор первого наступа. Он расставил полки 27-й дивизии позади редута, растянув их в линию. Фланги этой линии прикрыты: правый драгунами и конною артиллериею, левый кирасирскою дивизиею в сгущенных полковых колоннах. При этих массах кирасир было немного гусар и несколько орудий конной артиллерии. На самом же Шевардинском редуте поставлены пушки большого калибра для выстрелов дальних. В Доронино, в лесах и кустарниках, наполняющих окрестность до самой дороги в Ельню, сидели стрелки, подкрепляемые легкою конницею. В таком виде были дела с обеих сторон. Но, пока начнется знаменитый штурм редута Шевардинского, я опишу одну замечательную сцену.

Перед центром правого крыла большой русской линии, у подножия вооруженных высот, немного левее (если смотреть от Москвы) от села Бородина разъезжал кто-то на маленькой бодрой лошадке (небольшом гнедом клепере); из-под фуражки его, сплюснутой на голове, выливались пряди белых волос. Шарф повешен по-старинному, чрез плечо, на мундирном сюртуке. Ездок был среднего роста, построение тела имел коренное русское: он был дюж, широк в плечах и в это время довольно дороден, особливо в ногах заметен был какой-то отек. За ним ездили два донца, из которых один возил скамеечку. Прибежав дробною рысью на то место, которое мы указали, генерал (это показывали его эполеты), вероятно, только что окончивший объезд линий, потому что клепер его еще дымился, этот генерал начал сходить с лошади. С каким-то болезненным усилием ступил он сперва на скамеечку, которую проворно подставил ему донец, потом на ней же уселся лицом к Шевардину. Солнце, склонявшееся на вторую половину пути, обдало его своими лучами, и я увидел Михаила Ларионовича Кутузова, нашего нового Главнокомандующего. Правый глаз его был несколько прищурен. Всматриваясь внимательнее, вы бы легко заметили, что в нем уже погас-

ла живая точка света. Это следствие раны ужасной, неслыханной, о которой, в свое время, говорили все врачи Европы. Турецкая пуля, ударив близ виска, искосила ось глазную и оставила генерала (одного из прозорливейших полководцев) полузрячим.

Говоря о нравственных его свойствах, должно сознаться, что он имел обширный ум и отличное образование. Будучи, в одно время, директором 1-го кадетского корпуса и присутствуя на экзамене, он развил такое богатство разнообразных познаний, что все профессора и учителя пришли в изумление. В кругу своих он был веселонаравен, шутив, даже при самых затруднительных обстоятельствах. К числу прочих талантов его неоспоримо принадлежало искусство говорить. Он рассказывал с таким пленительным мастерством, особливо оживленный присутствием прекрасного пола, что слушатели всякий раз между собою говорили: «можно ли быть любезнее его?» Зная это, я часто всматривался в лицо его, отыскивая которая бы из черт этого лица могла оправдывать всеобщую молву (распущенную великим Суворовым), молву о его необыкновенной хитрости. Но посмотрим теперь на него, сидящего на поле Бородинском. Он все еще сидел на своей скамеечке с нагайкою в правой руке, то помахивая ею, то концом ее чертя что-то на песке, а между тем дума полная, высокая сияла на лице его. Если б не легкое, механическое движение правой руки, его можно бы почесть за изваяние из бронзы: так был он неподвижен, так углублен в свои мысли, лучше сказать, в одну мысль. Бой, начатый передовыми стрелками левого крыла, притих. С минуту продолжалось молчание по всей линии. Вдруг вздохнуло опять на левом крыле, и этот вздох огласил окрестности. Еще... еще... и все зарокотало... Это началась тяжба за редут Шевардинский; адвокаты с обеих сторон говорили свои гремящие речи и менялись доказательствами. Кутузов сделался весь внимание. Я видел, как он протягивал вперед голову и вслушивался, вслушивался, иногда наклоня левое ухо к земле, как будто желая угадать — подается пальба или отступает. Но вот, во всю конскую прыть, прискакал адъютант, сказал слово о Багратионе, другое о французах, и Михайло Ларионович, вспрыгнув с места с легкостью молодого человека, закричал: «лошадь!», сел, почти не опираясь на скамеечку, и, пока подбирал поводья, уже мчался вдоль по линии на левое крыло. Скоро огромный клуб свившегося над окрестностью дыма поглотил Главнокомандующего

с его великою думою, в которой развивались уже семена предстоящего сражения. Солдаты-зрители, стоявшие группами на скате вершин, говорили: «вот сам Кутузов поехал на левое крыло!»

ВЗЯТИЕ РЕДУТА

Сначала наступавшие и оборонители разменивались только дальними выстрелами. Но в 4 часа за полдень дивизия Кампана, подкрепясь конницею, кинулась на Доронино и в лес, его окружавший. В это же время и Понятовский, как будто заводя крыло невода справа, выказался с своими из деревни Ельни, вспугнул рой стрелков наших и погнал их, тесня своим наступом из леса в лес, из перелеска в перелесок, отбрасывая все пешее на русскую конницу, которая на первых порах сильно поддержала товарищей. Полковник Емануель (впоследствии славный генерал) два раза с Киевским драгунским полком налетал на поляков, — когда они выказывались из-за кустарников, — и Новороссийский полк ходил славно в атаку. Полковник князь Кудашев с кирасирами (синие и желтые воротники) сделал также две блистательных атаки и отбил у французов шесть пушек.

Но все эти великодушные усилия не могли устоять и не устояли против превосходных сил наступающих.

Генерал Кампан стал, наконец, в виду редута, который грозно рисовался в вечерющем воздухе. Он выслал 61 полк с приказанием: взять редут штурмом! Полк двинулся батальонными колоннами под покровительством своей огромной батареи, при жестоком огне передовых стрелков, которые, захватив ближнее возвышение, палили прямо в амбразуры нашего укрепления. Русские с высоты редута увидели, сперва вдалеке, три черных точки. Эти точки, головы колонн, близились, близились и росли; наконец они стали в прямую линию. Ясно различили три колонны, и первая, удвоя шаг, пошла на редут. Редут замолчал; но орудия нацелены, ружья наклонены, и дула установлены прямо в глаза наступающим.

Французы идут, подходят, всходят и почти сталкиваются с нацеленными в них дулами. Вспыхнул залп, блеснул ряд молний, не стало передних... задние взошли на редут.

Но не успел еще рассеяться дым, как русские явились

на новый спор. Штыки и отвага показали чудеса, но превосходство взяло верх. Редут оставался за французами. Уже было 8 часов вечера. Полуосенние сумерки сизели на поле, по низинам закурились белые туманы, и красные вспышки огнестрельных орудий сверкали в полусумраке, как огни потешные. В это время князь Багратион, схватя вторую гренадерскую дивизию, выехал сам на бой и велел отнять редут. Две неприятельских колонны хотели обойти гренадер, но жестоко смяты Малороссийскими и Глуховскими кирасирами, которые отняли у них пушки. С другой стороны Харьковские и Черниговские драгуны также изрубили две атакующие колонны. При этих удачах гренадеры вбежали на редут и искололи целый батальон 61-го полка. Но Кутузов, зная, что надобно делать, велел покинуть редут неприятеля. Тогда было уже 10 часов вечера.

25 АВГУСТА

Армия французская, до сих пор подвижная, переходная, начала устанавливаться на прочную стоянку. По всему, и по самому расположению войск, можно было предчувствовать, предугадать, а наконец решительно заключить, что главное нападение произведено будет правым французским на левое крыло наше. И вот как установилась французская армия: а) король Неаполитанский с своими четырьмя корпусами (масса ужасная!) кавалерии стал в перелеске по правую сторону (глядя к Москве) оставленного (т. е. Шевардинского) редута. б) Дивизии Кампана, Десекса и Фрияна из корпуса Давуста, расположенные при деревнях: Фомкино, Алексинке и Доронине, на том самом поле, где дрались накануне. с) Дивизии Жерара и Морана, из Давустова же корпуса, остались на левом берегу Колочи перед деревнею Валуево. d) Вице-король Италианский (образовавший с своими левый фланг французской армии) с италиянскою гвардиею и дивизиями Дельзона и Бруссье, да с кавалериею генерала Гиона, установился слева от большой дороги, лицом к лицу с селом Бородиным, имел свою кавалерию за ручьем Войнею. Третья часть войск (французских *corps de bataille*) расположилась так:

а) Императорская гвардия зажгла биваки между Валуевым и Ратовым.

б) Позади этой гвардии, на большой Смоленской, или Московской, дороге, к стороне деревни Головино, расположились корпуса Нея и Жюно.

с) Князь Понятовский, с своим корпусом, стал за большим лесом, на правом берегу Колочи, перед деревнею Рогачево. Наполеон почтил личным квартированием своим Валуево. Целый день слегка перестреливались за воду и водопои.

ДВИЖЕНИЕ ФРАНЦУЗОВ ВПРАВО, НАКАНУНЕ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ

Накануне, т. е. к вечеру 25-го, на всей французской линии последовала общая перестановка войск: полки передернуты как на шурках. С колокольни села Бородина ясно можно было видеть, как линия французская по местам то сгущалась, то разреживалась, и все густоты сливались вправо к старой Смоленской дороге. Зрелище единственное! Поля, с которых не успели еще снять посева, облиты были слегка волновавшимся золотым морем жатвы и окрашены косвенными лучами понижавшегося солнца. Это золотое море прорезывалось стальною рекою штыков и ружей, которые зеркально сверкали на вечернем солнце. За ростом и густотою жатв людей почти не видно было. Двигалось одно железо.

Король Неаполитанский остался там же, где и был, с своими тремя корпусами. Князь Понятовский, предназначенный к обходу своего русского крыла, стал за Мюратом.

Маршал Даву, долженствовавший быть по окончности нашего левого крыла, поставил дивизии Кампана, Десекса и Фрияна между Шевардиным и лесом, который тянется до самой Утицы.

Маршалу Нею предоставлено было пробивать русскую линию в промежутки между левым крылом и центром. У Нея для этого был корпус свой и Жюно. Ней построился между Шевардиным и Алексинским, вытянув 3-й корпус в первой, а 8-й во второй линии.

Вице-король Италиянский с своими образовал левое французское и должен был бить правое крыло наше. При нем были корпуса: его собственный, кавалерийский Груши и дивизии Жерара, и Морана из 1-го корпуса. Они назначены противустоять (*contenir*) центру и правому крылу русскому и составлять левое крыло армии французской. Все эти силы расположились было на левом берегу Колочи.

Русские боялись за свое, а французы за свое левое крыло. И те и другие прикрылись окопами. По расчетам тактики и от напоров правого французского крыла, левое русское несколько загнулось и тем усилилось. Дивизия Морана, а за нею Жерара расположились на большой дороге. Группы стал сзади. Левее и самой дивизии Жерара поставлена дивизия Бруссье; за нею итальянская гвардия в резерве.

Но было войско еще левее — это дивизия генерала Дельзона: она составляла последнее перо левого французского крыла. Ее подкрепляла дивизия легкой кавалерии Орнано.

Гвардия Наполеонова тоже перешла Колочу и стала правее Фомкина.

РАСПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ

Усиление правого французского крыла заставило усилить левое русское, которое легко могло быть обойдено по старой Смоленской дороге. Кутузов распорядился: на левом крыле у нас поставлен стойкий Тучков с его отдельным корпусом и 7 000 Московского (приведенного Марковым) ополчения. Туда же наряжен Карпов с шестью полками донцов.

Тучков построил свой корпус за деревнею Утицею в четыре линии. Дивизия Коновницына стояла в двух первых; дивизия гренадерская (графа Строганова) в двух задних.

Сильная цепь из 20-го, 21-го, 11-го и 41-го егерских полков, протянутая по перелескам, запирала ворота (промежуток шириною с версту) между корпусом Тучкова и левым концом главной позиции.

На этом левом конце была деревня Семеновское. Перед нею, как мы видели, насыпаны реданты. Этот пункт защищали сводные гренадеры графа Воронцова, и за ними, во 2-й линии, стояла дивизия храброго Неверовского.

Тут были четыре стены. Гренадеры принца Карла Мекленбургского поставлены в две линии от края Семеновского до самой большой батареи. Этих гренадер поддерживала кавалерия в две линии. Потом корпус графа Сиверса.

И вся эта левая половина, состоя из второй западной армии, была под главным начальством Багратиона.

Центр наш составлен из корпуса генерала Дохтурова. Он стоял против самого Бородина, примыкая своим левым

к правому флангу 7-го корпуса, а правым к батарее близ Горецкого кургана, и Дохтуров стоял в две линии пехотных, которые поддерживались двумя же кавалерии (3-го кавалерийского корпуса) и составляли тоже четыре живых стены!

К правой руке Дохтурова (смотря к Смоленску) примыкал левым локтем корпус Остермана опять в две линии и лицом к Колочи. За ним, все в две линии, кавалерия Корфа; корпус Багговута составлял оконечность правого крыла русского. Этим крылом начальствовал Милорадович, а первую половиною всей линии (1-ю армиею) Барклай.

1-й корпус кавалерии установлен за пехотою правого фланга армии нашей.

Тут же и Платов с 9 Донскими полками. Другие донцы рыскали по течению Колочи до слияния ее с Москвою, оберегая всю ту сторону к Старому и Малому Беззубову.

И так вся русская армия расположена была в четыре стены; за двумя пехоты две кавалерии.

Главный же резерв находился за центром боевой линии и состоял из целого 5-го гвардейского корпуса под начальством Лаврова. Этот резерв имел три линии: две передних пехота, задняя кирасиры.

Пять рот конной артиллерии сберегались в резерве за 4-м корпусом кавалерии. Большой резерв артиллерийский стоял перед деревнею Псареву.

ЗАЩИТА ЛИНИИ

Сильные батареи, хотя наскоро сложенные, прикрывали фронт наш, особливо левое крыло. Все егерские полки, огорожаясь, где можно, засеками, залегли по кустарникам, засели по деревням, захватили дефилеи. Пехота наша, в день битвы, построилась в батальонные колонны, но кавалерия поддерживала ее развернутым строем. Главная квартира перенесена опять в Татариново.

Армии русской считалось в день битвы Бородинской до 113 500, кроме ополчений. Пушек у нас было 640.

У французов же войск до 188 000 и пушек 1000.

КАНУН БОРОДИНА

Недели за три перед кануном великой битвы Бородинской сражались за обладание Смоленска. Осаждающие зажгли город. Пожар, распространяясь все более и более, охватил башни, дома, целые улицы. Наконец запылали и церкви с их колокольнями. Огненная буря, с треском и шумом, разливалась в воздухе, раскаляя его. У защитников Смоленска в тесных переулках, под длинными космами огня, не раз волосы на голове трещали; колокола звонили без звонарей и таяли. В это время огня и гибели раздался голос: «Спасайте икону Смоленской Богородицы!» Русские заняли обратно Смоленск, внесли икону в прежнее место. Когда кончилось молебствие, несколько голов поднялись кверху и послышалось: «Орел парит!» Главнокомандующий взглянул вверх, увидел плавающего в воздухе орла и тотчас обнажил свою седую голову. Ближайшие к нему закричали: ура! — и этот крик повторился всем войском.

Орел продолжал плавать; семидесятилетний вожьд, принимая доброе предвестие, стоял с обнаженной головою. Это была картина единственная! Михаил Кутузов, главный повелитель всех воинских сил Империи, являлся тут во всей красе военачальника. В простреленной голове его был ум, созревавший в течение 70 лет; в его уме была опытность, постигшая все тайны политической жизни гражданских обществ и народов. Над ним парил орел, сто тысяч русских кричали: ура! — а судьба завтрашнего дня укладывала жребии в таинственную урну свою...

После дня, слегка пасмурного, и вечера, окропленного холодноватым дождем, после жаркой целодневной перестрелки за право пить воду в Колочи настал темный холодный вечер, настал канун битвы Бородинской. Из всех явлений 1812-го года канун Бородина сохранился, конечно, у многих в памяти. Все ожидали боя решительного. Офицеры надели с вечера чистое белье; солдаты, сберегавшие, про случай, по белой рубашке, сделали то же. Эти приготовления были не на пир! Бледно и вяло горели огни на нашей линии, темна и сыра была, с вечера, ночь на 26-е августа; но ярко и роскошно чужими дровами освещал себя неприятель.

Удвоенные костры, уставленные в несколько линий, пылали до самого Колоцкого монастыря. Эти не наши огни, стоя огненными полками, сквозили сквозь чащи лесов и

кустарников, румянили наше небо и бросали какой-то кровавый отблеск на окрестности ямистые, темные.

Рокот барабанов, резкие звуки труб, музыка, песни и крики несвязные (приветный клик войска Наполеону) слышались у французов. Священное молчание царствовало на нашей линии. Я слышал, как квартиргеры громко сзывали к порции: «Водку привезли; кто хочет, ребята! Ступай к чарке!» Никто не шелохнулся. По местам вырывался глубокий вздох и слышались слова: «Спасибо за честь! Не к тому изготовились: не такой завтра день!» И с этим многие старики, освещенные догорающими огнями, творили крестное знамение и приговаривали: «Мать Пресвятая Богородица! помоги постоять нам за землю свою!» К утру сон пролетел над полками. Я уснул, как теперь помню, когда огни один за другим уже снимались, а заря начинала заниматься. Скоро как будто кто толкнул меня в бок. Мнимый толчок, вероятно, был произведен сотрясением воздуха. Я вскочил на ноги и чуть было не упал опять с ног от внезапного шума и грохота. В рассветном воздухе шумела буря. Ядра, раскрывая и срывая наши шалаши, визжали пролетными вихрями над головами. Гранаты лопались. В пять минут сражение было уже в полном разгаре. Многие, вскочив от сна ночного, падали в сон вечный. Взрытая выстрелами земля, включенная солома, дым и вспышки огня рябили в глазах. Это вице-король Итальянский повел свою знаменитую атаку на Бородино. Таков был канун и начало великой битвы у нас. У французов было иначе.

РЕКОГНОСЦИРОВАНИЕ

Обстоятельные обозрения линий происходили 25 числа. Кутузов уже не в первый раз объехал свою армию. Он взглянул на укрепления при деревне Семеновской и внимательно обозревал левое крыло наше. Оно уперто было в большой лес и прикрито высокоторчащим курганом с 25 пушками. Еще на двух пригорках наброшены венцами укрепления. На центре все мосты разорены, все переправы испорчены, против известных бродов выставлены пушки. Правый фланг, как мы уже сказали, лесистый, дебристый, искрещен засеками, снабжен большими окопами. В общем объеме русские занимали все гребни высот за Колочею, в виде пространного полукруга. Главные наши вооружения

были следующие: ретраншамент и флешы в лесу на правом фланге; батарея на кургане Горецком; другая, недалеко от этой, тоже на круглом холме, называвшаяся батареею Дохтурова, 3-й большой люнет с бастионами: его называли батареею Раевского; четыре окопа (флешы или реданты) при Семеновском.

С центральной батареей нашей смотрели в трубу и вдруг засуетились. «Это он! это он!» — закричало несколько голосов. В самом деле, вооруженный глаз мог увидеть человека, которого портрет знаком был всякому. Он выезжал из лесу, от деревни Логиновой, сам-друг с товарищем и направлялся к нашим линиям. Несколько удачных выстрелов с батареи дали почувствовать ему, что он открыт. Это был Наполеон! Рассказывая о рекогносцировках, лично им самим произведенных, мы обратимся немного назад. 24 августа, по взятии Шевардинского редута, Наполеон пожелал видеть пленных. Пленных не нашлось. Император прогневался. Генерал Коленкур (брат герцога Виченцкого) сказал при этом: «Русских скорее можно в землю втоптать, нежели в плен взять!» — «Ну, ладно! — возразил Наполеон, — так послезавтра (26 августа) мы всех их втопчем в землю».

25-го выехав, как мы уже заметили, на рекогносцировку, Наполеон въехал на высоты, где стояли войска вице-короля Италиянского. Эти высоты отделялись от Бородина только мелкою речкою Войнею. Наполеон отдал разные приказания на счет искусственного укрепления среднего пункта, на котором, как на оси, должен был совершиться великий поворот всей французской армии. Хозяином, как дома, Наполеон давал разные приказания и хвалил выбор места, где генерал Дантуарт поставил батарею в 60 орудий для обстреливания большого редута русского. На предложение, не лучше ли сейчас занять Бородино? Император возразил живо: «Сохрани меня бог! Русские так спокойно опираются на этот пункт! Овладей им, они всполошатся, подумают, что правое крыло их в опасности, и, чего доброго, уйдут!.. А я разве для того пришел сюда из Парижа, чтоб упустить их из рук?.. Завтра (26 августа) рано Дельзон двинется и займет Бородино. Это дело минуты!» — По такому же расчету Наполеон не согласился и на предложение Даву, чтобы обойти русскую армию по старой Смоленской дороге. Неизвестно, вследствие ли искусной стратегической выкладки или некоторого безотчетного предчувствия, Наполеон сберег свою гвардию,

без которой неизвестно чем бы кончился для него день Бородинской битвы и как бы отсиделся он в Москве опожаренной? В тот же день, но гораздо позже, обозревая еще раз русские линии (ему все не верилось, что русские принимают сражение), Наполеон остановился у дивизии Гюдена, состоявшей под командою Жерара. Долго расспрашивал он о неприятеле и, наконец убедясь, что русские от сражения не отступают, весело улыбнулся и запел песню:

От севера до юга,
Военная труба
Час битвы протрубила!

Потом пришпорил лошадь и помчался по линии. Ставка Наполеона находилась по левую сторону большой Московской дороги. Большой каре из пехоты старой гвардии окружал ее. Наполеон провел ночь — канун Бородина — спокойно: какая-то лихорадка пробегала по жилам его. Это была лихорадка ожидания! «Какова погода?» — спросил он, пробудясь в 2 часа. «Небо выяснилось», — отвечали ему. «Ну! У нас будет день Аустерлицкий!» И скоро, сопровождаемый дежурными эскадронами, он поехал к редуту Шевардинскому. Молодая гвардия и конница гвардейская уже ожидали его там. Старая гвардия потянулась туда же. Войска эти были в большом параде: одеты как на праздник! Прибыв к линии и объезжая вдоль поля, закипавшего сражением с обер-штальмейстером, герцогом Виенцским, маршалом Бесьером и многими генералами, и всмотрясь вблизи в места, о которых судил прежде только по догадке, издавдалека, он сказал вслух: «Это сражение можно повторить; иначе я не стал бы его и затевать».

Вот еще слово о рекогносцировке Наполеона — я заимствую его из рассказа французов.

С первыми признаками дня (26 августа), еще в утренних сумерках, Наполеон верхом промчался между обеими линиями и высмотрел вблизи русскую позицию. Он увидел, что неприятели занимали все гребни высот, в виде пространного полукруга, на протяжении двух миль (*deux lieux*), от реки Москвы до старой Смоленской дороги.

Наполеон с первого раза усмотрел, что правое неприятельское крыло неприступно. И так он начал считать чисто-боевую линию русских от кургана Горецкого. В этом направлении, правее от Горок (смотря к Москве), стоит круглый холм (по нашему батарей Раевского), вооружен-

ный страшным редутом (он был страшен только по храброй обороне) с 21 пушкой.

С фронта и справа окружен этот редут (т. е. люнет) оврагами и Колочею; левая сторона его лежит на скате длинного полого-широкого возвышения, которого подошва защищается тонким оврагом и ручьем, бегущим в Колочу. Гребень этого протяженного холма идет мимо фронта французской армии, утекая к левому русскому крылу до деревни Семеновской. Здесь кончатся два отдела русской армии: войска правого крыла и центра — это войска Барклая. Тут выдавшийся пункт вооружен сильною батареею, прикрытою ретраншаментом. Отсюда начинается войско Багратиона.

Гребень высот, уже не столько значительных, занимаемых 2-ю армиею, склоняется к Утице, где кончится собственно боевая линия русских. Два холма с редутами (т. е. три реданта) обороняют фронт Багратиона. На краю левого крыла есть еще Тучков 1-й с его отдельным корпусом и Московским пополнением.

Этот генерал выставил на двух курганах сильную артиллерию. Осмотрев таким образом русскую позицию, Наполеон тотчас понял (совсем не трудно было это понять), что слабейшее место на линии есть левое крыло.

«Евгений будет осью! — воскликнул он. — Бой начнет правое французское крыло. Сбив, что встретит, оно сделает поворот налево и пойдет громить русскую линию, тесня и загоняя ее к правому ее крылу и потом в Колочу. Для этого он велит поставить против левого русского крыла три батареи, каждую в 60 орудий, всего 180 пушек!»

26 АВГУСТА

В 2 часа пополудни Наполеон стоял уже на тех высотах, где за день пред тем было сражение. Он окружил себя фельдмаршалами и важно и громко рассуждал, как и откуда лучше начать предстоявшее сражение. Ночь была холодна. Даже легкий утренник охрусталил по местам увлажненную землю. К рассвету густые туманы поднялись, и в 6 часу утра выступило великолепное солнце. Это явление, вероятно, навело мысли Наполеона на времена былые. Он вспомнил Вену, Моравию и приветствовал подмосковное солнце достопамятными словами: «Это солнце Аустерлица! — (*c'est le soleil d'Austerlitz*). — На всех француз-

ских биваках ударили подъем; звуки барабанов прокатились по линии, и армия взялась за ружье. Полковники на конях стояли перед полками. Капитаны читали перед ротами приказ:

«Солдаты! Вот битва, которой вы так желали! Изобилие, отдых, все выгоды жизни, скорое примирение и слава ожидают вас в столице русской. От вас зависит все получить, всем воспользоваться, только ведите себя как при Аустерлице, Фридланде, Витебске, Смоленске. Сражайтесь так, чтоб позднейшие потомки могли с гордостью сказать о каждом из вас: «И он был на великом побоище под стенами Москвы!» Этот приказ, нарочно прочитанный на таких местах, где лежало много необрунных русских тел, воспламенил французов.

Теперь, когда уже на роковой шахматной доске Бородинского поля расставили мы все шашки и внимательно рассмотрели положение линий и предстоящие ходы обеих сторон, прежде, чем перейдем к рассказу о великой битве, представим еще читателю беглый панорамический взгляд на местность и некоторые моменты сражения. Делаем это теперь, чтобы после не перерывать уже начатого рассказа без особенной необходимости.

БЕГЛЫЙ ПАНОРАМИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА МЕСТНОСТЬ И НЕКОТОРЫЕ МОМЕНТЫ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ

Предположим, что один из французских художников делал свои заметки для составления панорамических картин Бородинского сражения. Он, конечно, избрал срединный пункт во французской армии. Станем вместе с ним где-нибудь в центре, например, против деревни Семеновской, сперва разрушенной, потом сожженной. Будем смотреть по порядку, вооружаясь по временам зрительною трубою и переносясь иногда с места на место мысленно. Взгляните вправо: вам представляются на краю горизонта березовые рощи, разрезанные вьющеюся полосою: это старая Смоленская дорога. По этой дороге подвигался 5-й корпус. Его вел Понятовский; в нем были поляки. Теперь шли они, может быть, по той же самой дороге, по которой, ровно за 200 лет (в 1612-м году), их прадеды и предки проходили к Москве от Смоленска. Но времена переменились! Корпус Понятовского, как мы уже знаем, составлял край

правого крыла французского, сражался на краю левого русского.

Все силы и все усилия обратил неприятель на наше левое крыло, утолпив свое правое. Кутузов отрядил генерал-лейтенанта Тучкова 1-го на старую Смоленскую дорогу. Тучков стал и отстаивал... Храбрый, мужественный, он ни на минуту не забывал, что стоит перед Москвою, что дерется за Москву; что Москва, этот сердечный город Империи, этот Иерусалим¹ древней Руси, есть град заветный, град сорока сороков церквей и соборов с золочеными главами и куполами, со множеством крестов, несущихся воздушными городами под самое небо; град, красующийся на семи холмах, занимающий пространство целой области, заключающий в себе целые города, и знаменитый исторический Кремль, с его зубчатыми башнями, святыми воротами; град, где древние храмы от древних лет вмещают в себя сокровища верующих, священные опочивальни честных мощей угодников царя небесного и длинные ряды гробниц, вместилище целых поколений царственных владык земных; град, где сохранились еще терема узорочные и светлицы цариц и царевен русских; где иноземец глядит с любопытством на дворцы императорские (белые чертоги царей) и дивится палатам и садам родового боярства русского.

Генералу Тучкову даны войска: 3-й пехотный корпус, шесть донских полков с генералом Карповым и 7000 Московского ополчения с графом Марковым. Видите ли прекрасное расположение этих войск? Корпус Тучкова поставлен в четыре линии; высокий курган увенчан сильною батареею: донцы и ополчение скрыты в засаде. Они раскроют себя, ударив во фланг неприятелю, когда он, слишком самонадеянный, начнет обходить позицию слева. Уж запылало в отдаленности... Поляки приближаются, страшные батареи ревут перед ними. Вся окрестность обстрелена. Ядра снуют по воздуху; картечи вихрятся. Но вот стальная река штыков и сабель, вот радужная лента уланских значков склоняются вправо... Неприятель намерен обходить — и вдруг (пишет Вентурини) высокий лес ожил и завыл бурею: 7000 русских бород высыпало из засады. С страшным криком, с самодельными пиками, с домашними топорами, они кидаются в неприятеля, как в чашу леса, и рубят людей, как дрова!..

¹ Выражение Вальтера Скотта. (Здесь и далее примеч. Ф. Глинки. Примеч. редакции указаны.)

Оставим Понятовского при его назначении на правом французском крыле, оставим его воевать с отдельным корпусом Тучкова и пойдем все влево, держась параллели с линией нашей главной армии. На этом пути мы встречаем корпус герцога Абрантесского (Жюно), расположенный по лесам и местам закрытым. Только дым, приметный над лесами и перелесками, обличает присутствие утаенного войска. Видите ли, как этот дым, сперва выстреливаясь вверх струями, кудрявится и вьется между кудрей красных и желтых дерев, которых осень уже коснулась перстом своим. Еще далее, еще левее расположены дивизии Десекса и Кампана, 1-го корпуса маршала Даву. Эти дивизии схватились с войсками князя Багратиона и дерутся на опушке леса. Они опираются на 3-й корпус Нея, стоящего против войск Бороздина. Третий французский корпус рисуется эшелонами подивизионно. Спросите, кто это, в блестящем маршальском мундире, с воинственной осанкою, сидит на белой лошади подле 3-го корпуса? «Это лев, во гневе махающий гривой; это человек, питающийся огнем и порохом — это Ней!» Так скажут нам французы. Недалеко от него ожидает условного знака одна из его батарей.

Посмотрим еще вокруг себя. Вот 1-й корпус кавалерии генерала Нансути; он занимает пространство между войсками Нея и одним пехотным каре против сожженной деревни. Этот корпус (из двух дивизий кирасир, одной легкой кавалерии и бригады Виртембергиевой) бьется с полками кирасир русских, которые еще раз пытаются отнять позицию при деревне Семеновской. Какая картина! Реданты Семеновские на минуту захвачены французами. Кутузов тотчас велит поставить новую боковую батарею в 25 пушек. Она приведена в соединение с другими и, крестя поле, режет французов продольными выстрелами по фронту и в тыл. Ядра пронизывают ряды. Между тем реданты опять в руках русских, и вот Мюрат мчится впереди, и за ним целый разлив его кавалерии. Он наезжает прямо на реданты, а Голицын с кирасирами объезжает его прямо с боку и в тыл. Как они режутся! Какая теснота! Конница топчет раненых; трупы дробятся под колесами артиллерии. Живые конные стены сшибаются, трещат и, под грозным гулом пальбы, при страшных криках, среди лопающихся гранат, без памяти хлещутся палашами и саблями. И вот (я боюсь, чтобы вы не закричали ура!) наша конница расшибла французские эскадроны: они мешаются,

кружатся, бегут... Один между ними не хочет бежать!.. Конь под ним крутится. Блестящий всадник кличет, машет саблею. «Ко мне, французы! ко мне!» Напрасно! Он окружен чужими... Палаш и сабля русские висят над воином в фантастических одеждах, его узнали: это он! — Король Неаполитанский! Его ловят, хватают!.. Слышите ли радостный крик: «Он наш! он наш! Король в полону!» Ближняя пушка, разгоряченная пальбою, с странным треском лопается, осколки и клинья летят дугами вверх, зарядный ящик вспыхивает, и черный клуб дыма с комами взбрызнутой земли застенияют от глаз все частные явления. — Чу! прислушайте! в лесу направо загремело. Опять этот лес ожил, опять задымился... Но там нет русских, а там сражаются... Это вестфальцы: сквозь дым и пыль французы показались им чужими; они стреляют по своим! Оставим их в этом смятении и пойдем далее.

Вот здесь, в стороне, видите вы окареенный полк. Это 33-й линейный. Он поднял щетину штыков и дерется с нашею конницею. Кирасиры его и ее императорских величеств кидаются, напирают и жмут это несчастное каре. Но уже спешит, перебираясь чрез овраг, свернутый в колонну 48-й полк (из дивизии Фрияна); он торопится на выручку к 33-му; к Фрияновой же дивизии принадлежит и полк Испанский — Иосифа Наполеона. С роскошных долин Андалузии он перенесен каким-то волшебством на суровые поля подмосковные — и вот, одетый в белые мундиры, этот полк, ярко отличаясь от прочих, идет белою колонною по черным огаркам погорелой деревни.

Но что там подле самого окареенного 33-го полка? Какие-то стройные фигуры в блестящих мундирах. Это он! это опять король Неаполитанский. Он ускользнул из плена и очутился здесь. Рядом с ним престарелый храбрец генерал Фриян и генерал Бельяр, еще один свитский полковник и один из рассыльных ординарцев Наполеона. Все увлечены общим беспорядком, всех загнала сюда буря скачущих кирасир. Король и генералы торопятся спешиться и замыкают себя от каре. Видите ли вы целую конную колесистую крепость? Эта батарея из 80-ти орудий. Шестьсот лошадей готовы двинуть и мчат вперёд эти пушки.

Усмотрев всю важность позиции при деревне Семеновской, Наполеон поставил тут громадную батарею под начальством генерала Сорбье и назвал ее *адскою!* Он уверен был, что русские станут жестоко драться за деревню Семе-

новскую. И в самом деле, смотрите, смотрите! Русские в огромных массах несутся на этот заветный пункт. Но день погас. Красный клуб огня и дыма покатился по полю, и целая буря картечи засвистала навстречу наступающим. Нет мужества, которое могло бы идти против такого урагана! Отпорная сила батарей остановила наших. Но не ожидайте увидеть тыл их!.. Под самыми пушками французскими русские, при невозможности подвигаться вперед и с твердою решимостью не отступать назад, приросли к земле ногами,— как видно, что земля эта им родная! и падают, уничтожаемые неотразимым могуществом артиллерии. Однако ж, и в этих ужасных для нас обстоятельствах, некоторые из пушек французских вправо — сорваны наскоком кавалерии русской.

Пройдем скорее эту громоносную батарею Сорбье, эти метели картечи, эти сугробы мертвых и умирающих!.. Там, еще левее, поставлен корпус (2-й кавалерийский) генерала Коленкура. Блестящ и молод этот генерал! Число битв, в которых он находился, превышает число лет его жизни. Это брат человека, знакомого нам по Петербургу. В этом корпусе была одна дивизия кирасир, с которою Коленкур бросился на главный бастионный редут (люнет, или Раевского батарею), въехал на редут и не съезжал уже более! Позади его войск стоит 4-й кавалерийский корпус генерала Латур-Мобурга. Боевой порядок в две линии. По правому крылу он сосед белого Испанского полка.

За 2-м кавалерийским корпусом (спускаясь все справа налево по линии) видим три дивизии пехоты из 4-го вице-короля Италиянского корпуса. Ближайшая к ним дивизия Жерара, другая Брусье, третья Морана; а там, насупротив батареи Раевского, толпится длинною колонною дивизия Клапареда. Во всех трех дивизиях первые бригады фронтom, вторые в колоннах. Этим дивизиям жарко от корпусов Дохтурова и Остермана! Мы все идем влево и встречаемся с войсками Груши. Это 3-й кавалерийский корпус. Он в движении. Видите ли, как высоко взвиваются над ним облака пыли? Еще далее, еще левее, за речкою Колочкою, которая, спрятавшись в свои крутые берега, бежит под пушками обеих линий, около Бородина поставлена дивизия Дельзона, подпертая батареею в 30 орудий! Ею командует Дантуар. Вы видите густой дым немного в стороне от Бородина: он вьется над этим войском и этою батареею, на закрайке левого французского крыла, гораздо левее Бородина, стоят на тучных немецких конях баварцы. Это дивизи-

зия Орнано. Против нее чернеет масса русской кавалерии Уварова.

Замечали ль вы, проходя по линии, там и там рассеянных русских мужиков с пиками и без пик, с топором за поясом, как будто вышедших на дело сельских работ? Безоружные, они втесняются в толпу вооруженных, ходят под бурею картечи и — вы видели — они нагибались, что-то подымали, уносили... Это 10 000 смоленского ополчения. Распоряжаясь хозяйственно всеми частями битвы, Кутузов приказал смоленскому ополчению уносить раненых из-под пуль сражающихся, из-под копыт и колес конницы и артиллерии. И набожно, добросовестно исполняли смоленцы обязанность свою. Когда ядро визжало над их головою, они снимали шапку, говорили: «Господи помилуй!», крестились и продолжали свое дело — великое, христианское дело помощи! Вы заметили, может быть, также телеги, расставленные огромными вагенбургам или тянущиеся цепью за нашу линию. Это 12 000 подвод, которые все он, все тот же хозяин, Кутузов, собрал для отвоза раненых. У французов этого не было; зато их раненые задыхались под мертвыми — и трупы их были растоптаны копытами, раздавлены колесами артиллерии.

Но возвратимся на точку, с которой начали. Видите ли вы это возвышение перед деревнею Семеновскою?.. Всмотритесь в него. Это достопамятное место! Вон там, на самом краю глубокого оврага, в простой серой шинели, в треугольной шляпе, один, без свиты, только с одним еще человеком, стоит всадник. Недалеко перейдя за черту средних лет, он, кажется, еще пользуется лучшим здоровьем. Он невелик ростом, дороден, сложен плотно и, по привычке или с природы, имеет плечи немного вздернутые кверху; оттого шея кажется короткою. Голова его, видно по уму; а не по росту, очень велика; лицо широкое. Цвет лица изжелта-бледноватый. Его волосы черные, гладкие; глаза иссера-голубоватые, обогнутые густыми бровями. Улыбка выказывает ряд прекрасных зубов. Он имел еще что-то прекрасное: это его полные, нежные руки, и, кажется, он любил дорожить этим мелочным преимуществом. Профиль его лица греческий. Его взгляд молния; но черты лица неподвижны, вид молчаливо-задумчив. Только две страсти ярко выражались на этом лице: радость и гнев. Он говорил, как будто все приказывал, отрывисто, сухо. Его речи, фразы сжатые, полные мысли, часто поэзии. Иногда в его разговоре, даже в произношении и поступках, проглядывал

корсиканец. Теперь вы догадываетесь, о ком я говорю: это Наполеон! Он носил, и как-то по-своему, мундир одного из своих полков и шляпу трехгранную, низкую, какие нашивали до революции. По этой единственной шляпе и по оригинальной обрисовке его особы армия узнавала императора-полководца издали. По этой шляпе и обрисовке, спустя 20 лет, когда однажды на одном из парижских театров являлись на сцене океан и скала, и на эту скалу взошел актер небольшого роста в треугольной шляпе, с скрещенными на груди руками, весь партер, все зрители лож вскочили с мест, закипели воспоминанием, и клики восторженных слились в одно: «Это он! Это он!» (*c'est lui! c'est lui!*).

И это был точно он, там, вблизи Шевардинского редута, на возвышении достопамятном, в простой серой шинели (которую надевал в поле) и в своей приметной шляпе.

Теперь видите ли, он сошел с лошади и, взяв под руку одного из генералов, которого называл своим рупором (слуховая труба у моряков), потому что он всегда верно повторял его слова, его приказания; другие называли его эхом Наполеона, — взяв под руку Бертье (ибо это был он), Наполеон, о чем-то с ним совещаюсь, расхаживает по самому краю оврага. На этот раз, при стене поля Бородинского, заботливая нерешительность изображается на лице полководца. Замечаете ли вы поступь его, довольно мерную, но тяжелую? Это тяжелое ступанье по земле, которую он как будто хотел раздавить, замечали в нем издавна. И это-то подавало повод находить черту сравнения с апокалипсическим Аполлионом, которому народное предание придает также ноги крепкие, походку тяжелую. Эта же черта замечается и в описании Мамай, другого предводителя нашествия на Россию! Но обратимся к Наполеону бородинскому. Вот прискакал к нему стройный французский офицер, весь в порохе, лошадь в мыле. Это Готпуль (*Hautpoul*), посланный Неем за секурсом. На его донесение Наполеон отвечает нерешимостью. Он посматривает на Бертье, говорит с ним что-то вполголоса, советуется и все не решается... «Государь! — сказал присланный, — минуты дороги!.. По линиям разбегаются молва, что Багратион бьет Нея!» — «Спешите! — сказал Наполеон, — к Клапареду, отведите дивизию его к Нею». Готпуль повернул лошадь и мчится. Но припадок нерешительности возобновляется. Видите ли? Наполеон делает движение рукою, двадцать адъютантов летят и ворочают посланного.

Опять советуются с Бертье и, вместо Клапареда, велют вести к Нею Фрияна. Французские тактики говорят: «Наполеон, поддавшись раздумью, упустил роковую 1/4 часа и упустил много!..» Ему бы самому (так, как он то сделал позже, и тогда было уже поздно!) помчаться к редантам и магическим появлением своим удвоить силу своих! Он не сделал этого! Однако ж он участвует в переходах боя, в порывистом наезде кавалерии, участвует... издалека! Смотрите! Он весь превратился в зрение и... (что это значит?) Видите? Видите? Наполеон захлопал в ладоши, Наполеон аплодирует? Король Неаполитанский помчался на реданты. Наполеон увидел его и захлопал. Король атакует, император аплодирует: «*Ils y vont, ils y vont: ils y sont*»¹, — восклицает Наполеон и приказывает подать себе (*a caisse d'ordonnance*) ящик с крестами. Награды сыплются на храбрых. Так орлиным взором следит он за роковыми переходами сражения, которое сам назвал исполнинским.

Теперь перенесемся мысленно на противоположную высоту, соседственную с курганом Горецким. Ее легко отыскать у корпуса Дохтурова. Там также есть человек замечательный. Он все на той же маленькой лошадке; все в той же, как мы уже описали, одежде. Он окружен множеством офицеров, которых беспрестанно рассылает с приказаниями. Одни скачут от него, другие к нему. Он спокоен, совершенно спокоен, видит одним глазом, а глядит в оба, хозяйственно распоряжается битвою; иногда весело потирает рука об руку (это его привычка) и по временам разговаривает с окружающими, но чаще молчит и наблюдает. Это Кутузов. К нему подъезжают генералы. Остановимся на одном. Вот он, на прекрасной, прыгающей лошади, сидит свободно и весело. Лошадь оседлана богато: чепрак залит золотом, украшен орденовыми звездами. Он сам одет щегольски, в блестящем генеральском мундире; на шее кресты (и сколько крестов!), на груди звезды, на эфесе шпаги горит крупный алмаз. Но дорожке всех алмазов слова, вырезанные на этой достопамятной шпаге. На ней написано: «Спасителю Бухареста!» Благодарный народ поднес этот трофей победителю при Обилейшти. Средний рост, ширина в плечах, грудь высокая, холмистая, черты лица, обличающие происхождение сербское: вот приметы генерала приятной наружности, тогда еще в средних летах. До-

¹ Они поехали, они поехали: они уж там.

вольно большой сербский нос не портил лица его, продолговато-округлого, веселого, открытого. Русые волосы легко оттеняли чело, слегка прочеркнутое морщинами. Очерк голубых глаз был продолговатый, что придавало им особенную приятность. Улыбка скрашивала губы узкие, даже поджатые. У иных это означает скупость, в нем могло означать какую-то внутреннюю силу, потому что щедрость его доходила до расточительности. Высокий султан волновался на высокой шляпе. Он, казалось, оделся на званый пир!.. Бодрый, говорливый (таков он всегда бывал в сражении), он развезжал на поле смерти как в своем домашнем парке: заставлял лошадь делать лансады, спокойно набивал себе трубку, еще спокойнее раскуривал ее и дружески разговаривал с солдатами. «Стой, ребята, не шевелись! дерись, где стоишь! Я далеко уезжал *назад*: нет приюта, нет спасения! Везде долетают ядра, *везде бьет! В этом сражении тусу нет места!*» Солдаты любовались такими выходками и добрым видом генерала, которого знали еще с италийских походов. «Тут все в беспорядке!» — говорили ему, указывая на разбитые колонны. «Бог мой! (его привычное слово), я люблю это: *порядок в беспорядке!*» — повторял он протяжно, как будто нараспев. Пули сшибали султан с его шляпы, ранили и били под ним лошадей; он не смущался: переменил лошадь, закуривал трубку, поправлял свои кресты и обвивал около шеи амарантовую шаль, которой концы живописно развевались по воздуху. Французы называли его *русским Баярдом*; у нас, за удалство, немного щеголеватое, сравнивали его с французским Мюратом. И он не уступал в храбрости обоим! Один из самых неустрашимых генералов, А. П. Ермолов, писал к нему: «Чтоб быть везде при Вашем Превосходительстве, надобно иметь *запасную жизнь*». — Это был генерал Милорадович! Вызываемый на служение отечеству нарочными письмами прежнего Главнокомандующего, Барклая-де-Толля, он, за два дня перед великим сражением, с суворовскою быстротою привел или, лучше сказать, привез из Калуги 15 000 набранных им войск.

Другой, подъехавший к Главнокомандующему, был росту высокого, лет, приближавшихся к средним. Это был мужчина сухощавый, с темными, несколько кудреватыми волосами, с орлиным носом, с темно-голубыми глазами, в которых мелькала задумчивость, чаще рассеянность. Важные, резкие черты отличали его смуглое, значительное лицо, по которому можно было отгадать характер само-

стоятельный¹. На этом лице, воинственно-красивом, приметны следы какого-то внутреннего томления: это следы недавней болезни! Звук трубы военной поднял генерала с овра и ринул его прямо в битву. Осанка и приемы обли-чали в нем человека высшей аристократии, но в одежде был он небрежен, лошадь имел простую. Он носил в сра-жении очки, в руке держал нагайку; бурка или шинель свешивалась с плеча его. Отвага не раз увлекала его за пределы всякого благоразумия. Часто, видя отстающего солдата, он замахивался нагайкою, солдат на него огляды-вался, и что ж?.. Оказывалось, что он понукал вперед французского стрелка!.. Обманутый зрением, привычною рассеянностью, а еще более врожденною запальчивостью, он миновал своих и заезжал в линию стрелков француз-ских, хозяйничая у неприятеля, как дома. Он командовал под Витебском и велел удерживать один важный пункт. Долго крепились наши; наконец, к нему прислан адъю-тант, с словами: «Неприятель одолевает; что прикажете делать?» Понимая всю важность удерживаемого пункта, он отвечает не обинуясь: «*Стоять и умирать!*» Это был граф Остерман! Он командовал корпусом в Бородинском сражении. Бесперывный прилив и отлив лиц и мундиров происходил около Главнокомандующего. Физиономия ок-ружавшей его толпы беспрестанно изменялась.

И вот подскакал какой-то стройный гвардейский адъ-ютант, с легкими рябинами на лице; левою сдержал коня, правую приподнял фуражку и, наклонясь к самому лицу Главнокомандующего, доложил о чем-то тихо и стал наря-ду с другими. На лице Кутузова мелькнуло легкое сомне-ние. Но, после минутной задумчивости, он просиял, оборо-тился к своим, снял фуражку, перекрестился и сказал громко: «Мне донесли, что король Неаполитанский взят в плен!» и прибавил: «Надобно подождать подтверждения». Вот подъезжают два казака и между ними *кто-то* на ма-леньком крестьянском коньке (которых французы называ-ли *коньяк*); этот кто-то — малорослый, тучный, конечно, не сановитый король Неаполитанский! Это генерал Бон-Ами. В порыве отчаянной храбрости, впереди 30-го линей-ного полка, он вскочил на большой редут и взят в плен, по-крытый ранами. Солдаты, изумленные такою храбростью, почтили его, ошибкою, названием Мюрата. И вот он, в

¹ Вследствие которого, гораздо позднее, он предпринял и со-вершил огромное путешествие по Востоку: видел Иерусалим, про-ехал Сирию и обозрел многие земли Оттоманской Империи.

страшном растрепе, подъезжает, пошатываясь то на ту, то на другую сторону от ран или какой другой причины. «Доктора!» — закричал Кутузов и, сказав несколько слов с пленным, велел его перевязать. Под мундиром французского храбреца нашли две фуфайки, а под ними — все тело, исцарапанное штыками. Раны были легки, но многочисленны: их насчитывали более 20-ти.

Кутузов остается все на том же месте. К нему, как к центру, стекаются все пити, все радиусы. Подле него стоят длинные пушки, готовые заговорить. Далее и ниже выставлены еще пушки, которые иногда палят и распугивают толпы французов в Бородине. Красные космы пламя вырываются оттуда из-за дыма. Бородино горит! Люди, с высоты кажущиеся маленькими, шевелятся между распадающихся домов и лопающихся гранат. И так два вождя стояли на двух возвышениях. Оба, по положению своему, были выше всего, что совершалось под ними! Две воли сильных, две мысли могучих встречались между собою, останавливались, мерили одна другую и потом схватывались и вступали в борьбу небывалую. Движение 300 000 воинов, гром 1600 орудий — бой, какого не видала земля русская после *побоища Задонского*, — были только более или менее близкими развитиями встречи и борьбы этих двух властительных мыслей.

Но пора закончить общее обозрение. Вы видели Наполеона. Он один, с ним только Бертье; немного поодаль за ним, на площадке, взрытой ядрами и гранатами русскими, стоят офицеры его главного штаба.

Несколько правее от этого достопамятного места вы видите дивизию *молодой гвардии* под начальством генерала Роге. Она в движении, она идет поддержать дивизию генерала Фрияна, который и сам, помните, в глазах ваших замкнулся в *каре* с королем и другим генералом. Там, еще далее, у двух холмов, ограничивающих даль, синеют длинные линии, целый лес железа и стали! Это императорская гвардия! — последний резерв французский. Отсюда вы легко можете увидеть изгибы (новой) Смоленской дороги, по которой пришла французская армия и по которой теперь тянутся артиллерийские резервы, парки, толпы отсталых, и все это пылит воздух, как будто идет другая армия.

Еще далее, почти на краю горизонта, за двумя округленными холмами, рисуются колокольни Колоцкого монастыря, где Наполеон учредил *подвижной госпиталь* со всеми снадобьями для больных и раненых. Перенесите теперь

то, что мы видели и записали, перенесите с бумаги на холст, размажьте ваши смелые очерки широкою кистью — и вы будете иметь ряд картин, ответственных ряду *моментов* Бородинской битвы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВСТУПЛЕНИЕ К ОПИСАНИЮ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ

Мы отметили на плане деревни по категориям, по разрядам, так сказать, *по семействам*. К первому разряду принадлежат деревни, *облегающие* наше правое и французское левое крыло; *ко второму* — сгруппированные около французского правого и нашего левого крыла, а к третьему, по ту и другую сторону Колочи, приуроченные к нашему и неприятельскому центру. Семеновское — место роковое и славное! — должно отличаться в семействе деревень и селений, прилегающих к *левому крылу*.

Выясняя для себя более и более картину битвы Бородинской, обставьте замеченные деревни и поименованные при них урочища — берега Колочи, Войни, Стонца, Огника; оврагов: Горецкого, Семеновского, Шевардинского и проч. — Обставьте их войсками, руководствуясь прекрасным описанием и планом Д. П. Бутурлина, и вы будете уже иметь две трети из целого, валового понятия о битве Бородинской. Узнав, где стояли и кто *где* стоял, вам останется только узнать, *что делали*.

Итак, остальная часть состоять будет в объяснении *переходов* (так сказать), *переливов* одного протяжного звука в обрисовке *фасов, видов, эпох* самого сражения. Узнав *места, лица и действия*, вы узнаете все.

Попытаемся ж сказать по одному слову о каждом из этих *переходов* и пронять их общию нитью хотя беглого, летучего рассказа.

Эти переходы, при всей своей неуловимости в их частных подробностях, подходят также, в своем общем объеме, под *три* категории. Бои, троекратно возобновлявшиеся за *реданты* Семеновские, *атака* Бородина и взятие *большого люнета*, составляют эти три категории. Война Тучкова 1-го, командира отдельного корпуса, есть *четвертое* действие кровавого драматического представления на поле Бородинском.

Потеря редантов и высот, которые защищал храбрый Тучков; вторичное взятие люнета; выезд Уварова против левого крыла французов и частные распоряжения Кутузова и Наполеона составляют *второй ряд* явлений, сопровождавшихся, как и прежние, непрерывным громом артиллерии и блестящими, часто разрушительными, выездами обеих армий кавалерии. О действиях бородинской артиллерии можно сказать одно и одним словом: во все продолжение битвы я слышал *беспрерывно батальный огонь из пушек*. Батальный или беглый ружейный огонь исчезал в пушечном в этой баталии пушек.

Пройдем нить происшествий.

В продолжение ночи с 25-го на 26-е французские саперы рылись кротами в нашей *русской* земле: делали *эполементы*; топоры стучали в глуши ночной: строили мосты на Колочи.

Армия французская состояла из 11 *корпусов*. Из них 8-м сгустились вдоль нашего левого крыла. Это была огромная, плотная масса, которую новый Эпаминонд хотел обрушить на левое наше крыло. Ею-то, как могучим тараном, готовился он бить нас по *крылу*, слегка защищенному.

Наши генералы с их корпусами стояли так, или почти так: Баговут и граф Остерман от Московской дороги (смотря на Смоленск) направо над изгибистою Колочью; Дохтуров возле Остермана — от большой дороги до большой батареи второй за Горецким курганом, называвшейся его именем или именем его корпуса¹, Раевский после Дохтурова: правым плечом у люнета, а левым у Семеновского. Бороздин и граф Воронцов (оба с гренадерами) назначались к защите редантов *Семеновских*: войска их *правым* плечом трогали Семеновское, левым упирались в лес. На крайней оконечности левого крыла ратовал и богатырствовал Тучков 1-й. Но ему, этому грозно выказавшемуся Тучкову, надлежало бы исчезнуть, пропасть, *затаиться*, не стоять на страже, но *сторожить*. По примеру прародителей наших, славян, Тучкову с его 3-м корпусом надлежало залечь где-нибудь в лесу в кустах, в траве, *притаить дух и стеречь*... Таково было намерение Кутузова! Он хотел употребить *военную хитрость*, сделать *засаду*. Он распорядился, чтоб Тучков 1-й с 3-м корпусом и граф Марков

¹ На большой новой Смоленской дороге построили две батареи: одну — на самом кургане Горецком, другую в 200 саженьях впереди, на скате правого берега Колочи: эту — солдаты называли батареею Дохтурова.

с 7 000 ополчения засели, скрылись за курганом близ Утицы и ударили бы *неожиданно* во фланг и в тыл, когда неприятель станет обходить нас по *старой* Смоленской дороге. Так было сказано, но не так было сделано. Генерал Бенитсен, не вполне уведомленный о намерении Главнокомандующего, выставил войско наружу и тем нарушил тайну засады. Кутузов хотел, может быть и смог бы, обмануть Наполеона; но зоркий глаз Наполеона видел также далеко: он угадал перемещение Тучкова по бивачным огням, угадал и взял свои меры: Понятовскому предписано не обходить Тучкова, а сражаться с ним!

Гвардия составляла резерв — за Дохтуровым и Раевским. За каждым корпусом пехоты стоял корпус кавалерии. Сам Кутузов, с своим штабом, находился при войсках Дохтурова у большой дороги — на видном месте. Начальник всей артиллерии — граф Кутайсов. При Главнокомандующем находился знаменитый генерал Бенитсен. Барклай и Багратион командовали обеими западными армиями, 1-ю и 2-ю, а Милорадович правым крылом. Кутузов был военачальником всех войск.

С французской стороны, сколько известно, сделаны следующие предположения: Понятовский должен был идти по *старой Смоленской дороге* и, взойдя на одну высоту с *редантами Семеновскими*, принять *вправо* для обхода левого крыла русского. Впоследствии, как мы сказали, ему приказано не обходить, а сражаться с корпусом Тучкова.

Даву и Ней имели приказание штурмовать три реданта, на долю вице-короля оставлены: Бородино и большой *люнет*. Наполеон надеялся сорвать реданты, оттеснить наши войска и сбить их за *большую дорогу*, овладев ею. Короче — он хотел загнать нашу армию в угол, составляемый Колочею при впадении ее в реку Москву. Намерение дерзкое! Прижав таким образом армию в *тесное место*, он думал отрезать ее от Москвы и полуденной России и заставить положить ружье. Навести большое число войск на *меньшее*, рассечь нашу армию надвое и бить *по частям*: вот замысел Наполеона, возможный по расчетам тактики, но трудный в приложении к делу!

Ночные распоряжения неприятеля открылись, когда ободняло. Кутузов, с высокого места, где стоял хозяином, увидел *огромные массы* пехоты и кавалерии, расставленные против редантов Семеновских. Хвосты колонн терялись в лесу и, через этот оптический обман, представляли армию бесконечную!.. Это столкновение войск на правом

крыле неприятельском подало мысль послать Баговута с правого на левое крыло наше.

Начнем сначала и постараемся означить *эпохи по часам*, сколько то возможно. Сражение открылось в 6-ть часов утра.

120 орудий загремели со стороны французов. Когда боевые колонны неприятельские во множестве стали видны в поле, было уже 7-мь часов утра. Неприятель обставил все высоты ужасным количеством артиллерии. Пальба его могла вредить более нашей: он, как зачинщик, действовал откуда и как хотел и действовал *концентрически* (сосредоточенно); мы, как ответчики, действовали, как позволяло местоположение, и потому часто разобщенно, *эксцентрически*. Первый выступ французов был следующий: Понятовский шел около большого леса на Утицу. Даву вдоль *через* лес. Две громадных батареи потянулись прямо на позицию, чтоб бить по редантам. Маршалы Даву и Ней воюют у этих окопов. Головы колонн их то выказываются, то прячутся в лес, не вытерпывая пальбы нашей. Наконец, нападение на реданты начинается: французы бегут в промежутки, чтоб захватить их с тылу. Сводные гренадерские батальоны графа Воронцова отстаивают свои батареи. Но усилиям гренадер не устоять против превосходной силы! Маршалы овладели всеми тремя редантами, а генерал Дюфур захватил Семеновское. И тогда было 9-ть, иные говорят 10 часов утра. Некоторые (это любимое мнение французов), поверившие на слово хвастливому 18-му бюллетеню Наполеона, полагают и хотят уверить, что в 9-ть или 10-ть часов утра мы были *в величайшей опасности*, что *линия наша разрезана*, судьба сражения висела на волоске и проч. и проч. Помня ход сражения и быв свидетелем духа и мужества наших, я не могу согласиться в мнении, изложенном выше. О потере *редантов Семеновских* можно сказать то же, что Кутузов сказал о потере Москвы: они не составили бы потери сражения. Но скажут: «Армия могла быть разрезана, линия изломана и проч. и проч.». Отвечаю: опыт показывает, что линия Русская, пробитая, разрезанная, изломанная, все еще дерется. В первом периоде сражения несколько конных полков французских вдруг заскакали в тыл 6-му и 7-му корпусам. Линия казалась разорванной, но полки Дохтурова и Раевского несколько не смешались: им пришла самая простая, естественная мысль: «Неприятель *сзади*, выворотимся наизнанку, станем бить по передним с передних, по

задним с *задних фасов*». И, развернув эти фасы, они открыли такой огонь, что неприятель, неистово-опрометчивый в своих наскоках, сам не знал, что с собою делать! И один ли этот случай в продолжении Бородинского сражения? Около 4-х часов пополудни я находился за последним резервом, где перевязывали раненых. Я проводил раненого брата и был свидетелем, как пилили ногу Алексею Николаевичу Бахметьеву. Вдруг видим вестфальцев. Огромные, как старинные богатыри, они выехали из лесу, их было немного — и стали. На вопрос: «что вам надобно?» неприятельские воины, еще *непленные*, отвечали: «Мы ищем короля Неаполитанского; он должен быть здесь». Разумеется, их взяли, как баранов. Разрезать линию Русскую можно, и бить русских можно, но разбить и покорить мудрено! Я как теперь помню поле, которое тянулось от Брина к Аустерлицу. Оно усеяно было обломками линии — колоннами разброшенными, раздвинутыми, гонимыми. Но эти колонны наши с утра до вечера дрались и не поддавались, клали головы, не думая положить ружье! Одну, как теперь вижу, бьют, другая, пользуясь минутою, продвигается вперед; налягут на ту, третья подвигается; и так все волновалось, мешалось и дралось! подобное было и у *редантов Семеновских!*..

Подошел Бороздин, генерал-лейтенант с гренадерами 2-й дивизии, примчался Коновницын, и первый — реданты, а последний — Семеновское отбили.

Маршалы, подкрепясь дивизиями Нансути и Латур-Мобура, опять завладели *редантами* и опять выбиты из них *дивизиею* Коновницына. В это время показывается 8-й корпус Жюно, и Ней отсылает его к Понятовскому с поручением действовать на *промежуток* (между корпусом Тучкова и левым крылом главной линии), не довольно защищенной. Граф Воронцов ранен; маршалы водят на реданты, одну за другой, дивизии Кампана, Дессекса, Фриана, прибывшего позднее, Ледрю, Маршана, Разу и корпуса кавалерии. На левом крыле генерал Тучков 1-й оттеснен, оттеснен и смертельно ранен. Его атаквали дивизии: Заиончика, Княжевича и конница генерала Себастиани. С нашей стороны лес на *старой Смоленской дороге* и сказанный выше промежуток храбро защищал с стрелками князь Шаховской. Сражение, затихая и возгораясь, продолжается у редантов и за реданты. Тучков 4-й убит при *среднем*. Мюрат, с целою громадою конницы, наехал прямо на окопы; князь Голицын объехал его сбоку. Рубка

ужасная! Все это деялось еще до *полудня*. Неприятель приутих. Тишина перед бурей!!!

Раздражаясь неудачами, Наполеон сосредоточивает 400 пушек и много пехоты, много кавалерии. С нашей стороны выдвинуты резервы и перед ними тянутся 300 орудий.

Все это на левом крыле, все перед теми же *роковыми редантами!*

Французы дерутся жестоко, дерутся отчаянно, 700 пушек гремят на одной квадратной версте; бой кипит; спорные окопы облиты кровью, переходят из рук в руки и... остаются за неприятелем!

Тогда раздается повсеместное «ура!» на линии Русской, сам Багратион ведет свое *левое крыло в штыки*. Бой невероятный! Люди олютели; пушки лопались от разгорячения; зарядные ящики взлетают на воздух. Кони без седоков ржут и бегают оседланными табунами. Все было кровь и сеча в огненной атмосфере этого сражения. Багратион ранен. Стадо остается без пастыря; но Коновницын собирает войско, это было уже в 1-м часу дня, и уводит на высоты, построив их между Семеновским каре Измайловского и Литовского полков, к которым Васильчиков пристроил остатки своей и Неверовского дивизий.

Тут же собрались остатки дивизий Воронцова и принца Мекленбургского. Измайловский и Литовский полки, став эшелонами в каре, отражают тяжелый натиск железных людей (*gens de fer*): так называл Наполеон своих кирасир; а кирасиры Бороздина (генерал-майора) и Кретьова удачно атакою сгоняют с поля неприятеля, расстроенного батальным огнем гвардейских каре. Чтоб дать лучшее понятие о *троекратном* приступе маршалов к редантам, я прилагаю самую краткую записку, из которой можно увидеть последовательный ход предприятий у редантов Семеновских.

ПЕРВОЕ НАПАДЕНИЕ (НА РЕДАНТЫ) МАРШАЛОВ

Между 6-м и 7-м часами утра войска Наполеоновы, на обоих крылах, начали вступать в сражение.

Главные силы направлены к редантам Семеновским. Маршал Даву изготовил к атаке две дивизии: Кампана и Дессекса, пусть впереди их батареи. Намерение было: прокравшись через леса, ударить на реданты *с тылу*. Пе-

реход через лес представлял много препятствий. Наконец войска вышли, кинулись на реданты и овладели *одним*. Но гренадеры Воронцова и дивизии 27 Неверовского выбили неприятеля.

Наполеон усугубляет силы присоединением Нея к Даву. Дивизия Ледрю идет впереди, Маршан и Разу с своими за нею. 8-й корпус Жюно, из вестфальцев, следует за 3-м. Туда же и Мюрат направляет: Пансути (1-й кавал. кор.), Монбрена (2-й кавал. кор.) и Латур-Мобура (4-й кавал. кор.) вслед за маршалами. Разумеется, все, что ни делалось, делалось с разрешения или приказа самого Наполеона.

Князь Багратион, видя массы неприятельские, спешит подкрепить свое левое крыло. У Тучкова 1-го взята 3-я дивизия Коновницына. 2-я кирасирская выдвинута перед дер. Семеновскою. Кутузов, с тою же заботливостью о *левом крыле*, присылает в подмогу ему *три* кирасирских полка и 8-мь орудий конной гвардейской артиллерии с полковником Козеным. И, вслед за этими, отряжены туда же полки Измайловский и Литовский, покрывшие себя славою. И 2-й пехотный корпус (Баговуга) переведен также на *левое крыло*.

Но все это не помешало трем французским дивизиям, Кампана, Дессекса и Ледрю, подступить и кинуться на *реданты* и завладеть *одним*. Сводные гренадеры идут драться за свой окоп. Граф Сиверс подводит полки: Новороссийский драгунский, Ахтырский гусарский и Литовский уланский, да несколько конных орудий, и неприятель выбит и гоним. Дивизия Маршана и бригада Бермана поддерживают своих. Тут граф Воронцов ранен.

ВТОРОЕ НАПАДЕНИЕ МАРШАЛОВ НА РЕДАНТЫ

Наполеон велит, и маршалы опять приступают к редантам. Дивизия (27) Неверовского несколько раз их отражает. Дорохов, с конницею, рубит и врубается. Но все-таки французы овладевают укреплениями между 10-м и 11-м часами утра. Генерал Дюфур взял деревню Семеновскую. Но Коновницын и Бороздин лишают всех успехов неприятеля. Тогда Ней, пустив вперед дивизию Разу с корпусами Пансути и Латур-Мобура, идет и берет реданты. Но Коновницын наступает и отнимает.

ТРЕТЬЕ НАПАДЕНИЕ МАРШАЛОВ

Колонны неприятельские роились в поле, 400 орудий покровительствовали им. Картечь наших 300 пушек не могла остановить их. Они падали, сжимались и шли! Тогда Багратион ведет все левое крыло в штыки. Сшиблись, освирепели и дрались до упаду! Багратион ранен. Редацты в руках французов. Нансути и Латур несутся, чтобы отсечь левое крыло от середины главной линии нашей. Каре гвардейские отражают атаку. Бороздин и Кретов, уже раненный, с полками громких имен: Екатеринославским и Орденским кирасирскими, прогоняют тучи неприятельской кавалерии за овраг. Кончились атаки маршалов, и *позднее* один Ней, исполняя мысль Наполеона, с двумя корпусами пехоты и двумя кавалерии, повел свою огромную атаку на середину нашей линии. Наши колонны встретились, сшиблись и дрались с Неем отчаянно.

Между тем, отражаемый на левом крыле, и это было уже около 2-го часа пополудни, неприятель, неутомимый в предприятиях, потянулся против нашего центра. Вице-король выслал, с своей стороны, большие силы и, чрез совокупную атаку, захвачен *большой люнет*, важнейший пункт *центра*. Ермолов и Кутайсов, понимая всю важность *серединного пункта*, в котором вице-король хотел прорвать нашу линию, понимая всю опасность положения русской армии, не стерпели потери и, взяв один батальон Уфимского полка, идут и отбивают *люнет*. Генерал Бонами, захвативший укрепление, сам захвачен. Вице-король отвел войска, но навел выстрелы многочисленной артиллерии. Батареи стрелялись с батареями несколько часов сряду. Это был истинный поединок батарей! Желая отвлечь избыток сил неприятельских от левого крыла нашего, что, может быть, должно бы было сделать еще накануне, Кутузов посылает Уварова, с своего правого крыла, атаковать левое крыло французское. Атака эта не произвела ничего решительного в частном, но последствия ее были весьма важны для целого. Критическая минута выиграна! Наполеон задумался: наше левое крыло *вздохнуло!* Вице-король, отвлеченный на минуту выездом Уварова, спешит опять к своему месту, соединяет огромные силы и батареи против нашего центра, идет и берет большой люнет. Этот полудержавный воин, сам, с своим штабом, со шпагою в руках, вошел в укрепление, которому предлагал сдачу, нашими отвергнутую. *Люнет в другой раз* остается за фран-

пузами; но войска наши: дивизии Капцевича, Бахметьева 2-го, Бахметьева 1-го и остатки дивизий Паскевича и Лихачева стоят за Горецким *оврагом* целы и готовы к бою. Милорадович заменяет Дохтурова, посланного командовать вместо Багратиона, делает приличный обстоятельством *поворот на оси* и устраивает, на картечный выстрел, батареи, которые режут продольно потерянный *люнет* и толпящиеся около него войска французские. Многие и, с первого взгляда, как будто дельно пеняют Наполеону, почему не подкрепил он частных усилий маршалов всеми силами своей гвардии? Конечно, свежих 25 000 могли бы наделать много шума; но что ж осталось бы тогда у Наполеона? Ровно ничего! Пустив гвардию, он бросил бы в роковую чашу судеб последнюю свою лепту. У нас, после дела, осталось, еще не участвовавших в деле, 11 батальонов и 6 артиллерийских рот; наши казаки (более 1 000) с своим знаменитым атаманом были еще свежи и бодры; в наших двух ополчениях (Московское и Смоленское) можно было насчитать до 20 000. Если бы все это, с разных сторон, с одним кличем: «*Москва и Россия!*» кинулось в общую сечу, бог знает, на чью сторону склонились бы все правды? Всего вероятнее, могло случиться, что к Москве не дошли бы ни французы, ни русские, а явились бы, под стенами столицы, обломки двух армий, в толпах, пестрых составом и вооружением. Обе армии, если б дошло до крайности, могли разложиться. Но потеря армии потеря великая, еще не составила бы потери России, которая могла дать новую армию. И, отступая, мы сближались с нашими средствами, к нашим резервам; а Наполеон?! — Пустит ли он свою гвардию, и сгорит эта гвардия в общем разгаре Бородинского пожара, с чем дошел бы он до Москвы и на что мог бы опереться при своих предложениях о *мире*? Не знаю, что после этого должно сделать: порицать ли Наполеона за его нерешительность или хвалить за благоразумное *сбережение резервов*. По крайней мере, Кутузов в своем приказе, накануне Бородина, говорит: «Генерал, умевший сберечь свои резервы, еще не побежден!» Не подслушал ли Наполеон этих слов мудрого старца?

И ВОТ УЖЕ 4 ЧАСА ПОПОЛУДНИ!..

В это время Наполеон, производя лично обозрение линий, направляет удар на наш фронт (*Une charge de front*).

Его кавалерия, большею частью латники, несется на нашу пехоту,— и отбита.

В 5 ЧАСОВ ПОПОЛУДНИ

Все наши реданты и большой *люнет* решительно, и уже не в первый раз, захвачены. Французы *синим шарфом* опоясали позицию от Утицы через Семеновское. Но *две массы* русских войск еще целы: *одна* на высотах Семеновских, *другая* за курганом Горецким.

Барклай и Бенигсен, прискакав еще прежде на место разгрома, загнули наше левое крыло крюком, уперли его в лес, таивший в себе ополчение, и тем усилились и обезопасились от дальнейших обходов и новых покушений Нея. А Ней, пока все это происходит, отправляется добывать себе титул *князя Москворецкого*¹ и, в намерении загнать наших в Москву-реку, берет с собой все, что ни находит под рукою справа и слева. Он успел, как говорили, сосредоточить шестьдесят батальонов пехоты и более 100 эскадронов кавалерии, со множеством пушек. С этою массою, *огромною, как иная армия*, направляется он на центральную нашу батарею, грозя разрезать армию пополам. Не та ли эта атака, о которой Наполеон в 18-м бюллетене говорит: «Император велел повести атаку *правым* крылом на *фронте*: сим движением отняли мы $\frac{3}{4}$ поля у неприятеля». Войска Нея и наши, уже бежавшие к ним навстречу, сшиблись и расшиблись. Смешанные толпы боролись, резались, уничтожались... Такое взаимное разрушение продолжалось около двух часов.

УЖЕ БЫЛО 6 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

Есть люди, которые стараются доказать, что сражение *Бородинское* притихло, зачахло, даже, как они выражаются, «*замерло*» еще в 4 часа пополудни. С того же времени до 9-ти вечера (целых 5 часов!) продолжалась только *пушечная пальба*. На это да позволено будет сделать несколько вопросов: что ж делали войска, если действо-

¹ Может быть, эта атака принадлежит не именно к этому периоду сражения; может быть, справедливее приурочить ее к тому часу, когда вице-король собирался (во 2-й раз) штурмовать большой *люнет*.

вали одни батареи? Что ж делал Наполеон? Согласимся с теми, которые говорят, будто с утра стоял он (в положении бесстрашном), *скрестя руки на груди*. Но они же сами соглашаются со всеми другими, что в 4 часа пополудни он (Наполеон) лично выехал на линию и обозревал *положение дел*. Продолжаем вопросы: к чему ж был этот выезд? К чему это *обозрение*? Разве он выехал для того, чтобы кончить, а не продолжать? Тогда как сам¹ хотел даже *повторить сражение*! Если Наполеон (этот оборотливый, деятельный, пылкий воин) не делал ничего, то что ж делали наши? Ужели, под воздушным поединком батарей, полки и дивизии стояли опустя ружья? Нет! Всякий, кто действительно был и варился в кипятке Бородинского сражения, согласится, что не только 5 часов (от 4-х до 9-ти вечера), но и 5-ти часовых четвертей не было совершенно праздного времени в битве, где дрались почти без передышки. Иначе откуда последовала бы *такая огромная*, с обеих сторон, потеря в людях?.. И зачем Наполеону вдруг прекратить линейное сражение (кроме артиллерии) именно *тогда* (в 4 часа пополудни), когда он отеснил (польскими войсками) корпус Тучкова 1-го, овладел через посредство маршалов всеми (так дорого стоившими) редантами Семеновскими, обеспечился на счет *левого своего* крыла (после попытки Уварова) и имел за собою наш центральный *люнет*? Наполеон был человек нрава крутого и не имел, кажется, обычая так великодушно *останавливаться* среди успехов, хотя и не дешево купленных.

Из свода этих вопросов само собою следует, что сражение, в котором умирали тысячи, и после 4-х часов за полдень не замирало и не *замерло*, а продолжалось, разумеется, с большим или меньшим напором с той или другой стороны. Наполеон и Кутузов не уставали соображать, не переставали действовать. Наполеон направлял атаку (*charge de front*) срединную. Ней двигался с огромными силами. А что делал Кутузов? Полководцы встретились на одной мысли. Каждый метил своему противнику в грудь!.. Кутузов (и это было позже 4-х часов пополудни), усмотрев, что пехота французская стянута на крылья, а центр неприятеля разжидел и состоял из одной почти кавалерии, предпринял *нанести удар на этот центр* и нарядил несколько полков пехоты (менее пострадавшей из полков гвардейских) и часть кавалерии для этого дела. На-

¹ Смотри статью «рекогносцировка».

полеон понял опасность такого предприятия и решился двинуть вперед часть *молодой гвардии*. Удайся это движение, Кутузов превратил бы свое положение оборонительное в *наступательное*. Он уже и сделал было попытку к этому, выслав Уварова, которому велел сказать: «*Напасть и пропасть, если необходимо!*» В то же время к Дохтурову на левое крыло послал своеручную записку карандашом: «*Стоять до последней крайности!*» Из таких распоряжений, *твердых, решительных*, видно, что сражение Бородинское было *битва на жизнь или на смерть* и что прекратить ее могло только одно *наступление ночи*. Отчего ж иные пишут: «С 4-х часов пополудни вообще видно было всеобщее изнеможение: выстрелы час от часу редели, и битва *замирала*»? А между тем сами же говорят далее: «Ночь прекратила сражение; оно кончилось в 9 часов вечера». Я, с своей стороны, никак не мог решиться у 15-ти часового сражения Бородинского похитить *пять часов* великих жертвований и славы! В доказательство, что схватки, и схватки сильные, происходили на линии *уже на исходе дня*, я предлагаю взглянуть в книгу Любенкова¹. Сказав: «Уже вечерело», — он продолжает: «Густая колонна французских гренадер, до 5000 с красными распущенными знаменами, музыкою и барабанным боем, как черная громовая туча, неслась прямо на нас. Казалось, ей велено погибнуть или взять нашу батарею». Таких явлений не бывает, когда сражение замерло!

Около 7-го часа вечера сражение, может быть за общим изнуром сражающихся, мало-помалу ослабевало, но батареи еще гремели и громили. Под вечер Мюрат делает большую кавалерийскую атаку: это последняя вспышка догоравшего пожара — и французы занимают лес за Семеновским, откуда выбиты финляндцами. Настало 9-ть часов вечера, и не стало сражения Бородинского!..

Оно продолжалось 15 часов.

Это сражение было Генеральное и Генеральское.

У французов:

Генералов	убито	9
Штаб- и обер-офицеров	ранено	30
Рядовых	убито	1500
	ранено	20 000
		40 000

¹ См. кн. «Рассказ артиллериста о Бородинском деле».

Наша потеря¹:

Генералов	убито	3
	ранено	12
Офицеров	800
	Рядовых	убито
	ранено	30 000

Механизм этой огромной битвы был самый простой. Наполеон нападал, мы отражали. Нападение, отражение; нападение, опять отражение — вот и все!

Со стороны французов — порывы и сила; со стороны русских — *стойкость и мужество*. Об этой битве можно сказать почти то же, что Веллингтон, *позднее*, сказал о битве при Ватерлоо: «Наполеон шел *просто, по-старинному* и разбит *просто... по-старинному!*» Мы только должны поставить вместо слова: «*разбит*» другое: «*отбит*», и будет верно. О Кутузове можно сказать то же, что древние говорили о своем Зевсе: «Разбросав все свои громы в сражении с Титанами, он отражал неприятеля — *терпением!*» О Наполеоне должно сказать его же собственными словами: «Роковое определение судеб увлекало его!..»

Я хотел было описать Бородинское сражение *по часам*, но слишком разнообразные показания о ходе его не дозволили этого сделать. Всякий описывал *с своей точки зрения*, всякий рассказывал *по-своему*. Я сделал, что мог, согласив несогласных и приведя все, по возможности, в *одну картину*. Все писатели, по крайней мере, мне известные, о битве Бородинской соглашаются бесспорно только в одном, что *к половине дня неприятель приутих* и, вслед за тем, выдвинул 400 пушек и усугубил жар нападения. В других частях описания одни с другими не согласны. Чтоб уяснить дело и представить в самых простых формах, в самом малом объеме, в нескольких строках *главные виды* Бородинского сражения, я помещаю здесь еще одну уцелевшую в бумагах моих *выписку*.

1

Густой лес, на нашем левом крыле, стал за своих и препятствовал быстроте наступления неприятельского; но в 7-мь часов утра главные силы его выказались *боевыми*

¹ В Истории войны, соч. Михайловского-Данилевского, наша потеря показана 57 000 выбывших из строя.

колоннами. Понятовский идет в обход на старую Смоленскую дорогу. Маршалы (Ней и Даву) атакуют со 130 орудиями. Сводные гренадерские батальоны отстаивают батареи. Граф Воронцов ранен. Генерал-лейтенант Тучков отбрасывает поляков от старой Смоленской дороги и смертельно ранен. Неприятель захватывает реданты, Коновницын отбивает их назад. Тучков 4-й убит. Князь Голицын с кирасирами врубается во французскую конницу.

2

ПОЛДЕНЬ

Неприятель приутих. Но вскоре явился с 400 пушками и *новыми* силами. С нашей стороны подвинули резервы и 300 пушек. Картина ужасная, бой ужасный! По жесточайшей пальбе все наше *левое крыло* идет в штыки. Все смешалось и обагрилось кровью.

БАГРАТИОН РАНЕН

Коновницын переводит войска за *овраг* Семеновский. Измайловский и Литовский полки отражают железных людей (*gens de fer*) Наполеоновых.

3

ДВА ЧАСА ПОПОЛУДНИ

Между тем, испытав неудачи на левом нашем крыле, неприятель с великими силами тянется на наш центр и захватывает *люнет*. Генерал Бонами берет это укрепление; генералы Ермолов и Кутайсов отнимают его.

4

ЧЕТЫРЕ ЧАСА ПОПОЛУДНИ

Наполеон атакует линии нашей пехоты своею кавалериею и отбит. Люнет взят (самим вице-королем) во второй раз.

ПЯТЬ ЧАСОВ ПОПОЛУДНИ

Почти все укрепления наши захвачены, но войска стоят твердою ногою и бьются до смерти. Нея пытается еще раз счастье: собирает до 120 эскадронов и, подкрадываясь многочисленной пехотою и артиллериею, бьет вразрез на *центральную* батарею.

ШЕСТЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА

Наполеон остановил свои порывы и как будто сделал шаг назад; но все еще в разных частях линии французы свирепствовали, *многолюдствовали*, губили и погибали. Многочисленная артиллерия гремела и громила.

В 9 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

Французы отступают на прежние свои позиции¹. С своей стороны, в дополнение к сказанному, я могу сказать только одно: битва Бородинская не должна идти в ряд ни с какою другою. В этой битве было, по крайней мере, 12 боев, и каждый, произведенный отдельно, мог бы перейти на страницы истории. Чтоб убедить вас в этом, я намекнул на самые бои. За Семеновские реданты было (разумеется, более *значительных*) 6 боев; за большой люнет 2; у Тучкова (более жестоких) два. Выезд Уварова — *одинадцатый* бой; атаки Нея на фронт, с огромными силами, — 12-й и один из самых замечательных боев. Я не хочу испортить четного числа причетом к нему всех кавалерийских выездов и схваток, всех пылких наскоков Мюрата с его 40 000 палашей и сабель². Не причисляю сюда также и знаменитого отпорного боя, который выдер-

¹ И тем кончилось сражение Бородинское, данное с целью великого кровопускания, чтоб ослабить французскую армию. И эта цель достигнута.

² Во время сражения под Смоленском на вопрос: «Где король Неаполитанский?» все пленные отвечали: «Il est à la tête de 40 000 chevaux!»

жали Измайловские и Литовские каре против (тяжелой французской кавалерии) железных людей Наполеоновых.

Заключая сим *приуготовительные* статьи мои, я приступаю к описанию, в *очерках, самого сражения*. И если в этом описании найдете вы противоречия, найдете много *смешанного, даже хаотического* (и могло ли быть это иначе при таком положении дел, когда свои, как, напр., вестфальцы, *стреляли по своим* и неприятель развезжал и гибнул в тылу некоторых корпусов наших), если найдете *неясность* в целом, *неопределительность* в действиях, нечто лабиринтическое и переездах: то не соблазняйтесь и верьте, что *все это вместе* составит *истинную физиономию* великой, самой, сказать, в наше время, беспримерной, *гомерической* битвы между российской, из всех народов и племен России, и французскою армиею, из войск всех держав Западной Европы, битвы, происходившей 26-го августа 1812-го года, на поле Бородинском, на большой дороге к Москве, за право: быть или не быть Москве и России!

ОЧЕРКИ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ

1

Позиция, в которой я остановился, при селе Бородине, в 12 верст впереди Можайска, *одна из наилучших, какую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить посредством искусства.*

(Слова М. И. Кутузова в донесении его государю императору)

2

Сражение было общее и продолжалось до самой ночи.

(Донесение Кутузова)

3

Батареи переходили из рук в руки; неприятель, несмотря на превосходство сил, ничего не выиграл.

(Донесение Кутузова императору)

Баталия 26-го была самая кровопролитнейшая из всех, которые в новейших временах известны.

(Донесение Кутузова)

Сражение не умолкало ни на минуту, и целый день продолжался беглый огонь из пушек.

(Письма русского офицера)

Наши дрались как львы: это был ад, а не сражение.

(Последние слова раненого полковника)

Описание Бородинского сражения будет всегда несовершенным, какая бы кисть или перо ни предприняли начертать оное.

(Из книги «Русские и Наполеон Бонапарт»)

Сего дня будет сражение; а что такое сражение? Трагедия: сперва выставка лиц, потом игра страстей, а там развязка.

(Слова Наполеона графу Нарбану перед сражением Бородинским)

26-го августа¹ был великий день битвы, беспримерной в новейшие времена. Великое сражение Бородинское началось в 6-ть часов утра *правым* крылом французов².

Генерал Сорбье, командир страшной батареи на правом фланге, подал *вестовой знак*; 120 орудий отвечали ему — и сражение закипело! В продолжение ночи сделан наскоро полевой окоп (*epaulemant*). Из-за него торжественно выехала цепь орудий и, направляясь прямо на один из редантов, прикрывавших *левое* крыло наше, построилась

¹ По иностранному стилю 7-го сентября.

² Канонада на левом фланге (против Бородина) начнется в ту минуту, как услышится канонада (против Семеновского) на *правом* фланге.

(Слова из диспозиции Наполеона)

в батарею и завела с ним жестокий обмен пальбы убийственной. Сражение загорелось с обеих сторон. Тридцать орудий, под начальством генерала Пенети, становится в голове дивизии Кампана, построенной в *две* большие колонны.

Утаивая несколько времени поход свой в густой опушке леса, первая из этих колонн наконец показала, кинулась прямо на один из редантов при Семеновском и завладела им сразу¹.

Но сам генерал Кампан ранен; русские, сперва оттесненные, храбро воротились назад, кинулись на схватку и отняли свой редант, проводя французов на штыках до самого леса².

Тут-то одна бригада, из дивизии Дессека, тянувшаяся по кустарникам, имея 108-й полк в голове, ударила на тот же редант сбоку, осыпала жестоким ружейным огнем русских кирасир, захвативших в смелом наскоке часть артиллерии Кампана, и заставила их расстаться со своею добычею. Кирасиры отступили, но тихо, стройно, жертвуя людьми порядку. Генерал Дессек велел ударить еще раз на редант, и спорный окоп *еще раз захвачен неприятелем*³. Но перед глазами войск, выдержавших самый ужасный огонь с батареей русских, не стало и другого генерала: картечь раздробила руку Дессеку. Ашард, полковник 108-го полка, сбит русским ядром. Русские сделали еще один натиск, и *редант опять в руках у своих!*..⁴ Множество трупов уже валялось около этого спорного окопа, так быстро из рук в руки переходившего. Тогда-то двинулись дивизии 3-го корпуса. Наполеон приказал Нею пристроиться к левому флангу Даву. Маршал Ней сформировал своих *в колонны к атаке*, а 8-й корпус (Жюно), построенный в *две линии*, следовал за ним поодаль, в виде *подкрепления*. Множество *русских стрелков* сидели по лесам и перелескам. Нелегко подойти к нашему левому флангу! Нападающие должны проходить по захолустьям, рывинам и кустарникам, где нет проложенных дорог, и, выходя из чащи, формироваться под картечью русских! Зато головы колонн французских не раз ныряли обратно в лес. При первом падении на реданты под Даву убита лошадь и сам он контужен. Мюрат, услышав о том, уже прискакал было за-

¹ Первое взятие реданта.

² Второй бой за редант.

³ Третье взятие реданта.

⁴ Четвертое взятие реданта.

нять место маршала; но маршал не сдал команды и продолжал сражаться сам.

Дивизия Ледрю вспугнула все войско наших стрелков и живо оттеснила их назад; потом сама, с отличным мужеством, кинулась на один из *редантов*, который между тем был уже преодолеваем повторным нападением войск из *дивизии* Кампана. Полки 24-й пехотный и 57-й линейный, кучею, кто откуда смог, *ворвались в редант*, за который происходила драка¹.

Русские, после первого изумления, воротились опять отнимать свой окоп; но 25-я дивизия поспешила на помощь к 10-й, и русские опять отражены!..

Удачная атака 14-й кавалерийской бригады довершила успех пехоты.

В это же время дивизия Разу *овладела вторым редантом*². На этом приостановился жаркий спор за реданты на левом крыле нашем. Было уже *семь часов* утра. Весь план неприятельской атаки развернулся; массы его стали видны в поле. Ней, под выстрелами огромной батареи, со стороны Шевардина, протянулся, как мы уже упомянули, мимо левого крыла Дазу, имея в голове дивизию Ледрю. За нею шли дивизии Маршана и Разу. Последняя, как пришла, кинулась и овладела редантом!

Притихавшая на минуту на нашем левом крыле битва дозволила яснее расслушать гром другого боя, уже возгоревшего у нас *направо*. На главной батарее опять подан знак. Д'Антуар понял его, и артиллерия левого французского крыла дохнула бурей на наше *правое*. Ядра взвихрились и заскакали на высотах Бородина. Битва началась и на *правом* крыле. Можно бы сказать, что Наполеон хотел заломить вдруг оба крыла у нашего орла! Под кипящими выстрелами своей артиллерии 106-й полк бросился в село Бородино, где ночевали гвардейские егеря (лейб-гвардии егерский полк) под начальством храброго полковника Бистрома. Этот достойный воин, впоследствии названный *первым генералом и первым солдатом*³, по крайней мере, с час выдерживал напор неприятеля. Наконец, когда большая часть офицеров переранены, егеря отступили. Бородино горело, — и наши, преследуемые по пятам французами, перебрались за Колочу. В этой страшной

¹ Пятое взятие реданта.

² Шестое взятие реданта.

³ Это выражение принадлежит нашему храброму ветерану и военнопородному писателю генералу Скобелеву.

схватке убит генерал Плезен. 106-й полк, увлекшись успехом, гонится за русскими, перебегает через мосты на Колоче и, сам не зная как, является под самыми батареями на высотах Горецких. С батареи при Горках осыпали смельчаков ядрами. Между тем русские гвардейские егеря, придя в порядок, воротились, кинулись на дерзких и, подкрепленные 19-м и 40-м егерскими же полками с полковниками Карненковым и Вуичем, разбили в пути и отбросили за Колочу 106-й, принятый на руки 92-м полком, кинувшимся к нему на подмогу. Буасероль утвердился в Бородине. Судя по этому напору, Кутузов мог опасаться несколько за свое правое крыло. Позднее только осмелился он его ослабить.

И между тем как с таким остервенением дрались на правом и левом крылах, не менее кровопролитный бой возгорался на центре позиции. Вице-король с величайшим трудом выжил стрелков 2-й и 26-й дивизий, которые, рассыпавшись по кустарникам, всемерно затрудняли шествие колонн французских, и вдруг, выхлынув из закрытых мест, появился в поле прямо против большой батареи, или люнета. Он захватил Бородино и, по четырем мостам, наведенным генералом Паутвенем в ночи, между Бородиным и Алексинкою, перешел Колочу. С ним перешли и явились в боевом порядке его дивизии. Дивизия Бруиле, переправясь за Колочу и не стерпя огня Русского, спряталась в ров, залегла и лежала между Бородиным и люнетом. Дивизия же Морана, поддержанная дивизиею Жерара, нынешнего маршала Франции, утвердилась на высоте, против самого люнета. За вице-королем перешел и корпус Груши. Один Орнано с легкою кавалериею оставлен для наблюдения за оконечностью левого крыла, к Захарьину и Новому, за Войнею. Множество колонн засинелось в этом месте поля, и, отделясь от других, дивизия Морана, с удивительною самонадеянностью, пошла вперед под бурею картечи против дивизии Паскевича, которая, отразив двукратно неприятеля, наконец подавлена превосходным числом и не могла выдержать натиска. Тогда генерал Бонами с 30-м линейным вскочил на люнет, размахивая саблею.

И вот 9-ть часов утра! В таком положении были дела в этом начальном периоде битвы. В 6-ть часов она началась, в 9-ть пылала в полном разгаре. Все пружины заведены, все колеса тронуты. Наполеон пустил в ход свою могучую волю, и машина была в полной игре! Даву и Ней жестоко

воевали под Семеновским. Поговорим опять о редантах. В продолжение доброго часа маршалы нападали, русские крепились. Сумские и Мариупольские гусары и Курляндские и Оренбургские драгуны, с генералом Дороховым, выстаивали с честью против всех строптивых наскоков неприятеля. Ничто не помогло! Около 10-ти часов утра все три реданта (или флешы) при Семеновском схвачены так нагло, так быстро, что русские не успели свезти с них пушек. Генерал Дюфур (подкрепленный Фрияном) кинулся через овраг и подошел даже к Семеновскому. Тут можно было подумать, что французы разрезали нашу армию; но это ненадолго! Недолго праздновали неприятели! Полки гренадерские: Киевский, Астраханский, Сибирский и Московский уже ревели ура!.. Четыре стены приближались, неся ружье наперевес!.. Сошлись и кинулись колотиться!.. Генерал-лейтенант Бороздин 1-й предводительствовал ими. Гренадеры, работая штыком и прикладом, выжили французов из гнезд, в которых они не успели еще отсидеться. Но тут ранен принц Карл Мекленбургский, которого так любили жители смоленские, когда он был у них на постое с своим прекрасным Московским полком; тут ранен полковник Шатилов; а полковник (Астраханского гренадерского полка) Буксгевден получил три раны и шел все вперед, пока взошел на батарею и лег мертвым, но победителем, со многими другими офицерами. И такая резкая неудача со стороны французов не остановила маршалов. Они выпустили новые колонны пехоты и подперли их конницею Нансути и Мобурга. Мы уже отчасти рассказали и, еще где придется, рассказывать будем о этих напорах масс, этих налетных схватках и наскоках кавалерии, этом непрерывном гуле артиллерии, громившей с редантов и по редантам. В мятеже такой битвы, как Бородинская, нельзя удержаться в пределах рассказа правильного, безмятежного. Могут случиться и повторения, просим заранее извинить нас! Рассказ, как и самое сражение, невольно увлекаясь обстоятельствами, переносится с места на место и часто запутывается прежде, нежели успеешь то заметить! Итак, французы опять пошли на реданты и опять их захватили, и опять, прежде чем могли натешиться добытым, Коновницын выбил их штыками своей дивизии и прогнал в лес! Тут навалены кучами убитые и раненные. В числе первых лежал начальник корпусного штаба генерал Ромеф.

Видали ль вы, в портрете, генерала молодого, с станом

Аполлона, с чертами лица чрезвычайно привлекательными? В этих чертах есть ум, но вы не хотите любоваться одним умом, когда есть при том что-то высшее, что-то гораздо более очаровательное, чем ум. В этих чертах, особенно на устах и в глазах, есть душа! По этим чертам можно догадаться, что человек, которому они принадлежат, имеет (теперь уже имел!) сердце, имеет воображение; умеет, и в военном мундире, мечтать и задумываться! Посмотрите, как его красивая голова готова склониться на руку и предаться длинному, длинному ряду мыслей!.. Но в живом разговоре о судьбе отечества в нем закипала особая жизнь. И в пылу загудевшего боя он покидал свою европейскую образованность, свои тихие думы, и шел наряду с колоннами, и был, с ружьем в руках, в эполетах русского генерала, чистым русским солдатом! Это генерал Тучков 4-й. Он погиб близ 2-го реданта. Под деревнею Семеновскою, у ручья, по названию Огника, под огнем ужасных батарей, Тучков закричал своему полку: «Ребята, вперед!» Солдаты, которым стегало в лицо свинцовым дождем, задумались. «Вы стоите? Я один пойду!» Схватил знамя — и кинулся вперед. Картечь расшибла ему грудь. Тело его не досталось в добычу неприятелю. Множество ядер и бомб, каким-то шипящим облаком, обрушилось на то место, где лежал убиенный, взрыло, взбуравило землю и взброшенными глыбами погребло тело генерала. Такого же погребения удостоился, может быть, и Кутайсов, которого остатков не могли доискаться! Около этой поры смертельно ранен и старший брат убитого (отличный воин) Тучков 1-й. На этом же месте и в это же время тяжело ранены полковники: Дризен, Ушаков и Монахтин, которого слова поместил я между эпитафиями к моим «Очеркам».

Итак, вот рассказ краткий, неполный о битвах за реданты Семеновские. Скрепим его некоторыми подробностями и еще раз (не пеняйте за повторение) поговорим о делах на этом важном пункте так, как говорят о них французы. Более всего я хотел бы избежать упрека в односторонности.

Когда большой редут (Раевского батарея) на правом (или, вернее сказать, в центре) в первый раз и реданты на левом крыле уже по нескольку раз захвачены: «Подоспей Монбрен!» — говорили французы, полагая, что успели прорезать нашу линию, — «Подоспей он с своею кавалериею — и сражение будет наше!» Монбрен подоспел, и

Провидение подоспело! Едва отдал он приказание ударить на Семеновское, ядро, пущенное с бокового редута, срезало генерала с лошади, и войска остались без предводителя! Им начался длинный ряд тех, которые погибли, добывая страшный редут. Генерал Мораң тяжело ранен. Ланаберт занял его место, и Ланаберт убит! Коленкур, гораздо позднее, заступает место Монбрена во всем: в успехе и смерти. Но мы доскажем после о блестящей атаке и роковой судьбе молодого генерала. Прежде всех, здесь названных, как нам уже известно, генерал Бонами, первый, вскочивший в центральный редут, получил, как говорят французы, 21 рану штыками и взят в плен. Солдаты наши, дивясь его храбрости, сочли его за Мюрата.

Большой центральный редут был решительно захвачен. Синие и пестрые толпы французов суетились около пушек; по два человека, постигнув всю важность потери и рассуждая, что отнятое центральное укрепление может, оставшись долее в руках неприятеля, решить судьбу целого дня и отворить ворота в самом центре линии, положили по мере отнять опять редут и с ним ключ позиции. Поле далеко было покрыто рассеянными единицами. Два человека, о которых мы сказали, взяли третий батальон Уфимского полка из корпуса Дохтурова и повели его к цели. Одного из этих храбрых видел я накануне на большой батарее при Бородине. Он был еще в цветущих годах, с привлекательными чертами лица; товарищи и подчиненные не могли налюбоваться его храбростию, его воинскими дарованиями. Глядя на него, так легко было вспомнить о молодом Паладине средних веков! И тем легче, тем естественнее, что великая битва, где ратовало рыцарство, закованное в железо, битва при Креси, происходила в то же самое число, 26 августа 1346-го года, как и наша Бородинская! Юность, осанка, мужество, все соединялось в живом, бодром воине: это был граф Кутайсов — командир всей артиллерии при Бородине. Другой, в годах более зрелых, осанистый, могучий, с атлетическими формами, с лицом и мужеством львиным, ехал рядом с названным выше воином. И был это генерал Ермолов, тогдашний начальник штаба. Оба в мундирах конной артиллерии. Не успели они двинуться с места, как пример их начал действовать благотворно. Единицы стали быстро соединяться в десятки, сотни, тысячи, и скоро увидели колонну, которая не уступала в длине и плотности знаменитой колонне в битве Фонтенейской. Но эта самосоставная колонна,

из солдат разных служб, разных полков, разных мундиров, не имела никакого единства, никакой правильности. У ней было, однако же, единство цели! Два мужественных вождя, далеко впереди всех, вели эту толпу храбрых. Французы, незаконные владельцы редута, видели приближающуюся бурю и не дремали на своих трофеях. С фасов редута засверкал ужасный огонь. Великодушная колонна редела, волновалась. Была минута, солдаты задумались, остановились. И тут-то Ермолов употребил средство, о котором рассказ и теперь остается в числе любимых солдатских преданий и о незабвенном дне¹. По обдуманному ли намерению или нечаянно у него, как у начальника штаба, случился запас Георгиевских солдатских крестов в мундирном кармане. Воспользовавшись минутою, он вынул горсть крестов, закричал: «Ребята, за нами! Кто дойдет, тот возьмет!» И вслед за тем начал кидать кресты далеко впереди себя. Это средство обаятельно подействовало на солдат: они кинулись к крестам и пошли вперед! Генералы подвигались скоро, кресты мелькали, толпа бежала, «ура!» гремело. И таким образом, от креста до креста, подошли к самому редуту. Редут зевнул дымом и пламенем, выслал бурю картечи, брызнул косым дождем пуль; ряды падали, другие стеснились и ворвались в укрепление. Из двух предводителей не досчитались одного: граф Кутайсов исчез! Россия и товарищи не могли предать земле с честью его тела, которого не доискались под грудями убитых; только верный конь его прибежал к своим. Генерал-майор Ермолов ранен в шею, но продолжал сражаться.

Мы занялись исключительно повествованием о блистательном подвиге двух предводителей огромной самодельной колонны; но историческая верность требует рассказать, из кого и как она составила. В одно время с Уфимским батальоном генерал Паскевич ударил в левое крыло французов. В то же время генерал Васильчиков с некоторыми полками 12-й дивизии штурмовал редут справа, и в то же время еще один генерал, захватя остальные полки той же 12-й дивизии, обогнул редут сзади.

Этим движением угрожал он отрезать французов от войск Морана, оставшихся на поляне. Генерал, сделавший такое искусное движение, был один из тех, которых воинские дарования расцвели во всей красе в продолжение

¹ Я представил это обстоятельство в таком виде, как об нем говорили в армии люди того времени.

войны отечественной. Если я скажу, что он, страшный неприятелю и приветливый к своим, пользовался необыкновенною любовью своего Орловского полка, своей 26-й дивизии, то люди XII-го года тотчас угадают, что это был генерал Паскевич. Редут претерпевал осаду и штурм. Соединенные усилия восторжествовали: 50-й линейный выбит из окопа, сбит с поля и взброшен на дивизию Морана. В редуте всхолмилась куча убитых и раненых: между последними взят и Бонами. Остатки 30-го полка жестоко преследованы эскадронами Корфа. Их выслал туда, вместе с двумя полками драгун: Сибирским и Иркутским, генерал Барклай-де-Толли. Неутомимый неприятель делал разные попытки, которые мы схватим хотя в слабых оттенках.

Усиленная резервами конница французская следовала по пятам за нашею. Вдруг кидается она в промежутки колонн и пехотных каре и является в тылу 4-го и 6-го корпусов. Но храбрые наши не замешались. Задние фасы каре занялись, и по ним побегал такой батальный огонь, что неприятель, далеко занесшийся, готов был спрятаться под землю. Видя успех пехоты, кавалерия наша бьет неприятельскую и гонит ее неотступно, пока она скрылась за стенами своей пехоты; но не успело поле отдохнуть и очиститься, как заревели обе артиллерии. И между тем как с обеих сторон валились люди, конница французская раз за разом взбегала на поле и схватывалась с нашею, то расшибая, то расшибаясь, в это время и в этих же местах распоряжался генерал Барклай-де-Толли.

Михайло Богданович Барклай-де-Толли, главнокомандующий 1-ю западною армиею и военный министр в то время, человек исторический, действовал в день Бородинской битвы с необыкновенным самоотвержением. Ему надлежало одержать две победы, и, кажется, он одержал их! Последняя — над самим собою — важнейшая! Нельзя было смотреть без особенного чувства уважения, как этот человек, силою воли и нравственных правил, ставил себя выше природы человеческой! С ледяным хладнокровием, которого не мог растопить и зной битвы Бородинской, втеснялся он в самые опасные места.

Белый конь полководца отличался издалека под черными клубами дыма. На его челе, обнаженном от волос, на его лице, честном, спокойном, отличавшемся неподвижностью черт, и в глазах, полных рассудительности, выражались присутствие духа, стойкость непоколебимая и

дума важная. Напрасно искали в нем игры страстей, искажающих лицо, высказывающих тревогу души! Он все затаил в себе, кроме любви к общему делу. Везде являлся он подчиненным покорным, военачальником опытным. Множество офицеров переранено, перебито около него: он сохранен какою-то высшею десницею. Я сам слышал, как офицеры и даже солдаты говорили, указывая на почтенного своего вождя: «Он ищет смерти!» Но смерть бежит скорее за теми, которые от нее убегают. 16-ть ран, в разное время им полученных, весь ход службы и благородное самоотвержение привлекали невольное уважение к Михаилу Богдановичу. Он мог ошибаться, но не обманывать. В этом был всякий уверен, даже в ту эпоху, когда он вел отступательную, или, как некто хорошо сказал: «Войну завлекательную!» Никто не думал, чтобы он заводил наши армии к цели погубительной. Только русскому сердцу не терпелось, только оно, слыша вопли отечества, просилось, рвалось на битву. Но предводитель отступления имел одну цель: вести войну Скифов и заводил как можно далее предводителя нашествия. В другой стороне был другой человек, которого усвоила себе история, который, без связей и отношений в России, одним личным достоинством, вынудил всеобщее уважение у современников; я не говорю уже о потомстве: оно не смотрит на отношения и ценит одни дела. Не спрашивая, можно было догадаться, при первом взгляде на его физиономию, чисто восточную, что род его происходит из какой-нибудь области Грузии, и этот род был из самых знаменитых по ту сторону Кавказа. Это был один из родов царственных. Но время и обстоятельства взяли у него все, кроме символического герба наследственного. Одному из потомков предоставлено было, в незабвенную эпоху побед суворовских, освежить свое родословное древо прекрасным солнцем и воздухом Италии и скропить для бессмертия корни его своею благородною кровию в день борьбы беспримерной за жизнь и бытие России. Этот человек и был и теперь знаком всякому по своим портретам, на него схожим. При росте несколько выше среднего, он был сухощав и сложен крепко, хотя несвязно. В его лице были две особенные приметы: нос, выходящий из меры обыкновенных, и глаза. Если б разговор его и не показался вам усеянным приметами ума, то все ж, расставшись с ним, вы считали бы его за человека очень умного, потому что ум, когда он говорил о самых обыкновенных вещах, светился в глазах его, где привык-

ли искать хитрости, которую любили ему приписывать. На него находили минуты вдохновения, и это случалось именно в минуты опасностей; казалось, что огонь сражения зажигал что-то в душе его, — и тогда черты лица, вытянутые, глубокие, вспрыснутые рябинами, и бакенбарды, небрежно отпущенные, и другие мелочные особенности приходили в какое-то общее согласие: из мужчины невзрачного он становился Генералом красным¹. Глаза его сияли; он командовал и, в бурке, с нагайкою, на простом донце, неся, опережая колонны, чтоб из начальствующего генерала стать простым передовым воином. Это был наш князь Багратион!

Видя, что неприятель сгустил слишком много войск против нашего левого крыла, он приказал Тучкову подкрепить дивизии Воронцова и Неверовского дивизиею Коновницына. Трое храбрых собрались в этом пункте. В то же время отдал приказание кирасирам Дуки переехать за ручей Семеновский и стать перед деревнею на поляне.

С своей стороны Кутузов, видя, в чем дело, вывел из резерва кирасирские полки, придал им 8-мь орудий конной артиллерии и весь отряд направил на Семеновское, где он установился за 2-ю кирасирскою дивизиею. Не довольствуясь одним, прозорливый Главнокомандующий послал еще другое подкрепление действующему и вместе страждущему левому крылу. Измайловский и Литовский гвардейские полки, сводная гвардейская бригада и артиллерийские его высочества и Аракчеева роты пущены к концу линии влево, где крутились дымные вихри сражения. Чтоб утолстить еще более наше левое крыло, не боясь за правое, Кутузов приказал полковнику Толю перевести весь корпус Багговута и длинную цепь пушек — батарею в 36 орудий — справа налево. Артиллерийский резерв выдвинул туда же многие из своих батарей из Псарева. Все шло, все ехало, все мчалось к Семеновскому; все вихрилось около этого места. Всякий хотел владеть ключом позиции.

Мы уже рассказали, как французы сначала застенчиво выказывались из лесов, наконец вынырнули и понеслись на реданты. Но там был Воронцов, генерал молодой, знатный, мужественный; он покорял сердца своих сослуживцев и не хотел дать неприятелю покорить вверенные защите его укрепления. Пехота и артиллерия русская, мол-

¹ Здесь: великолепным. (Примеч. ред.)

ча, остолбенев, но взводя курки и подняв фитили, выжидали приближения французов. Страшно идти на неприятеля, который не стреляет!.. Но французы шли... Русская линия брызнула им прямо в лицо целым дождем пуль и картечи!.. Французы облились кровью и не остановились. Как бешеные, кинулись они в промежутки редантов и захватили второй из трех!.. Сводные воронцовские батальоны, слушая голос любимого генерала, сжимались в колонны и кидались на неприятеля с штыком и прикладом. Их подкрепляли полки бесстрашного Неверовского, кирасиры мужественного Дуки. К дивизиям Ледрю и Маршана подвели легкоконную бригаду Бермана и другую Брюера. Тут все схватилось, все обдалось кровью!.. С обеих сторон рубились с каким-то наслаждением, хвастались упрямством и отвагою! Сеча продолжалась, а реданты, переходя, как мы уже видели, из рук в руки, наконец, по-видимому, упрочились за французами.

Но Багратион, во что бы то ни стало, захотел отнять опять реданты, в которых уже хозяйничали войска Нея и Даву. Он скликнул все свои резервы, даже полки гвардейские. Огромное столпление батальонов и конницы запестрело в поле. Ней, обдержанный в сечах, видит бурю и не колеблется. Оборотясь к ординарцу своему Готпулю, маршал сказал: «Донесите императору, что неприятель собрал слишком значительные силы: не надобно ль меня подкрепить?» Но посланный еще не доехал до места, как поле заговорило под копытами многочисленной кавалерии. Впереди всех неся всадник в своем живописном наряде; за ним волновалась целая река его конницы. Казалось, который-нибудь из средних веков выслал сюда все свое рыцарство! Могучие всадники, в желтых и серебряных латах, на крепких конях, слились в живые медные стены. Тысячи конских хвостов, пуки разноцветных перьев гуляли по воздуху. И вся эта звонко-железная толпа неслась за Мюратом.

Наполеон велел посмотреть ему, что делается у редантов. Он прибыл, дал знак, и войска французские врываются опять во второй из редантов, откуда их перед тем вытеснили. Русские кирасиры бросаются на отчаянную пехоту, но жестокий ружейный огонь удерживает пыл их, а 1-я бригада из дивизии Брюера оттесняет назад. Между тем реданты все составляют мишень для артиллерии, все цель и предмет для местной войны, и на соседний редант идет пехота русская. Полки Виртембергские, из бригады

Бермана, скачут навстречу и не пускают идущую. Весь 1-й кавалерийский корпус понесся и обогнул реданты с тылу. И вот три окопа, как три острова, тонут в живописном разливе кавалерии: целая туча конских хвостов плавает по воздуху, тысячи голов толпятся у подножия редантов. Артиллерия французская коронует их! Тут и 4-й кавалерийский корпус получил приказание выдвинуться из линии, перейти овраг Семеновский и ударить на русские пушки в деревне этого имени. Нет пера, которое могло бы передать все сцены при деревне Семеновской!

Оставим еще раз Вентурини сказать несколько слов об этом моменте: «Русские пушкарки были примерно верны своему долгу. Брели редуты, ложились на пушки и не отдавали их без себя. Часто, лишась одной руки, канонер отмахивался другою. У подножия редантов лежали русские, немцы и французы. Истекая кровью, они еще язвили друг друга; чем кому было можно. Иные, как говорят, грызлись зубами!»

Артиллерия наша вообще имела почти независимую свою деятельность в сражении Бородинском. И между тем как во рвах, перелесках, у подножия укреплений и на плоских промежутках низменностей полки, колонны, батальоны и толпы рассеянные строились, двигались, смыкались и, как волны, с одного края на другой переливались; ядры, картечь и гранаты, взвиваясь, издавая рассыпчатый визг и, лопнув, вспыхивая синеватым огнем, то пронизывали насквозь сжатые строи, то шипели, несясь по головам и срывая их вихрем полета своего, то с клохтанием пронося смерть над самыми головами и изменяя своеобычно полет свой, с высоты на высоту перелетали. Батареи: большая Горецкая, центральная Раевского и реданты Семеновские менялись убийством с редутами левого французского крыла, с громадными батареями Дантуара и Сорбье; и смерть, то дугообразно, то в направлении линейных выстрелов, сновала туда и обратно. И все это делалось на воздухе! Земля же между тем, на которой шла битва, в полном смысле слова, заплывала кровью. Тысячи стрелков, таясь под закрытием, толпы конных, выскакивая из засады и закрытий, и колонны, идущие в откровенный бой, падали, резались и в отчаянных схватках принимали друг друга штыками, дрались, боролись и, умирая, еще грозили друг другу цепенеющими взглядами.

Несмотря ни на какой огонь артиллерии пехоты нашей, генерал Латур-Мобург едет вперед с Саксонскими

кирасирами. Эти панцирщики, так же как и вестфальцы, тук Германии, могучие, длинные, широкие, кони под ними как медведи! Латур с своим медным легионом напирал на русских, косит направо и налево и захватывает спорную позицию, между тем как генерал Нансuti, видя кирасирскую дивизию Сен-Жермена, топчет и рубит все что ни попадетсЯ с правой стороны редантов. Он очистил все поле до самого оврага Семеновского.

Пока все это происходило, выказался на высотах 8-й корпус Жюно. Ней, видя, что атаки на реданты не имеют желанного успеха, замышляет другое дело и отправляет корпус направо к Понятовскому, который сражался на крайней оконечности русской линии.

Время сказать несколько слов о левом крыле. Это крыло, как мы видели, было уперто в большой лес и прикрито высоко торчащим курганом с 25-ю пушками. Еще два холма, увенчанные редутами, находились неподалеку оттуда. Тучков стоял грозно. Корпус его построен был перед деревнею Утицею в четыре линии. Четыре егерских полка, с князем Шаховским, рассыпались вправо по кустарникам, чтоб занять промежутки между войсками Тучкова и левым крылом главной линии. Князь Понятовский, пройдя через Ельню, вынырнул из лесов на деревню Утицу, поднял перед собою тучу русских стрелков и вытянулся в поле за Утицею. Сильная артиллерия Тучкова громила его ужасно! Этот наступ Понятовского готовы были подкрепить: Даву, Ней и, ближе всех, 8-й корпус Жюно, составленный из вестфальцев. Располагась длинною лестницею, уступом за уступ, маршалы должны были эшелонироваться справа, чтоб громить и обгибать наше крыло левое. В помощь Нею и Даву придан король Неаполитанский с корпусами Нансuti, Монбрена и Латур-Мобурга.

Тучков после сильного сопротивления оставил деревню Утицу и отступил левее на высоту, пристроясь к дивизии графа Строганова; отсюда открыл он ужасную пушечную и ружейную пальбу. Поляки задумались.

При отправлении 8-го корпуса вправо был в виду стратегический замысел. Вестфальцам велено, подав руку Понятовскому, стараться выжить из больших кустарников егерей наших, оборонявших промежутки, важный в смысле военном.

Ней хорошо и удачно предпринял этот опасный замысел. УдайсЯ он — и корпус Тучкова подвергался опасности быть отрезанным от общей боевой линии, и неприа-

тель мог бы разбивать наши реданты в тылу, и наша линия могла быть обойдена.

Но предусмотрительность Кутузова помогла делу. Багговут, заблаговременно назначенный на помощь левому крылу, подросел теперь со 2-м корпусом и перетянул весы на нашу сторону. Два полка из новоприбывшего корпуса с генералом Олсуфьевым отряжены на помощь Тучкову. В разных периодах, при разных обстоятельствах XII-го года, в сражениях, на трудных переходах, на биваках солдатских, привыкли видеть человека всегда первым в сражении, последним в занятии теплой квартиры, которую он часто и охотно менял на приют солдатский. Его искренняя привязанность к бивакам ясно отражалась на его шинели, всегда осмоленной, всегда запудренной почтенною золою походного огня. Он был молод, высок, худощав, белокур, с голубыми глазами, с носом коротким, слегка округленным, с лицом небольшим, очень приятным; в обхождении и одежде прост, стройный стан его небрежно опоясан истертым шарфом с пожелтелыми кистями.

Чудесно свыклись солдаты с этим человеком в серой шинели, в форменной фуражке! Он любит с ними артельиться: хлебать их кашу и лакомиться их сухарем. Никто не смел пожаловаться на холод и голод, видя, как терпеливо переносил он то и другое. Трудно было с первого раза, с первого взгляда угадать, что это за человек? Видя его под дождем, на грязи, лежащего рядком с солдатами, подумашь: «Это славный фрунтовой офицер!» Блеснет крест-другой из-под шинели, и скажешь: «Да он и кавалер! Молод, а заслужил!» И вдруг бьют подъем, встают полки, и этот офицер (уж не простой офицер!) несется на коне, а адъютанты роятся около него и дивизия (4-я пехотная) его слушает, и более чем слушает: она готова за ним в огонь и в воду! Так это уж не офицер, это генерал, да и какой? Он подъезжает к Главнокомандующему, к первым сановникам армии, и все изъявляют ему знаки особенного уважения... Видно, это кто-то больше генерала? — Это принц Евгений Виртембергский. Его дивизия и удачно и вовремя подкрепила кирасир. А между тем в том важном промежутке, в тех незапертых воротах, между левым крылом и главною линиею, на протяжении целой версты, уже давно разъезжал витязь стройный, сановитый. Кирасирский мундир и воинственная осанка отличали его от толпы в этой картине наскоков и схваток.

Всякий, кто знал ближе приятность его нрава и душевные качества, не обвинуясь, готов был причесть его к вождям благороднейших времен рыцарских. Но никто не мог предугадать тогда, что этот воин, неуступчивый, твердый в бою, как сталь его палаша, будет некогда судьей мирным, градоначальником мудрым и залечит раны столицы, отдавшей себя самоохотно на торжественное всеожожение за спасение России!! Это был князь Дмитрий Владимирович Голицын! С помощью дивизии принца Евгения он отстоял равнину слева от деревни Семеновской, живые стены нашей конницы заменили окопы, которых тут не успели насыпать. Вестфальцев, замышлявших обойти наших кирасир, прогнали в лес. Все толпы неприятельские разлагались на палашах кирасир и под картечью нашей конной артиллерии. Вестфальцы из дивизий Оксо и Таро начинили было своими колоннами лес, который, опущая левый бок наших кирасир, позволял обойти их с края. Уже выказали обе колонны из лесу свои головы, но кирасиры князя Голицына отсекли те головы. Колонны отшатнулись обратно в лес. Но Брестский, Рязанский, Минский и Кременчугский пехотные (2-го корпуса) полки, под предводительством принца Евгения Виртембергского, бросились на эти колонны, ущемили их между чащами леса и искололи жестоко, а лесом овладели. Во время таких боев с упрямыми немцами Понятовский велел своим полякам сделать правое крыло вперед и добывать курган с батареею, которую защищала 1-я гренадерская дивизия графа Строганова.

Под покровительством 40 орудий, вправо от Утицы, дивизии Заюнчика, Княжевича и конница Себастиани пошли в атаку и, вопреки всем усилиям русских, овладели курганом. С потерей высокой господственной точки русские должны были сойти с старой Смоленской дороги и армия подвергалась обходу леса. Вот почему Тучков положил на мере, во что бы то ни стало, сбить поляков с кургана и завладеть обратно потерянным. Сделано распоряжение. Тучков сам с Павловскими гренадерами идет прямо в лицо полякам: граф Строганов с четырьмя полками гренадеров: С.-Петербургским, Екатеринославским, графа Аракчеева и лейб-гренадерским — атакует их справа, а генерал-лейтенант Олсуфьев, с двумя пехотными, Белозерским и Вильманstrandским, заходит в тыл. Этим сплошным и дружным движением поляки сбиты, и граф Строганов увенчивает опять курган нашими пушками, которые да-

леко провожают неприятеля. Но среди всех выгод русские искренне опечалились: храбрый воинственный генерал Тучков 1-й смертельно ранен. Его место занял Олсуфьев, пока прибыл Багговут.

Скоро после Тучкова, показавшего столько преданности к делу отечества, приехал на окончность левого крыла другой генерал. Солдаты узнали его по всему: по видной осанке, по известной в армии храбрости, по телосложению необыкновенному. При росте значительном он был широк в плечах, дюж и тучен. Пространная грудь увешана была крестами. Он разъезжал на вороном аргамаке. Могучий конь гнулся под седоком, который напоминал о древних богатырях древней героической Руси. Проезжая места, где храбрый Воронцов, до раны своей, отбивал с гренадерами неистовые набеги пехоты и князь Голицын рубил французскую конницу, генерал, о котором мы говорили, — это был Багговут — разговаривал с артиллеристами: «Жарко у вас!» — «Греемся около неприятеля!» — отвечали ему. Вот образчик разговоров между чашами штыков, под бурею картечною. И действительно, там было жарко! Там русские, говоря языком старых преданий, парились в банях кровавых железными венниками!

Представив столько общих больших картин, я заимствую одну частную (из книги: «Рассказ артиллерииста о деле Бородинском»), в которой, как наяву, увидим, как и в каком духе сражались наши артиллерийские офицеры: «Достигнув пешком (лошадь под ним была убита), — говорит почтенный сочинитель книги, — достигнув батареи Вейде, я увидел храброго офицера с простреленною рукою. Кровь текла из раны, но он не обращал на это внимания. — По крайней мере, вели перевязать себе рану; я принес тебе приказание от графа Сиверса. — Солдат заложил ему рану паклею и стал перевязывать платком. Но сильный от природы, он вырвался из рук перевязчика и кричал без памяти: «Второе и третье орудие по правой колонне... пли! Хорошо, ребята, мастерски! Выстрелы не даром!»

Храбрый Любенков, ибо это он, сочинитель помянутой книги, сквозь сечи и схватки малороссийских кирасир с латниками, чрез поле ужасов возвратился к своему месту. Там застал он двух товарищей, окровавленных, умирающих. Поручик Давыдов, раненный (под грозою разрушения), сидел в стороне и читал свою любимую книгу: «Юнговы ночи», а картечь вихрилась над спокойным чте-

пом. На вопрос: «Что ты делаешь?» — «Надобно успокоить душу. Я исполнил свой долг и жду смерти!» — отвечал раненый. Другой поручик, Норов, прощался с своими глазами, которые уже цепенели, и сказал: «Не оставляйте, братцы, места и поклонитесь родным!» Проговоря это, умер! «Выстрелы,— говорит Любенков,— бывали иногда удивительно удачны. Французское ядро попало в верхнюю часть нашего орудия, отдало его, сбilo пушку, сделало впадину и отскочило. Солдаты тут говорили: «Верно не по калибру пришлось!» Вот образчик остроумия под громом батареи!

Между тем на правом нашем крыле также происходили дела! Вице-король Италианский короновал, за Бородиным, высоты сильными батареями, которые, однако ж, не раз замолкали перед батареями русскими. И за всем тем наше правое крыло осыпано было ядрами и гранатами неприятельскими. День Бородинской битвы был праздником артиллерии. «Наполеон,— говорит Барклай-де-Толли,— хотел уничтожить нас своею артиллериею». — Мы уже сказали, что дивизии Жерара, Морана и Брусье нагло перешли Колочу. Но там напали они на наших стрелков, которые завязали с ними жестокую перестрелку. С высоты холмов наших и неприятельских выслались тучи ядер и картечь; по долинам летали и жалили пули, как пчелы. Битва кипела и в воздухе и на земле: не было места без смерти!

И вот уже 12-ть часов утра! Первый вид (*phase*) великого сражения, первый акт кровавой трагедии кончен. Солнце нашего северного августа разработало все тучи в небе, подняло все туманы с земли, поглотило всю ночную сырость в воздухе и стояло высоко и в полном великолепии. Это солнце, наше родное солнце, уже одержало победу свою в полуосеннем русском небе; оставалось нам сделать то же на Русской земле. Я был на большой батарее и, с высоты кургана Горецкого, видел картину изумительную. Пахнувший с правой стороны ветер отвеял до половины пелену дыма; правое крыло наше, стоявшее на высотах, облилось солнцем и светом; левое лежало углубленным в синеем мрак.

Полдень и полночь, казалось, тут встретились вместе. Войска французские, сражавшиеся с нашим левым крылом, густо застланы были темнотою, волнистою тучею. Только по временам беловатые облачка показывались сквозь черную дымовую застилку, под которой глухо жур-

чало и перекатывалось сражение вниз, у подножия спорных холмов.

Перед самым лицом правого крыла догорало Бородино. Два света, отблеск близкого пожара и лучи полуденного солнца, окрашивали двойной ряд облаков воздушных и дымовых, беспрестанно густевших от выстрелов неумолкавших.

Позиция Бородинская была длинна и шершава, и потому свет и тень не могли укладываться на ней одинаково: между ними было, может быть, такое же борение, как и между войсками, державшими свой великий спор. Полки делали периоды, чтоб поспеть к местам угрожаемым. И те, которые приходили с свежего воздуха, видели, что над сражающимися лежала черная ночь. Новая твердь, составленная из дыма, отделила землю от неба. Искусственные молнии бегали по искусственным тучам. Входящим в темноту сражения казалось, что их вводили в какой-то черный веретень! Но рассуждению не было тут места! Двигались по порывам, кидались, куда призывал звук барабанов и труб. Ядра и гранаты далеко пролетали, даже за резерв. Это подало, как мы видели, случай Милорадовичу сказать: «Вот сражение, в котором трусует нет места!»

Вступая в оглушительный треск Бородинского сражения, некогда было рассуждать о времени. Каждую минуту пролетали 120 ядер и 120 смертей; в каждую минуту могло рассыпаться более 4000 картечи: когда ж тут справляться с часами? Однако ж было уже 12 часов, побоище длилось, но весы колебались, и бой около полудня начал стихать. Но вот Наполеон, уже нетерпеливый, приказывает удвоить жар и напор. Огонь неприятельский, понемногу замиравший, вдруг ожил страшною жизнью. Со всех сторон потянулись цепи орудий. Батареи мчались, скакали, сдвигались, и 400 пушек явилось пред нашим левым крылом! Под огненную защиту этой огнедышащей артиллерии сильные колонны вновь засинели на поле перед Семеновскими редантами. Видя такие грозные шапки на роковой доске, русские также выдвигают 300 орудий!

Кутузов, сверх того, приказал Милорадовичу подтянуться левым флангом и перевести корпуса Остермана и 2-й кавалерийский за центр армии. Этот центр, истончавший, протертый, требовал надежной подкладки! В то же время Платов и Уваров отряжены на тайное дело в особую экспедицию.

Искра воли Наполеоновой упала на рассыпанный по-

рох, и бой перед Семеновским закипел с силою необычайною, с остервенением беспримерным. 700 орудий, столпясь на одной квадратной версте, почти толкались между собой и, составляя подвижные вулканы, дышали огнем и опустошением! Ядра пронизывали толщи колонн; гранаты, лопаясь, и картечь, рассыпаясь, дождили на них сверху: било черепьем и ивернями. А между тем ружье горело, и перекатный, яркий батальный огонь не умолкал при этом кипятке сражения; многочисленные пехотные и конные колонны неприятельские шли на нас с необыкновенным, ужасающим спокойствием. Наша артиллерия пронимала их насквозь, раздирала на части; но, многолюдные, они сжимались и шли далее. Маршалы стояли твердо в своем намерении: солдаты понимали их. Все было стройно и торжественно в этом ужасном разложении масс! По грядам убитых, по трупам товарищей французы шли и штурмовали реданты!

Ужасна была картина той части поля Бородинского, около деревни Семеновской, где сражение кипело как в котле. Густой дым и пар кровавый затмили полдневное солнце. Какие-то тусклые, неверные сумерки лежали над полем ужасов, над нивою смерти. В этих сумерках ничего не видно было, кроме грязных колонн, наступающих и разбитых, эскадронов бегущих. Груды трупов человеческих и конских, множество распущенных по воле лошадей, множество действующих и подбитых пушек, разметанное оружие, лужи крови, тучи дыма — вот черты из общей картины поля Бородинского! Но вот, ближе к нам, я вижу одного из отличных генералов наших. Тогда еще молодой и сановитый, в красивом ахтырском мундире, он прискакал на самый гребень одного из холмов Семеновских и, едва сдержав левою рукою крутого, чалого коня над глубокою рытвиною, правую указывает на бегущего неприятеля. По мановению руки его батареи скачут, и тяжелые орудия посылают гибель и разгром вслед за бегущими. Даль представляет вид совершенного хаоса: разорванные, изломанные французские эскадроны кружатся, волнуются и исчезают в дыму, уступая место пехоте, выступающей стройно!

Деревня Семеновская пылает, дома оседают, горящие бревна катятся. Бледное зарево во множестве лопающихся бомб и гранат бросает тусклый, синеватый отблеск на

одну половину картины, которая с другой стороны освещена пожаром горящей деревни.

Конная артиллерия длинною цепью скачет по мостовой из трупов.

Вот тут-то последовало то важное событие, о котором мы уже слегка говорили. Постигнув намерение маршалов и видя грозное движение французских сил, князь Багратион замыслил великое дело. Приказания отданы, и все левое крыло наше, во всей длине своей, двинулось с места и пошло скорым шагом в штыки! Сошлись!.. У нас нет языка, чтоб описать эту свалку, этот сшиб, этот протяжный треск, это последнее сорение тысячей! Всякий хватался за чашу роковых весов, чтоб перетянуть их на свою сторону. Но окончательным следствием этого упорного борения было раздробление! Тысячи разбились на единицы, и каждая кружилась, действовала, дралась! ¹ Это была личная, частная борьба человека с человеком, война с воином, и русские не уступили ни на вершок места. Но судьбы вышние склонили чашу весов на сторону французов. Мы вдруг стали терять наших предводителей. После целого ряда генералов ранен и сам князь Багратион.

Видите ли вы здесь, в стороне, у подошвы высоты Семеновской, раненого генерала? Мундир на нем растегнут, белье и платье в крови, сапог с одной ноги снят; большое красное пятно выше колена обличает место раны. Волосы в беспорядке, обрызганы кровью, лицо, осмугленное порошком, бледно, но спокойно! То князь Петр Иванович Багратион. Его поддерживает, схватя обеими руками сзади, преображенский полковник Берхлюн. Левая рука раненого лежит на плече склонившегося к нему адъютанта, правой жмет он руку отличного, умного начальника 2-й армии генерала Сен-Присета и вместе с последним прощанием отдает свой последний приказ. Изнеможенный от усталости и потери крови, князь Багратион еще весь впереди, весь носится перед своими дивизиями. Видите ли, как он, забыв боль и рану, вслушивается в отдаленные перекаты грома? Ему хочется разгадать судьбу сражения, а судьба сражения становится сомнительною. По линии разнеслась

¹ Я не могу удержаться, чтоб не привести здесь подлинных слов одного старого солдата. «Под Бородиным (говорит он) мы сошлись и стали колотьяся. Колемяся час, колемяся два... устали, руки опустились! и мы и французы друг друга не трогаем, ходим как бараны! Которая-нибудь сторона отдохнет и ну опять колотьяся. Колемяся, колемяся, колемяся! Часа, почитай, три на одном месте колотьяся!»

страшная весть о смерти 2-го Главногокомандующего, и руки у солдат опустились.

Но явился Коновницын; его узнали по голосу. Уступая судьбе и обстоятельствам, он вдруг перевел войска за деревню Семеновскую и расставил их по высотам. Так размежевался он с неприятелем живым урочищем, роковым оврагом, с уступкою спорных редантов и с необыкновенною быстротою устроил сильные батареи, которые неслись и стреляли; строились и стреляли; остановились и громили разрушительными очередными залпами... В этой окрестности, под влиянием Коновницына, находились и прославились полки лейб-гвардии Измайловский и Литовский. Вместе с другими подкреплениями Кутузов послал их на левое крыло. Измайловцами командовал тогда полковник Храповицкий. Он имел еще другое поручение и вверил полк старшему по себе полковнику Козлянинову. Провожаемые губительной пальбою с батареей неприятельских, отраженные полки заняли свое место в величайшем порядке, как на домашнем ученье.

В дыму и ужасах сражения измайльцы стояли мужественно. Но вдруг, как воздушное явление, засветилась вдали медная стена; она неслась неудержимо, с грохотом и быстротою бури. Саксонские кирасиры, под начальством генерала Телемана, примчались и бросились на правый фланг второго батальона Измайловского. Но время упущено: все батальоны построились в каре, стали уступами и открыли такой батальный огонь, что неприятель, обданный вихрем пуль, отшатнулся и побежал назад! Но отпор не остановил напора! Туча медвежьих шапок замелькала в воздухе. Конные гренадеры, несясь по следам кирасир, и также оттолкнуты, и также побежали. Многие, занесшиеся неосторожно вперед, гасли на штыках измайловских. Тут храбрый, осанистый полковник Храповицкий, ставший сам командовать после раненого полковника Козлянинова и заменившего его на время Мусина-Пушкина, также ранен, но не оставил команды.

В это время несясь по полю корпус Нансути. Ему нарочито приказано объехать и сбить с места Измайловский и Литовский полки, чтоб прорваться за левое крыло наше. Ужасен был этот налет французской кавалерии.

В прямом смысле слова можно сказать, что французская конница, громада необозримая, разлилась, как море, и наши каре всплыли посередине, как острова, со всех сторон поражаемые нахлестами медных и стальных волн не-

приятельских панцирников¹. Наездники встречены и провожаемы были удачными перекрестными выстрелами карте, и русский дождь свинцовый наконец пронял и отразил этих (*gens de fer*) железных людей: так называл Наполеон кирасир французских.

Генерал Дохтуров, личный свидетель подвигов Измайловских и Литовских карте, загнанный бурею скачущей отовсюду конницы, сам вверил себя одному из этих карте, карте 1-го батальона, и отстоялся в нем. Три генерала, и между ними король и вице-король, как мы видели, должны были скрываться в карте: вице-король в карте 84-го, Дохтуров в карте Измайловском, король Неаполитанский в карте 33-го полка. По этому судите о бурях и случайностях Бородинского сражения! Маршалы призадумались; но не отстали от своего намерения и продирались вперед.

В самом разгаре битвы за реданты и за редантами видели одного человека длинного роста, с значительным европейским лицом. Он был уже на склоне лет, но все в нем показывало, что в молодых годах своих он был стройным мужчиною и, может быть, храбрым наездником, несмотря на кротость, выражавшуюся в спокойных чертах. Те, которые знали близко этого человека, этого знаменитого генерала, говорят: «Мудрено найти кротость, терпение и другие христианские добродетели, в такой высокой степени соединенными в одном человеке, как в нем». — «Жаль, — говорит некто в современных Записках своих, — жаль, что мало людей могут чувствовать красоту и великость такого характера!» Под портретом его я видел, позднее, надпись: «*Invictus Victi!*»². И в самом деле, он первый начал побеждать дотолу непобедимого. Это был генерал Бенигсен!

Скрыв лучи своей Прейсиш-Эйлаусской славы, он заботливо и скромно разъезжал по полю битвы. Я был в числе тех, которые спросили у него: «В какой степени можно сравнивать настоящее Бородинское сражение с Прейсиш-Эйлаусским?» Победитель при Эйлау, задумавшись, отвечал с высокою скромностию: «Верьте мне, что в сравнении

¹ В этом сражении убиты в Измайловском полку: поручик Саврасов, подпоручик Самсонов, и рядовых убито и ранено до 900 человек. Ранены: полковник Храповицкий, Козлянинов, Мусин-Пушкин; обер-офицеры: Мартынов (бывший комендант С.-П. бурга), Круглов, Моглевицкий, Бахметьев, Быков 1-й, Аргамаков, Евреинов, Васюков, Кавелин, состоящий теперь при особе государя цесаревича, и много других.

² Победивший непобедимого (*лат.*). (Примеч. ред.)

с тем, что мы до сих пор видим (а это было в 12-м часу дня, когда 700 пушек на одной квадратной версте еще не гремели), Прейсш-Эйлаусское сражение только *шибка!*»

Приказав, вместе с Барклаем, оба военачальника ободрили войска левого крыла и, загнув оное, уперли одним концом в лес, занятый Московским ополчением. Это придало силы обессиленным потерями и своим положением.

Незадолго перед ними в пожар и смятение левого крыла въехал человек на усталой лошади, в поношенном генеральском мундире, с звездами на груди, росту небольшого, но сложенный плотно, с чисто русскою физиономиею. Он не показывал порывов храбрости блестящей, посреди смертей и ужасов, окруженный семьею своих адъютантов, разъезжал спокойно, как добрый помещик между работающими поселянами; с заботливостию дельного человека он искал толку в кровавой сумятице местного боя. Это был Д. С. Дохтуров.

В пылу самого сражения Дохтуров получил от Кутузова начерченную карандашом записку: «Держаться до последней крайности». Между тем под ним убило одну лошадь, ранило другую. Он все разъезжал спокойно, говоря солдатам про Москву, про отечество, и таким образом, под неслыханным огнем Бородинским, даже, как мы видели, некоторое время в одном из каре своих, пробыл он 11 часов.

Мы не могли, при всем желании, представить здесь так ясно, как бы хотелось, все переходы, все оттенки этой великой битвы маршалов с Багратионом, наконец раненым и отнесенным с поля. Не опасаясь впасть в повторения и желая лучше переговорить, чем не договорить, мы расскажем еще, и уже более, чем во второй раз, о некоторых чертах упорной битвы за реданты Семеновские и заглянем для этого, мимоходом, в предания французов.

Уже наступила грустная для нас эпоха, когда все главнейшие препятствия, заслонявшие позицию нашу: речки Войня, Колоча, овраг Семеновский и ручей Огник, перейдены!.. От Утицы до Бородина протянулась *синюю лентою* линия французская.

В это время Наполеон устраивает атаку срединную (*charge de pont*), о которой он говорит в своем 18-м бюллетене, приговариваясь ударить, как молотом, всю толщею своего правого крыла поперек груди нашей армии. Маршал Ней сжался и с тремя своими и двумя из 1-го корпуса, всего с пятью, дивизиями, стойвшими иной армии, пошел тес-

нить и разбивать левое крыло русское, с которым он постоянно бился с мужеством неукротимым. Между тем посланный им Готпуль отослан Наполеоном к дивизии Клапареда и потом к дивизии Фрияна, который, еще незадолго перед тем, от самого Наполеона получил приказание изготовиться к наступу, коль скоро реданты при Семеновском будут взяты. К исходу боя между маршалами и князем Готпуль привел Фрияна и его дивизию прямо к высотам и редантам Семеновским. Эту свежую дивизию жестоко поздравили дождем и градом пуль и картечи с третьего реданта, еще уцелевшего за русскими. Но старый Фриян велит бить во все барабаны и скорым наступным шагом ведет дивизию на приступ. Никакое сопротивление не могло остановить этого отчаянного приступа, и русские отброшены за Семеновский овраг, не успев, как мы уже давно сказали, свести пушек с реданта. Генерал Дюфуль, с 15-м легким пехотным полком, как нам уже известно, перемчался за овраг, принял налево, захватил Семеновское (которое, впрочем, наши готовы были уступить) и стал на этой прожженной почве твердою ногою, поддерживаемый остальными войсками дивизии в колоннах по бригадам.

Генерал Фриян попытался было протянуть свое правое крыло, чтоб сомкнуться с Неем, но русские с страшным криком уже неслись ему навстречу.

При виде этой бегущей бури Фриян стеснил ряд, и тут же, по его приказанию, 33-й полк перешел через овраг, выстроился в каре и заслонил полки 48-й и Ишпанский Иосифа Наполеона.

Под гремящим покровительством своих метких батарей конница русская делала отчаянные налеты на пехоту французскую; но французы (нельзя не отдать им чести) стояли как вкопанные! За что дрались они? Что заставляло их прирастать ногами к русской земле? Мрачные, безмолвные, без пальбы, без крика, линии французские допускали до себя русских на три шага, и вдруг огненная лента бежала по фронту и, за страшным, убийственным залпом, сыпался непрерывный рокот мелкой пальбы. Мертвые и умирающие, кони и всадники русские длинными настилками ложились друг на друга. «Помогите! помогите!» — кричали раненые. «Не до вас, братцы! — отвечали им, — надо прежде разведаться с неприятелем!» Вот минута, в которую армия русская могла показаться разрезанною: ибо ключевой плечной сустав, соединявший левое крыло с грудью армии, был изломан. Наши линии видимо тончали,

позади и впереди их поле пестрелось от трупов и обломков разбитых снарядов, искрошенного оружия. Дивизии маршалов и 1-й кавалерийский корпус, служивший им связкою с дивизиею Фрияна, все подавались вперед упрямо, напористо, грозно, но медленно. Отпорная сила Русских не дозволяла развиваться их привычной быстроте.

Оставим на время маршалов, с их массами полупроскоженными, полурастерзанными, сражаться с остатками наших, полурассеянными, но твердыми на поле, упрямыми в бою, торгующимися за каждый шаг Русской земли, оставим их у Семеновского и обратимся к большому люнету, к батарее Раевского. Этот люнет, или большой редут, отнятый Кутайсовым, Ермоловым, Паскевичем и Васильчиковым, все еще оставался в руках законных владетелей. Вице-король направлял на него и войска и огонь разрушительный. 26-я дивизия (Паскевича), истощенная донельзя, вся расстрелянная, требовала перемены. Ее сменили с ужасной стражи дивизиею Лихачева из корпуса Дохтурова. Между тем убылые места предводителей, как мы уже видели, замещены: Дохтуров приехал на место Багратиона, Багговут на место Тучкова. Настало *второе поколение* генералов в Бородинской битве; лица изменились, а тяжба продолжалась.

Принц Евгений уже готовился к решительной атаке, как вдруг отозван к дивизии Дельзона, на которую напал съехавший с нашего правого крыла генерал Уваров с кавалериею. 1-й кавалерийский корпус с генералом Уваровым и казаки Платова переехали через Колочу при с. Малом, ударили на дивизию Орнано и прогнали ее за Войню. От этого налета донцов и гусар сильно встревожилась и дивизия Дельзона, защищавшая Бородино. Она спешила построиться в четыре каре. Сам вице-король, в происшедшей суматохе, искал спасения в каре 84-го полка. Неизвестно, к чему бы это привело; но Уваров, после нескольких наскоков на кавалерию и пехоту французскую, потеряв довольно людей, уклонился к с. Новому.

Впрочем, эта атака, во всех отношениях необходимая ввиду правого русского крыла, оставшегося на некоторые мгновения довольно спокойным зрителем, произведена была вначале с довольно жаром. Между тем как Уваров спускался с высот, Платов распустил несколько полков Донских казаков: вся луговая равнина к Колочи вдруг запестрела донцами. Они начали *по-своему* давать круги и щеголять разными проделками. Передовые французские

пикеты всполохнулись и дали тыл. Казаки сели им на плечи! Напрасно отмахивались французы и немцы длинными палашами и шпорили тяжелых коней своих: донцы, припав к седлу, на сухопарых лошадках мчались стрелами, кружили, подлетали и жалили дротиками, как сердитые осы. Это сначала походило на заячью травлю. Солдаты русские, стоявшие на высоте Горок и вблизи Дохтуровой батареи, завидя удалство придонское, развеселились: махали руками, хохотали и громко кричали: «Вот пошли! Вот пошли! Хорошо, казак! браво, казак! не жалей француза!» Но это было недолго! — Донцы, сделав, что могли, скучились и потянулись стороною, уступая место кавалерии. Полки 1-го кавалерийского корпуса чинно, важно, густым строем неслись мимо Бородина и, загнувшись дугою, потерялись из вида за деревнею. С огромных французских редутов открылась пальба. Суматоха в Бородине также не укрылась от глаз зрителей. «Смотри! Смотри! Французишки строятся в каре: видно, плохо! Наша берет, ребята!» И многие хлопали в ладони и ревели: «Ура!» Это освежило на этой точке, зной сражения, которое кипело во всей силе.

Если это был отвод, так называемая диверсия, то предприятие достигло своей цели. Не знающие военного дела, может быть, имеют право сказать: «Жаль, что не шли далее!» Если б кавалерия наша (но тогда ей надобно б быть в большем числе), застигшая французов врасплох в их домашнем быту, продолжала натиск свой упорнее, кто знает, что бы она наделала. Может быть, левое французское крыло, более и более само на себя осаждаемое, стало бы наконец свиваться в трубку и смешалось в толпу, которую надлежало отбросить за большую дорогу? Какие последствия могли бы открыться, если б казаки получили возможность кинуться вверх по большой дороге, загроможденной обозами, остальными и запасными парками? Конечно, надлежало проскакать под выстрелами редутов и сломить несколько каре; но, всего важнее, могло встретиться препятствие местное: болотистый ручей и тому подобное. Зато сражение приняло бы совсем другой оборот, и Наполеон увидел бы, как *неосторожно разжидил* он свое левое *накопом* войска на правом.

Но вот русские отъехали восвояси; вице-король успокоился и принялся за прежнее: он сгустил свои силы против большого люнета. Король Неаполитанский, как будто разгадывая замысел Евгения, дал повеление графу Коленку-

ру, начальнику пажей императорских, заместившему Монбрёна, перейти через овраг Семеновский и напасть на редут с другой стороны. Сам же зоркий Наполеон, видя, в чем дело, послал легион Вислы, под начальством генерала Клапареда, чтоб подкрепить атаки, которыми король и вице-король угрожали люнету. Провидя бурю, готовую разразиться над люнетом, прозорливый и мужественный Барклай решился сдвинуть все свои запасные войска на угрожаемое место. В это же время Кутузов, хозяин битвы, отважился ослабить правое крыло, крепкое по своему положению, и отрядил корпус Остермана. С громким барабанным боем полки остерманские шли скорым шагом позади первой линии и батареи, где находился Главнокомандующий. Кутузов напутствовал их несколькими ободрительными словами и осенял знамением креста. Эти полки, еще свежие, сменили корпус Раевского, разбитый и подавленный частыми натисками и бурей пальбы французской. Вместо смененного корпуса Раевского полки Преображенский и Семеновский поставлены за 4-м корпусом. Позади этих двух вытянули 2-й и 3-й корпуса кавалерийские, которые, в свою очередь, подкреплены полками кавалергардским и конной гвардии. Конечно, это скопление войск на одном месте служило огромною мишенью для губительной артиллерии французской, но оно было необходимо для защиты места, слишком угрожаемого.

ВЗЯТИЕ ЛЮНЕТА (ВО ВТОРОЙ РАЗ)

Вице-король, видя, что все усилия русских обращались на защиту их левого крыла, замыслил, пользуясь сим, завоевать наш большой люнет, стоивший уже столько людей и крови!.. Он соединяет 1-ю, 3-ю и 14-ю дивизии и дает знак. Тихо и торжественно приближаются эти войска; тихо и — на минуту — все бездейственно на русской линии, в окрестностях люнета. Канонеры стояли у пушек, поднятые фитили дымились... Но вдруг все наши батареи грянули, картечь зашумела, и ряды французские, обданные чугунным кипятком, кружились и падали. Только буря, ворвавшаяся в чащу леса, может уподобиться этому действию артиллерии! Ядра, совершая свои рикошеты, прыгали между колонн, — французы призадумались. Но один из самых храбрых и, может быть, благороднейший из предводителей французских — Евгений Богарне (вице-король

Итальянский) поднял дух своим присутствием, примером и речью. Каждому полку особо говорил он что-нибудь приятное, что-нибудь ободрительное, напоминавшее его славу. Но 9-й линейный в особенности очарован приветствием: «Храбрые! вспомните, что при Ваграме вы одни были со мною, когда мы рассекли пополам линию неприятельскую!» Полк отвечал криками восторга, и все ринулось вперед. Лично ободряя дивизию Брусье, вице-король был необыкновенно хладнокровен под зноем жесточайшего сражения, под шумом падающих картечных дождей. И вот пехота французская приближалась с лица, а Нансути и Сен-Жермень, с тяжелою конницею, жестоко напирали сбоку, подметая палашами все поле от Семеновского до люнета.

Об этом боковом действии на люнет огромной французской кавалерии (до 120 эскадронов) расскажем мы после, когда кончим о действиях вице-короля с лица. Боковая атака, страшная, грозная, была та атака Нея, за которую получил он титул князя Москворецкого. Он направлялся с своими громадами на центральный люнет, но имел в виду высшую тактическую цель, цель разрезать нашу линию пополам и, распахнув ее на обе стороны, стать в тылу обеих половин. Подчиняясь закону последовательности, скажем теперь только несколько слов о действиях французской кавалерии справа. Самым блестящим образом исполнила данное ей приказание конница 2-го французского корпуса. С неустрашимостью перемчалась она за овраг Семеновский и кинулась на линии русских. Многие полки Остерманова корпуса, особливо Кексгольмский, Перновский и 33-й егерский выдержали храбро отважный наскок и удачно ответили смелым эскадронам губительным батальным огнем. Но, несмотря на это, граф Коленкур, скакавший справа в голове кирасиров Ватье, успел обогнуть редут и через тыловой въезд промчался в самое укрепление. Коленкур убит дулею в лоб, и пятый кирасирский полк, ошеломленный потерей генерала и сильным отпором, ускакал прочь. Так кончил Коленкур! Когда убили Монбрёна и люнет, продольными выстрелами, нещадно резал французскую кавалерию, этот генерал, как мы видели, бросился, чтобы зажать уста люнету, и не возвратился боле! Минута, в которую он взъехал на высоту, представляла картину необыкновенно поразительную. Весь холм — подножие окопа, — очешуенный разноцветными латами, стал живою металлическою черепахою! Ясные, желтые и стальные,

гладкие и шершавые латы и шишаки зеркально сверкали двойным освещением: лучами солнца и красными пуками огня, вылетавшими из жерл пушечных. Люнет с его холмом, на котором громоздились конники французские, казался вместе горою железною и горою огнедышащею.

2-й и 3-й кавалерийские корпуса русские выпущены на 2-й французский, и полковник Засс с Псковским драгунским, поддерживаемый 4-мя орудиями конногвардейской артиллерии, далеко гнал кавалерию; и многие полки французские, не выдержав наскока наших, дали тыл и выброшены на свою пехоту. «Тут была, — говорит один самовидец, — кавалерийская битва из числа упорнейших, когда-либо случавшихся. Неприятельская и наша конница попеременно друг друга опрокидывали и потом строились под покровительством своей артиллерии и пехоты. Наконец, наши успели, с помощью конной артиллерии, обратить неприятельскую конницу в бегство».

Между тем как повторялись эти жаркие схватки у люнета, войска вице-короля, как мы уже сказали, грозно к нему приближались. Некоторые полки вытянуты, другие сжаты в колонны.

21-й линейный, из дивизии Жерара, 17-й дивизии Морановой, 9-й и 35-й из дивизии Брусье охватили редут с лица и сбоку. Солдаты дивизии Лихачева, бившиеся до последней крайности, покрытые потом и порохом, обрызганные кровью и мозгом человеческим, не могли долее противиться и защищать люнет. Но мысль о личной сдаче далеко была от них! Почти все приняли честную смерть и легли костями там, где стояли. Вице-король с 9-м и 35-м полками обогнул люнет слева и, после ужасной сечи, сопровождаемый своим штабом, торжественно вошел в люнет победителем чрез тыловой въезд. Все канонеры наши побиты на пушках и валялись на опрокинутых лафетах, на искрошенном оружии! Генерал Лихачев, страдавший сильною ломотною болью в ногах и сверх того израненный, во все время обороны сидел в переднем углу редута на складном кожаном стуле и под тучею ядер и гранат, раздиравших воздух, спокойно нюхал табак и разговаривал с ближними солдатами: «Помните, ребята, деремся за Москву!» Когда ворвались французы и все падало под их штыками, генерал встал, расстегнул грудь догола и пошел прямо навстречу неприятелю и смерти. Но французы, заметя по знакам отличия, что это русский генерал, удержали штыки и привели его к вице-королю. Храбрый ува-

жил храброго и поручил полковнику Ассолину проводить генерала к императору.

Большой люнет завоеван; но французы недалеко продвинулись с этим завоеванием: курган Горецкий и батарея Дохтурова еще были целы, и на пространстве, ими обстреливаемом, не стояла нога неприятеля. Корпус Остермана, имея перед собою глубокий овраг Горецкий и на правой руке дивизию Капцевича, представлял опору надежную и вместе отпор грозный. Генерал Груши, провожавший вице-короля, слева, пользуясь минутою расплоха при взятии люнета, кинулся было с кавалериею Шастеля на дивизию Капцевича. Но тут вдруг растворились вздвоенные взводы пехоты, и генерал Шевич выехал с полками конной гвардии и кавалергардским. Шевич и гвардейцы впились в неприятеля. Лагуссе, Тьери, Шастель, Лафон, Бриан, Таль-Гут, Домангет рубятся с нашими. Тюрень, Грамон и сам Груши ранены, и неприятель дал тыл! — При атаках, подобных этой, офицеры французские часто рублились один на один с офицерами первых фамилий русских. Были и другого рода поединки: целые полки, располжась один на одном, другой на другом берегу болотистого оврага, до тех пор стрелялись (через овраг), пока ни тут, ни там уже некому было зарядить ружья! На счет личной храбрости офицеров: «Вообще (говорит генерал Сипягин) офицеры наши в Бородинском сражении, упоенные каким-то самозабвением, выступали вперед и падали пред своими батальонами!»

В это же время явился на сцену и генерал Милорадович. С необыкновенною быстротою, скача сам впереди, подвел он сильные батареи на картечный выстрел и начал осыпать завоеванный люнет целыми дождями картечи; уцелевшую ж линию оборотил на оси в косвенное положение и унес фланг ее от неприятеля. Наши выгоды в этом пункте восстановились.

Но обратимся к рассказу, который невольно теряет прямое методическое направление, и мы невольно запутываемся в повторениях. Один из полков, захвативших люнет, именно 9-й, был весь составлен из уроженцев Парижа (*d'enfants de Paris*). Он исполнил дело с блестящею неустрашимостью. В двухчасовой борьбе этот полк потерял из фронта 1068 рядовых и 42-х офицеров! Полковник полка получил две раны пулями. — Вот образчик потерь и храбрости французов!

Пушки (числом 18), вооружавшие люнет (крепкий

только одним мужеством защитников, а, впрочем, слепленный наскоро), достались смелым неприятелям. И второй период сражения совершился. В это время Наполеон едет сам посмотреть вблизи на сражающихся. На поле битвы был самый разгар. Около четырех часов за полдень, лесок, прежде не замеченный русскими, вдруг запестрел толпою всадников. Этот лесок находился против самого кургана Горецкого. Между людьми сановитыми, на прекрасных лошадях, среди пестрых мундиров, блестящих богатыми эполетами, радужными цветами орденских лент и знаками отличия, отличался один без всякого знака. Он ехал на маленькой арабской лошадке, в серой шинели, в простой треугольной шляпе. Кто не узнал бы Наполеона? Когда большая часть укреплений на линии русских были захвачены, он подъехал на ружейный выстрел к сражению, чтоб взглянуть на ход и положение дел. Тут же хотел он было штурмовать курган Горецкий и батарею Дохтурова, которые только оставались невзятыми. Но его отговорили. Наполеону не совсем нравился ход дел. Правда, что русские теряли много народу, продолжая драку открыто вне ретраншментов: пушки французские громили беззащитных. Много было мертвых, но живьем не сдавались наши неприятелю, разве кого хватили в одиночку. Русские дрались насмерть! Наполеону очень хотелось разорвать армию нашу пополам и преследовать до уничтожения.

Для этого надобно было завладеть и последнею опорою — курганом Горецким и подручною его батареею, которые, приурочиваясь к ручью Стоңцу, обстреливали всю окрестность до большого люнета, завоеванного вице-королем. С намерением овладеть этою крепкою частью нашей позиции Наполеон доезжал до полета пуль, чтоб осмотреть все ближе и явственнее. Губительный огонь кипел около Горок. Оставя свиту за лесом, Наполеон выехал и показался против самых Горок. Бертье, Коленкур, Дюрок, Бесьер и еще один паж следовали за императором, на одну минуту подъезжал к нему Мюрат. Наполеон стоял под пулями русских стрелков. Упрямо хотел он захватить курган Горецкий. «Где ж наши выгоды? — говорил угрюмо Наполеон. — Я вижу победу, но не вижу выгоды!» Все, проводившие императора, восставали против атаки.

«Войска наши утомлены до изнеможения! — говорили маршалы. — Одна надежда на гвардию!» — «Мы в 600 милях от Франции! — представлял Бертье. — Мы потеряли до 30-ти генералов. Чтоб атаковать курган, надобно жертво-

вать новыми войсками, ожидать новых потерь. И что ж будет, если захватим батарею? Получим в добычу еще одну горстку русских — и только! Нет, государь, — продолжал Бертье, — наша цель Москва! наша награда в Москве!» «Надобно беречь гвардию, — прибавил Бесьер, — вся надежда на гвардию. Она будет отвечать Франции за императора!» Эта достопамятная сцена, — отрывок из великой мировой драмы, — разыгрывалась на помосте, усеянном трупами, под павильоном ядер и гранат, при трескучем полете картечи. Все единогласно убеждали Наполеона уехать далее с этого опасного места, и всякий порывался скакать вперед, для ближайшего осмотра позиции русских. Наполеон упрямылся. Но один из генералов взял под уздцы его лошадь и сказал: «Не здесь, государь, ваше место! Смотрите: русские нас заметили, на нас наводят пушки!» Наполеон дозволил себя увести, и тотчас после того картечь русская вспахала землю, на которой стоял император французов. Изменя место, Наполеон не изменил предположение и разъезжал по линии с своею думою.

Направясь к Семеновскому, увидел он столкновение резервов русских и массы, готовые двинуться вперед. Эти массы были войска (часть гвардии), посланные Кутузовым. Это была одна из двух попыток Кутузова действовать наступательно. Сперва послал он Уварова на левое крыло французов; потом (около 5-ти часов пополудни), заметив, что центр французской линии почти весь состоит из конницы, составил плотную массу пехоты, чтоб пробить эту жидкую линию и направить ее левым флангом на Семеновское. Но пехота наша не могла ни собраться, ни выйти довольно скоро, и французы, заметив новое приготовление, не дали созреть и совершиться предприятию. Сорбье, даже, как иные говорят, без приказанья Наполеона, открыл ужасный огонь.

Заиграли органы адских батарей; целыми колесистыми городами съезжаются они с разных мест, конная артиллерия скачет по полю, ядра с визгом бороздят и роют луг и долины, бомбы лопаются, и наши остановились на пути своем, пока, наконец, скрестили штык с штыком с колоннами наступавшего Нея. Наполеон, однако, дрогнув атаки русских на центр его и решился подвинуть вперед молодую гвардию. Вот лучшая похвала преднамерению Кутузова! Не его вина, что атаки (на левое крыло и центр французов) и военная хитрость на левом крыле нашем не достигли вполне своего назначения. Он приказывал — на-

добно было исполнить!.. Впрочем, две последние попытки не остались без плода в объективном смысле: та приостановила, эта изумила — и этого уже достаточно!

Другие рассказывают, что Сорбье не сам, а по повелению Наполеона начал ужасную пальбу по колоннам русских. Наполеон, говорят они, махнул рукой и... во весь дух примчалась адская батарея, чтоб поддержать другие многочисленные, расставленные королем Неаполитанским. В подкрепление дивизии Фрияна подвинута, как мы сказали, другая Ронье, из молодой гвардии, которой начальником был Мортье. В эту минуту выглянула и дивизия Клапереда из-за люнета, которым заслонялась. Она, как и некоторые другие, не раз падала на колени, не стерпя пальбы русской, направленной в уровень человека, другие войска французские, по той же причине, хоронились по оврагам и за парапетами завоеванных окопов, стоя на коленях. Чтоб дополнить хотя несколько не вполне рассказанное, обратимся опять к событиям, уже промелькнувшим под пером нашим.

«Русские, — говорит французский повествователь, — хотели выполнить сердечный обет, данный накануне перед св. иконою Богородицы, великий обет: «Положить свои головы за веру и отечество!»

И вот ожили и пришли в движение, в разных местах, темневшие вдали массы! Быстро и отчаянно кинулись эти массы вперед и бегом понеслись чрез поле отбивать свои окопы. Новый бой взволновался с новым остервенением. Из-за большого люнета дивизии Жерара, Морана и Брусье с криком бросаются навстречу русским, перебегают овраг, которым прикрывались, и являются на противоположной высоте. Направо и налево от них 2-й и 3-й кавалерийские французские борются, как мы уже сказали, с 2-м и 3-м корпусами кавалерийскими русскими. Полки кавалергардские и конной гвардии выдерживают ужасный бой. Некоторые из французских карабинеров побиты или взяты в плен далеко за линией русскою, куда они промчались, обезумев от запальчивости.

В центре, впереди дивизии Фрияна, 80 пушек громят и останавливают высланные колонны русские. Остановились эти колонны и, терзаемые, разрушаемые с высоты захваченных у них окопов и с подвижных батарей, целые два часа простояли неподвижно под градом картечи, не имея возможности идти вперед, не желая отступить назад.

Кирасиры русские, сильно поддерживавшие свою пе-

хоту, многократно насакивали на артиллерию, конницу и пехоту французскую и не раз въезжали на самые батареи, топча канонеров и рубя лошадей.

Шесть Михайлов¹ воевали на Бородинском поле, и вот один идет с решительным намерением перетянуть весы на свою сторону. Это Михаил Ней! Русские напрасно польстились на минуту надеждою остановить идущего добывать себе титул князя Москворецкого. У него были корпуса генерала Монбрёна, Нансути и Груши (более 120 эскадронов) и пехотные: свой и Жюно, при совокупном с ним действии вице-короля Италиянского. Ней вел тут почти целую армию! Несмотря на огонь батарей наших, эти многочисленные войска все подавались вперед. Тогда (минута ужасная!), оглася воздух страшным криком, все бывшие тут колонны русские двинулись скорым шагом вперед, неся ружье наперевес. Обе линии (можно сказать, обе армии) столкнулись, скрестили штыки и (я употребляю сильное сравнение), как сосуды хрустальные, расшиблись на мелкие части! Все смешалось и перепуталось, но никто не переставал драться! Конные, пешие, артиллеристы, люди разных вер и народов, схватывались толпами, в одиночку, резались, боролись и дрались на смерть!²

На девяти европейских языках раздавались крики: соплеменные нам, по славянству, уроженцы Иллирии, дети Неаполя и немцы дрались с подмосковною Русью, с уроженцами Сибири, с соплеменниками черемис, мордвы, завожской чуди, калмыков и татар! — Пушки лопались от чрезвычайного разгорячения, зарядные ящики вспыхивали страшными взрывами. Это было уже не сражение, а бойня. Стены спшибались и расшибались, и бой рукопашный кипел повсеместно. Штык и кулак работали неутомимо, иззубренные палаши ломались в куски, пули сновались по воздуху и пронизывали насквозь!.. Поле усеялось растерзанными трупами! И над этим полем смерти и крови, затянутым пеленою разноцветного дыма, опламенялись

¹ Здесь, разумеется, говорится только о начальниках высших чинов. Эти Михайлы были: Кутузов (Михайла Ларионович), Барклай (Михайла Богданович), Милорадович (Михайла Андреевич), Воронцов (Михайла Семенович), Бороздин (Михайла Михайлович) и Михаил Ней.

² Отчего в Бородине дрались так храбро? — «Оттого, сударь, что тогда никто не ссылался и не надеялся на других, а всякий сам себе говорил: хоть все беги, я буду стоять! хоть все сдайся, я умру, а не сдамся!» Оттого все стояли и умирали! (Слова рядового 1812 года.)

красным огнем вулканов и ревели по стонущим окрестностям громадные батареи.

Более двух часов продолжалась эта неслыханная борьба мужества и смерти, борьба народов и России, и никто не знал, на чью сторону склонится победа. Но выгоды, сдавалось, были на стороне французов: центральный люнет завоеван, почти все батареи русские захвачены и, с высоты их, неприятель громил передовые массы, посылая бомбы до самых резервов наших.

Вообразите рабочую хранину химика, представьте, как из двух фиалов сливает он в один сосуд две неприязненные влаги. Слитые вместе, они шипят, клокочут, вихрят-ся, пока, обе разложенные, цепенеют, испаряются, не оставя никаких почти следов за собою. Так слились в одну чашу гибели две силы, две армии, русская и французская, — и, смею употребить выражение: *разлагались* химически, одна другую уничтожая.

Атаки русской кавалерии, атаки смелые и удачные, не раз приводили в замешательство батареи французские. Так, лейб-кирасиры вскакали на батареи дивизии Фрияна и положили в лоск несколько рот волтижеров, защищавших пушки. Но в то же время каре 33-го полка, стрелявшее почти в упор по коням наших всадников, устилало около себя место пронизанными людьми и конями. Другие кони расседланными табунами носились по полю, обезумев от дыма и курения. Напротив, кони, обузданные артиллерийскою упряжью, представляли совсем другое зрелище. Обнаруживая разительным образом врожденный инстинкт, они, казалось, в полной мере понимали опасность своего положения. Понутив голову и опустя ее к коленям, под громом и стуком сражения, они стояли смирно, почти неподвижно, по временам вздрагивая всем телом и едва передвигая ноги. Человек разведывался с человеком; они, бессловесные, были посторонние в этой распре существ, имевших дар слова; но с каким самоотвержением и в деле для них чуждом отдавались они своим поводам и следовали за движением руки, часто бросавшей их в самый разгар гибели и сечи!

Еще один налет русских на 30-ти пушечную батарею, влево от большой батареи, стоил им дорого. Смелые конники приняты с боку 11-м и 12-м полками егерей, которых привел генерал Пажоль, отражены и потеряли много.

Не раз король Неаполитанский пытался, под грозой своей артиллерии, произвести общую кавалерийскую ата-

ку, но успеха не было! Трупы, наваленные высокими грядками, не давали разбега коннице. Мертвые и умирающие останавливали успехи смерти! При всяком отражении русские оттесняли ряды и представляли живую толщу, неправильную видом, но крепкую мужеством, непроницаемую. Многие из русских сознавались, что уже не искали способа отражать наскоков французской кавалерии, прерывавших на время действия французских батарей. И кто поверит, что минуты этих разорительных наскоков были минутами отрады и отдыха! Лишь только отклонялась конница неприятеля, батареи его опять начинали бороздить воздух ядрами, напускать целые облака лопающих бомб и варить варом картечи великодушные толпы русских. Приросшие к полю, которое устилали они своими трупами, русские умирали там, где стояли. Треск был повсеместный. Везде брызгами разлеталось изломанное оружие. Некоторые из наших эскадронов, баталионов и даже полков, как бы затерянные в случайностях битвы, жившие одно только жизнью иступления, ничего не видали за дымом, не слышали за шумом и грохотом. Забытые действительным миром, они были брошены в какой-то особый мир ужасов, в какой-то вихорь разрушения, в царство смерти и гибели. С запекшеюся кровию в устах, с почерневшими от пороха лицами, позабыв счет времени и все внешние отношения, они не знали, где находятся; знали только одно, что им надобно стоять и драться — и дрались беспрерывно, дрались отчаянно! Всадники и кони убитые, обрушаясь на живых, запутывали и подавляли их всею тяжестью своего падения! Живые домирали под мертвыми.

После этой долгой борьбы, в продолжение которой взят центральный люнет и содеялось много дел в разных пунктах линий, многие полки русские, полки центра и левого крыла — обедняли. Где было две тысячи, осталось две, три сотни! И те сиротами прижимались к своему знамени и исколоченными телами защищали полковую святыню! Только 11-ть баталионов на правом крыле и 6-ть батарей у Псарева были еще не тронуты; но день вечерел, надлежало кончить его пятнадцатичасовое сражение. Огнедышащий Ней, как один из губительных смерчей Антильских¹, встретив препятствие неодолимое, сокрушившее все его напоры, наконец истощился... Наполеон не предприни-

¹ После Бородинского сражения много было толков о храбрости и намерениях Нея в Бородинском сражении. Он был один из главных деятелей на этом поле смерти.

мал уже ничего более. Тогда было шесть часов вечера. Атака, которой мы сделали очерк, принадлежала к эпохе вторичного завоевания люнета и продолжалась, конечно, два добрых часа. С 6-ти часов, за общим изнуром сражающихся, движения приостановились. Одни только пушки гремели и громили. Но русские, повторим это еще раз, были крепки в двух важных пунктах, за оврагом Горецким и на высотах Семеновских. Между тем полуосенний день уже вечерел. Часы уходили. Ночь более и более вступала в права свои. Солнце закатывалось красным шаром без лучей. В воздухе распространился какой-то кисловатый, уксусный запах, может быть от большого разложения селитры и серы, может быть и от испарений крови! Дым огустел и повис над полем. И в этой ночи, полуискусственной, полустественной, между рассеянных французских колонн, еще двигавшихся с барабанным боем и музыкою, еще развертывавших свои красные знамена, вдруг — и это было уже в последний раз — прозвенела земля под копытами несущейся конницы. 20 000 сабель и палашей скрестились в разных местах поля. Искры сыпались, как от пожара, и угасали, как жизнь тысячей, погибавших в битве. Эта сеча, на минуту возобновленная, была последняя — последняя вспышка догоравшего пожара, затушенного кровью. Это король Неаполитанский бросился с своею кавалериею на линию русскую. Но дня уже не стало, и сражение затихло. Великий вопрос: «Кто победит?» остался неразрешенным.

БОРОДИНО ЧЕРЕЗ 25 ДНЕЙ ПОСЛЕ БИТВЫ

Наполеон оставил Москву. Войска его, разбитые под Малым Ярославцем, спешили захватить большую Смоленскую дорогу, и некоторые колонны взопли на нее близ Можайска. Наконец приблизились они к полю Бородинскому. Все было пусто и уныло около этого поля, жившего некогда страшною, огненною жизнью; теперь мертвого, оледенелого. Окрестные деревни сожжены; леса, обнаженные осенью и постояями войск, изредели; свинцовое небо висело над холмами полуубеленными.

И в этом могильном запустении лежали трупы, валялись трупы, страшными холмами громоздились трупы!..

Это было кладбище без гробов! Тысячи раскиданы были без погребения.

Пятьдесят два дня лежали они добычею стихий и перемен воздушных. Редкий сохранил образ человека. Червь и тление не прикасались объатым стужею; но явились другие неприятели: волки стадами сбежались со всех лесов Смоленской губернии; хищные птицы слетелись со всех окольных полей, и часто хищники лесные спорили с воздушными за право терзать мертвецов. Птицы выклевывали глаза, волки оглаживали кости. В одном месте, к стороне Семеновских редантов, 20 000 тел лежали лоском в виде мостовой! Остовы лошадей, с обнаженными ребрами, искрошенное оружие, разбитые барабаны, каски, сумы, опрокинутые фуры без колес, колеса без осей, оледенелые пятна крови и примерзлые к земле, разноцветные лохмотья мундиров разных войск, разных народов: вот убранство поля Бородинского! Горецкие и Шевардинские курганы и большой центральный люнет стояли, как запустелые башни, ужасными свидетелями ужасного разрушения. В сумерках вечерних и при бледном мерцании луны зрение обманывалось: казалось, что на вершинах оставленных батарей мелькали изредка образы человеческие. Это действительно были люди — мертвые, окостенелые! Захваченные стужею и прижатые грудами трупов к парашетам, они, мертвецы на страже мертвых, стояли прямо и мутными глазами глядели в поле... Ветер шевелил на них пестрые лохмотья одежд и придавал неподвижный вид какой-то мгновенной жизни, обманчивого движения. Но на этом поле смерти и уничтожения, среди целого народа мертвецов, был один живой! Сотни подобных ему несчастливцев, отстояв на берегах Стонца, пошли сетовать и умирать на берега Сетуни. Этот остался верным Бородинскому полю¹. «Кто ты?» — спросили французы, услышав, близ большой дороги, свой родной язык. — «Я несчастный *половинный человек, половинный мертвец!* За восемь недель перед этим ранен я на великом побоище. Картечь раздробила мне обе ноги. Когда я пришел в себя, была уже ночь и никого не было в поле. Я ползал по берегам ручья, питаясь травой, кореньями и сухарями, которые находил в

¹ Многие раненые французы отправились с берегов Стонца, с Бородинского поля, чтоб умереть под Москвою, где речка Сетунь впадает в реку Москву. Вникая в события 1812-го года, нельзя не заметить какого-то символического значения в самых именах мест и урочищ, бывших на виду в то время.

сумах убитых. На ночь залезал я в остовы лошадей и прикладывал их свежее мясо к своим свежим ранам. Этот пластырь чудесно исцелял мои язвы! Свыкшись с остротой русского воздуха, я окреп и почувствовал в себе некоторую силу. Кровь не текла более из ран моих. Но я был *один*, один живой между тысячами мертвых. По ночам, правда, оживало это поле: какие-то странствующие огоньки блуждали по нем в разных направлениях. Это были баталионы волков, приходивших кормиться остатками баталионов наших. Я бил штыком о кремь, по временам сжигал понемногу пороху и тем отгонял от себя неприятелей. Да зачем им и добиваться меня! У них была богатая трапеза и без моих еще не остывших костей! Отчужденный от мира живого, от людей с теплою кровью, от движения гражданского, я наконец присмотрелся к своим неподвижным товарищам. Для них уже не существовало время, которое тяготело надо мною. С исходом каждого дня я клал по одному штыку солдатскому в *приметное* место, и вот уже их 50 с тех пор, как я здесь одиночествую. Если ночью пугали меня волки, то днем радовало присутствие собак, из которых некоторые удостаивали меня своими ласками, как будто узнавали во мне *хозяина* поля Бородинского. Эти стаи собак набегали из соседственных селений, но людей нигде не видно было!.. Иногда, в тишине длинных, бесконечных русских ночей, сдавалось мне, что где-то закипало сражение, сыпалась дробью перестрелка; какие-то звуки неясные, отдаленные, какие-то голоса мимолетные, глухой гул из лесов и звон колокола, не знаю откуда, доносились до меня ветром... Но скоро шорох бегающих волков, щелканье их зубами о кости заглушало все. Редко видел я закат солнца на этом вечно сером своде. Но меня радовали красные зори, румянившие рассветное и вечернее небо. Иногда, по ночам, всходили и *другие* зори: где-то горело. Как охотно уносилось туда воображение мое. «Там есть люди! думал я; там *живут!* там *говорят!*» Вы не поверите, как грустно не слышать голоса человеческого!.. Я не любил луны: она набрасывала слишком могильную тень на это пространное *кладбище безмогильных!*.. Между тысячами беспробудных на этом поле последнего сна была одна голова, в которой еще таилась *мысль*, были одни уста, в которых могло обращаться *живое слово*, было одно *сердце*, могущее чувствовать и биться, и как тяжело было этому сердцу!.. Сегодня, на утренней заре, услышал я шум шагов и оружия. Былая жизнь воскресла передо мною: долго

прислушивался я, приложу ухо к звонкой, промерзлой земле, и весело вскрикнул: «Это шаги людей!» И вот я, наконец, между живыми!..»

ПОСЛЕДНЕЕ УНИЧТОЖЕНИЕ НА БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ

К исходу 1812-го года, когда леса и дороги литовские засорены были тысячами замерзлых трупов неприятельских, Москва уже стягивала пепел с седых кудрей своих и селения по разоренной (так называли в то время *Смоленскую дорогу*) дороге начинали люднеть и оправляться. Возвратившиеся из засад лесных крестьяне торопились обзаводиться вновь, исправляя, по-русскому, *как-нибудь* свои запустелые избы — длинные ветви елей, называемые лапами, и связки соломы служили, на первый раз, для составления временных зашит, загородок, пристенок и скороделанных заборов. Мужики можайские оправили свои деревенские бани, свои черные, беструбные печи, сходили в приходскую церковь, наварили браги, стали печь блины, поминая и родителей, и усопшую братию, зажили на авось, по-старинному, как будто француз и не ходил под Москву! Но армия французская еще лежала все там же, на Бородинском поле, все также без погребения! По Смоленской и польским дорогам целые войска скелетов тянулись на запад. Ужасно было состояние отступающей армии! Целые селения вымирали от заразительных болезней, возникших по следам бегущих из России народов Европы. Правительство озаботилось освободить поля русские от трупов, которые, без сомнения, удвоили бы заразу, если б их оставили до теплых весенних дней. И вот в одну ночь небо над застывшим полем Бородинским окатилось красным заревом. Жители Валуева, Ратова, Беззубова, Рыкачева, Ельни и самого Бородина, предуведомленные повесткою от земского суда, выползли из своих соломенных нор и, с длинными пестами, топорами и вилами, отправились на поле Бородинское, где уже работали крестьяне окольных волостей.

Длинные ряды костров из сухого хвороста и смольчатых дров трещали на берегах Стонца, Огника и Колочи. Люди, с почерневшими от копоти лицами, в грязных лохмотьях, с огромными крючьями, валили без разбора тела убиенных на эти огромные костры. И горели эти тела, и

густые облака тучного беловатого дыма носились над полем Бородинским. На тех кострах горели кости уроженцев счастливых стран, Лангедока и Прованса, кости потомков древних французских рыцарей, старинных князей, новых графов и генералов новой империи французской, потомков древних феодалов, сильных баронов германских, кости гренадер, егерей и мушкетеров французских и железных людей Наполеоновых. И горели, прогорали и разрушались кости вооруженных *орд двадцати народов нашествия!* Горели кости людей, которых возврата на родину, в благовонные рощи Италии, на цветущие долины Андалузии, так нетерпеливо ожидали отцы и матери в великолепных замках и невесты у брачного алтаря!

Вековые титулы, отличия, порода, знатность — все горело! И ужели не было существа, которое бы уронило слезу любви на эти кости врагов и соплеменников?

Но вот, под заревом пожара небывалого, при блеске костров, являются два лица на поле Бородинском. То была женщина стройная, величавая, то был *отшельник*, облаченный в *схиму*. Оба в черных, траурных одеждах. У нее блестит на груди крест, на нем везде видны символы смерти — изображения черепа и костей адамовых. Между костров огненных, по берегам молчащего Огника идут они, молчаливые, ночью, под бурю. Она с запасом своих слез; он с фиалом *святой воды* и *кропильницею*. И плачет и молится жена, и молится и кропляет *водою жизни* смиренный отшельник, *живой мертвец*, тех мертвцов безжизненных. И вот чьи слезы, чьи благословения, под ризою черной осенней ночи, под бурю, раздувающую костры, напутствуют в дальний, безвестный путь тех потомков древних рыцарей, тех генералов и герцогов, тех великанов нашего времени, которые, по какому-то непонятному, обаятельному действию исполинской воли чародея, пришли с своими войсками, с своими колоннами, чтоб положить кости на русской земле, и предать те кости на пищу русскому огню, и отдать пепел тех костей на рассеяние ветрам подмосковным. И тот отшельник, схимник соседственного монастыря, и та женщина, вдова генерала Тучкова, среди исполнителей обязанности общественной были единственными *представителями любви, высокой, христианской любви!*

На одной из батарей Семеновских (на среднем реданте) Маргарита Тучкова, отказавшись от всех прав (а их так было много!) и *притязаний* на счастье мирское, сняв

светлые одежды мирянки и надев черные монахини, построила храм и устроила общину, в которой живут и молятся смиренные инокини. Под сводом этого храма, на левой стороне, стоит памятник Александру Тучкову, и в нем сохраняется икона Божией Матери. С этую иконою был он во всех походах до *Бородинского сражения*, и во всех походах сопровождала его супруга, до смерти верная и по смерти с ним неразлучная!

И горели кости князей и герцогов и остатки эскадронов и обломки оружия с зари вечерней до утренней, и солнце застало поле *Бородинское поседевшим* от пепла костей человеческих.

Прошла зима. Теплые весенние дожди напоили окрестности Можайска, и высоко росли травы и прозябения на местах великого побоища. Поселяне говорили между собою: «Земля наша стала *сыта!*» А чиновники местной полиции, сверяя донесения сотских, сельских старост и волостных писарей, выводили валовый итог:

«1812-го года, декабря 3-го, всех человеческих и конских трупов на Бородинском поле сожжено:

девяносто три тысячи девятьсот девяносто девять».

К о н е ц .

ПИСЬМА РУССКОГО ОФИЦЕРА

(Извлечения)

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

В 1817 году, когда мне довелось быть Председателем известного в то время Литературного общества и, в чине полковника гвардии, членом Общества военных людей и редактором Военного журнала, — посетили меня в один вечер (в квартире моей в доме Гвардейского штаба) Жуковский, Батюшков, Гнедич и Крылов. Василий Андреевич (Жуковский) первый завел разговор о моих Письмах русского офицера, заслуживших тогда особенное внимание всех слоев общества.

«Ваших писем, — говорил Жуковский, — нет возможности достать в лавках: все-де разошлись. При таком тре-

бовании публики необходимо новое издание. Тут, кстати, вы можете пересмотреть, дополнить, а иное (что схвачено второпях, на походе) и совсем, пожалуй, переписать. Теперь ведь уже уяснилось многое, что прежде казалось загадочным и темным».

Гнедич и Батюшков более или менее разделяли мнение Жуковского, и разговор продолжался. Крылов молчал и вслушивался, а на конец заговорил: «Нет! — сказал он, — не изменяйте ничего: как есть, так тому и быть. Не дозволяйте себе ни притягиваний нового к старому, ни подделок, ни вставок: всякая вставка, как бы хитро ее ни спрятали, будет выглядывать новою заплатою на старом кафтане. Оставьте нетронутым все, что написано у вас где случилось, как пришлось... Оставьте в покое ваши походные строки, вылившиеся у бивачных огней и засыпанные, может быть, пеплом тех незабвенных биваков. Представьте историку изыскивать, дополнять и распространяться о том, чего вы, как фронтовой офицер, не могли знать, ни ведать! И поверьте, что позднейшим читателям и любопытно, и приятно будет найти у вас не сухое официальное изложение, а именно более или менее удачный отпечаток того, что и как виделось, мыслилось и чувствовалось в тот приснопамятный XII-й год, когда вся Россия, вздрогнув, встала на ноги и с умиленным самоотвержением готова была на всякое пожертвование...»

К ДРУГУ МОЕМУ

Спешу удовлетворить желанию твоему, любезный друг! Вот мысли, замечания и рассуждения мои во время поездки в разные места Тверской губернии, в Москву и в Киев...

Ты читал «Письма русского офицера о походе 1805 и 1806 годов». Сии записки препровождаю тебе под названием «Писем русского офицера в отставке». Вслед за сим получишь «Письма русского офицера об Отечественной 1812 и о заграничной 1813 года войне». Все сие вместе составит одно целое. Сие второе сочинение должно быть непременно в общей связи с первым и последним. Оно непосредственно обращает внимание на то время, которое предшествовало великим бурям и волнениям, постигшим Отечество наше.

Во время краткой и обманчивой тишины, которою наслаждались мы с 1807 по 1812 год, предпринимал я, по

разным обстоятельствам, поездки в разные места, не оставляя привычки бросать на бумагу мысли и замечания свои. Путешествуя в Отечестве нашем, нельзя наполнить листов записной книжки описанием картин, мраморных изваяний и прочих произведений художеств, но можно списывать картины с нашей природы, которая богата ими, а всего, как мне кажется, важнее узнавать и описывать нравы своего народа. Путешествие есть единственное к тому средство. Я старался рассматривать людей в их различных состояниях: гостил в палатах и жил в хижинах. Но там и тут главною целию моею было наблюдение нравов, обычаев, коренных добродетелей и наносных пороков.

Я видел мномо счастливых в высоких домах и видел истинно благополучных в низких хижинах. В палатах нередко видел я слезы, текущие по залоту; видел там страсти и предрассудки, от которых являет радость и меркнет жизнь, как ясный день от черных туч.

Читая листы сии, не пеняй на частые ссоры мои с предрассудками, не пеняй на упреки против злоупотреблений!

Порок увертлив и гибок, как змей: его должно преследовать до самой глубины его нор. Однако ж все, что здесь написано, хотя, может быть, несколько и резко, но очень, очень иносказательно, так, что, не обижая именно никакого лица, может быть, послужит поучением для многих. Признаюсь, что я воспользовался советом Фонтенеля. Шатаясь по свету, заловил много истин в руку — и не вдруг раскрыл ее. Еще и теперь некоторые персты сжаты.

С сердечным удовольствием видел я, что благие нравы предков, вытесненные роскошью и нововведениями из пышных городов, не остаются вовсе бесприютными сиротами на русской земле. Скромно и уединенно процветают они в простоте сельской. Не раз повторял я про себя достопамятное изречение Монтескье: «Еще не побежден народ, хотя утративший войска, но сохранивший нравы свои». Россия не утратила ни того, ни другого. И потому я всегда утешался душевным уверением, что, вопреки умствованиям и расчетам наших врагов, еще очень трудно покорить Отечество наше.

Несмотря на все суждения иноплеменников о суровости нашего климата, о грубости народа и прочее и прочее, часто, в полноте душевной, восклицал я:

Русь, блаженная стократно!
Как душе моей приятно,

Что в стране моей родной
С счастьем можно в селах знаться!
и проч.

Я описал здесь, по сведениям, из вернейших источников мною почерпнутым и никому доселе не известным, жизнь Волоскова, Свешникова, Демьянова, изобретение Маслова и проч. и проч. Все сии описания, послужа лучшим опровержением на клеветы иноземцев, убедят их, что и у нас были, есть и будут самородные дарования и что русские точно ко всему способны.

В заключение сказал я несколько слов о Киеве, где случилось мне быть в то самое время, когда пожары свирепствовали в улицах и опустошали окрестности, когда дивная звезда, явившаяся в небесах, усугубляла ужас встревоженного народа, и тайное предчувствие вселяло в души непостижимый страх.

Вот, друг мой, описания, которые, войдя в общую связь моих писем, может быть, понравятся тебе если не по чему другому, то, по крайней мере, по намерению, с которым они писаны.— Кочующая жизнь моя, заботы и хлопоты, повсюду ее сопровождающие, поглощают весь мой досуг. Оттого-то и не могу ручаться за красоту слога, но за истину смело стою.

...Сколько усилий, сколько забот употребляют к тому, чтобы разбогатеть! Если б хотя с половинным против сего усердием отыскивали сокровища добродетелей, сколь счастливо было бы общество!..

В наше время истинные добродетели сделались кладами; их должно находить во мраке неизвестности, в удалении от шума страстей, под кровом убогих хижин... Но кто захочет принять на себя труд искать в такой отдаленной глуши, и чего ж? — добродетелей!.. Деньги, деньги, сии звенящие наличные добродетели,— вот волшебный талисман, с которым исходилъ весь свет вдоль и поперек, а ум, добрые качества и дарования похожи на ассигнации, имеющие условную, и то часто непостоянную, цену в одном только уголке земли, тогда как во всех прочих местах вменяются они ни во что. В древней Спарте можно было прожить без денег с одними добродетелями, а теперь, в наипросвещеннейшей нашей Европе, как думаете, сыщется ли хотя малейший лоскуток земли, на котором бы можно было жить, как говорят, безданно-беспощинно? — Бог знает!..

СЕТОВАНИЕ ПОСЕЛЯНКИ

Посреди деревни С... переломилась у нас под повозкою ось. Между тем как старались о починке, мы вошли в ближнюю избу. Это было рано поутру. Облака дыма, вытекающая из растопленной печи, клубились у потолка и, окутывая стены, стремились сквозь растворенную дверь в сени. Мы застали одну только пожилых лет хозяйку, которая стряпала в печи. Слово за словом завели мы разговор о их житье-бытье. Хозяйка сначала говорила холодно, но, когда дошла речь до их горя, то ухват вынал у ней из рук, глаза ее засверкали и она проговорила такую речь, в которой не было, может быть, и тени тех риторических красот, которыми блестят речи, сказываемые на кафедрах, но за всем тем у нас, слушавших ее со вниманием, волосы становились дыбом и сердце несколько раз обливалось кровью. Что же было содержанием сей столь поразительной речи?

Бедная крестьянка описывала горькую свою долю. Она говорила самым простым и грубым наречием; однако же вошли ее, вздохи, часто воздеваемые к небу иссохшие от работы руки и слезящие глаза придавали словам такую силу, что и сам господин ее поразился б ими, если б из палат своих заглянул под эту пору в курную избу. Непритворная скорбь всегда красноречива: выражения ее не украшаются цветами искусства, но зато все ее слова, ознаменованные истинным чувством, пронзают, как стрелы, сердца слушателей.

Вот что я мог запомнить из слов сетовавшей крестьянки, которая в исступлении говорила скоро и невнятно. «У нас, батюшка, не как у людей: отдыху нет и на минуту, и в воскресный день кряхтим да потеем на работе, да коли б дельная работа!.. С нивой справляться не грозно мужику... А то, как кроты, роется в земле: то скапываем горы, то насыпаем пригорки; а кирпичу, каменье, каменье сколько перетаскали! Да все в гору, и все на своих плечах! Кони от натуги подошли... Матушка-весна хоть для всех красна, только нам не мила: люди встречают ясные денечки да радуются, а мы кулаком слезы утираем. От раннего утра до поздней зари мы все в садах на работе. Покойный батюшка нашего барина (то-то нам было за ним райское житье!) насадил большие сады яблонь, груш, вишеннику и сливнику, а нынешний наш приехал из Москвы да все по-своему перекрутил да перемутил. Привез

с собою французса-садовника, а этот лиходей все наши яблоньки повыкопал! Свет-то наши садики! Бывало, при старом господине, — дай бог ему царство небесное, — и нас по праздникам яблоками чествовали, а теперь понасаждали березнику, березнику, да ельнику, ельнику и всякой колючей дрянью; а все нашими грешными руками! Песок да камни таскаешь, таскаешь на себе, как не вередишься?.. А иглами шиповника руки и ноги поколешь и поцарапаешь. Люди идут с пригоном, песни поют, а мы слезами кровь да пот с себя смываем!»

Но то, что терпят бедные работницы от наглости иноплемennых блюдолизов, живущих в селе NN, не можно и написать.

«Барин наш, — продолжала хозяйка, — с места на место переносит целые деревни, людей, как скот, перегоняет, а все это для того, чтоб на селидбенных местах и на старинных мужицких огородах засеивать свою пшеницу! Было б ему хорошо, а мужик хоть гнилую колоду гложит!.. Вот у нас сосед Г... — то-то барин, отец своим крестьянам: за таким можно, не выроня слезинки, век свековать».

Сверх этих отяготительных работ крестьяне господина NN обременены еще страшными поборами. У них берут все, что только можно вздумать: масло, яйца, крупы, ветчину, баранов и прочее и прочее. Мы нарочно старались поговорить с управителем деревни, который, познакомившись с нами, подтвердил почти все то, от чего у нас уши и сердца вянули.

«Взгляните на сии огромные каменные строения, на сии обширные сады: все это, — говорил он, — руками только двухсот крестьян воздвигнуто из ничего не более как в три года; сверх того и полевые работы удвоены».

После сего посудите, каково житье крестьян помещика NN, который, будучи знатного рода и воспитан в Москве в иностранном пансионе, прошел и затвердил весь курс модных наук, в котором нет, однако ж, ни одного урока о том, как быть отцом-помещиком. Крестьяне у господина суть то же, что персты на руках; ими и через них приобретает он все, чем может удовлетворить нуждам и прихотям своим. Кто захочет изнушать и ранить собственные свои персты? Кто захочет истощать и грабить собственных своих крестьян? Сердце хочет сказать: никто! Но опыт, к сожалению, доказывает иногда противное. Накануне нашего приезда господин NN, собрав всех крестьян, требовал от них денежного оброку, который они, сверх

пригонов, должны платить. Когда бедные поселяне отговаривались неимением денег, то, угрожая им плетью, розгами и всем, чем буйное самовластие грозит униженному рабству, говорил: «Продайте своих коров, овец и все, что имеете, для заплаты мне оброку; мне нужда в деньгах: я еду в Москву!»

Он прав! В Москву нельзя показаться без денег... Там все сельские доходы, орошенные потом и слезами земных тружеников-поселян, возлагаются на алтарь богини большого света — роскоши! Страсти и прихоти — ее жрецы: мода — любимая дочь роскоши.

РЖЕВ

Всякий путешественник, наблюдатель нравов и обычаев отечественных, приехав во Ржев, заметит, что жители его склонны к механике...

Максим Егорович Немилев, живущий теперь во Ржеве, может служить ясным доказательством, что там и до сей поры не перевелись еще остроумные художники-самоучки. Этот человек доказал на деле, что прилежание, соединенное с терпением, может всему научить. Нет художества, в котором бы он не упражнялся и которого бы хотя отчасти не постиг: он мастер золотых дел, слесарь, столяр, живописец и механик. Будучи чрезвычайно услужлив и трудолюбив, он беспрестанно в хлопотах: для тамошних господ строит мельницы, занимает плотины и чинит часы, а для господж делает веера, табакерки и прочие галантерейные мелочи. И все почти (к чести его бескорыстия) безденежно или за самую малую плату. Но, будучи известен по трудолюбию и способности всему подражать, он не менее прославился и собственной изобретательностью... Недавно, между прочим, сделал он тележку, на которой три человека, приводя в действие скрытую пружину, легко могли ездить без лошадей. Максим Егорович принадлежит к числу самых недостаточных художников. Если б нашелся в наше время покровитель отечественных художников, то самородные способности сограждан наших, будучи одобрены и поддержаны, конечно, принесли бы немалую славу и пользу Отечеству.

Бюффон сказал однажды: «Гений есть в превосходной степени терпение». Кажется, что русские ученики терпения довольно оправдали справедливость сего выражения.

Все сии доводы о наших самоучках должны служить неоспоримым доказательством чужеземным умствованиям, что и в Гиперборейской стране, и в России могут родиться изобретательные умы и процветать дарования. Не только науки, но и музы не разбирают климатов. Нужен ли к сему пример какого-нибудь иностранного автора? — Вот он: Маллет повествует, что многие норвежцы, не стерпя ига рабства, в правление одного из древних своих королей, ушли на остров Исландию. Там-то, на самом краю Северного мира, насадили они древо свободы, которое через долгое время зеленело в благоустроенной их республике. Все лучшие историки и поэты Севера родились в Исландии: свобода и музы водворяли счастье на льдистых берегах ее. Поэзия рассыпала там цветы свои, и лиры скальдов воспевали героев, славу и любовь! Следовательно, и там, где иногда замерзает ртуть, страсти и воображение никогда не остывают.

Воображение есть лучшая или, по крайней мере, самая благотворная для человека из способностей душевных. Уединенный мечтатель в бедной хижине, засыпанной снегами, под свистом бури может воображать все приятности весны, слышать пение соловьев и прохлаждаться зефирами, порхающими по цветам и душистым липам. Бедный узник, жертва пылких страстей, притесненный, изгнанный из общества, обремененный веригами и брошенный в подземную тюрьму, воображает золотое царство свободы, где никогда не раздастся звук цепей, ни стон притесненных, где скован законом один только деспотизм. Он воображает — и забывается о своем злополучии. Скажут: воображение творит призраки и переселяет в мечтательный мир... Пусть так! Но кто живет воображением, тот обменивает множество горестей на множество наслаждений, вовсе незнакомых жителям видимого и всеми чувствами их осязаемого мира.

Шамфор сказал прекрасную истину — истину, понятную только для чувствительных душ, животворимых воображением: «Лишась способности мечтать, душа перестает наслаждаться жизнью». Воображение Гомера, Вергилия, Тасса, душа «Илиады», «Энеиды» и «Освобожденного Иерусалима», пережило и еще переживет падение многих памятников, городов и царств. Пламенное воображение и нежное сердце — вот две принадлежности пиитов, без ко-

торых они могут быть только холодными стихослагателями. Но не одним стихотворцам нужно воображение; славный звездочет де ла Ланд также говорит: «Важнейший совет, который можно подать учащимся математике, состоит в том, чтоб гораздо более изощрять воображение, нежели память».

ТРАКТИР В ЗАВИДОВЕ

Путешественник, дрожащий от стужи, с большим удовольствием войдет в прекрасный светлый и теплый трактир в Завидове. Там найдете покойные диваны для отдохновения, можете иметь очень вкусный стол и лучшие напитки. Войдя в комнаты, мы застали шумное собрание проезжих. Двери в другую половину были заперты. Мы расположились на софе. Час от часу шум собеседников умножался. Один рассказывал новости, другой говорил о дороге; некоторые с стаканами пуншу заводили новые знакомства. Вдруг входит слуга и просит с учтивым поклоном, чтоб господа проезжающие потише разговаривали, ибо господин его, генерал Б(етанку)р, желает в другой комнате уснуть с дороги. «Это француз!» — сказали некоторые, и шум не уменьшился... «Мы довольно насиделись молчанками в дороге; здесь всякому вольно говорить и веселиться», — так говорили другие. «Нет, милостивые государи, — сказал, наконец, хозяин трактира, — этот генерал не француз, а испанец!» — «Испанец!» — воскликнули многие, и шум начал утихать... «Испанец! — повторяли другие, — ему надо дать успокоиться!» Все заговорили шепотом о твердости духа испанцев, о героической любви их к отечеству и проч. и проч.¹

ГОРОД КЛИН

На рассвете приехали мы в Клин. Это уездный город Московской губернии при реке Сестре. До производства своего в города был он большим селом, принадлежавшим некогда Романовым.

По всей Московской дороге видишь прекрасные высо-

¹ Сей, по-видимому, маловажный случай очень ясно, однако ж, показывает дух того времени. Прежде еще нашествия французов души русские были ополчены противу них.

кие избы с раскрашенными большими окнами. Снаружи хорошо, а внутри еще лучше: народ свеж, не беден, следовательно, и весел. Русские села почти во всякое время оглашаются веселыми песнями.

Промышленность заставляет их, расставшись с теплыми избами и молодыми женами, свиваться в длинные обозы и переезжать из края в край. Некоторые русские извозчики, как, например, жители Клина, имея отменных лошадей, берутся провозить охотников не только во все концы России, но и вне оной, до разных заграничных городов. Жаль одного, что почти во всех больших русских селах дворы крестьянские до чрезвычайности стеснены. Часто случается, что в продолжительные летние жары целые леса загораются и пламя подходит к деревням: в таком случае, что делать с длинными стесненными рядами крестьянских домов? Сохрани бог, загорись один — и всех как не бывало! Проезжая из Смоленска в Москву, принято видеть подмосковное село Вязему, где дома крестьянские так удалены один от другого и сверх того прикрыты посаженными между ними деревьями, что никак не могут подвергнуться повальному пожару.

Мы ехали в Москву — следовательно, не по пустой дороге. Если бы вдруг явился в какой ни есть стороне новый земной рай, то вряд ли была бы и туда так торна и так многолюдна дорога, как из Петербурга в Москву, особливо по осени и в начале зимы. В это время со всех концов России народ толпится в сию столицу. Всякий привозит с собою страсти, прихоти и деньги, а весною возвращается из столицы только с воспаленными страстями, но уже без денег. Храм Януса в Риме никогда не запирался во время войны; мода в беспрестанной войне с добродетелию и нравственностью: оттого храмы ее всегда отперты.

МОСКВА

Слияние голосов нескольких сот тысяч народа и гул нескольких сот колоколов составляют смешанный шум, который, окружая собою Москву, поражает слух подъезжающего к ней путешественника. В то же время взор его видит издали как будто слитые верхи нескольких тысяч домов, башен и церквей, — видит и вместе с воображением теряется в сей необозримой громаде.

Пловец на легком челноке, тихо увлекаясь течением реки, может рассматривать берега и окрестности, но, приближаясь к устью, где вдруг открывается неизмеримое пространство беспредельного океана, где слышен вечный шум сражающихся волн, — изумляется, цепенеет... все видит и ничего не постигает... Точно так всякий, въехав в Москву, должен отложить попечение свое описывать ее. Или для порядочного описания сей древней столицы надобно прожить в ней годы, беспрестанно занимаясь только ею. Я пытался сделать несколько замечаний и простых рассуждений только об некоторых предметах, и то мимоходом, без всякой цели и порядка.

Путешественник, богатый благородными чувствами, но бедный кошельком, приехав в Москву, может сказать о ней почти то же, что Стерн сказал о Париже: «Париж прелестный город для того, кто имеет покойную карету, дюжину проворных слуг и двух или трех прекрасных поваров. Как свободно, как весело тогда можно жить! Но бедному горе-богатырю, без коней и колесниц, с тощими карманами и одним только пешим слугою, гораздо сходнее, держась пословицы: дома сидеть да ни на кого не глядеть».

Вопрос: что есть мода? Ответ, мода есть нечто... трудно объяснить что, и что такое... Обитель ее — все большие города, ее храмы — близ Кузнецкого моста, жрицы ее — модные торговки. Она беспрестанно изменяется во всем, кроме одного постоянного владычества над благородными или дворянскими сердцами.

Я сам не знаю, что со мною случилось, что я видел и слышал. Мне грезились разные странности, разные чудеса: карлы и великаны, шуты и богатыри, змеи, раки и чудовища, колдуны и ведьмы, духи домовые, водяные, лесовые — словом, вся нечистая сила. Во всем этом был страшный сумбур и суматоха, и все, однако ж, сопровождалось довольно приятною музыкою и пением. В глазах моих летали, смеялись, дрались... Что бы это значило, господин лекарь? — спросил я у одного знакомого мне врача. Он взял меня за руку, внимательно ощупал пульс, нашел, что он не полон и не част, расспросил о состоянии моего аппетита, головы, о том, о другом и репительно объявил, что во мне не видно было ни одного признака горячки.

Боже мой! Я не был в жару и не спал, а видел что-то

чудное, очень чудное! — Да откуда вы теперь? — спросил он. — Прямо из театра, — отвечал я. — А!.. понимаю... понимаю... милостливый государь, вы видели... Что? Славное немецкое произведение: «Дунайскую нимфу» или «Днепровскую русалку».

ВЗОР С ИВАНА ВЕЛИКОГО

С лестницы на лестницу мы взбирались выше и выше и, наконец, очутились на самом верху Ивана Великого. День был туманный: мы не могли видеть всех прелестных, живописных окрестностей Москвы. Но обратя взор на низ, увидели себя выше всего города!

Москва расширялась под нами, как море, в туманных отдаленностях... Вот ряды домов, которых великолепие и огромность изумляли нас, когда мы смотрели на них снизу. Теперь, когда смотрим с высоты, они кажутся только домиками, которые уже не могут ни пленять, ни изумлять. Отчего пестреет эта площадь? Она покрыта множеством народа... Смотрите, люди движутся, шевелятся, бродят, как муравьи. Какое смятение, какая суета — это волнение воплощенных страстей! Кто стоит на Иване Великом, тот превышает их. Вот выгода быть на высоте. Как малы кажутся нам сверху все эти толпящиеся внизу люди! Точно восковые куклы! Можно ли завидовать кому из них и желать быть на его месте? Кажется, нет. Но там внизу есть графы и князья, богачи и вельможи, — разве знатность, богатство и блеск их титулов не поражают вас? — Нима-ло: я смотрю с Ивана Великого и ничего не вижу под собою, кроме шумной толпы, составленной из конных и пеших карликов! Выходите чаще на Ивана Великого, то есть приучите дух ваш возноситься превышаете предрассудков и великолепия, и тогда гордость и страсти всегда оставаться будут у ног наших... Если надменный граф, богатый князь, суетный вельможа, осыпанный дарами счастья, изумят вас своею пышностью, если раболепное ласкательство станет превозносить их величие и знатность до небес, а вы захотите, сделав поверку, узнать, кто они в самом деле, — то стоит только вам взойти или воспарить мысленно на самый верх Ивана Великого. Скажу яснее: взнеситесь выше той черты, с которой мы обыкновенно смотрим на людей, окиньте их оттуда беспристрастным взором, и тогда увидите сами, что они, в великих пала-

тах своих, очень малые люди, а кажутся только оттого великими, что ходят на ходулях гордости.

Таким образом, вы можете стоять выше всякой спеси и надменности даже в то время, когда они мечтают, что вы у ног их. Вступая в чертоги сильного временщика, скажите тотчас воображению своему: «На Ивана Великого!» Тогда, обозрев его не снизу, а с высоты, вы можете говорить с ним, как Гулливер с царем Лилипута, — вольно и откровенно. Вы будете тогда превыше раболепства, которое, пресмыкаясь в тине и прахе, шепчет малодушным об уничижении. И сам вельможа подивится вашему благородному, возвышенному духу; а без того... он изумит вас блеском своей знатности. Одним косым взором расстроит он все ваши соображения, и вы, придя в робость, забудете, о чем хотели говорить. Вместе с прочими почтете вы его за великана и смешаетесь со стадом бессловесных поклонников. Бодрый орел, осужденный на вечное ползание, умер бы с грусти, встречая на каждом шагу огромных тварей, готовых его раздавить. Но премудрость всевышнего одарила его быстрыми крыльями: он парит к солнцу, — и слоны, и львы, самовластные правители лесов, кажутся ему мухами... Таков окрыленный независимостию дух благородного человека!..

Итак, большая часть великих потому только велики, что мы смотрим на них снизу; взойдем на Ивана Великого, посмотрим сверху, и они покажутся нам в точном своем росте — лилипутцами!.. А можно ль раболепствовать, льстить, завидовать или удивляться лилипутцам?

Словом: кто станет смотреть на все великое с Ивана Великого, тот, верно, в жизни своей доволен будет и малю хужиною, и малым достатком.

КАРТИНА МОСКВЫ

Представьте себе старинную картину древнего русского города, вовсе почти стертую временем и подновленную отчасти искусною кистью и свежими красками. Вообразите смесь древних стен, старых готических башен, церквей, поросших мохом, и новых великолепных зданий, прекрасных площадей и бульваров. Развалины старинных теремов боярских перемешаны с пышными палатами вельмож, подле которых часто видишь полуистлевшие лачужки. Вообразите великолепие щедрой древней позолоты и хит-

рое искусство новых наружных украшений, вообразите священную мрачность древних храмов божиих и привлекательный блеск новых храмов моды и вкуса. Прибавьте к сему совершенно вновь написанные, и самыми прочными красками, полезнейшие здания: Воспитательный дом, университет и русские народные училища, а в разных местах рассеянные модные французские пансионаты, нарисованные, правда, самыми блестящими, но такими, однако ж, красками, которые, подобно радужной пыли на крыльях бабочки, от малейшего прикосновения стираются (такова и нравственность, в них преподаваемая!!!). Что касается до людей, то почти все видимые на сей картине тела, одежды и, так сказать, самые души нарисованы совершенно новыми и новоизобретенными красками.

Где-то мелькают в тумане старинные русские бородачи в русских кафтанах... Русское гостеприимство еще довольно блестит без поновления. Роскошь и мода, недавно, но непоколебимо утвердившие престолы свои, искусно представлены новейшими иноземными художниками. Все это, кажется, составит если не полную картину, то, по крайней мере, верный абрис нынешней Москвы.

С**ВА БАНИ

Новые бани, построенные г-ном С**м, в славе. Все их хвалят: поверим молве. И в самом деле прекрасные бани! Какая чистота! Какой порядок! Светлые, опрятные комнаты с расписанными стенами, покойные диваны для отдохновения, на окнах занавески и цветы, далее длинный теплый коридор, потом — баня! Жар постепенно умножается, парилки искусны в своем деле, воды теплой и холодной сколько угодно: стоит только отвернуть краны — и ручьи льются. Притом баня всегда чиста, разлитая вода, обмывая все закоулки, стекает сквозь пол в нарочно сделанные скважины. Но приятнее всего искусственный дождь. Желаете ль прохладить горящее тело свое, поверните кран, и вдруг сверху, из решетки, сделанной в виде сита, посыплется на вас самый тихий весенний дождик. Захотите — можете его увеличить, а наконец превратить и в самый проливной осенний дождь.

Баня есть самая позволительная роскошь: она везде нужна, а в России необходима. Пословицы — суть изречения целого народа; у нас говорят издавна: баня — вторая мать! Во времена старинного гостеприимства странников

всегда угощали теплою банею. Паровые бани и холят и лечат русского человека: простуды, завалы, повреждения лимфатической системы — все исцеляется, как говорят, в малиновом духу! Испарина и трение облегчают, очищают тело, придают быстроту крови и бодрость жизненным духам. Судя по беспредельной пользе хороших бань, нельзя, кажется, причесть к статьям вредной роскоши и таких, которые бы заключали в себе все то, чем наслаждаются в восточных мыльнях. Тот, кто входит туда, чувствует постепенно прибывающий жар; тело его начинает, так сказать, распускаться... Он ложится на постель из самых ароматных трав и, упиваясь сладострастным запахом, томится, забывается и весь тает в легком жару... Вскоре пробуждает его сильная рука парильщика, который с великим искусством натирает все тело байкою, камлотом или фланелью, от сего электрического трения нервы оживают в новой свежести. Огромная мягкая губка, упитанная распущенным мылом, выжимаясь над телом, покрывает его благовонною пеною. Встает — и серебристый поток чистой воды упадает сверху, и пенистая струя сливается млечным потоком, оставляя умытого в блестящей белизне!.. Тут натирает он себя ароматами, которые тотчас всасываются раскрытыми порами: все тело благоухает! Но этого не довольно: он раскидывается опять на кучах душистых трав. В это время котлы с водою, снизу подогреваемые, вскипев до степени испарения, распространяют повсюду влажный туман. Вся баня наполнена парами, и парящийся окружается, стесняется, окутывается росоносными облаками... В томных глазах его мерещутся ему в розовом сиянии и в светлых радугах различные призраки. Он жадно простирает объятия и, подобно Иксиону, обнимает влажный дым!.. Наконец, вырвавшись из неги, спешит под шумящий водомет: постепенная прохлада освежает его силы и укрепляет дух.

Новые испытатели природы, угадав тайны ее в составлении минеральных вод, начали ей подражать ко благу немощного человечества: искусственные воды ни в чем почти не уступают естественным. С чем сравнить бани, где расслабленный страдалец погружается в теплые ванны составных целительных вод или чувствует их упадающими на члены, пораженные недугом, шумными благотворными потоками или в виде мелкого дождя? С каждою каплею льется здоровье. Это живая вода, воскрешающая полумертвое тело!..

РУССКИЕ И ИНОСТРАННЫЕ ЛАВКИ

Между русскими и иностранными лавками та разница, что первые по большей части навещаются пешеходами или приехавшими на дрожках, а последние посещаемы особами, приезжающими в самых блестящих экипажах. В первых все товары почитаются негодными, в последних — превосходными, хотя часто многое тихомолком переходит из русских лавок в иностранные. Но тогда уже каждая русская ленточка, освящаясь прикосновением рук модной торговки, становится вдвое дороже. В русских лавках дорого запрашивают, но позволяют торговаться сколько угодно и сбавляют цену; во французских что попросят, то и давай; попробуй поторговаться... назовут тебя грубым, непросвещенным, вандалом, сущим русским!!! Иностранцы могут брать с нас, что хотят: это право гостеприимства. Как же смеют защитники старины уверять, что у нас не стало гостеприимства? Спросите у г-на У, у г-жи С, у аббата Q, получивших по две, по три и по пяти тысяч рублей от вельмож за то, чтоб сделать детей их совершенно нерусскими, — спросите у них и подобных им: есть ли в России гостеприимство?

По просьбе П. И. зашли мы к лучшему ваятелю поискать богов славянской мифологии. Нам показали множество Аполлонов, Флор, Венер. Последних стоял целый ряд: Венера Медицейская, Капитолийская, Венера прекрасных Л...й и проч. и проч. Но там не было ни одной Лады, ни одной Зимцерлы и величественного Радегаста, блюстителя славянских градов, не видать было там. Для русских богов и форм не было. Никому еще до сих пор не приходило в голову украсить ими дом или сад свой...

ВОЗВРАТНЫЙ ПУТЬ

По дороге из Москвы в Петербург почти в каждом большом селении находим прекрасный трактир. Мы останавливались в некоторых из них. «Конечно, здесь проходили пленные французы?» — сказал друг мой, увидя все стены, исписанные стихами и прозою. Нет, это не пленные французы, а русские, которых души в полону у французов, часто здесь проезжают. В самом деле, любопытно осматривать стены, испещренные множеством поучительных, страстных, мрачных, хороших и худых изречений;

разных стихов из Вольтера, Руссо, Буало, Расина и проч. Альбоумы в моде, и проезжающие вздумали сделать альбом из трактирных стен. Однако ж благопристойность, пересматривая сии стенные записки, многое бы должна стереть и выскоблить, чтобы невинность не имела причины, взглянув на стену, сгореть от стыда.

Пифагор, пристав к неизвестному берегу, где нашел начертанные на песке математические фигуры, заключил и не ошибся, что там живут любители наук. Что же должно заключить, видя стены русских трактиров, исчерченные французскими изречениями? — Кое-где прокидываются строчки немецкие из Шиллера и Гете. Мы искали чего-нибудь русского, искали со свечой, и едва могли найти нечто довольно забавное. Конечно, какая-нибудь веселонравная путешественница написала карандашом:

Здесь была,
Чай пила;
Кто это была?

Внизу под сим, верно, какой-нибудь странствующий рыцарь учтивости написал:

Кто б ты ни была,
Но, верно, ты — мила!

Должно признаться, что по дороге из Москвы путешественник не встречает ни малейших прижимок и притязаний со стороны зрителей на станциях: показываете подорожную и тотчас получаете лошадей.

На вчерашнем ночлеге, в избе одного зажиточного крестьянина, разговорились мы о злодейских поступках французов в Германии. Молодая двенадцатилетняя девочка вслушивалась в разговор наш. «Ну, чтоб вы сделали, когда б французы пришли сюда?» — спросил один из нас. «И, барин! — отвечала малютка, не запинаясь, — да мы б им, злодеям, дохнуть не дали; и бабы пошли бы на них с ухватами!» — «О! и у нас может быть то, что в Испании», — подумал я.

Нет ничего приятнее, как весенняя погода в глубокою осень. Мы ехали из Твери во время приятной оттепели, открывшейся после нескольких морозов. Время было точное весеннее; все таяло вокруг, ручьи с громким шумом перебегали через дорогу... Мечты и надежды, оживая вместе с природою, зашевелились в сердце — весною с каждым глотком воздуха вдыхаешь какое-то удовольствие!

«Как мы забрызганы!» — говорил друг мой. Что делать! Брызги — печати дорожных трудов: ордена путешественников.

НАСЛАЖДЕНИЕ

Все почти умеют наслаждаться весенними днями, расцветавшею природою, журчаньем весенних ручьев; но мы испытали, что можно наслаждаться и осенью, стоя на высоких берегах реки — (мы были на берегах Волги) — и смотря, как буря пенистыми браздами роет поверхность вод и завывает в туманах!

Доброе дело всегда и везде доставляет приятнейшее наслаждение. Сон и покой после трудов, теплая комната после холода, сытный стол для голодного — доставляют наслаждение. И по всем этим отношениям путешествие, как бы оно трудно ни было, есть также наслаждение! Мориц исходил почти всю Англию пешком: он потел, трудился и — наслаждался.

РУССКИЙ КРЕСТЬЯНИН-ФИЛОСОФ ИВАН ЕВСТРАТЬЕВИЧ СВЕШНИКОВ

«Воспитание может раскрыть и возвысить способности обыкновенного человека, необыкновенные люди сами себя воспитывают». Так говорит Томас в похвальном слове своем Декарту. В необыкновенных людях есть какое-то особенное стремление к изящному. Хотя, по словам Шиллера, «достоинство и дарование, возникшие в бедности, должны пробиваться сквозь железную стену предрассудков и отличий общественных», однако опыт доказывает, что рано или поздно преодолевает оно все препоны и пролагает себе путь к известности. Кто бы мог подумать, увидя сына простого рыбака, сидящего на диких скалах Белого моря, что он будет некогда знаменитым сыном России, великим мужем — славным Ломоносовым! Никто не предузнавал механика и химика в сыне ржевского купца Волоскова. Но оба они — первый под шум Северного моря, другой в тишине ржевских рощей — сгорали сильною страстию к учению. Еще на заре жизни, ощутив в себе бесценные дары природы, сквозь все препятствия стремились они к усовершенствованию оных.

Свешников, едва ли кому известный, достоин также занимать место в ряду отличнейших мужей Отечества нашего. Природа, производящая необыкновенных людей, кажется, при самом рождении посеяла и в нем семена великих дарований. Он, подобно Ломоносову, родился в крестьянском звании; способности его расцветали на полях родины, где он пас стада своего отца. Но прежде всякого повествования о жизни Свешникова необходимо описать случай, сделавший известным и дарования, и особу его.

Иван Иванович Шувалов, вельможа счастливого века премудрой Екатерины, достойный названия российского Мecenата, имел похвальный обычай, скрывая сан свой, прогуливаться по утрам на площадях и рынках санкт-петербургских, где наиболее народ толпился. Народные площади во всякое время могут представить много предметов к размышлению переодетому государственному человеку.

В одно утро, проходя Щукин двор, заметил он молодого крестьянина, занятого разбором книг близ одной из тех лавочек, где продаются на рогожках подержанные книги. Переодетый вельможа, увлекаясь любопытством, подходит к лавочке — и вообразите его удивление: вместо какого-нибудь «Бовы-королевича» он видит в руках крестьянина: Ливия, Тацита и Курция на латинском языке!.. Молодой крестьянин обходился с тремя латинскими писателями, как с давнишними своими знакомцами. Наконец, окончив торг с продавцом великих историков, взял он все книги под мышку и пошел по Чернышевскому переулку к Фонтанке.

Любопытный вельможа скорыми шагами преследует его, догоняет в переулке и заводит разговор. «Послушай, друг, не продаешь ли книги?» — «Нет, сударь, я их купил для себя». — «А какие это книги?.. Позволь мне посмотреть!» — «Извольте, коли вам угодно». Вельможа притворно: «Это, кажется, по-французски?» — «Нет, барин, это латинские книги». — «А разве ты знаешь по-латыни?» — «Да, немного смыслю про себя».

Шувалов, крайне изумленный столь удивительною встречей и не доверяя, чтобы крестьянин мог знать хорошо латинский язык, продолжает у него спрашивать: «О чем же в сих книгах писано?» — «Вот в этой, — показывая на Ливия, — римская история; здесь, — раскрыв Тацита, — заключаются римские летописи; а в сей книге, —

указывая на Курция, — писано об Александре Великом». — «Видно, книги эти давно тебе знакомы и ты разумеешь все, что в них написано?» — «Э, барин, если б не разумел, незачем бы и покупать было: я читывал их еще в ребячестве, когда пас стадо; но то были чужие книги, а теперь, слава богу, приискал эти для себя». — «Да скажи, пожалуй, кто ты таков?» — «Я крестьянин экономических волостей Тверской губернии».

Ответ сей более изумляет Шувалова; он непременно хочет познакомиться короче с сим чудесным крестьянином и завести его к себе в дом.

«Послушай, друг! — говорит Иван Иванович. — Я вижу твою охоту к книгам и могу тебе прислужиться. Отец мой был школьным учителем; после него осталось много французских, латинских и еще, кажется, каких-то греческих книг; зайди ко мне в дом — отсюда недалеко — я тебе многие книги за сходную цену, а иные, пожалуй, и даром уступлю».

Ученый крестьянин, восхитясь столь легким способом разжиться книгами, согласился на предложение. Между тем они пришли к Аничкову мосту. Шувалов нарочно заговаривает своего сопутника и нечувствительно приводит к своим палатам. Увидя огромный дом, крестьянин все еще не догадывался, полагая, что провожатый его, может быть, только живет при знатном господине. Но когда вошли на лестницу и слуги в золоте с подобострастием спешили снять с господина своего простой сертук, под которым открылась лента и заблестали звезды, — тогда изумленный крестьянин догадался, что имел дело с вельможею! Но великодушный вельможа сей, нимало не переменяя обхождения, осыпал ласками нового своего знакомого и чрез длинный ряд великолепных комнат ввел его в свою библиотеку. Там-то изумление молодого крестьянина уступило место любопытству: глаза его, так сказать, разбежались во все стороны...

Иван Иванович дал ему полную свободу перебирать книги и в то же время, обращая разговор на разные предметы, к удивлению своему узнал, что новый знакомец его, сверх латинского языка, понимает хорошо французский и даже греческий изрядно, довольно сведущ в чистой математике и географии, а более всего в отечественной словесности. Где же мог приобрести все сии познания простой русский крестьянин, не будучи учеником французских воспитателей? На это опять отвечаю словами Томаса, что

необыкновенные люди воспитывают или перевоспитывают сами себя. Прибавим к сему: а учатся везде, где только могут. Свешников был воспитанником природы, учеником собственного прилежания. Начала латинского и греческого языка, как думают, получил он от какого-то священника, у которого, вероятно, находился в услужении, а математике и французскому языку еще прежде учил его какой-то бедный студент, с которым нарочно для того свел он дружбу; прочие ж познания почерпнул из беспрестанного чтения книг. Многие иностранные классические и большая часть лучших отечественных авторов перечитаны им с глубоким вниманием.

Шувалов, восхищенный ученостью крестьянина, предлагает ему выгодное место в Московском университете, но добросердечный Свешников без всяких околичностей отказывается от сего лестного предложения, говоря, что по смерти отца обязан доставлять пропитание многочисленному семейству и престарелой матери.

Иван Иванович, полагая, что время и светская жизнь переменят его склонности, предложил ему дом свой и полную свободу рыться в огромной библиотеке,— последнее склонило крестьянина остаться в чертогах вельможи.

Между тем Шувалов, дорожа находкою столь редкого человека, из которого надеялся сделать второго Ломоносова, не мог скрыть удовольствия своего и в блестящем кругу придворных. Многие слушали рассказ о крестьянине с недоверчивостию и шутя говорили: «Иван Иванович и в сору умеет находить алмазы!» Более всех изъявила любопытства бывшая тогда директором Академии наук Катерина Романовна Дашкова. Знаменитый покровитель дарований, желая подтвердить слова свои опытом, пригласил многих вельмож на другой день к себе на вечер.

Начался съезд, гости являлись один за другим. Наконец приехала и княгиня Дашкова. Войдя в комнату, тотчас спросила она с нетерпением у хозяина: «Где же твой чудный крестьянин?» Скромный Свешников явился к ее сиятельству. «Здравствуй, дружок! — сказала она с живостию, — говорят, что ты знаешь по-гречески, по-латыни и по-французски?» — «Да, сударыня, про себя всего понемногу разумею». — «Хорошо, переведи же нам что-нибудь!» Тут, взяв одну книгу из лежавших на столе Руссовых творений, назначила ему место для перевода. Свешников переводил изустно, нимало ни в чем не затрудняясь. Точность и правильность перевода уверила всех, что

он очень хорошо знал и свой и французский язык. «Ну, дружок, как тебе нравится этот сочинитель? Не правда ли,—говорила княгиня,— что он пишет очень красиво?» — «Да,— отвечал крестьянин,— Руссо самый красноречивый писатель: он хоть кого обворожит! Всем бы хорош был, только часто сбивается с пути, много затевает несодеянного...» Такое суждение еще более всех удивило. «А можешь ли доказать нам,— возразила княгиня,— в чем именно он ошибается?» Свешников несколько призадумался. Наконец, застенчивость его исчезла, глаза заблистали и красноречие полилось... Он по порядку разбирал разные произведения Руссо и во многих местах с такою основательностью доказывал несбыточность прелестных мечтаний женевского философа, что и сам Руссо полюбился бы сельским противоборником своим! Тут открылось пространное поле для испытания крестьянина-философа.

Все знатные особы наперерыв осыпали его различными вопросами, и Свешников давал всем скорые и правильные ответы, которыми и убедил знаменитых собеседников своих, что они, точно, видят пред собою человека редких дарований. Княгиня Дашкова тут же предлагала ему почетное место в Академии наук, но добродушный Свешников опять отказался: «Не о почестях думать тому, ваше сиятельство, у кого на руках целое семейство; я учусь для забавы, а трудиться должен для пользы кровных моих!»

В сие же время находился в Петербурге и знаменитый любитель всех редких и необыкновенных людей — князь Потемкин. Известясь молвою о Свешникове, князь призывает его к себе, заводит разговор, и дальновидный вельможка тотчас открывает в нем человека, заслуживающего особенного внимания. Два раза в неделю сходились у князя ученые люди: ему крайне приятно было видеть в комнате своей собрание всех умных голов целой столицы. Покоясь на богатом диване, грызя ногти и мечтая о покорении областей, он сам иногда вмешивался в общий разговор для того только, чтобы обратить его искусным образом на желаемый предмет. Но по большей части молчал, слушал — и многому научался. В сии ученые беседы приглашаем был и Свешников. В одно время,— когда князь начинал уже дремать, слушая сердитый спор двух математиков о кривизне параболы,— вдруг предложен был в другом углу вопрос: «Какому языку труднее научиться?» Всякий говорил свое, но ученому еврейскому раввину хо-

телось всех переспорить. Он утверждал, что из древних и новых нет труднее языка еврейского. Свешников не выдержал и вступил с ними в жаркий спор. Он опровергал мнение раввина, доказывая, что язык евреев почти уже истреблен временем, а в оставшихся книгах едва ли можно насчитать теперь до четырех тысяч слов. Раввин упорствовал, представляя трудности еврейской грамматики, но Свешников остановил его совершенно, объявив всему собранию, что ежели научат его только читать, то он обещает сам собою выучиться еврейскому языку в полгода. «Отважное предпрятие!» — воскликнул несколько голосов. «Ура, Свешников! Исполать тебе! — воскликнул и восхищенный князь, прислушавшись в спор его с раввином. — Это впрямь по-русски: ты хочешь взять штурмом всю еврейскую мудрость!» Ободренный вниманием князя, Свешников просил позволения приступить к делу. Раввину приказано учить его читать, и Свешников — в короткое время — читал совершенно.

Тут купил он себе еврейскую грамматику на латинском языке и лучший словарь с латинским же переводом. Решительность его увенчалась желанным успехом. В короткое время он начал уже разбирать библейские книги. Одним словом, быстроумный Свешников ровно через полгода явился к князю с требованием, чтобы испытать его при всем собрании. Ученому еврею поручено было сделать сие испытание в присутствии архимандрита Моисея Гумилевского, имевшего основательное познание в еврейском языке. Раввин, которого самолюбие было оскорблено, старался предлагать самые трудные места: он раскрывал Библию, Талмуд, разные молитвенные книги — и ничем не мог затруднить Свешникова, который сверх исправного перевода во всем давал верный отчет. Итак, по чистосердечному признанию самого еврея и свидетельству архимандрита, Свешников в полном смысле сдержал свое слово.

При сем случае светлейший князь в знак благоволения своего излил на него некоторые милости. И Потемкин, всегда любивший окружать себя умными людьми, предлагал, в свою очередь, чины и почести Свешникову, с условием, чтобы он навсегда при нем остался. Но Свешников, не будучи честолюбивым мечтателем, с прежним постоянством отказался бы и от сего лестного предложения, если б князь не убедил его ехать с ним в Таврическую область, — над которою сделан был главнокомандующим, —

обещал доставить ему все способы к содержанию его семейства. Вскоре Потемкин отправился в Тавриду для исполнения великих предначертаний великой Екатерины. Свешникова везли в великолепном его обозе. В Херсон приехал он благополучно, но там занемог горячкою и умер. Может быть, непрерывные умственные занятия или перемена климата были причиною преждевременной смерти сего редкого человека.

К чести Свешникова не должно умолчать и о том, что он умел быть благодарным к первому взыскавшему его покровителю. Живя в доме своего мецената, он жертвовал ему тем, что для него было всего дороже — временем. Приняв на себя обязанность выучиться еврейскому языку в полгода, как ни дорожил он каждую минутою, но не упустил, однако ж, дня, чтоб не посвятить одного или двух часов в угодность своего благодетеля, которому хотелось раскрыть в нем все его способности. Притом, не переставая заниматься и торговыми делами, по которым приехал в столицу, вел он переписку с своим семейством.

Свешников, не хотевший принять никаких почестей и отличий, три раза отказывавшийся от лестных предложений трех знаменитых особ, сохранял всегда в нравах своих совершенную простоту. Он никак не соглашался занять предлагаемых ему убранных покоев, а местился в тесной комнатке и спал на простом войлоке. Камердинер, которого Шувалов за ним посылал, заставлял его всякий раз сидящего на полу на разостланном крестьянском кафтане, обкладенного книгами. Не так ли и пастух Мантуанский — Виргилий в доме Мецената и в чертогах Августа во всю жизнь свою не изменял простоты нравов среди всех зараз роскоши и величия? Можно сказать, что простота есть ближайшая родственница ума и дарований.

Шувалову очень хотелось сделать Свешникова стихотворцем; дано было два месяца на испытание — и Свешников, по истечении оных, объявил откровенно, что сколь ни лестны для всякого венцы парнасские, однако он не чувствует в себе достаточных сил и жару стихотворного. Природа наделила его преимущественно способностями к глубокомысленным познаниям, его воображение не имело пиитического парения. Впрочем, пленяясь славою великого Ломоносова, Свешников хотел непременно, включая поэзии, идти во всем по его стопам. Он не преминул даже подражать ему и в мозаических работах. Но мозаик Ломоносова, как искусного химика, состоял из разноцвет-

ных составленных им самим камушков, а Свешников делал свои картины из соломы и цветных мхов,— и делал их очень удачно. Три небольшие картины сего нового мозаика заслужили всеобщее одобрение, хотя и были еще только первыми опытами. Две, представляющие перспективные виды, поставлены были между лучшими произведениями в доме его покровителя, а первоначальная, изображающая какой-то сельский вид, досталась Смоленской гимназии директору г. Лю...му, у которого она и теперь хранится за редкость.

Шувалов с сердечным прискорбием распростился с Свешниковым и, желая передать черты сего удивительного человека потомству, приказал снять с него портрет. Портрет сей при жизни Ивана Ивановича всегда стоял наряду с изображениями знаменитейших мужей в свете, он и теперь должен находиться у наследников Шувалова.

Если согласимся с мнением очень умного аббата Сабатье, уверяющего, что ум есть самый неocenенный дар для человека, что он есть дар, пригодный ко всему, всегда и везде — в уединении, в большом свете, в пустыне и на морях, что звание умного человека должно быть предпочтено всем пышным званиям и титулам, изобретенным честолюбием и гордостью, что умные люди суть любимейшие дети неба и полезнейшие граждане земли,— если верить, говорю я, всему этому, то Свешников, который, как видно, был очень умен, бесспорно заслуживает и в потомстве того же почтения, каким удостоили его знаменитейшие его современники. Приятно б было видеть портрет его выгравированным, чтоб русский отец-воспитатель, говоря о самородных дарованиях Отечества нашего, мог указать сыну своему изображения Ломоносова, Волоскова и Свешникова.

Иван Евстратьевич Свешников приехал в С.-Петербург в 1784 году, в весеннее время, на барках с хлебом из Вышнего Волочка или Нового Торжка. Он уроженец Тверской губернии, но едва ли кому известен в ней.

Волосков, той же губернии будучи и городским жителем, долго оставался в неизвестности. В заключение заметим, что и Свешников воспитан был в закоренелом расколе; но чтением многих священных книг и здравым рассудком выведен из оного. Он выдержал много жарких прений с раскольниками в присутствии знатнейших вельмож.

Р. С. Многими сведениями о Свешникове обязан я двум почтенным особам: в Смоленске — Льву Федорови-

чу, а в Петербурге — которые, находясь при Шувалове, имели случай узнать все подробности о жизни и дарованиях русского ученого-крестьянина.

Мая 10, 1812. Село Сутоки

Природа в полном цвете!.. Зеленеющие поля обещают самую богатую жатву. Все наслаждается жизнью. Не знаю, отчего сердце мое отказывается участвовать в общей радости творения. Оно не смеет развернуться, подобно листьям и цветам. Непонятное чувство, похожее на то, которое смущает нас перед сильною грозой, сжимает его. Предчувствие какого-то отдаленного несчастья меня пугает... Но, может быть, это мечты!.. «Недаром, — говорят простолюдины, — прошлого года так долго ходила в небесах невиданная звезда; недаром горели города, села, леса, и во многих местах земля выгорала: не к добру это все! Быть великой войне!» Эти добрые люди имеют свои замечания. В самом деле, мы живем в чудесном веке: природа и люди испытывают превратности необычайные. Теперь в «Ведомостях» только и пишут о страшных наводнениях, о трясении земли в разных странах, о дивных явлениях на небе. Мы читаем в Степенных книгах, что перед великим нашествием татар на Россию солнце и луна изменяли вид свой, и небо, чудесными знаменами, как бы предуведомляло землю о грядущем горе... Нельзя не согласиться с знаменитым Махиавелем, что мыслящие умы так же легко предузнают различные приключения в судьбе царств и народов по известным обстоятельствам, как мореплаватели затмение светил и прочее по своим исчислениям.

Известно, до какой степени маркиз Куева де-Бедмар, описанный Сент-Реалем, силен был в науке предузнавать!.. К чему, в самом деле, такое притечение войск к границам? К чему сам государь, оставя удовольствия столицы, поспешил туда разделять труды воинской жизни? — К чему, как не к войне!.. Но война эта должна быть необыкновенна, ужасна!.. Наполеон, разгромив большую часть Европы, стоит, как туча, и хмурится над Неманом. Он подобен бурной реке, надменной тысячью поглощенных источников; грудь русская есть плотина, удерживающая стремление, — прорвется — и наводнение будет неслыханно! — О, друг мой! ужели бедствия нашествий повторятся в дни наши?.. Ужели покорение? Нет! Русские не

выдадут земли своей! Если неостанет воинов, то всяк из нас будет одной рукой водить соху, а другой сражаться за Отечество!

Кого не мучит теперь любопытство, чтоб разгадать загадку будущего? — Я читаю славную Гедеонову проповедь на разрушение Лиссабона — и живо представляется воображению моему, как величавый муж сей в священных сумерках пространного храма, где голос его в таинственных отзывах повторяется, перед лицом императрицы Елисаветы, описывая бедствия колеблющейся природы и страшную гибель Лиссабона, смело укоряет блестящий сон вельмож в отставлении праотческих прав, в неге и роскоши, которым предаются, и вдруг, устами боговдохновенного пророка, гласит им в последнее наставление сии священные слова: и когда услышите голос его, не ожесточите сердец ваших. Прощай! я иду в свой садик поливать цветы и слушать громкого соловья — пока это еще можно! «Жить невидимкой — значит быть счастливо!» — говорит славный философ Декарт. Еще раз: прощай!..

6 июля 1812 — Смоленск

Сейчас приехал я в Смоленск. Какое смятение распространилось в народе!.. Получили известие, что неприятель уже близ Орши. В самом деле, все корпуса, армию нашу составляющие, проходя различными путями к одной цели, соединились в чрезвычайно укрепленном лагере близ Дриссея и ожидали неприятеля. Полагали, что он непременно пойдет на то место, чтоб купить себе вход в древние пределы России ценой сражения с нашими войсками; ибо как отважиться завоевывать государство, не разбив его войск? Но дерзкий Наполеон, надеясь на неисчислимое воинство свое, ломится прямо в грудь Отечества нашего. Народ у нас не привык слышать о приближении неприятеля. Умы и души в страшном волнении. Уже потянулись длинные обозы; всякий разведывает, где безопаснее. Никто не хочет достаться в руки неприятелю. Кажется, в России, равно как и в Испании, будет он покорять только землю, а не людей.

7 июля. Смоленск

Мой друг! настают времена Минина и Пожарского! Везде гремит оружие, везде движутся люди! Дух народный, после двухсотлетнего сна, пробуждается, чуя угрозу военную. Губернский предводитель наш, майор Лесли, от лица всего дворянства, испрашивал у государя позволения вооружить 20 000 ратников на собственный кошт владельцев. Государь с признательностью принял важную жертву сию. Находящиеся здесь войска и многочисленная артиллерия были обозреваемы самим государем. К ним, по высочайшему повелению, должны немедленно присоединиться идущие из Дорогобужа и других депо рекрутские батальоны. Уже передовой отряд, под начальством храброго генерала Оленина, выступил к Красному. Старый генерал Лесли, поспешно вооружив четырех сынов своих и несколько десятков ратников, послал их присоединиться к этому же отряду, чтоб быть впереди. Вчера принят Е. И. В. из отставки в службу Г.-М. Пассек и получил начальство над частью здешних войск. — Земское ополчение усердием дворян и содействием здешнего гражданского губернатора барона Аша со всевозможной скоростью образуется. Смоленск принимает вид военного города. Беспреданно звенят колокольчики; скачут курьеры; провозят пленных, или шпионов. Несколько польских губерний подняли знамя бунта. Недаром они твердили пословицу: «слышит птичка весну»! О, заблуждение! Они думают воскреснуть среди всеобщего разрушения!.. Обстоятельства становятся бурны. Не знаю, буду ли с тобой видеться, но письменное сношение заменяет половину свидания — так говорит персиянин Бек-али; я верю ему — и буду стараться к тебе писать. — Прощай!..

18 июля, 1812. Село Сутоки

Наконец поля наши, покрытые обильнейшей жатвой, должны будут вскоре сделаться полями сражений. Но счастливы они, что послужат местом соединения обеих армий и приобретут, может быть, в потомстве славу Полтавских: ибо Первая Западная армия, под начальством Барклая-де-Толли, а вторая — князя Багратиона, после неисчислимых препятствий со стороны неприятеля, соединились, наконец, у Смоленска. Г. Платов прибыл сюда же с 15 000 Донского войска. Армия наша немногочисленна; но

войска никогда не бывали в таком устройстве, и полки никогда не имели таких прекрасных людей.— Войска получают наилучшее продовольствие; дворяне жертвуют всем. Со всех сторон везут печеный хлеб, гонят скот и доставляют все нужное добрым нашим солдатам, которые горят желанием сразиться у стен смоленских. Некоторые из них изъявляют желание это самым простым, но, конечно, из глубины сердца исходящим выражением: мы уже видим седые бороды отцов наших, говорят они: отдадим ли их на поругание? Время сражаться!

19 июля. Там же

Я имел удовольствие обнять брата моего Григория, служащего в Либавском пехотном полку. Общество офицеров в этом полку прекрасное, солдаты отменно хороши. Объехав несколько полков, я везде находил офицеров, которые принимали меня как истинные друзья, как ближайшие родные. Кто же такие эти прекрасные люди? — спросишь ты.— Общие наши товарищи: кадеты! — О! как полезно общественное воспитание! Никакие уставы, никакие условия обществ не могут произвести таких твердых связей между людьми, как свычка ранних лет. Совоспитанники по сердцу и душе встречаются везде с непритворным, сердечным удовольствием... Многие из товарищей наших уже полковниками и в крестах; но обхождение их со мной точно то же, какое было за 10 перед этим лет, несмотря на то, что я только бедный поручик! Как сладко напоминать то время, когда между богатыми и бедными, между детьми знатных отцов и простых дворян не было никакой разницы; когда пища, науки и резвости были общими; когда, не имея понятия о жизни и свете, мы так сладостно мечтали о том и другом!.. Помнишь, как, повторяя бессмертные слова Екатерины, что корпус кадетский есть рассадник великих людей, мы любили воображать себе, что все до одного будем полезны Отечеству. Но сколько из юных растений этого рассадника, поверженные в бури случаев, утратили способности свои от бездействия, сделались бесполезными от несправедливости людей и увяли от бедности или в тени неизвестности, лишённые спасительных лучей — ободрения!..

Вчера армии двинулись от Смоленска, вниз по течению Днепра, к окрестностям озера Катани. Авангард пошел к Рудне; оттуда ожидают неприятеля, который те-

перь толпится на пространстве между Двиной и Днепром. Это наступательное движение войск наших много обрадовало народ. Всякий стал дышать свободнее!..

Дай бог нашим вперед! Помоги бог оттолкнуть дерзких от древних рубежей наших!.. Однако ж, идя вперед, кажется, не забывают о способах, обеспечивающих и отступление... На этих днях военное начальство требовало у гражданского губернатора надежного и деятельного дворянина для особенных важных препоручений. Зная из многих опытов усердие и деятельность брата моего Ивана, губернатор представил начальству его. Тотчас поручено было ему, со всевозможной скоростью, без лишней огласки, устроить сколько можно более переправ на Днестре у Соловьева, что на большой Московской дороге. Мосты спеют с удивительной поспешностью. Работают день и ночь. Великие толпы народа, бегущие из разных занятых неприятелем губерний, переправляются беспрестанно. «Но неужели и войска пойдут через них?» «Ужели и Смоленск сдадут?..» Солдаты будут драться ужасно! Поселяне готовы сделать то же. Только и говорят о поголовном наборе, о всеобщем восстании. «Повели, государь! все до одного идем!» Дух пробуждается, души готовы. Народ просит воли, чтоб не потерять вольности. Но война народная слишком нова для нас. Кажется, еще боятся развязать руки. До сих пор нет ни одной прокламации, дозволяющей собираться, вооружаться и действовать, где, как и кому можно. «Дозволят — и мы, поселяне, готовы в подкрепу воинам. Знаем места, можем вредить, засядем в лесах, будем держаться — и удерживать; станем сражаться — и отражать!..»

*Августа 4 дня. Село Сугоки,
в 2 ч, за полдень*

В сии минуты, как я пишу к тебе дрожащей рукой, решается судьба Смоленска. Неприятель, сосредоточив где-то великие силы, ворвался вчера в Красное; и между тем как наши смотрели на Рудню, он полетел к Смоленску, чтоб овладеть им внезапно. Дивизия Неверовского принесла сегодня французов на плечах; а храбрый генерал Раевский встретил их с горстью войск и не впустил в город. Сегодня все обыватели высланы; батареи расставлены. Неприятель с двумястами тысяч наступает на Смоленск, защищаемый 150 000 наших. Покровская гора еще

в наших руках. Теперь сражение горит под самыми стенами. Когда получишь эти строки, то знай, что чей-нибудь жребий уже решился: или отбит Наполеон, или — дверь в Россию отперта!..

Я сейчас иду помолиться в последний раз на гробах родителей и еду к старшему брату Василию: от него видно сражение. Прощай!

Августа 8. Село Цуриково

Я видел ужаснейшую картину — я был свидетелем гибели Смоленска. Погубление Лиссабона не могло быть ужаснее. 4 числа неприятель устремился к Смоленску и встречен, под стенами его, горстью неустрашимых Россиян. 5 числа, с ранней зари до позднего вечера, 12 часов продолжалось сражение перед стенами, на стенах и за стенами Смоленска. Русские не уступали ни на шаг места; дрались, как львы. Французы, или, лучше сказать, поляки, в бешеном исступлении лезли на стены, ломались в ворота, бросались на валы, и в бесчисленных рядах теснились около города по ту сторону Днепра. Наконец, утомленный противоборствием наших, Наполеон приказал жечь город, которого никак не мог взять грудью. Злодеи тотчас исполнили приказ изверга. Тучи бомб, гранат и чиненных ядер полетели на дома, башни, магазины, церкви. И дома, церкви и башни обнялись пламенем — и все, что может гореть, — запылало!.. Опламенные окрестности, густой разноцветный дым, багровые зори, треск лопающихся бомб, гром пушек, кипящая ружейная пальба, стук барабанов, вопль старцев, стоны жен и детей, целый народ, падающий на колени с воздетыми к небу руками: вот что представлялось нашим глазам, что поражало слух и что раздирало сердце!.. Толпы жителей бежали из огня, полки русские шли в огонь; одни спасали жизнь, другие несли ее на жертву. Длинный ряд подвод тянулся с ранеными...

В глубокие сумерки вынесли из города икону смоленской божьей матери. Унылый звон колоколов, сливаясь с треском распадающихся зданий и громом сражений, сопровождал печальное шествие это. Блеск пожаров освещал его. Между тем черно-багровое облако дыма засело над городом, и ночь присоединила темноту к мраку и ужас к ужасу. Смятение людей было так велико, что многие выбегали полунагими и матери теряли детей своих.

Казаки вывозили на седлах младенцев из мест, где свирепствовал ад. Наполеон отдал приказ, чтоб Смоленск взят был непременно 5 числа; однако ж русские отстояли его грудью, и 5 числа город не был взят. Но 6 рано — о превратность судьбы! — то, что удерживали с таким усилием, отдали добровольно!.. Главнокомандующий имел на то причины. Теперь Смоленск есть огромная гряда пепла; окрестности его — суть окрестности Везувия после извержения. Наши поспешно отступают к Дорогобужу, но сейчас, т. е. 8 числа к вечеру, приостановились недалеко от Бредихи. Третьего дня дрались, вчера дрались, сегодня дерутся и завтра будут драться! Злодеи берут одним многодством. Вооружайтесь все, вооружайся всяк, кто только может, гласит, наконец, главнокомандующий в последней прокламации своей. Итак — народная война!

Его императорское высочество Константин Павлович, усердно разделяющий с войском труды и опасности, был свидетелем кровопролитного боя и страшного пожара смоленского. С душевным прискорбием взирал он на разрушение одного из древнейших городов своего отечества. Жители Смоленска неутешны. Несчастья их неописанны. О, друг мой! сердце твое облилось бы кровью, если бы ты увидел злополучие моей родины. Но судьбы высшего неиспытанны. Пусть разрушаются грады, пылают села, истребляются дома, исчезает спокойствие мирных дней, но пусть эта жертва крови и слез, эти стоны народа, текущие в облако вместе с курением пожаров, умилоствят, наконец, разгневанные небеса! Пусть пострадают области, но спасется Отечество! Вот общий голос душ, вот искренняя молитва всех русских сердец!

Я и старший брат с нетерпением ожидали, пока выйдет брат наш Григорий из огня. Он был 12 часов в стрелках и дрался так храбро, как только может драться Смоленянин за свой отечественный город. В этом уверили нас все офицеры его полка. Бригадой их командовал генерал-майор Оленин и водил ее в самый жаркий огонь. Все жалеют о смерти отличного по долговременной службе, необычайной храбрости и доброте душевной генерала Баллы, который убит 5 числа в передней цепи стрелков. Кровопролитные битвы еще продолжаются. Мы ложимся и вставем под блеском зарев и громом перестрелок. Мне уже нельзя захватить домой; путь отрезан! Итак, иду туда, куда двигает всех буря войны!.. Сколько раненых! сколько бегущих! Бесконечные обозы тянутся по полям; толпы наро-

да спешат, сами не зная куда!.. Мы теперь нищие, с благородным духом, бродим уныло по развалинам своего отечества. Бедный С...! в то время как брат его сражается и отечественный город в глазах его горит, узнает он, что отец впал в жестокую горячку, а мать, испуганная приближением врага, умерла!.. Вот пример ужаснейшего положения, в котором находятся теперь многие! Повсюду стон и разрушение!.. Мы живем в дни ужаса! Прощай!.. Может быть, в этом мире уже навсегда!..

15 августа

Итак, я теперь —

Наследия отцов и родины лишен,
Как птицы без гнезда стал, бурей унесен!..

Странствую по сгорающей земле, под небом, не внемлющим жалобам смертных. Всякий день вижу уменьшение отечества нашего и расширение власти врагов. Каждая ночь освещается заревами пожаров.

Полнеба рдеет, как раскаленное железо. Я веду совершенно кочующую жизнь, переезжая из шалаша в шалаш, от огня к огню. В окрестностях Дорогобужа ехали мы некоторое время с конницей генерала Корфа. Старший брат мой, знающий там все тропинки, служил ей лучшим путеводителем. Теперь пристаем чаще всего в дежурстве генерала Дохтурова. Нередко хожу я и с гренадерами, которых ведет граф Строганов. Смотря на сего вождя, не подумал ли какой-либо себялюбец: имея неисчислимыя способы к жизни, имея чины, заслуги, почести и дома у себя имея рай, зачем ему бросаться в бури, которыми дышит сам ад в дни наши; зачем наряду с простым солдатом, терпя потому труд и голод, стремиться в опасности, на раны и смерть? Но вот что значит любовь к Отечеству!.. Потомки не уступают предкам. О, чувство благородное, чувство священное! Обладай вечно сердцами Россиян!..

Помнишь, как мы вместе читали Шиллерову трагедию «Разбойники»? Помнишь, как пугала нас страшная картина сновидения Франца Мора, картина, которую Шиллер с искусством Микель-Анджело начертал пламенным пером своим? Там, среди ужасного пожара вселенной, леса, села и города тают как воск, и бури огненные превращают землю в обнаженную пустыню! Такие-то картины видим мы всякий раз, ложась спать! Каковы же должны быть сновидения? — спросишь ты. Их нет: усталость ли-

шает способности мечтать. Уже и Дорогобуж и Вязьма в руках неприятеля: Смоленская губерния исчезает! Прощай!

Августа 16

Я часто хожу смотреть, когда он проезжает мимо полков, и смотрю всегда с новым вниманием, с новым любопытством на этого необыкновенного человека. Пылают ли окрестности, достаются ли села, города и округи в руки неприятеля; вопиет ли народ, наполняющий леса или великими толпами идущий в далекие края России: его ничто не возмущает, ничто не сильно поколебать твердости духа его. Часто бываю волнуем невольными сомнениями: куда идут войска? Для чего уступают области? И чем, наконец, все это решится? Но лишь только взглядываю на лицо этого вождя сил российских и вижу его спокойным, светлым, безмятежным, то в ту же минуту стыжусь сам своих сомнений. Нет! думаю я, человек, не имеющий обдуманного плана и верной цели, не может иметь такого присутствия, такой твердости духа! Он, конечно, уже сделал заранее смелое предначертание свое; и цель, для нас непостижимая, для него очень ясна! Он действует как провидение, не внемлющее пустым воплям смертных и тернистыми путями влекущее их к собственному их благу. Когда Колумб, посредством глубоких соображений, впервые предузнал о существовании нового мира и поплыл к нему через неизмеримые пространства вод, то спутники его, видя новые звезды, незнакомое небо и неизвестные моря, предались было малодушному отчаянию и громко возроптали. Но великий духом, не колеблясь ни грозным волнением стихии, ни бурей страстей человеческих, видел ясно перед собой отдаленную цель свою и вел к ней вверенный ему провидением корабль. Так главнокомандующий армиями, генерал Барклай-де-Толли, проведший с такой осторожностью войска наши от Немана и доселе, что не дал отрезать у себя ни малейшего отряда, не потеряв почти ни одного орудия и ни одного обоза, этот благоразумный вождь, конечно, увенчает предначертания свои желанным успехом. Потерянное может возвратиться; обращенное в пепел возродиться в лучшей красоте. Щедроты Александра обновят края, опустошенные Наполеоном... Всего удивительнее для меня необычайная твердость ведущего армии наши. Смотря на него, я вооб-

ражаю Катона и прекрасное место из Лукановой поэмы, где автор представляет этого великого мужа под пламенным небом Африки, среди раскаленных песков Ливии, превозмогающего зной, жажду и великую скорбь душевную. Тут же и прекрасный Горациев стих сам собой приходит на ум:

«И на развалинах попранные вселенной, Катон, под бурями, неколебим, стоит!..»

17 августа

С какой грустью оставляют они дома, в которых родились, выросли и были счастливы! Бедные жители злополучных стран!

В одном прекрасном доме, близ дороги, написаны на стене женской рукой простые, но для всякого трогательные слова:

ПРОСТИ, МОЯ МИЛАЯ РОДИНА!

Друг мой! Настают времена, когда и богатые, оставляя великолепные чертоги, равняются с бедными и умножают толпы бегущих... Война народная час от часу является в новом блеске. Кажется, что сторающие села возжигают огонь мщения в жителях. Тысячи поселян, укрываясь в леса и превратив серп и косу в оборонительные оружия, без искусства, одним мужеством отражают злодеев. Даже женщины сражаются!.. Сегодня крестьяне Гжатского уезда, деревень князя Голицына, вытесненные из одних засек, переходили в другие, соседние леса через то селение, где была главная квартира. Тут перевязывали многих раненых. Один 14-летний мальчик, имевший насквозь простреленную ногу, шел пешком и не жаловался. Перевязку вытерпел он с большим мужеством. Две молодые крестьянские девки ранены были в руки. Одна бросилась на помощь к деду своему, другая убила древесным суком француза, поранившего ее мать. Многие имели простреленные шапки, полы и лапти. Вот почтенные поселяне войны! Они горько жаловались, что бывший управитель-поляк отобрал у них всякое оружие при приближении французов. Долго ли русские будут поручать детей своих французам, а крестьян — полякам и прочим пришельцам?..

Теперь начальствует аръергардом и почти ежедневно сражается генерал-лейтенант Коновницын, воин, почтенный летами, заслугами и подвигами. У него адъютантом и правителем канцелярии общий совоспитанник и друг наш Ахшарумов, с которым я иногда выдаюсь. Быть бою кровавому, быть великому сражению! Всякий раз, когда, идя с солдатами во время ночных переходов, завожу с ними разговор или слушаю их разговаривающих, то во всех поступках их замечаю ревностное и пламенное желание стать и сражаться! Горящие окрестности, разоряемые церкви, поруганная святыня и стон жителей с неизъяснимой силой действуют на души их. О! как добры и благочестивы солдаты русские! Чего нельзя с ними сделать? Никто не умеет так оценить и помнить храбрости офицера, как они. Один усталый гренадер, когда я с ним вчера разговаривал и объявил свое имя, сказал мне: «Да не родня ли вам Глинка, в Либавском полку что был под Смоленском в стрелках?» — «Это брат мой», — отвечал я. «Он прехрабрый, сударь, человек! — говорил гренадер, — с ним весело ходить вперед!» Вот нечаянное приветствие — и самое лестное! От часу более распространяется слух о скором прибытии к армии Светлейшего Князя Голенищева-Кутузова. Говорят, что народ встречает его повсюду с неизъяснимым восторгом. Все жители городов выходят навстречу, отпрягают лошадей, везут на себе карету; древние старцы заставляют внуков лобызать стопы его, матери выносят грудных младенцев, падают на колени и поднимают их к небу! Весь народ называет его спасителем. Государь сказал ему: «Иди спасать Россию!» Бессмертие уже готовит место на скрижалях своих, чтоб передать имя его в бесконечность времен. Помнишь, как мы восхищались неподражаемым местом в Мармонтелевом Велисарии, где он представляет сего великого мужа проходящим через те самые области, которые спас от гибели, и повсюду собирающим бесценные дани nelестного усердия народа. О, как различна слава бичей и спасителей народов!

18 августа

Наконец, прибыл сей лаврами и сединами увенчанный вождь! Некоторые из почтенных гжатских купцов привезли его сами на прекрасных своих лошадях в село Царево-

Займище. Я сейчас видел Светлейшего Голенищева-Кутузова, сидящего на простой скамье подле одной избы, множество генералов окружили его. Радость войск неопишана. У всех лица сделались светлее, и военные беседы вокруг огней радостнее. Дымные поля биваков начинают оглашаться песнями.

20 августа

Как нетрудно понравиться солдату! Должно показать только ему, что заботишься о судьбе его, что вникаешь в его состояние, что требуешь от него необходимо нужного и ничего излишнего. Когда Светлейший Князь объезжал в первый раз полки, солдаты засуетились было, начали чиститься, тянуться и строиться. «Не надо! ничего этого не надо! — говорил князь. — Я приехал только посмотреть, здоровы ли вы, дети мои! Солдату в походе не о щегольстве думать: ему надобно отдыхать после трудов и готовиться к победе». В другой раз, увидев, что обоз какого-то генерала мешает идти полкам, он тотчас велел освободить дорогу и громко говорил: «Солдату в походе каждый шаг дорог, скорей придет — больше отдыхать будет!» Такие слова главнокомандующего все войско наполнили к нему доверенностью и любовью. «Вот то-то приехал наш «батюшка!» — говорили солдаты, — он все наши нужды знает: как не подраться с ним»; в глазах его «все до одного рады головы положить». Быть великому сражению!

Все обстоятельства предвещают сражение, должное решить судьбу отечества. Говорят, что в последний раз, когда Светлейший осматривал полки, орел явился в воздухе и парил над ним. Князь обнажил сединами украшенную голову; все войско закричало «ура!». В сей же день главнокомандующий приказал служить во всех полках молебны смоленской божьей матери и для иконы ее, находившейся при армии, сделать новый приличный кивот. Все это восхищает солдат и всякого!

На этих днях смоленский помещик Реад привез двух сынов, прекрасных молодых людей, и просил определить их в службу. Другой смолянин, ротмистр Ключков, оставя прекрасную жену и пятерых детей, приехал служить и определился к почтенному генералу Лихачеву, который, от тяжкой боли едва передвигая ноги и почти совсем не владея руками, ездит на дрожках при своей дивизии и бывает в сражениях.

Вот что значит война отечественная!..

21 августа

Мне кажется, я переселился совсем в другой свет! Куда ни взглянешь, все пылает и курится. Мы живем под тучами дыма и в области огней. Смерть все ходит между и около нас! Она так и трется промеж рядов. Нет человека, который бы не видел ее каждый день, и каждый день целые тысячи достаются ей на жертву! Здесь люди исчезают как тени. Сегодня на земле, а завтра под землей!.. Сегодня смеемся с другом; завтра плачем над его могилой!.. Тут целыми обществами переходят из этого на тот свет так легко, как будто из дома в дом! Удивительно, как привыкли здесь к смерти, в каких бы видах ни являлась: свистит ли в пулях, сеется ль в граде картечи, или шумит в полете ядер и вылетает из лопающихся бомб — ее никто не пугается. Всякий делает свое дело и ложится в могилу, как в постель. Так умирают сии благородные защитники отечества! Сии достойные офицеры русские. Солдаты видят их всегда впереди. Опасность окружает всех, и пуля редкого минует!..

22 августа

Поутру полки расположились около Колоцкого монастыря. Там еще оставались два или три поседелых монаха. Я был у вечерни. Унылый стон колокола, тихое пение, синеватый сумрак, слегка просветляемый темной лампадою.

Вид пылающего отечества, бегущего народа и неизвестность о собственной судьбе сильно стеснили сердце. Я вышел и смотрел на заходящее солнце, которое усиливалось сохранить блеск свой в мутных облаках, гонимых холодным ветром. Ужели, думал я, и древняя слава России угаснет в бурях, как оно!.. Нет! Восстал дух русской земли! Он спал богатырским сном и пробудился в величественном могуществе своем. Уже повсюду наносит он удары злодеям. Нигде не сдается, не хочет быть рабом. Он засекает в лесах, сражается на пепле сел и просит поля у врага, готовясь стать и биться с ним целые дни.

Все признаки великого сражения час от часу более становятся видимы. Неприятель, совокупляя силы свои, каждый день с большею дерзостью надвигает. Силы его несметны!.. Они ширятся вправо и влево, и темнеют, как дремучие леса, или ходят как тучи, из которых, по временам, стреляет гром!..

23 августа

«Тут остановимся мы и будем сражаться!» — думал каждый, завидя высоты Бородинские, на которых устроили батареи. Войска перешли Колочу, впадавшую здесь же, в селе Богородице, в Москву-реку, и установились на протяжении холмов, омываемых слиянием этих двух речек. Стало войско — и не стало ни жатв, ни деревень: первые притоптаны, другие снесены. «Война идет и метет!» Так говорится издавна в народе. Может ли быть бедствие лютейшее войны?..

Наступает вечер. Наши окапываются неутомимо. Засеками городят леса. Пальбы нигде не слышать. Там, вдали, неприятель разводит огни; ветер раздувает пожары, и зарево выше и выше восходит на небеса! По последнему расположению войск у нас на правой руке Милорадович; на левой князь Багратион; в середине Дохтуров. Глава всех войск Князь Кутузов, под ним Барклай-де-Толли. Ожидают неприятеля и сражения. Прощай!

24 августа

Отдаленный гром пушек приветствовал восходящее солнце. Генерал Коновницын, с передовыми полками, схватился с неприятелем под стенами Колоцкого монастыря. Вот идут они: один искусно уклоняется, другой — нагло влечет гремящие тысячи свои прямо на нас. Толпы его, тянувшиеся по дороге, вдруг распахнулись вправо и влево. Смотрите, какая необозримость их движущихся стен!.. Поля дрожат, кажется, гнутся под множеством конных; леса насыпаны стрелками, пушки вытягиваются из долин и кустарников и, в разных местах, разными тропами пробираясь, на холмы и пригорки въезжают. Многочисленное неприятельское войско колеблется: кажется, в нерешимости. Вот пошатнулось было влево, и вдруг повалило направо. Огромные полчища двинутся на левое наше крыло. Русские спокойно смотрят на все с укрепляемых своих высот. Пыль, взвившаяся до небес, уседается. Даль яснее. Неприятель к чему-то готовится. Посмотрим к чему...

24 августа. Поздно к вечеру

Неприятель, как туча, засинел, сгустившись, против левое нашего крыла и с быстротой молнии ударил на него, желая все сбить и уничтожить. Но князь Багратион, ге-

герал Тучков, храбрый граф Воронцов и прочие, призвав на помощь бога, укрепясь своим мужеством и оградясь русскими штыками, отбросили далеко пехоту, дерзко приступавшую к батареям. Пушки наши действовали чудесно. Кирасиры врубались с невероятной отважностью. Раздраженный неприятель несколько раз повторял свои нападения, и каждый раз был отражен. Поле покрылось грудями тел. Во все время как мелкий огонь гремел неумолчно и небо дымилось на левом крыле, Князь Михайла Ларионович сидел на своей деревянной скамеечке, которую за ним всегда возили, у огня, на середине линий. Он казался очень спокоен. Все смотрели на него и, так сказать, черпали от него в сердца свои спокойствие. В руках его была нагайка, которою он то помахивал, то чертил что-то на песке. Казалось, что весь он превратился в слух и зрение, то вслушиваясь в гремящие переходы сражения, то внимательно обозревая положение мест. Часто пересылался с ним Багратион. Ночь прекратила бой и засветила новые пожары. Прощай до завтра!

25. Утро

Все тихо, неприятель отдыхает; перевязывает вчерашние раны и окапывает левое крыло свое. И наши не дремлют — готовятся.

25. Сумерки

Я почти целый день просидел на колокольне в селе Бородине. Оттуда в зрительную трубку — все как на ладони! Они роются, как кроты, в земле; строят преогромные редуты, а пушек, пушек, и сказать страшно! На одном только окопе насчитал я — сто! Но не один я задержан был любопытством на колокольне: многие генералы всходили туда же. Общее мнение было, что неприятель для того огораживает левое крыло свое, чтобы свести все войска на правое и с сугубым усилием ударить на наше левое. На середину также ожидали нападения. Но вот уже сумерки! Ветер поднимается с воем и гудит по шалашам. Французы отаборились и засветили огни. Я забыл сказать, что почти целый день шайки их стрелялись с нашими егерями: наши не давали им пить из Колочи. Прощай — темно! Иду доставать свечи.

Все безмолвствует!.. Русские, с чистой, безупречной совестью, тихо дремлют, облегли дымящиеся огни. Сторожевые цепи пересылают одна другой протяжные отголоски. Эхо чуть вторит им. На облачном небе изредка искрятся звезды. Так все спокойно на нашей стороне.

Напротив того: ярко блещут устроенные огни в таборах неприятельских; музыка, пение, трубные голоса и крики по всему их стану разносятся. Вот слышны восклицания! Вот еще другие!.. Они, верно, приветствуют разьежающего по строям Наполеона. Точно так было перед Аустерлицким сражением. Что будет завтра? Ветер гасит свечу, а сон смыкает глаза. Прощай!

28 августа. Окрестности Москвы

Застонала земля и пробудила спавших на ней воинов. Дрогнули поля, но сердца спокойны были. Так началось беспримерное Бородинское сражение 26 августа. Туча ядер, с визгом пролетавших над нашим шалашом, пробудила меня и товарищей. Вскакиваем, смотрим — густой туман лежит между нами и ими. Заря только что начинала зажигаться. Неприятель подвез несколько сот орудий и открыл целый ад. Бомбы и ядра сыплются градом. Треск и взрывы повсеместны. Одни шалаши валяются, другие пылают! Войска бегут к ружью в огонь. Все это происходило в середине, а на левом нашем крыле давно уже свирепела гроза в непрерывных перекатах грома пушек и мелкого оружия. Мы простились с братом. Он побежал со стрелками защищать мост. Большую часть этого ужасного дня проводил я то на главной батарее, где находился Светлейший, то на дороге, где перевязывали раненых. Мой друг! я видел это неимоверно жестокое сражение и ничего подобного в жизнь мою не видал, ни о чем подобном не слышал и едва ли читывал.

Я был под Аустерлицом, но то сражение в сравнении с этим — сшибка! Те, которые были под Прейсиш-Эйлау, делают почти такое же сравнение. Надобно иметь кисть Микель-Анджело, изобразившую страшный суд, чтоб осмелиться представить это ужасное побоище. Подумай только, что до 400 тысяч лучших воинов, на самом тесном, по их многочисленности, пространстве, почти, так сказать, толкаясь головами, дрались с неслышанным отчаянием:

2000 пушек гремели беспрерывно. Тяжко вздыхали окрестности — и земля, казалось, шаталась под бременем сражающихся. Французы металась с диким остервенением; русские стояли с неподвижностью твердейших стен. Одни стремились дорваться до вожделенного конца всем трудам и дальним походам, загрести сокровища, им обещанные, и насладиться всеми утехами жизни в древней знаменитой столице России; другие помнили, что заслоняют собой эту самую столицу — сердце России и мать городов. Оскорбленная вера, разоренные области, поруганные алтари и прахи отцов, обиженные в могилах, громко вопияли о мщении и мужестве.

Русские сердца внимали священному этому воплю, и мужество наших войск было неописанно. Они, казалось, дорожили каждым вершком земли и бились до смерти за каждый шаг. Многие батареи до десяти раз переходили из рук в руки. Сражение горело в глубокой долине и в разных местах, с огнем и громом, на высоты всходило. Густой дым заступил место тумана. Серые облака клубились над левым нашим крылом и заслоняли середину, между тем как на правом сияло полное солнце. И самое светило мало видало таких браней на земле с тех пор, как освещает ее. Сколько потоков крови! сколько тысяч тел! «Не заглядывайте в этот лесок, — сказал мне один из лекарей, перевязывавший раны, — там целые костры отпиленных рук и ног!» В самом деле, в редком из сражений прошлого века бывало вместе столько убитых, раненых и в плен взятых, сколько под Бородиным оторванных ног и рук. На месте, где перевязывали раны, лужи крови не пересыхали. Нигде не видал я таких ужасных ран. Разбитые головы, оторванные ноги и размозженные руки до плеч были обыкновенны. Те, которые несли раненых, облиты были с головы до ног кровью и мозгом своих товарищей...

Сражение не умолкало ни на минуту, и целый день продолжался беглый огонь из пушек. Бомбы, ядра и картечи летали здесь так густо, как обыкновенно летают пули; а сколько здесь пролетало пуль!.. Но это сражение неописанно: я сделал только абрис его. По счастью, на то самое место, где случился я с братом, привели уже около вечера нашего брата Григория. Он был ранен пулей в голову. Рана опасна, но не смертельна. Искусный лекарь перевязал ее. Вечер наступал, и неприятель начал уклоняться. Русские устояли! Мы благословляли небо и поспешили проводить раненого в Можайск.

«Так восходило оно в день Аустерлицкого сражения!» — сказал Наполеон перед строем войск, указывая на восходящее солнце. Надменный вождь хотел заранее читать победу в небесах? Но предвещения его не сбылись. О, мой друг! Какое ужасное сражение было под Бородиным! Сами французы говорят, что они сделали 60 000 выстрелов из пушек и потеряли 40 генералов! Наша потеря также очень велика. Князь Багратион тяжело ранен. «Оценка людей, — говорит Екатерина, — не может сравняться ни с какими денежными убытками!» Но в отечественной войне и люди — ничто! Кровь льется, как вода: никто не падит и не жалеет ее! Нет, друг мой! ни берега Дуная и Рейна, ни поля Италии, ни пределы Германии давно, а может быть никогда еще, не видали столь жаркого, столь кровопролитного и столь ужасным громом пушек сопровождаемого сражения! Одни только русские могли устоять: они сражались под отечественным небом и стояли на родной земле.

Однако ж Наполеон не остановился в Бородине: он влечет пронзенные толпы свои прямо к Москве. Там Милорадович, командуя передовыми войсками, принимает все удары на свой щит. Здесь составляется совещание об участии Москвы.

Что будет? Богу знать!

Р. С. Я бы писал к тебе более и пространнее, но от нестерпимой головной боли едва могу мыслить. В течение всего этого времени, имев всегда постелью сырую землю, я сильно простудил голову. Лучшее описание Бородинского сражения получишь разве со временем. Прощай!

2 сентября

Мы привезли раненого брата в Москву. Вот уже другой день, как я в столице, которую так часто видал в блестящем ее великолепии, среди торжеств и пирований, и которую теперь едва-едва могу узнать в глубокой ее печали. О, друг мой! что значит блеск городов, очаровывающий наши чувства? Это самая тленная полуда на меди, позолота на пилюле! Отняли у Москвы многолюдство, движение народа, суету страстей, стук карет, богатство украшений — и Москва, осиротелая, пустая, ничем не отличается от простого уездного города! Все уехало или уезжает. Вче-

ра брат мой, Сергей Николаевич, выпроводил жену и своих детей. Сегодня жег и рвал он все французские книги из прекрасной своей библиотеки, в богатых переплетах, истребляя у себя все предметы роскоши и моды. Тому, кто семь лет пишет в пользу отечества против заразы французского воспитания, простительно доходить до такой степени огорчения в те минуты, когда злодеи уже приближаются к самому сердцу России. Я забыл сказать тебе, что государь, в последний свой приезд в Москву, пожаловал ему Владимирский крест при следующих словах: «За любовь вашу к отечеству, доказанную сочинениями и делами вашими». Мы было все пять братьев съехались в Москву, но пробыли вместе не более дня. Брат мой Иван уехал к князю Лобанову-Ростовскому, который взял его к себе в адъютанты... Уже враг в Москве! Уже французы в священных стенах древнего Кремля!.. А мы, вслед за русскими войсками, пробираемся на Рязанскую дорогу. Древняя столица Севера, после двухсотлетней свободы, должна опять почувствовать тяготу оков иноплеменных!

4 сентября. Боровской перевоз

Москва в слезах; Москва уныла,
Как темная в пустыне ночь!

Так говорил я, вместе с одним из превосходнейших наших поэтов, стоя на высоком Московском кургане у Боровского перевоза на Москве-реке. Я видел сторающую Москву. Она, казалось, погружена была в огненное море. Огромная черно-багровая туча дыма висела над ней. Картина ужасная!.. Войска наши предпринимают какое-то очень искусное движение влево. Потеря Москвы не есть еще потеря отечества. Так скажет история, и так говорит главнокомандующий: таков есть голос всего войска, готового сражаться до последней капли крови! Ты знаешь, что в 1571 году, при царе Иване Васильевиче, вся Москва разорена и была предана пламени набежавшим с ордой крымских татар ханом Дивлет-Гиреем в день 24 мая. «Все улицы наполнены были кровью и трупами, и Москва-река «мертвых не пронесла!» — так повествует летописец. В 1612 году она терпела почти такую же участь и славно избавлена Пожарским!

Один знаменитый писатель говаривал часто, что время настоящее беременно будущим. А посему-то, видя в настоящем всеобщее вооружение, воскресший народный дух,

твердость войск и мудрость вождей, я предчувствую, что будущее, рожденное счастливыми обстоятельствами настоящего, должно быть некоторым образом повторением прошедшего: оно должно возвратить нам свободу, за которую теперь, как и прежде, все ополчается. Друг мой! будем молиться — и надеяться!

29 сентября

Наконец, среди опустошенных селений, по лесистой проселочной дороге, соединяющей большую Тульскую с Калужской, прибыли мы к Тарутину. Небольшие отряды, рассеянные для фуражирования, служили нам проводниками. Обширное зарево, пылавшее на горизонте, еще издалека указало место, где стояла армия на биваках. Выездаем из леса — и видим пространное поле, ряды высоких укреплений; вправо крутые берега Нары, далее представляется множество огней, ярко светящихся в вечерних сумерках, и многочисленное воинство, стройно расположенное в соломенных шалашах по обеим сторонам большой дороги. Веселые клики, повсеместное пение и музыка, в разных местах игравшая, ясно доказывали, что дух войск не был еще удручен печалью. Здесь-то остановились, наконец, храбрые тысячи русских, безмолвно следовавшие за своими вождями, беспрестанно сражавшиеся и при всегдашней победе уступавшие села, города, целые области хищному неприятелю. Здесь остановились они для того, чтобы всем до одного умереть или нанести смертельный удар нашествию.

Около ста тысяч войск, чудесно укрепленное местоположение и большое число пушек составляют в сем месте последний оплот России. Но войско наше кипит мужеством; но любовь к отечеству овладела сердцами всего народа; но бог и Кутузов с нами — будем надеяться!

30 сентября

На месте, где было село Тарутино Анны Никитишны Нарышкиной, и в окрестностях оногo явился новый город, которого граждане — солдаты, а дома — шалашы и землянки. В этом городе есть улицы, площади и рынки. На сих последних изобилие русских краев выставляет все дары свои. Здесь, сверх необходимых жизненных припасов, можно покупать арбузы, виноград и даже ананасы!.. тогда как французы едят одну пареную рожь и, как говорят,

даже конское мясо! На площадях и рынках тарутинских солдаты продают отнятые у французов вещи: серебро, платье, часы, перстни и проч. Козаки водят лошадей. Маркитанты торгуют винами, водкой. Здесь между покупателями, между продающими и меняющими, в шумной толпе отдохнувших от трудов воинов, среди их песен и музыки, забываешь на минуту и военное время, и обстоятельства, и то, что Россия уже за Нарою...

Отдых, некоторая свобода и небольшое довольство — вот все, что тешит и счастливит военных людей!

1 октября

Брат мой, у которого рана еще не зажила, являсь на службу, был очень благосклонно принят генерал-майором Талызиным и дивизионным начальником своим почтенным генерал-лейтенантом Капцевичем. Я приехал сюда также с тем, чтоб непременно определиться в полк. Но мне надо было найти генерала, который, зная прежнюю мою службу, принял бы бедного поручика хотя тем же чином, несмотря на то, что все свидетельства и все аттестаты его остались в руках неприятеля и что на нем ничего более не было, кроме синей куртки, сделанной из бывшего синего фрака, у которого от кочевой жизни при полевых огнях полы обгорели. Я пошел к генералу от инфантерии Милорадовичу, живущему в авангарде впереди Тарутинской позиции. Он узнал меня, пригласил в службу — и я уже в службе — тем же чином, каким служил перед отставкой и каким отставлен, то есть поручиком, имею честь находиться в авангарде, о котором теперь гремит слава по всей армии.

4 октября. Село Тарутино

Сегодня генерал Милорадович взял меня с собой обедать к генералу Дмитрию Дмитриевичу Шепелеву, который имел свои биваки за правым крылом армии. Обед был самый великолепный и вкусный. Казалось, что какая-нибудь волшебница лила и сыпала из неистощимого рога изобилия лучшие вина, кушанья и самые редкие плоды. Хозяин был очень ласков со всеми и прекраснейший стол свой украшал еще более искусством угощать. Гвардейская музыка гремела. Итак, твой друг, в корень разоренный смоленский помещик, бедный поручик в синей куртке, с

пустыми карманами, имел честь обедать вместе с тридцатью лучшими из русских генералов...

К большому моему удовольствию я познакомился здесь с любезным молодым человеком графом Апраксиным, адъютантом генерала Уварова.

7 октября. Тарутино

Еще звенит в ушах от вчерашнего грома. После шести мирных лет я опять был в сражении, опять слышал шум ядер и свист пуль. Вчерашнее дело во всех отношениях удачно. Третьего дня к вечеру генерал Бенигсен заезжал к генералу Милорадовичу с планами. Они долго наедине советовались. Ночью знатная часть армии сделала, так сказать, вылазку из крепкой Тарутинской позиции. Славный генерал Бенигсен имел главное начальство в этом деле. Генерал Милорадович командовал частью пехоты, почти всей кавалериею и гвардиею. Нападение на великий авангард французской армии, под начальством короля Неаполитанского, сделано удачно и неожиданно. Неприятель тотчас начал отступать и вскоре предался совершенному бегству. 20 пушек, немалое число пленных и великое множество разного обоза были трофеями и плодами этого весьма искусно обдуманного и счастливо исполненного предприятия. Движениями войск в сем сражении управлял известный полковник Толь, прославившийся личной храбростью и великими познаниями в военном деле. Предупреждаю тебя, что все мои описания с этой поры будут очень кратки: в авангарде нет ни места, ни времени к пространным письменным занятиям. Подожди! когда-нибудь при удобнейшем случае я сообщу тебе подробнейшее описание действий войск под начальством генерала Милорадовича. Не знаю, почему большая часть знаменитых подвигов этого генерала не означена в ведомостях; но он, как я заметил, нимало этим не огорчается. Это значит, что он не герой Ведомостей, а герой Истории и потомства.

Скажу тебе, что этот генерал, принявший, по просьбе Князя Светлейшего, начальство над арьергардом после страшного Бородинского сражения, дрался с превосходным в числе неприятелем с 29-го августа по 23 сентября, т. е. 26 дней непрерывно. Некоторые из этих дней, как-то 29 августа, 17 сентября и 20 и 22 того же месяца, ознаменованы большими сражениями, по десяти и более часов продолжавшимися. Известно ли все это у вас?

25 октября. Город Вязьма

Среди дымящихся развалин города, под громом беспрерывно лопающихся бомб и гранат, повсюду злодеями разбросанных, в тесной комнате полусожженного дома, пишу к тебе, друг мой!.. Торжествуйте великое празднество освобождения Отечества!.. Враги бегут и гибнут; их трупами и трофеями устилают себе путь русские к бессмертию. До сих пор я не имел ни одной свободной минуты. В течение 12 суток мы или шли, или сражались. Ночи, проведенные без сна, а дни в сражениях, погрузили мой ум в какое-то затмение — и счастливейшие происшествия: освобождение Москвы, отражение неприятеля от Малого Ярославца, его бегство мелькали в моих глазах, как светлые воздушные явления в темной ночи. Печатные известия из армии, рассылаемые по губерниям, конечно, уже известили тебя подробно обо всем. Итак, я скажу несколько слов только о том, что при свободном досуге надобно бы описать на нескольких страницах. Еще повторяю, что о делах генерала Милорадовича (который почти всякий раз доносит главнокомандующему в двух или трех строках, не более того, что он отразил или побил неприятеля там и тогда-то) я постараюсь представить тебе подробнейшее описание, если останусь жив и записная книжка моя уцелеет.

Вскоре после Тарутинского дела, 6-го октября Князь Светлейший получил известие, что Наполеон, оставляя Москву, намерен прорваться в Малороссию. Генерал Дохтуров, с корпусом своим, отряжен был к Боровску. Вслед за ним и вся армия фланговым маршем передвинулась на старую Калужскую дорогу, заслонила собой ворота Малороссии и была свидетельницей жаркого боя между нашим 6-м и 4-м французским корпусами при Малом Ярославце.

Генерал Милорадович, сделав в этот день с кавалерией 50 верст, не дал отрезать себя неприятелю и поспешил к самому тому времени, когда сражение пылало и присутствие его с войсками было необходимо. Фельдмаршал, удивленный такой быстротой, обнимал его и называл крылатым. В наших глазах сторел и разрушился Малый Ярославец. На рассвете генерал Дохтуров, с храбрыми войсками своего корпуса, присоединился к армии, которая двинулась еще левее и стала твердой ногой на выгоднейших высотах.

Генерал Милорадович оставлен был с войсками своими на том самом месте, где ночь прекратила сражение. Весь

следующий день проведен в небольшой только пушечной и ружейной перестрелке. В сей день жизнь генерала была в явной опасности, и провидение явно оказало ему покровительство свое. Отличаясь от всех шляпой с длинным султаном и сопровождаемый своими офицерами, заехал он очень далеко вперед и тотчас обратил на себя внимание неприятеля. Множество стрелков, засев в кустах, начали метить в него. Едва успел выговорить адъютант его Паскевич: «В вас целят, ваше превосходительство!» — и пули зашвистали у нас мимо ушей. Подивись, что ни одна никого не зацепила. Генерал, хладнокровно простояв там еще несколько времени, спокойно поворотил лошадь и тихо поехал к своим колоннам, сопровождаемый пулями. После этого генерал Ермолов, прославившийся и сам необычайной храбростью, очень справедливо сказал в письме Милорадовичу: «Надобно иметь запасную жизнь, чтоб быть везде с вашим превосходительством!» Через два дня бегство неприятеля стало очевидно, и наш арьергард, сделавшись уже авангардом, устремился преследовать его. Темные, дремучие ночи, скользкие проселочные дороги, бессонье, голод и труды — вот что преодолели мы во время искуснейшего флангового марша, предпринятого генералом Милорадовичем от Егорьевска прямо к Вязме. Главное достоинство этого марша было то, что он совершенно утаен от неприятеля, который тогда только узнал, что сильное войско у него во фланге, когда мы вступили с ним в бой, ибо до того времени один генерал Платов теснил его летучими своими отрядами. Вчера началось сражение, с первым лучом дня, в 12 верстах от Вязмы. У нас было 30 000, а вице-король италийский и маршалы Даву и Ней наставили против нас более 50 000. Неприятель занимал попеременно шесть выгоднейших позиций, но всякий раз с великим уроном сбиваем был с каждой победоносными нашими войсками. Превосходство в силах и отчаянное сопротивление неприятеля продлили сражение через целый день. Он хотел было непременно, дабы дать время уйти обозам, держаться еще целую ночь в Вязме и весь город превратить в пепел. Так уверяли пленные; и слова их подтвердились тем, что все почти печи в домах наполнены были порохом и горючими веществами. Но генерал Милорадович, послав Паскевича и Чоглокова с пехотой, которые тотчас и ворвались с штыками в улицы, сам с бывшими при нем генералами, устроив всю кавалерию, повел в объятый пламенем и неприятелем наполненный еще город. Рота конной артиллерии, идя впе-

реди, очищала улицы выстрелами; кругом горели и с сильным треском распадались дома; бомбы и гранаты, до которых достигало пламя, с громом разряжались; неприятель стрелял из развалин и садов; пули свистели по улицам... Но, видя необоримую решимость наших войск и свою гибель, оставил он город и бежал, бросая повсюду за собой зажигательные вещества. На дымящемся горизонте угасало солнце. Помедли оно еще час — и поражение было бы совершеннее; но мрачная осенняя ночь приняла бегущие толпы неприятеля под свой покров. До пяти тысяч пленных, в числе которых известный генерал Пелетье, знамена и пушки были трофеями этого дня. Неприятель потерял конечно до 10 000. Путь на 12 верстах устлан его трупами. Генерал Милорадович остановился в том самом доме, где стоял Наполеон, и велел тушить горящий город. Сегодня назначен комендант, устроена военная полиция, велено очищать улицы от мертвых тел, разослано по уезду объявление, сзывающее жителей к восстановлению, по возможности, домов и храмов божьих в отечественном их городе, исторгнутом ныне из кровавых рук нечестивых врагов.

Со временем благородное дворянство и граждане Вязьмы, конечно, почувствуют цену этого великого подвига и воздадут должную благодарность освободителю их города. Пусть поставят они на том самом поле, где было сражение, хотя не многоценный, но только могущий противиться временам памятник, и украсят его, по примеру древних, простой, но всеобъясняющей надписью: «От признательности благородного дворян сословия и граждан Вязьмы начальствовавшему Российским авангардом генералу от инфантерии Милорадовичу за то, что он, с 30 000 Россиян, разбив 50-тысячное войско неприятельское, исторгнул из рук его горящий город их, потушил пожары и возвратил его обрадованному Отечеству и утешенным гражданам в достопамятный день, 23 октября 1812 года». В одержании победы участвовали: известный генерал граф Остерман; князь Сергей Николаевич Долгорукий, который, отличаясь прежде на дипломатическом поприще, горел желанием служить в Отечественной войне и променял перо на шпагу. Но, служа в поле, он не перестает украшать бесед своих той же неподражаемой остротой ума, которой блистал некогда при дворах государей. Русские ко всему способны!.. Генералы: Ермолов, Паскевич, Олсуфьев и Чоглоков храбростью и благоразумием своим содействовали к совершен-

ному поражению врага. Полковник Потемкин, со свойственным ему мужеством, как начальник штаба по авангарду, наблюдал за движениями наших войск в опаснейших местах. Перновский и Белозерский полки и батареинная рота Гулевича отличились.

Р. S. В это самое время, как я пишу к тебе, генерал Вильсон, бывший личным свидетелем вчерашнего сражения, описывает также это своим соотечественникам. Из Петербурга нарочный отправится с известием об этой победе в Лондон.

26, в два часа пополудни. Дорогобуж

Вот сейчас только кончился штурм крепостного замка в Дорогобуже. Мы вырвали его из рук французов, захватили город, который они уже начали жечь, и провожали их ядрами, покуда не скрылись из наших глаз; а теперь сильная буря, веющая к западу, и генерал Юрковский с легкой конницей гонят их далее. Стужа увеличилась, метель потемнила воздух. Мы забрались в дом к протопопу, в котором уцелели окна и немного тепло. Я нашел старую чернильницу, отмочил засохшие чернила и пишу к тебе, как могу. Позамедлив несколько в Вязьме, я должен был скакать 30 верст, чтоб догнать наши войска, неослабно преследовавшие неприятеля. Я ехал вместе с генералом Вильсоном, который не отстает от авангарда и по доброй воле бывает в огнях. В каком печальном виде представлялись нам завоеватели России!.. На той дороге, по которой шли они так гордо в Москву и которую сами потом опустошили, они валялись в великом множестве мертвыми, умирающими или в беднейших рубищах, окровавленные и запачканные в сажу и грязи, ползали, как ничтожные насекомые, по грудам конских и человеческих трупов. Голод, стужа и страх помрачили их рассудок и наложили немоту на уста: они ни на что не отвечают; смотрят мутными глазами на того, кто их спрашивает, и продолжают глотать конские кости.— Так караются враги, дерзающие наступать на святую Русь! Подобная казнь постигла татар, дерзко набежавших на Россию в дни малолетства царя Ивана Васильевича. «Великие снега и морозы познобили татар; а остальных «козаки добивали»,— так говорит Царственная книга. Во все эти дни неприятель беспрестанно забавлял нас потешными огнями: он подрывал много своих пороховых ящиков. Бог знает, каких только неистовств не делает этот неприятель!

Он отряжает нарочные толпы для сжигания деревень, прикалывает наших пленных и расстреливает крестьян. Зато и крестьяне не спускают им! Большими ватагами разъезжают они с оружием по лесам и дорогам, нападают на обозы и сражаются с толпами мародеров, которых они по-своему называют миродерами. По их толкам, это люди, обдирающие мир!

Генерал Вильсон говорит, что война эта подвинула Россию на целое столетие вперед на пути опытов и славы народной. Мой друг! молнии и зарницы электрической своей силой способствуют зрелости жатв; молнии войны пробуждают дух народов и также ускоряют зрелость их. Таков порядок вещей под солнцем!..

Я не сказал тебе еще о сегодняшних трофеях наших. Они состоят в 600 пленных и двух пушках. Все это досталось нам после довольно жаркого боя. Укрепленные высоты Дорогобужа должны мы были взять открытым штурмом, а из города выйти неприятеля заставил генерал Милорадович искусным направлением дивизии принца Виртембергского и обход слева. Пожар начал было распространяться и здесь, но густым светом и усердием наших солдат был потушен. Тут также оставляется комендант, которому поручено сзывать жителей на прежние их жилища. Надо видеть наших солдат, без ропота сносящих голод и стужу, с пылким рвением идущих на бой и мгновенно взлетающих на высоты окопов, чтоб иметь понятие о том, как принято освобождать города своего Отечества! 4-го Егерьского полка майор Русинов, получа рану в руку при начале штурма, велел поддерживать себя солдатам и продолжал лезть на вал; через несколько минут ему прострелили ногу, и солдаты вынуждены были снести его в ров. Но этот храбрый офицер до тех пор не приказывал уносить себя далее и не переставал ободрять солдат, пока не увидел их уже на высоте победителями. Это тот самый, который вышел одним выпуском прежде нас из корпуса.

Представь себе, друг мой, что я теперь только в 60 верстах от моей родины и не могу заглянуть в нее!.. Правда, там нечего и смотреть: все разорено и опустело! Я нашел бы только пепел и развалины; но как сладко еще раз в жизни помолиться на гробах отцов своих! Теперь сходен я с кометой, которая не успеет приблизиться к солнцу, как вдруг косвенным путем удаляется опять от него на неизмеримые пространства. Завтра мы едем отсюда, но не в Смоленск, а боковыми, неизвестными путями и дорогами,

через леса и болота... После узнаешь ты об этом искусном и, конечно, гибельном для французов движении наших войск.

7 ноября. На поле близ Красного

Видишь ли, какой мы сделали шаг! От Дорогобужа прямо к Красному. Смоленск и Днепр остались у нас вправо. Тихо подкрались мы к большой дороге, из Смоленска в Красное. Неприятель полагал нас за тридевять земель; а мы, как будто из-под земли, очутились вдруг перед ним! Это впрямь по-суворовски! Теперь называют это фланговым, или боковым, маршем. 3-го числа ноября показались мы из лесов против деревни Ржавки. Неприятель шел по большой дороге спокойно и весело: наступившая оттепель отогрела жизненные силы этих питомцев благодетельного климата их отечества. Великие обозы с северными гостинцами тянулись между колонн. Генерал Милорадович приказал тотчас нападать. Неприятель остановился, сыпнул в овраги и паростники множество стрелков, выставил, между берез, по высотам дороги, легкие орудия; а тяжелой артиллерии и обозам, в сопровождении своей конницы, велел спасаться вперед. Наши наступили с обыкновенным мужеством — и дело загорелось! Но, несмотря на великое превосходство в силах неприятеля перед нами, он был мгновенно сбит с большой дороги, поражаем в полях и одолжен спасением одной только темноте ночной и ближним лесам, в которых скрылся. Знамена, пушки, пленные и множество обоза наградили победителей, на первый раз, за трудный фланговый марш. Впереди нас видна была деревня; генерал Милорадович хотел в ней провести ночь, ему говорят, что там еще французы. Он посылает казаков истребить их — и мы там почевали. После этого 4, 5 и 6 числа, три дня сряду, проводили в непрерывных сражениях. Всякий вечер отбивали у французов ночлег в нескольких верстах от большой дороги. С каждой утренней зарей, коль скоро с передовых постов приходило известие, что колонны показались на большой дороге, мы садились на лошадей и выезжали на бой. Наполеону очень не нравилось, что генерал Милорадович стоит под дорогой и разбивает в пух корпуса его; но делать нечего!.. Последняя рана, нанесенная ему вчера, чувствительнее всех прочих. Вчера. — О! восхищайся, друг мой, столь знаменитой победой: вчера генерал Милорадович разбил совершенно тридцатитысячный кор-

пус под предводительством искуснейшего из маршалов Наполеона — Нея, недавно прозванного им князем Москворецким. Неприятельский урон чрезвычайно велик. Все четыре начальствовавших генерала убиты. Места сражений покрыты горами неприятельских тел. В эти четыре дня нас победоносные дня потеря неприятеля наверно полагается убитыми до 20 000, в плен взято войсками генерала Милорадовича: генералов 2, штаб- и обер-офицеров 285, рядовых, сколько ты думаешь? — 22 000; пушек — 60!.. Поля города Красного в самом деле покраснели от крови. В одержании этих четверодневных побед много участвовали генералы Раевский и Паскевич. Храбрые их войска многие неприятельские толпы подняли на штыки. Отважными нападениями конницы предводительствовал генерал Уваров. Артиллерия оказала громадные услуги. Полковник Мерлин командовал ею в авангарде. Его рота и рота отважного капитана Башмакова покрыли себя славой. Действия пушек искусного и храброго Нилуса под Смоленском и Гулевича под Вязьмой останутся навсегда памятны французам. Остальные 600 из разбитого Неева корпуса, укрепившиеся с пушками в лесах, прислали уже поздно к вечеру переговорщика сказать, что они сдадутся одному только генералу Милорадовичу, а иначе готовы биться до последнего. Французы называют Милорадовича русским Баярдом; пленные везде кричат ему: «Да здравствует храбрый генерал Милорадович!» Его и самые неприятели любят, вероятно, за то, что он, сострадая об них по человечеству, дает последний свой запас и деньги пленным. После всего этого ты видишь, что трофеев у нас много; лавров девать некуда; а хлеба — ни куска... Ты не поверишь, как мы голодны! По причине крайне дурных дорог и скорого хода войск наши обозы с сухарями отстали; все окрестности сожжены неприятелем, и достать нигде ничего нельзя. У нас теперь дивятся, как можно есть! и не верят тому, кто скажет, что он ел. Разбитые французские обозы доставили казакам возможность завести такого рода продажу, о которой ты, верно, не слыхивал. Здесь, во рву, подле большой дороги, среди разбитых фур, изломанных карет и мертвых тел, кроме шуб, бархатов и парчей, можно купить серебряные деньги мешками!! За сто рублей бумажками покупают обыкновенно мешок серебра, в котором бывает по сто и более пятифранковых монет. Отчего ж, спросишь ты, сбывают здесь так дешево серебро? — Оттого, что негде и тяжело возить его. Однако ж куплею этой пользу-

ются очень немногие: маркитанты и прочие нестроевые. Но там, где меряют мешками деньги, — нет ни крохи хлеба! Хлеб почитается у нас единственной драгоценностью! Все почти избы в деревнях сожжены, и мы живем под углами в шалашах. Как жалко смотреть на пленных женщин! их у нас много. Наполеон вел в Россию целый вооруженный народ! Третьего дня видели мы прекрасную женщину, распростертую подле молодого мужчины. Одно ядро лишило их жизни, может быть, в минуту последнего прощания. Тогда же, в пылу самого жаркого боя, под сильным картечным огнем, двое маленьких детей, брат и сестра, как Павел и Виргиния, взявшись за руки, бежали по мертвым телам, сами не зная куда. Генерал Милорадович приказал их тотчас взять и отвести на свою квартиру. С того времени их возят в его коляске. Пьер и Лизавета, один 7, а другой 5 лет, очень милые и, по-видимому, благовоспитанные дети. Всякий вечер они, сами собой, молятся богу, поминают своих родителей и потом подходят к генералу целовать его руку.

Теперь эти бедняжки не вовсе сироты. Вчера между несколькими тысячами пленных увидели они как-то одного и вдруг вместе закричали: «Вот наш батюшка!» В самом деле это был отец их, полковой слесарь. Генерал тотчас взял его к себе, и он плачет от радости, глядя на детей. Мать их — немка — убита. Рассказать ли тебе об ужасном состоянии людей, которые давно ль были нам так страшны?.. Но меня зовут к генералу. Прости до первой свободной минуты!..

Оттуда же и того же дня

Мой друг! В самых диких лесах Америки, в области каннибалов, едва ли можно видеть такие ужасы, какие представляются здесь ежедневно глазам нашим. До какой степени достигает остервенение человека! Нет! Голод, как бы он ни был велик, не может оправдать такого зверства. Один из наших проповедников недавно назвал французов обезчеловечившимся народом; нет ничего справедливее этого изречения. Положим, что голод принуждает их искать пищи в навозных кучах, есть кошек, собак и лошадей; но может ли он принудить пожирать подобных себе. Они нисколько не содрогаясь и с великим хладнокровием рассуждают о вкусе конского и человеческого мяса! Зато как они гибнут: как мухи в самую позднюю осень!.. У мерт-

вых лица ужасно обезображены. Злость, отчаяние, бешенство и прочие дикие страсти глубоко запечатлелись на них. Видно, что сии люди погибали в минуты иступления, со скрежетом зубов и пеною на устах. На этих лицах не успело водвориться и спокойствие смерти. Те, которые не совсем еще обезумели, беспрестанно просят есть; а накорми их досыта теплым кушаньем — умирают! Но большая часть из них совсем обезумели; бродят, как слепые. Вчера я видел одного, который, в самом пылу сраженья, с величайшим хладнокровием мотал клубок нитки и сам с собой разговаривал, воображая, что он сидит дома у своей матери. Но вчерашняя ночь была для меня самая ужасная! Желая немного обсушиться, мы оправили кое-как одну избу, законопатили стены, пробитые ядрами, и истопили печь. Сотни стелящих привидений, как Шекспировы тени, бродили около нас. Но едва почуяли они теплый дух, как с страшным воплем и ревом присыпали к дверям. Один по одному втеснилось их несколько десятков. Одни валялись под лавками и на полу, другие на верхних полатах, под печью и на печи. Мы принуждены были помостить себе несколько досок с лавки на лавку. Отягченные усталостью, уснули на них. Перед светом страшный вой и стоны разбудили меня. Под нами и над нами множество голосов, на всех почти европейских языках, вопили, жаловались или изрыгали проклятия на Наполеона! Тут были раненные, полузамерзшие и сумасшедшие. Иной кричал: «Помогите! помогите! Кровь льется из всех моих ран! Меня стеснили!.. У меня оторвали руку!» «Постойте! удержитесь! я еще не умер, а вы меня едите!» — кричал другой. В самом деле, они с голоду кусали друг друга. Третий дрожащим голосом жаловался, что он весь хладеет, мерзнет; что уже не чувствует ни рук, ни ног! И вдруг среди стонов, вздохов, визга и скрежета зубов раздавался ужасный хохот... Какой-нибудь безумный, воображая, что он выздоровел, смеялся, сзывая товарищей: бить русских! А вслед за этим слышен был в другом углу самый горестный, сердце раздирающий плач. Я слышал, как один молодой поляк, увидев, конечно, во сне, родину свою, говорил громко, всхлипывая: «Я опять здесь, о мать моя!.. Но, посмотри, посмотри, как я весь изранен! Ах! для чего ты родила на свет несчастного?»

Когда рассвело, мы нашли несколько умерших над нами и под нами и решились лучше быть на стуже в шалаше. Между сими злополучными жертвами честолюбия случил-

ся один заслуженный французский капитан, кавалер Почетного легиона. Он лежал без ноги под лавкой. Невозможно описать, как благодарил он за то, что ему перевязали рану и дали несколько ложек супу. Генерал Милорадович, не могший равнодушно видеть сих беспримерных страдальцев, велел все, что можно было, сделать в их пользу. В Красном оправили дом для лазарета; все полковые лекари явились их перевязывать; больных обделили последними сухарями и водкою, а те, которые были поздравнее, выпросили себе несколько лошадей и тотчас их съели! Кстати, не надобно ль в вашу губернию учителей? Намедни один француз, у которого на коленях лежало конское мясо, взламывая череп недавно убитого своего товарища, говорил мне: «Возьми меня: я могу быть полезен России — могу воспитывать детей!» Кто знает, может быть, эти выморозки пооправятся, и наши расхватают их по рукам — в учителя, не дав им даже и очеловечиться...

11 ноября. Местечко Баево

Вчера перенесли мы знамена свои за древние рубежи нашего Отечества. Перейдя речку Мерейку, мы вступили уже в Могилевскую губернию. Теперь главная квартира авангарда в местечке Баево, что на одной высоте с м. Лядами, на большой дороге. И так ныне уже ясно и никакому сомнению не подвержено, что одно постоянное продолжение сей войны увенчивает ее столь блистательными успехами. Если б заключили мир при Тарутине, как бы ни был он выгоден, Россия не имела б ни лавров, ни трофеев, ни драгоценнейшего для всякого уверения, что Наполеон уже никогда не возвратится разорять пределы ее. Теперь можем мы вздохнуть спокойно!.. Меч, висевший над головами нашими, исчез. Тучи, ходившие по русскому небу, быстро несутся назад. Мы видим над собой ясную лазурь безмятежного свода, отколе всевышний благословляет оружие правых на славном поприще его побед.

Известно, однако ж, что Наполеон, прежде нежели решился оставить Москву, истощал все усилия для заключения мира. Мудрый Кутузов заводил в сети ослепленного страстями и гордостью этого нового Навуходносора. Он старался выиграть время, доколе подоспеет к нам вернейшая союзница — зима!

Но твердость государя в этих смутных обстоятельствах достойна хвалы и удивления современников и потом-

ства. Исполненный духом предвидения, он пребывал непоколебим, как гранитный утес среди мятежных морей!

«Я прежде соглашусь перенести столицу мою на берега Иртыша и ходить в смуром кафтане, чем заключу теперь мир с разорителем Отечества!»

Так отвечал монарх на предложение о мире. Слух об сем дошел к нам в армию. Такие изречения государей подслушивает История и с благоговением передает отдаленнейшим родам.

Мой друг! настоящее повторяется в будущем так, как прошедшее — в настоящем! Пройдут времена; лета обратятся в столетия, и настанет опять для некоего из царств земных период решительный, подобный тому, который ныне покрыл Россию пеплом, кровью и славой.

22 ноября. Город Борисов

Ушла лисица, только хвост в западне остался!..

Никакой человеческий ум не может сделать соображений лучше тех, какие сделаны были князем Кутузовым, и принять лучших мер, какие принял он для поминки Наполеона у реки Березины в городе Борисове. Одна непостижимая судьба могла спасти его, может быть для того, чтобы карать им еще человечество! — Адмирал Чичагов с армией своей слева вниз, а граф Витгенштейн справа вверх по течению реки, сближались один против другого, дабы сомкнуть войска свои, как две стены, в том месте, где мог переправиться неприятель, за которым шла армия Кутузова и которого неослабно преследовали граф Платов с казаками, генерал Милорадович с авангардом, генералы Ермолов и Бороздин с летучими отрядами.

Все эти дни погода была самая бурная и ненастная. Морозы достигали до 20 градусов. Мы шли проселочными дорогами. Артиллерия наша прорезывала пути по глубоким снегам; пехота и конница пробирались дремучими лесами, и при всем этом несколько переходов сделано по 40 верст в день. Не забудь, что в зимний день!

Дух великого Суворова, конечно, веселился, взирая с высот на столь быстрое шествие победоносных Россиян. Сбылся стих великого поэта:

Где только ветры могут дуть,
Проступят там полки орлины!

Жаль, однако ж, что все наши труды были напрасны!.. Наполеон уже за Березиной!.. Граф Витгенштейн тем же самым громом, который бросал на Клястицких полях, отбил у переправлявшегося неприятеля один из задних его корпусов, и 12 тысяч, увидев себя окруженными, положили оружие. Мы остановились в разоренном и еще дымящемся от пожара Борисове. Несчастные наполеонцы ползают по тлеющим развалинам и не чувствуют, что тело их горит!.. Те, которые поздоровее, втесняются в избы, живут под лавками, под печью и заползают в камин. Они страшно воют, когда начнут их выгонять. Недавно вошли мы в одну избу и просили старую хозяйку протопить печь. «Нельзя топить, — отвечала она, — там сидят французы!» — Мы закричали им по-французски, чтоб они выходили скорее есть хлеба. Это подействовало. Тотчас трое, черные как арапы, выпрыгнули из печи и явились перед нами.

Каждый предлагал свои услуги. Один просился в повара; другой — в лекаря; третий — в учителя! Мы дали им по куску хлеба, и они поползли под печь.

В самом деле, если вам уж очень надобны французы, то вместо того, чтоб выписывать их за дорогие деньги, присылайте сюда побольше подвод и забирайте даром. Их можно ловить легче раков. Покажи кусок хлеба — и целую колонну сманишь! Сколько годных в поваря, в музыканты, в лекаря, особливо для госпож, которые наизусть перескажут им всего Монто; в дружья дома и — в учителя!!! За недостатком русских мужчин, сражающихся за отечество, они могут блистать и на балах ваших богатых помещиков, которые знают о разорении России только по слуху! И как ручаться, что эти же запечные французы, доползя до России, прихоясь и приосанясь, не вскружат голов прекрасным россиянкам, воспитанницам французенок!.. Некогда случилось в древней Скифии, что рабы отбили у господ своих, бывших на войне, жен и невест их. Чтоб не сыграли такой штуки и прелестные людоеды с героями русскими!..

16 декабря. Вильна

В начале октября был я несколько сот верст за Московою, в Рязани, в Касимове, на берегах Оки. В ноябре дрались мы уже на границах Белоруссии, а 16 декабря пишу к тебе из Вильны. Так мыкается друг твой по свету! Такими исполинскими шагами шло войско наше к победам

и славе!.. Но сколько неслыханных, невообразимых трудов перенесло войско! Сколько вытерпел друг твой! Однако ж я здоров! Через шесть дней буду в Гродне. Армия остается еще здесь, чтоб взять хоть малейший роздых. Авангард идет в Гродно, которая, со всеми магазинами своими, сдалась партизану Денису Давыдову. Наполеон бежит к Неману.

На сих днях изволил прибыть сюда государь император. Победоносное воинство и отягченный лаврами Князь Смоленский встретили его. Вскоре прибыл и цесаревич. Радость сделалась общей. Все окрестное дворянство стеклось в город — и город заблестал разноцветными огнями освещений. Различные прозрачные картины представляли Россию торжествующей, Александра — милующим преступных, Наполеона — бегущим. Известно стало, что эти картины рисовал тот самый живописец, который за несколько перед этим месяцев изображал те же лица, только в обратном смысле, для освещения и в честь Наполеону. Так же профессор, который протрубил теперь негромкую оду в честь русским, славил прежде французов. Таковы люди!

Трудно достигнуть человеку до степени славы, какою озарен Князь Светлейший! Но еще труднее быть, как он, столько ж славну, как и любиму. Он позволил офицерам тепло одеваться в морозы и веселиться, где можно, — и очаровал души! Недавно докладывали ему: не прикажет ли запретить офицерам забираться в трактир, находившийся против самых его окон, где они привыкли играть, шутить и веселиться? «Оставьте их в покое, — отвечал князь, — пусть забавляются, мне приятно слышать, как они веселятся! Люди, освободившие Отечество, заслуживают уважение. Я не люблю, чтоб главная квартира моя походила на монастырь. Веселость в войске доказывает готовность его идти вперед!»

О! он знает сердце человеческое! он знает, что одной ложкой меда больше можно сманить мух, нежели целой бочкой уксуса.

18 декабря

Я два раза навещал одного из любезнейших поэтов наших, почтенного В. А. Жуковского. Он здесь, в Вильне, был болен жестокой горячкой; теперь немного обмогается. Отечественная война переродила людей. Благородный

порыв сердца, любящего Отечество, вместе с другими увлек и его из круга тихомирных занятий, от прелестных бесед с музами в шумные поля брани. Как грустно видеть страдание того, кто был таким прелестным певцом во стане русских и кто дарил нас такими прекрасными балладами! Мой друг! Эта война ознаменована какой-то священной важностью, всеобщим стремлением к одной цели. Поселяне превращали серп и косу в оружие оборонительное; отцы вырывались из объятий семейств, писатели — из объятий независимости и муз, чтоб стать грудью за родной предел. Последние, подобно трубадурам рыцарских времен или бардам Оссияна, пели и под шумом военных бурь.

21 декабря. На пути в Гродно

Не правда ли, что очень приятно найти прекрасный куст розы в дикой степи? Точно так же радует нас хороший дом в разоренной стороне. Мы испытали приятность такой находки, проезжая из Вильны в Гродно. Гродня есть прекрасный сельский дом сестры покойного короля, графини Тишкевичевой. Везде и во всем виден изящный вкус: в выборе места для дома, в расположении комнат и в уборке их; но более всего понравились нам картины.

Захочешь насладиться приятным утром — взглянешь на стену — и видишь в картине все прелести его. Как синь и прозрачен этот воздух! Как легки эти дымчатые облака! Как хороши первые лучи солнца! Кажется, видишь, как эти лучи яснее, как воздух становится светлее; туман редет, цветки просыпаются, птички стрясают с крылышек жемчужную росу, и все в улыбке! В дополнение видишь невинность. В виде прелестной пастушки, с свежим, утренним румянцем на щеках и с пестрым стадом. Тут же вечер: как хорош! Не волшебник ли какой-нибудь собрал сизые тени вечерних сумерок и бросил их на холст? Они так живо изображены! Вот подлинник лучшего из польских живописцев. Вижу сражение, конный бой или, лучше сказать, жаркую схватку, в которой отличается один человек на дикой лошади, которая скачет через груды тел, бесится и, кажется, стремится опрокинуть и стоптать все, что ни встречает. Кто же этот человек, у которого епанча свалилась с плеч; который в бешенстве ратном растерзал на себе одежду и обнажил до половины тело свое? С длинным ножом в руке, которым бьет ло-

шадь и неприятелей, скачет он, как безумный, сквозь пули и картечи, пена клубится у рта. Ясно видно, что судьба его зависит от выигрыша сражения. Он стремится, во что бы то ни стало, одержать победу. Герой покоен в бою: победа сама находит и венчает его лаврами: а это верно не герой, ибо силится сорвать венец награды; верно не полководец, ибо, забывая себя, хочет победить одной неистовой храбростью. Кто ж это такой? Картуш! Кисть живописца прекрасна и смела; но краски, кажется, слишком блестящи, и вообще видна какая-то щеголеватость в картине. Нет простоты, свойственной великим художникам.

На стенах других комнат видны римские развалины, прекрасные виды, водопады, которые, кажется, брызжут на того, кто на них смотрит. В этом прелестном доме вижу живописную Италию — и теряюсь в сладких мечтах о ней. Я вижу страшную Этну, в черной ночи, в красных заревах, с желтыми оттенками; вижу, как блещут изломчатые молнии, как кипит свирепая лава; как огненное жерло стреляет вверх буграми, как трескают на воздухе громады и сыплется каменный дождь! Вижу — и пугаюсь: так это все живо!..

Как прелестны искусства! Они обворожают смертных; они очаровали и нас, странников!

26 декабря. Гродно

На этих днях графиня Орлова-Чесменская прислала генералу Милорадовичу меч и саблю, подаренную великой Екатериной покойному родителю ее, графу Алексею Григорьевичу, за истребление флота при Чесме. В то время, когда неприятель опустошал окрестности Москвы, генерал Милорадович, узнав, что вблизи находится имение графини Орловой, заслонил его своими войсками и, отразив врага, не допустил расхитить сел ее и поправить гроб знаменитого Орлова. Он сделал это, следуя первому порыву чувства уважения к заслугам Чесменского, убежден будучи, что могила храброго отечеству священна! Но дочь, благоговейшая к праху родителя, приняла в полной цене этот подвиг и, при лестном письме, прислала драгоценный меч герою, которому за несколько перед этим лет благодарный народ Валахский поднес меч «за спасение Букареста». Действительный статский советник Фукс, с свойственным ему красноречием, описал случай этот в нескольких строках, которые тебе и посылаю.

«Двора их императорских величеств фрейлина, графиня Анна Александровна Орлова-Чесменская, прислала к генералу от инфантерии Михайлу Андреевичу Милорадовичу саблю, всемилостивейше пожалованную в бозе почивающею императрицею Екатериной Александровною покойному родителю ее, графу Алексею Григорьевичу, за истребление при Чесме турецкого флота, при письме, лестных для него выражений исполненном, за спасение им в нынешнюю войну деревень ее, а особливо той, где погребен родитель ее. Меч сей дарован великою Екатериною герою Чесменскому за истребление оттоманского страшного морского ополчения на водах Азии, в виду берегов древние Эллады и Ионии. Там в первый раз возвел флаг Российский; гром с севера ударил, флот исчез, и луна померкла. Сей меч, украшенный драгоценнейшими камнями, щедротами бессмертные монархини, есть бесценное знамение величия тогдашней славы России и неистлеваемый памятник в роде родов Орловых. Но дочь, благоговящая к памяти родителя своего, к священному для нее праху его, подносит блистательный залог сей знаменитому воину, не допустившему нечестивого врага коснуться сей гробницы. Милорадович приемлет оный с глубочайшею, живейшею признательностью; но обещает ей извлечь оный токмо за пределами Отечества на поражение возмутителей спокойствия народов, буде провидению паки угодно будет избирать его орудием, и не прежде возложить на себя, доколе не соделается достойным подарка, полученного из рук россиянки, пламенеющей любовью к Отечеству и отцу».

28 декабря

«Выступил, ушел, вырвался, убежал!» из отечества нашего новый Катилина. Наполеон за Неманом! Уже нет ни одного врага на земле русской! Александр Первый готов положить меч свой; но Европа, упавая перед ним на колени и с воздетыми к небу руками, молит его быть ее спасителем и, подобно древнему Александру, расцезть мечом новый Гордиянский узел тяжелых вериг ее плена. Некогда монарх сказал Кутузову: «Иди спасать Россию». Теперь, кажется, слышен в небесах голос самого бога, вещающий Александру Первому: «Гряди освобождать Европу!» Итак, зачем приходил Наполеон в Россию? Вот вопрос, для разрешения которого будут писать целые

книги. «Удача в мире сем священнее всех прав!» — думал вождь галлов.— Так думал и вождь татар! Батый и Наполеон по кровавому морю хотели приплыть к храму славы. Но кровь пролита; а храм славы заперт для них. Их мавзолей — проклятие народов!

Сам Цицерон, если б он воскрес теперь, не мог бы, кажется, лучше изобразить насильственного вторжения врагов в землю русскую, твердости государя, народа и ужасного гнева раздраженного бога, постигшего эти разноплеменные орды среди торжеств и злодеяний их, как все это изображено в манифесте, обнародованном в Вильне. Он начинался такими словами: «Бог и весь свет тому свидетель и проч., и проч., и проч.».

P. S. Новый порядок устанавливается в дежурстве нашем: всякий будет иметь свою определенную часть.

Храбрый полковник Потемкин, исправлявший должность Начальника штаба, произведен в генералы и назначен командиром лейб-гвардии Семеновского полка; а начальником штаба по авангарду определен, по высочайшей воле, флигель-адъютант его величества полковник Сипягин, который еще в капитанском чине отличил себя во всех четырех сражениях при Красном.

1 января. 1813 г. Город Гродно

Наконец минул сей 1812 год. Каким шумом, блеском и волнением ознаменовалось шествие его в мире! Ежели говорить языком стихотворцев, придавая всему лицо и существенность, то я воображаю, что сей год, обремененный славой и преступлениями, важно вступает в ворота вечности и гордо вопрошает неисчислимые сонмы протекших годов: кто более его обгаден кровью и покрыт лаврами; кто был свидетелем больших превратностей в судьбах народов, царств и вселенной? Встают века древнего Рима, пробуждаются времена великих браней, славных полководцев, века всеобщего переселения народов... Напрасно! Древняя история, кажется, не найдет в себе года, который во всех многообразных отношениях мог бы сравняться с протекшим. Начало его наполнено мрачными предвестиями, томительным ожиданием. Гневные тучи сгушались на Западе. Вслед за пламенной кометой многие дивные знамения на небе явились. Люди ожидали будущего, как страшного суда. Глубокая, однако ж, тишина и тайна господствовали на земле. Но эта обманчивая ти-

шина была предвестницей страшной бури. Взволновались народы, и все силы, все оружие Европы обратилось на Россию. Бог предал ее на раны; но защитил от гибели. Россия отступила до Оки, и с упругостью, свойственной силе и огромности, раздвинулась опять до Немана. Области ее сделались пространым гробом неисчислимым врагам. Русский, спаситель земли своей, пожал лавры на снегах ее и развернул знамена свои на чужих пределах. Изумленная Европа, слезами и трауром покрытая, взирая на небо, невольно восклицает: «Велик бог земли русской, государь и народ ее!» — «Велик Кутузов, полководец мудрый», — говорит история, и вместе с именем его пишет на золотых скрижалях своих 1812 год.

ВЫПИСКИ, СЛУЖАЩИЕ
ОБЪЯСНЕНИЕМ ПРЕЖНИХ ОПИСАНИЙ
1812 ГОДА

ОТСТУПЛЕНИЕ АРМИИ К ВЯЗЬМЕ,
ГЖАЦКУ И ДАЛЕЕ.
ДУХ НАРОДА, ВОЙСК И ПРОЧ.

Отступление армий наших продолжалось далее и далее. Все пространство между Вязьмой и Гжацком отдано неприятелю, который час от часу становился дерзостнее и наступал сильнее. Все окрестное дворянство, оставляя поместья свои, удалялось большею частью в замосковные губернии. Великолепные дома стояли пусты, и самые поселения, покидая в жертву неприятеля мирные хижины, в которых родились, и драгоценнейшее наследие предков, нивы, обогащенные обильной жатвой, удалялись с семействами своими от мест их родины. Многие из сих прямо русских поселян сделали себя в полной мере достойными благодарности Отечества. Целые селения, укрываясь в густоту лесов и превратив серп и косу в оборонительные оружия, без искусства единым мужеством отражали наглые нападения врагов. Ужас предшествовал неприятелю; опустошение сопровождало его. Каждая ночь освещалась ужасными заревами пожаров: неприятель истреблял все

мечом и огнем. С горьким, неизъяснимым чувством при-
скорбья солдаты наши видели землю русскую, объятую
пламенем; видели храмы божии разрушаемые, иконы и
олтари обесчещенные и веру отцов своих поруганную.
С горестью видели они себя принужденными уступать
хищному неприятелю села, города и целые области. Они
разделили скорбь, повсюду распространявшуюся; они ви-
дели и слезы сограждан своих, и слышали обеты и моле-
ния их к богу, управляющему судьбою браней. Обе армии
одушевлены, преисполнены были единым желанием —
желанием стать твердою ногою на одном месте и, выдер-
жав решительный бой, умереть или спасти Отечество.
Есть случаи, в которых люди охотно жертвуют своею
жизнью! Жертва эта тем важнее и благороднее, чем более
клонится к пользе и спасению сограждан. Так и во вре-
мя отступления армии каждый воин желал лучше умер-
еть, нежели заслужить укорительное нареkanie потом-
ства.

ОПИСАНИЕ НОЧИ, ПРЕДШЕСТВОВАВШЕЙ БОРОДИНСКОМУ СРАЖЕНИЮ

С 25 на 26 августа 1812 года ночь, предшествовавшая
великому сражению, проведена была совершенно различ-
но в наших и неприятельских армиях. Солдаты наши, спо-
койные в совести, уверенные в помощи бога, защитника
правых: одни — после жаркого вчерашнего боя, другие —
от дневных трудов спокойно отдыхали при потухающих
огнях. Глубокое безмолвие ночи, по всему протяжению
стана русского, ничем не прерывалось, кроме протяжного
отзыва часовых и глухого стука работающих на окопах.

Напротив того: ярко пылали удвоенные огни в стане
неприятелей; музыка, пение, трубные гласы и крики на-
полняли отзывами окрестности. Через целую ночь про-
должалось у них движение. Известно, что в сию ночь На-
полеон, император французов, осматривая все свое вой-
ско, объявлял иному, что намерен дать решительное сра-
жение, и говорил речи, в которых обещал мир и отдохно-
вание в Москве, преисполненной забав и роскоши. Армия
Наполеона, составленная из различных народов, разных
обычаями, наречием, нравами и верой, завлеченных в
дальние пределы чуждых стран не для защиты отечества,
не для возвращения свободы, но единственно по ослепле-

нию через хитрости честолюбивого вождя, — такая армия имела нужду в убеждениях. Должно было льстить страстям и потакать распутству, Наполеон не щадил вина, ни уличений. Обещанием победы и неизсчитанных выгод оной умел он очаровывать многочисленное воинство свое и поощрить его к отчаянному нападению.

ПРИБЛИЖЕНИЕ АРМИИ К МОСКВЕ

Между тем главная армия находилась уже в ближайших окрестностях Москвы. В виду сей древней столицы собран военный совет, в котором присутствовал сам Светлейший Князь со многими другими генералами для совещания о участи ее. Возможность не соответствовала пламенному желанию русских сохранить мать и красоту городов своего Отечества; ибо столь огромный город, как Москва, не имеющий ни укреплений, ни выгодных мест для боя, почти совершенно неудобен к защите; всякий ему подобный город легко может быть обойден и отрезан от сообщений вместе с армией, которая вздумала бы защищаться в нем. А важнее всего то, что в случае отступления войск во время боя, они легко бы могли разойтись по всем тем разным дорогам, на пересечении которых стоит Москва, тогда как единственное средство в то время, для надлежащей обороны, было совокупление оных вместе. Вот причины, которые с первого раза могут представиться всякому рассуждающему о сдаче Москвы; причины же, принятые в совете, о которых, конечно, упомянуто будет в истории Отечественной войны, суть бессомненно несравненно сих важнее.

Впрочем, Москва, опустелая, мрачная, унылая, не была уже тем блестящим, многолюдным, великолепным городом, которым привыкла славиться Россия. Все вельможи, все богатые люди выехали в дальние губернии; большая часть сокровищ увезена. Оставшееся купечество и толпа народу готовы были еще защищать священные стены древних зданий, храмы божии и гробы царей Российских; но, видя отступающую армию, оставляя все, следовали за оною. Многие показали такие примеры пренебрежения собственных выгод и преданности к общей пользе, которые удивляли нас только в истории. Сии усердные сыны Отечества сожигали собственные дома свои, дабы не дать в них гнездиться злодеям.

МОСКВА ЗАНИМАЕТСЯ НЕПРИЯТЕЛЕМ БЕЗ БОЯ

Между тем наступал решительный час, в который сия российская столица, в течение двух столетий не только в стенах, но даже и в окрестностях своих не выдавшая врагов иноплеменных, должна была перейти в чужое владение. Неизменна воля свыше управляющего царствами и народами. В пламенном, сердечном уповании на сего правителя судеб россияне с мужественной твердостью уступили первейший из городов своих, желая сею частною жертвою искупить целое Отечество. Около вечера неприятель, вступая с большою осторожностью и на каждом шагу останавливаясь, начал распространяться по улицам и занимать город.

ДЕЙСТВИЯ КУТУЗОВА ПО ОСТАВЛЕНИИ МОСКВЫ

Светлейший Князь, оставляя Петербургскую и прочие дороги, которые из разных застав Москвы ведут в разные концы России, избрал среднюю между ими Рязанскую. Полководец не столь искусный, вероятно, устремился бы защищать и оспаривать у неприятеля дорогу Петербургскую, открыв через то набегам его все прочие области России, из которых армия пользовалась всеми жизненными средствами и получала подкрепления; но Кутузов, как вождь, летами и опытами умудренный, сделал движение, совершенно тогдашним обстоятельствам приличное. Ибо, если бы неприятель и вздумал идти на Петербург, то вся армия, ступая шаг вправо, стала бы у него в тылу; а движением влево (разумеется, когда войска стоят лицом к Москве) войска наши могли совершенно заслонить от всех покушений неприятеля изобильнейшие губернии России.

Последствие, исполненное щастливейших для нас успехов, оправдало во всех отношениях сие искусное движение, которое, будучи спасительно для жителей, вышедших из Москвы, прикрывало также и все государственные и частные сокровища, по той дороге отправленные.

НАПОЛЕОН В МОСКВЕ; КУТУЗОВ СКРЫТНО ПЕРЕДВИГАЕТ ВОЙСКА, НАПРАВЛЯЯСЬ НЕИЗВЕСТНОЙ ДЛЯ НЕПРИЯТЕЛЯ ЦЕЛИ

5 сентября. Уже два дня владеет неприятель столицей. Армия наша кажется ему отступающей по Рязанской дороге, ведущей за Оку, Волгу и далее в беспредельность России.

Дорога С.-Петербургская обороняется отрядом барона Винценгероде; Владимирская — частью отступающих по ней войск; Можайская совершенно во власти неприятеля; Тульская и обе Калужские открыты ему.

Теперь увидим, на что решится Наполеон и что предпримет Кутузов. Чтоб судить о последствиях, должно определить главную причину действия. Для сего представляют два предположения: пришел ли Наполеон в Россию с тем, чтобы завоевать и покорить ее; или не с тем ли пришел он, чтобы, наполнив Европу громом сей единственной войны, опламеня ею многие области России и захвата, наконец, самую столицу, предписать выгоднейший для себя мир, не простираясь далее в завоеваниях?

Известия о состоянии армии неприятельской, уверения пленных и все прочие соображения оправдывали совершенно последнее из сих двух предположений. Наполеон оставался в Москве, — и Москва, обогрелая кровью, наполненная злодеяниями, неистовством и грабежами его войск, исчезла в глазах его, как великолепный призрак среди неугасимых пожаров. Что же предпринимает в это время Кутузов? Все то, что глубокая проницательность, долговременная опытность и хитрость воинская внушить полководцу могут.

Он спешит передвинуть войска на Тульскую и Калужскую дороги, дабы прикрыть сии города, как врата обильнейших областей России, из которых в то время двинулись навстречу армии большие обозы с продовольствием и много старых и вновь набранных войск.

ТАРУТИНО

23 сентября армия, совершив благополучно все движения свои, достигнув цели, преднамеренной искусным вождем, остановилась за рекой Нарою при селе Тарутино, принадлежащем Анне Никитишне Нарышкиной.

Армия, расположенная лицом к Москве, по обеим сторонам большой дороги на правом берегу реки, имела все выгоды пространного стана; и сие есть одно из преимуществ местоположения Тарутинского перед Бородинским, в котором войска крайне стеснены были.

Крутые берега Нары, которая здесь почти такова же, как река Москва у Бородина, доставляли в некоторых местах природную оборону; а весь стан укреплен был искусством превосходным образом. Нара, текущая от Можайской через старую и новую Калужские дороги, близ Серпухова впадает в Оку. Если б вместо речки Нары была тут другая в широте и глубине река, то воинский стан при Тарутине мог бы почестею неприступным. Однако ж все меры для соделания его таковым были приняты. Все пространство на правом крыле армии до самой Оки, пересекающей Тульскую, Каширскую и Рязанскую дороги, оберегаемо было цепью легких отрядов; ополчения всех губерний, лежащих между Волгой и Окой, выдвинуты на правый берег сей последней и расставлены в ближайшем расстоянии от реки, составляя сторожевую линию от Серпухова к Кашире, оттуда к Коломне и далее к Рязани. Извещательные стражи и маяки, по берегу устроенные, готовы были тотчас развестить по всему пространству о появлении неприятеля в каком-нибудь одном месте.

Сих предосторожностей слишком довольно было для правого крыла; ибо нельзя было ожидать, чтоб неприятель сделал теперь то, чего он с самого Немана еще не делал, то есть чтоб решился обходить нас справа: он потерялся бы тогда в неизмеримости русской земли, которую русские готовы были превратить в пустыню до самой Волги для того только, чтобы сделать ее гробом враждебных тысяч. Итак, оставалось заботиться о левом крыле. Взглянем на оное. Село Тарутино почти на одной черте с Боровским на новой Калужской дороге и с Георгиевским, что на дороге Медынской. Извещательные отряды должны были тотчас дать знать при появлении неприятеля в сих местах; и коль скоро открылось бы покушение его прорваться в Калугу, то фельдмаршал удобно мог передвинуть косвенным путем все войска влево и силам неприятельским противопоставить свои.

В таком-то положении были русские при Тарутине. Армия, отовсюду обеспеченная, под щитом благоразумия, наслаждалась столь нужным и полезным для нее отдохновением, укрепляясь самым бездействием своим и ста-

новьясь час от часу могущественнее и страшнее без пролития крови, без боя и сражений.

Около сего времени возникла другого рода война, весьма полезная для нас и крайне вредная для неприятеля.

Здесь говорится о малой войне, или действиях наездников.

Сии наездники (партизаны), начальствуя летучими отрядами, из разных войск составленными, имеют все способы переноситься с места на место, нападать внезапно и действовать то совокупно, то порознь, вдруг с разных сторон или пересекая черту сообщений.

Они же могут доставлять армии подробнейшие сведения о всех скрытых и явных движениях неприятеля. Сей род малой войны, доставляя случай молодым людям поверять опытом приобретенные ими познания и открывая воинские способности их, образует отличных офицеров. Во время пребывания армии в Тарутине она имела два отделённых отряда: 1) генерала Винценгероде, действовавший по С.-Петербургской, Ярославской, Дмитровской и Владимирской дорогам; разъезды сего отряда двигались: около Можайска, Рузы, Волоколамска и Воскресенска, 2) генерал-майора Дорохова, взяв приступом укрепления Вереи, действовал к Можайской дороге в перерез оной. Генералу Шепелеву поручено было, составив особый отряд, прикрывать Брянск от нападения неприятеля, начинавшего уже показываться в Рославле. Известнейшими наездниками в то время были: 1) подполковник Денис Давыдов: он давно уже жил и весьма удачно действовал между Гжатском и Вязьмою; 2) Сеславин около Боровска; 3) князь Вадбольский у Вереи; 4) князь Кудашев между Серпуховской и Коломенской дорогами; 5) Фигнер, прославившийся своей отважностью, появлялся в ближайших окрестностях Москвы, проходя неоднократно даже тесное пространство между армией французской и передовой ее стражей. Вообще всем отрядам сим предписано было держаться реки Нары. Впрочем, множество повсюду рассеянных казачьих разъездов, хотя проселками, избирали каждый для себя направления, обстоятельствам приличные.

Таким образом, со всех сторон окруженный пламенем и войсками, гордый завоеватель Москвы увидел себя вдруг осажденным в развалинах ее.

И между тем как французские ведомости, наполняя Европу шумом и молвой о непобедимой армии своей, воз-

вещали повсюду, что гром пушек французских уже слышен в пределах Азии; что войска России истреблены мечом, а народы ее поражены грозным именем Наполеона, сей самый Наполеон и страшные легионы его должны были терпеть все нужды, все ужасы строжайшей осады и простой хлеб считать выше всех драгоценностей, во множестве ими награбленных. Напрасно разные полки по разным дорогам из Москвы высылаемы были искать не побед, не лавров, но пропитания. Все они, встречая повсюду вооруженных крестьян, пики донцов и штыки русских солдат, принуждены были с горестным стоном возвращаться назад и ожидать решения судьбы своей на тлеющем пепле столицы.

Но совсем противное сему было в Тарутине. Войска наши, огражденные окопами, видя себя усиленными через ежедневно прибывающие подкрепления и чувствуя успокоение после продолжительного отдыха, час от часу становились бодрее и довольнее положением своим. Какое-то тайное предчувствие, уверяя всех и каждого, что Россия не увидит неприятеля за Нарою, возрождало прелестнейшие надежды о свободе Отечества. Радость заступила место грусти; веселые песни раздавались в полках. Вскоре открылись обильные рынки. Окрестные поселяне во множестве привозили хлеб, овощи и плоды; маркитанты торговали винами и прочими припасами; солдаты и казаки продавали лошадей и множество дорогих вещей, отнятых у неприятеля. Простые соломенные шалаши час от часу становились обширнее, покойнее. Некоторые из них имели в себе даже камин и все прочие выгоды комнат. Словом, укрепленные высоты Тарутина среди веселых отзывов музыки и пения, освещенные необозримыми рядами вечерних огней, представляли вид не простого воинского стана, но некоего великолепного города.

НАПОЛЕОН, ОБМАНУТЫЙ В МЕЧТАХ СВОИХ

Как жестоко обманулся честолюбивейший из полководцев в дерзких мечтаниях своих! Ему казалось, что он все предусмотрел, все предуготовил к успеху исполинского предприятия своего.

Уже язык французский слышен стал во всех пределах и во всех состояниях России; уже вместе с ним водвори-

лись повсюду обычаи и нравы французские, вредной роскошью и развратом сопровождаемые. Французы взяли полный верх над умами; для них отворялись палаты и сердца дворянства.

Французам вверено было драгоценнейшее сокровище в государстве — воспитание юношества. И французы, обращая все сие во зло для нас, извлекали из всего возможнейшую пользу для себя. Наполеон не прежде решился идти в Россию, пока не имел там тысячи глаз, вместо него смотревших; тысячи уст, наполнявших ее молвой о славе, непобедимости и мудрости его; тысячи ушей, подслушавших за него в палатах, дворцах, в домашних разговорах, в кругах семейственных и на площадях народных. Таким-то образом, подрывая коренные свойства народа, заражая нравы, ослепляя умы, соблазняя сердца лестью и золотом, одерживал он заранее победы в сей тайной, но всех других опаснейшей войне.

Одно только обстоятельство, сделавшееся впоследствии чрезвычайно важным, упущено было им из вида. Легкомыслие скрытых врагов отечества нашего с древнего времени взирало с презрением на состояние земледельцев или крестьян, составляющих самую большую часть народа России. Французы думали, что люди эти, будто бы удрученные ярмом рабства, при первой возможности готовы будут восстать против всех законных властей, и что пламя бунта столь же легко разольется по России, как пламя сжигаемых ими селений и городов.

Но сии-то люди, казавшиеся им ничтожными в скромной простоте своей, явили себя истинными героями сего времени. Вера, верность и любовь к родине составили многочисленные ополчения и вооружили их непреодолимой твердостью. Нет ничего полезнее для государства и ничего ужаснее для врагов его, как восстание целого народа.

Французы пренебрегали дух народный, в бездействии дремавший. Но пробуждение его было пробуждением уснувшего льва. Одни и те же причины в то же самое время производили одинакие действия в России и в Испании. Наблюдатель превратностей в судьбе царств и народов с любопытством будет смотреть на сию эпоху времени, ибо прежде воевал Наполеон только с государствами, теперь народы вступили за государей. Он воюет с народами и чувствует уже тяготу этой священной войны, в которой миллионы готовы пролить свою кровь для спасения свобо-

ды, олтарей, престолов и древних своих прав. Но обратимся к Тарутину. Уже наступил октябрь месяц, а погода была еще ясная и дни довольно теплые. Скоро, однако ж, скоро все должно перемениться; и что будет с завоевателями России, когда они узнают суровость ее зимы? Скоро нестерпимый холод разольется в воздухе; скоро завоют осенние ветры, надвинут темные тучи, земля покроется снегами, и лютые морозы русские ополчатся на землю свою..

ПРИБЫТИЕ 20 000 ДОНСКИХ ВОЙСК К ТАРУТИНУ

В сие время, между прочими ополчениями, прибыли в Тарутино 20 казачьих донских полков. Войска эти составлены были из престарелых казаков, выслуживших уже срочное время, и молодых людей, еще не достигших зрелости лет. Они двинулись с берегов Тихого Дона по предварительному зову своего атамана и внезапным прибытием много обрадовали самого Светлейшего Князя, который о воззвании ничего дотоле не ведал. Приятно было видеть ополчения сил, в рядах которых бодрые юноши являлись между воинами, заслугами, ранами и сединами украшенными. Отцы встречали тут детей, и даже внуки находили дедов. Целые семейства переселились с Дона на поле брани. Прибытие их сделалось тотчас известным и страшным неприятелю. Армия французская увидела себя, так сказать, осыпанной многочисленными роями конницы, которая, с быстротою ветра носясь вокруг ее, смерть и страх повсюду рассеивала.

КАРТИНА ФРАНЦУЗСКИХ БИВАКОВ ПОСЛЕ СРАЖЕНИЯ 6 ОКТЯБРЯ

Войска наши неослабно преследовали неприятеля, забирая на биваках его множество повозок, награбленными корыстями навьюченных. Несколько церквей, бывших в руках неприятеля, представляли разительный вид поруганной святыни. Престолы были разрушены, иконы ниспровергнуты, в олтарях спали солдаты, а на помосте храмов стояли лошади, наполняя ржанием своим те священные стены, в которых раздавалось дотоле одно благого-

вейное пение в честь божеству. Лики святых употреблены на построение шалашей.

Ужасно опустелые места, где гнездились сии поборники злочестия, представляли самую мрачную картину опозоренного человечества и все ужасы дикой пещеры разбойников.

В одном месте лежали груды тлеющих трупов французских, погребения неудостоенных; в другом разбросанные церковные утвари, изломанные оклады с образов; далее скелеты издохших лошадей, которых мясо съедалось голодными завоевателями. Предметы, пышную роскошь и крайнюю бедность представляющие, вместе тут глазам являлись. Целые головы сахару, вина и прочие лакомства брошены были подле жареного конского мяса и пареной ржи. Богатые одежды, зеркала, бронзы, обрызганные кровью, члены человеческие валялись вместе с членами убитых скотов.

Множество больных, всякого призрения лишенных, разбросанные по полям, бледные, обезображенные, умирали в мучительных терзаниях совести, наполняя воздух стоном и проклятиями.

Между сими несчастными жертвами честолюбия было много женщин и малых детей.

Невинные младенцы, не находя пищи в груди мертвых матерей своих, с жалостным воплем умирали на охладевших телах.

ОСТАВЛЕНИЕ ВЫСОТ ТАРУТИНСКИХ

Итак, укрепленные высоты Тарутина остались необагреными кровью! Да пребудут по позднейших времен сии твердыни, заслонившие сердце России, знаменитым памятником ее спасения и вместе священнейшим мавзолеем для всех, великий подвиг сей совершавших!.. Да не коснется их разрушение от руки человеков, доколе тяжелые стоны лет и столетий, медленно переходящих в вечность, не изгладят их. Когда мирный землепашец поздних времен, возделывая нивы на тихих берегах Нары, с благоговейным содроганием взирать будет на сии громады древних лет: пусть каждый просвещенный отец семейства с восторгом указывает их питомцам своим; пусть, раскрыв книгу бытописаний, напоминает им о днях мрака, бурь и тревожностей, когда дым, пламень и кровь покры-

вали землю русскую, когда скорбь, рыдания и смерть были общим, круговым горем. Пусть напоминает им о днях неслыханных битв, повсеместных ополчений и великих пожертвований. Пусть, с сердечным умплением, указывает опять эти же высоты, как места священные, где занялась первая заря свободы плененного отечества, где первый луч надежды, посланник небес, осветил сердца вернейших сынов России; где первое ура! известило бегство неприятелей и первая улыбка радости блеснула на лице полков. Пусть, наконец, представит им, сколь велик бог, спаситель земли нашей, сколь тверд был государь ее, сколь мужествен народ, сколь мудры полководцы и сколь храбры войска, истребившие неисчислимых врагов!..

ВИД МАЛОГО ЯРОСЛАВЦА ПОСЛЕ БОЯ

Малый Ярославец, занятый войсками генерала Милорадовича, представил глазам их позорище, еще ужаснейшее того, которое видимо было на биваках французских после сражения 6 числа.

Улицы, кровью политые, усеяны обезображенными трупами. Сотни французских раненых, умерших и умирающих, раздавлены и по членам раздроблены проездом собственных их пушек. Все церкви ограблены и поруганы. На одной из них читали надпись: конюшня генерала Гильен.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ НЕПРИЯТЕЛЯ КОСВЕННЫМ (ФЛАНГОВЫМ) ПОХОДОМ И ТРУДНОСТИ ОНОГО

Быстрота и неутомимость необходимы были для достижения неприятеля. Для сего должно было забыть о пище, отдыхе и сне.

Генерал Милорадович, разезжая перед войсками, ободрял их примером и речами, напоминая всем и каждому прежние походы с Суворовым, трудные пути Альпийских гор, поощряя через то преодолевать всякое препятствие, забывать всякую нужду, помня только о единой славе и свободе отечества. Такие увещания не были напрасны; солдаты с удовольствием внимали им — и темные осенние ночи, влажные студеные туманы, скользкие

проселочные дороги, томительный голод и большие переходы не могли остановить рвение войск, кипевших желанием настичь бегущего врага. Солдаты наши дышали мщением; но мщение становится страстью благородной и похвальной, когда оно имеет целью обиды отечества. Притом и сладкая надежда о скором возвращении прежней славы немало подкрепляла передовые войска среди неописанных трудов их.

ОКОНЧАНИЕ БОЛЬШОГО СРАЖЕНИЯ ПРИ ВЯЗЬМЕ, ОКТЯБРЯ 22 ДНЯ

Уже город Вязьма в виду; неприятель беспрестанно тесним и поражаем на пространстве 15-ти верст. Кровопролитное сражение решается в пользу нашу. Победа явно к нам благосклонна... Пушки наши во множестве гремят. Войска наполняют воздух восклицаниями: ура! — и толпы неприятеля бегут... Но день меркнет, и темная осенняя ночь готова скрыть бегущих.

Победители сетуют, для чего нет власти, могущей сказать солнцу: стой! Но краткость времени замедляется быстротой: 11 и 26 отделение войск под начальством генерал-майора Паскевича и Чоглокова вместе с Белозерским полком, сомкнув строи свои, стремятся выбить запершегося в городе неприятеля. Перновский пехотный полк, впереди всех стоявший, с распущенными знаменами и барабанным боем первый врывается в город, очистив по трупам неприятельским путь других. С другой стороны генерал Милорадович сам с некоторыми генералами вводит все полки конницы в объятый пламенем город Вязьму.

Неприятель стреляет еще из домов; разбросанные бомбы и гранаты с громом разряжаются в пожаре; горящие здания упадают, пылающие бревна с треском катятся по улицам; но ничто не сильно остановить ревности войск и мужества начальников.

Неприятель прогнан — и еще один отечественный город, в котором имел он твердое намерение держаться и который в неистовстве своем стремился обратить в пепел, вырван из хищных его рук.

ПОРАЖЕНИЕ НЕЯ ПРИ КРАСНОМ, НОЯБРЯ 6 ДНЯ

6 ноября поутру получает генерал Милорадович известие, что маршал Ней с 30 000, закрывая отступление французской армии из Смоленска к Красному, показался перед сим последним городом. Желая нанести чувствительнейший удар неприятелю, его высокопревосходительство не удовольствовался беспокоить его только со стороны, но отрезал ему совершенно путь, став твердой ногой на дороге и расположа войска по обеим сторонам оной. Войска генерал-лейтенанта Раевского стали по правую сторону; князя Голицына — по левую; князя Долгорукого 2 на самой дороге; генерал-лейтенант Уваров начальствовал конницею, устроенной за пехотой. Глубокий ров простирался перед всей нашей линией. Генерал-майор барон Корф с кавалерийским корпусом сильно беспокоил неприятеля с тыла.

Таково было положение маршала Нея. Может быть, в первый еще раз в жизни своей, исполненный громкой воинской славы, видел он себя в столь тесных обстоятельствах. Тут не было середины. Должно положить оружие и лавры многих лет к ногам победителей или найти славную смерть в отчаянном сражении. Нетрудно угадать, что маршал Ней решается на последнее. Построя в густые колонны многочисленное войско свое, он поощряет его примером и речью. «Неприятели,— говорит он,— теснят нас с тылу; Наполеон ожидает впереди. Сии толпы русских, дерзающие представиться глазам вашим, тот час рассеются, исчезнут, побегут, коль скоро вы решитесь ударить на них с мужеством, французам свойственным. Не взирайте на гром неприятельских пушек: они страшны только для малодушных. Победим русских их же орудием — штыками. Друзья, я вижу мановение победоносной длани императора нашего, зовущего нас на соединение с ним. Французы! Смерть и плен позади вас; Наполеон и слава впереди; маршал Ней с вами; вперед!!!»

Генерал же Милорадович, покрывший уже себя блистательнейшею славою в течение трех предшествовавших дней, в самое это время среди смерти и ужасов сражения спокойно занимался обозрением мест и, проезжая мимо полков, по обыкновению своему, ласково с солдатами разговаривал. Войска кричали ему ура!..

Генерал, твердо уверенный в победе, благодарил полки

за приветствие, тем из них, которые наиболее отличили себя славными подвигами, дарил заранее выступавшие из лесов колонны неприятельские. Такие подарки принимаемы были с новым восторгом и новыми восклицаниями ура! Твердая уверенность вождя в победе мгновенно сообщалась войску; оно кипело мужеством и ожидало только знака к нападению. Все это происходило под страшным громом наших пушек, при взаимном действии неприятельских, в лесах укрытых.

Между тем и маршал Ней войска свои, речью его ободренные, течением теснимые и пробиться надеждой подкрепленные, при громком барабанном бое и веющих знаменах, ведет четырьмя большими колоннами с артиллерией во главе оных, невзирая на убийственный огонь всех пушек наших. В грозном виде выступили из густоты тумана войска неприятельские. С приближением их пальба умолкает. Глубокая тишина распространяется по всем линиям, все безмолвствует, ожидая решительного конца. Конец сей должен был доказать, чья пехота первая в свете: французская ли, победами многих лет прославленная и в тот час отчаянием и храбрейшим из полководцев своих предводимая, или российская, столь мужественно ему противувавшая. Генерал от инфантерии Милорадович поручает храброму генералу Паскевичу с 26 дивизией привлечь колеблющуюся победу к знаменам нашим и решить столь важный спор о преимуществе пехоты. Тотчас неустрашимые войска сего генерала, быстро двинувшись навстречу идущим без выстрела, ударяют в штыки. Победоносное ура! гремит в туманах; и прежде нежели отзыв губительного для неприятеля восклицания сего успел наполнить собой все окрестности и возвестить прочим войскам торжество наше, колонны неприятельские были уже поражены, гонимы и в бегстве истребляемы.

Из 4 больших колонн одна на месте положена. Прочие покусились было снова устраиваться за своими пушками; но лейб-гвардии Уланский полк бросился на них, взял пушки со всеми артиллеристами и всю оставшуюся толпу рассеял и побил.

В сие же время приказал генерал Милорадович и князю Голицыну ударить на правое неприятеля крыло; но едва успел он подвинуться вперед, как встретил уже идущие на него новые французские колонны. Павловский гренадерский полк бросается в штыки, бьет и обращает их назад, дивизионный генерал Ланшантен, стараясь остано-

вить бегущих, ранен и взят в плен. Генерал Разу убит. Тут бегство неприятеля становится общим. Но, не видя в оном спасения, 12 000 кладут оружие; а сам маршал Ней, с слабыми только остатками переправясь через Днепр, укрывается от преследования повсюду разосланных за ним отрядов.

Потеря неприятеля в сии дни: убитыми 15 000; в плен взятыми: генералов 2, штаб- и обер-офицеров 285, рядовых 22 000, пушек 56 и чрезмерное количество всякого обоза.

Общий беспорядок и уныние в бегущих остатках французской армии суть важнейшим последствием сих побед.

Тотчас по одержании оных известный статский советник Фукс писал к его императорскому высочеству Константину Павловичу следующее:

«Ваше императорское высочество!

Сейчас входит к фельдмаршалу Михаил Андреевич Милорадович и повергает ему победы свои. Весь корпус генерала Нея истреблен. Его самого ищут. Отягченный лаврами Кутузов бросается в объятия победителя. Сей спешит писать донесения и поручил мне донести вашему императорскому высочеству, что Уланский полк покрыл себя блистательнейшей славой. Счастливым он себя почитает, доставив ему Георгиевские знамена: ибо шеф одного полка великий его благодетель. Счастлив и я, что очевидец опять славы России!»

ПИСЬМА К ДРУГУ

(Извлечения)

Исполняю желание твое, любезный друг! Вот разные статьи и отрывки мои, напечатанные в разных повременных изданиях. Я собрал, однако ж, только те, которые имели счастье обратить на себя особенное внимание просвещенных читателей; прочие могут покойно дремать в глубоком мраке забвения! Но прежде отсылки статей сих к тебе я их пересмотрю: убавлю, добавлю и, сколько время и обстоятельства позволят, обработаю. Я постараюсь притом рассказать тебе, по какому случаю, когда и где написана *какая статья*, и вот что, как я думаю, наполня промежутки, составит некоторую связь между разными *отрывками*.

Вот один из важнейших по содержанию своему: «*О необходимости иметь историю Отечественной 1812 года войны*» — начнем с него.

Частые разговоры о войне Отечественной, о славе имени и оружия русского, о духе народа, о мужестве войск были поводом к рассуждениям о необходимости истории. О подвигах, совершенных за Днепром и Окою, рассуждали мы на берегах Эльбы и Рейна! Слава России гремела в устах чуждых народов, звуки похвал их отзывались в сердцах наших, — но долго ль существует *слава дел*, не запечатленных на *скрижалях истории*? При общем согласии в необходимости оной были, однако, разные толки, как писать *ее*. После рассуждений с просвещенными товарищами размышлял я и сам с собою о важном предмете сем. Много счастливых мыслей приходило мне в часы трудных переходов и при кратковременном отдыхе у полевых огней. Из многих удержал я в памяти только некоторые и, пользуясь быстро мелькавшими минутами досуга, изливал их по временам на бумагу. Вот каким образом составилось *рассуждение*, которое здесь помещаю.

О НЕОБХОДИМОСТИ ИМЕТЬ ИСТОРИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА¹

Скоро, может быть, умолкнут громы брани, обсохнут поля от пролитой крови, истлеют тысячи трупов. Пожженные области начнут возникать из пепла, и раны страждущего человечества уврачуются благодатным целением мира. Война сия пройдет мимо, как гневная туча, метавшая молнии на мирные села. Скоро исчезнет ужас, но вслед за ним пробудится любопытство. Люди захотят узнать все подробности сей единственной брани народов. Всякий мыслящий ум пожелает иметь средства составить полную картину всех необычайных происшествий, мелькавших с блеском молний в густом мраке сего великого периода². Современники, может быть, и будут довольствоваться одними только изустными преданиями и простыми

¹ Начало отрывка сего написано было еще в Силезии до перемирия; окончание же — в Москве, после всеобщего мира.

² Почтенный Александр Иванович Данилевский в письме своем из Германии говорит мне, что он имел случай беседовать со многими учеными мужами в Европе, и все единогласно требуют от русских истории их Отечественной войны.

записками; но потомки, с громким ропотом на беспечность нашу, потребуют истории... «Дайте нам,— скажут они,— ясное понятие о том времени, когда грозные тучи ходили в небесах Европы, когда повсюду гремело оружие и звучали цепи, когда кровь и слезы обливали смятенную землю, когда тряслись престолы и трепетали цари!» Так будут говорить вообще все народы Европы. Но русские захотят особенно иметь живое изображение того времени, когда внезапный гром войны пробудил дух великого народа, когда сей, предпочитая всем благам в мире честь и свободу, с благородным равнодушием смотрел на разорение областей, на пожары городов своих и с беспримерным мужеством пожинал лавры на пепле и снегах своего Отечества. Ужели незабвенные подвиги государя, вождей и народа в сей священной войне умрут для потомства? Нет! Перо *Истории* должно во всей целостности передать их бессмертию.

Одна история торжествует над тленностью и разрушением. Понижает величие держав, меркнет блеск славы, молва звучит и затихает. Роды и поколения людей переходят, как тени, по краткому пути жизни. Что ж остается за ними в мире? — *Дела!* Кто хранит их для позднейших столетий? — История.

О ты, могущая противница времени и случаев, вмещающая деяния всех народов и бытия всех веков, история, уготовь лучшие из скрижалей твоих для изображения славы моего Отечества и подвигов народа русского! Смотри, какую пламенную душу показал народ сей, рожденный в хладных пределах Севера.

Опаленная молниями войны, утомленная трудами, покрытая ранами Европа видимо колебалась над бездной гибели и рабства. Изнеженный потомок древних римлян уже не напевал более песен свободы под ясным небом своей Италии. Стоны рабства раздавались в лавровых лесах ее. Угнетенный германец уныло смотрел на расцветание полей, на красоту градов своих. Он вспоминал о счастье прежней свободы, как вспоминает сирота о ласках нежной матери, уже давно в земле почившей. Один испанец тонул в крови и бился еще на дымящихся развалинах городов под страшным заревом пожаров, опламенивших отечество его. «Что ж сделает русский?» — думали иноплеменники. А русский, послышав шум от Запада текущей бури, восстал и ополчился всею крепостью своих сил.

Быдо на мыслях у врагов наших и то, что русский

сдаст им Отечество свое без бою, но не сбылись мечты сии па деле. Сей-то обман обнаружит пред светом история. Громко посмеется она дерзким расчетам и мечтам врагов наших и достойно похвалит *побуждения*, двигавшие волею и сердцами россиян. Все побуждения сии благородны и священны. Русский ополчался за снега свои — под ними почивают прахи отцов его. Он защищал свои леса — он привык считать их своею колыбелью, украшением своей родины; под мрачною тению сих лесов покойно и весело прожили предки его. Русский с восхищением дышал студеным воздухом зимы и с веселым сердцем встречал лютейшие морозы, ибо морозы сии, ополчаясь вместе с ним за землю его, познобили врагов ее. Русский сражался и умирал у преддверия древних храмов, — он не выдал на поругание святыни, которую почитает и хранит более самой жизни. Иноземцы с униженною покорностию отпирали богатые замки и приветствовали в роскошных палатах вооруженных грабителей Европы; русский бился до смерти на пороге дымной хижины своей. Вот чего не предчувствовали иноземцы, чего не ожидали враги наши! Вот разность в деяниях, происходящая от разности во нравах!

О, народ мужественный, народ знаменитый! Сохрани навеки сию чистоту во нравах, сие величие в духе, сию жаркую любовь ко хладной родине своей: будь вечно русским! Прейдут веки и не умалят славы твоей, и поздние цари возгордятся твоею преданностию, похвалятся твоею верностию и, при новом ополчении народов всей земли, обопрут на твердость твою, как на стену, ничем не оборимую! Но да не утратится ни единая черта из великих подвигов твоих! Я трепещу в приятном восторге, воображая, сколь прекрасны дела твои и в какое восхищение приведены будут поздние потомки описанием оных!

Так! Нам необходима *История Отечественной войны*. Чем более о сем думаю, тем более утверждаюсь в мысли моей. Но сочинитель истории сей должен иметь все *способности* и все *способы*, приличные великому предприятию изобразить потомству столь беспримерную борьбу свободы с насилием, веры с безверием, добродетели с пороком. Сочинитель истории Отечественной войны не станет углубляться в сокровенность задолго предшествовавших ей обстоятельств. Деяния современные взвешиваются потомством. Современник, невольно покоренный собственным и чуждым страстям, колеблясь между страхом и надеждою, не может быть беспристрастным судьей. Одно

время поднимает завесу непроницаемости, за которую таились все действия, предприятия и намерения дворов европейских. Происшествия спеют, и только в полной зрелости своей очевидны становятся. Люди поздних столетий яснее нас будут видеть наше время¹. Они увидят страсти государей и министров, их мнения, надежды, сношения одного с другим и роковую связь всех вместе с тем, который железною десницею, по дерзкой воле страстей своих, управлял ими и судьбами их народов. Важнейшие из предшествовавших войне обстоятельств представит нам сочинитель в отдаленной картине. Так, например, на левом берегу Немана покажет он издали грозного вождя вооруженных народов, сего сына счастья, сие страшное орудие непостижимых судеб, гордо опершегося на целый миллион *воспитанных войною*. Он покажет, как сей *черный дух*, заслонясь темным облаком тайны, исполинские замыслы, на пагубу Отечества нашего, в дерзком уме своем вращает. Подробнейшие описания начнутся со дня вторжения. Не распространяясь о том, какие должен иметь сочинитель *способы*, скажем только, кто он должен быть. Сочинитель истории 1812 года должен быть *воин, самовидец* и, всего более, должен быть он *русский*. Си-то три предложения следует доказать. Постараемся².

Он должен быть воин, сказал я, потому что будет писать историю войны. Это очень естественно. Притом, как воин, будет он с тем же бесстрашием, с каким встречал тысячи смертей в боях, говорить истину потомству. Лесть, сия жительница позлащенных чертогов, страшится гремящих бранию полей. Воин не имеет времени свыкнуться с нею.

Сочинитель должен быть *самовидец*. Один только историк-самовидец может описать каждое воинское действие столь живыми красками, так справедливо и так обстоятельно, чтоб читатель видел ясно, как пред собственными глазами, стройный ряд *предшествовавших обстоятельств*

¹ Мы теперь, например, лучше и обстоятельнее знаем, отколе пришли татары и кто они таковы. Предки наши просто начинали летописи свои о их нашествиях: «И прииде язык некий, от страп неведомых».

² Может быть, современники и не найдут между собою человека, способного написать им общую историю всей войны, но сочинители частных записок должны, как мне кажется, иметь те же три качества, или, по крайней мере, быть очевидцами и русскими, чтоб верно и усердно сделать свои частные начертания, которые потом сольются в общий состав истории.

каждого сражения, видел бы самое сражение, так сказать, пылающее на бумаге, со всеми отличительными и только ему одному свойственными обстоятельствами, и видел бы потом родившиеся из оногo последствия, протягивающиеся в виде неразрывной цепи от события к событию. Сочинитель постарается возвести до высшей степени любопытство читателя, приучить его участвовать во всех происшествиях, как в собственных делах, и тесно сдружить с описанием своим. Но как успеть в сем? Описывать происшествия точно в таком порядке, как их видел, соблюдая в ходе всех дел самую точную постепенность, а в объяснении простоту и истину. Историк должен быть вернейшим живописцем своего времени. Но при описании происшествий надлежит быть и жизнеописанию людей, наиболее участвовавших в оных. Само беспристрастие должно водить в сем случае пером историка-живописца. Однако, чем беспристрастнее и вернее таковые изображения, тем тщательнее сокрывают их от современников, а блюдут для потомков. Нет человека без слабостей, а слабости, обнаруженные прежде времени, возбуждают слишком громкий ропот страстей и вопли предрассудков. Одному только позднему потомству может вверить историк тайные наблюдения свои над современными ему людьми, и потомство приведет уже в истинную меру достоинства и заслуги тех, которые, окружены будучи блеском богатств и честей и шумом лживой молвы, никогда не являются в настоящем виде толпе предубежденных. Исполненный чести и благородства историк (таков он должен быть), свято уважая спокойствие общества и каждого лица, не захочет поссорить вас с современниками. Когда ж смерть отнимет вас у Отечества, когда все современное вам поколение превратится в глыбы земли, когда уже некому будет ни краснеть, ни заступаться за вас, когда и сам неусыпный страж поступков ваших истлеет в скромной могиле своей,— тогда новые, ни лестью, ни порицанием не ослепленные люди, развернув таинственный свиток, заключающий все малейшие оттенки добродетелей и пороков ваших, узнают то, чего не ведали мы, и тогда только каждому из вас назначится приличное и никогда уже не изменное место в бытописаниях времен. Но, соблюдая многие страницы истории своей для потомства, какие ж позволит историк прочесть современникам? Те, в которых заключается *общее* и самое верное изображение важнейших событий, из которых всякий из нас какое-нибудь в особенности заметил, но кото-

рые один только он вполне и совокупно представить может. Для верности сей *общей картины* необходимо уменьше ловить и беречь *подробности*, — они-то, как ртуть, скользят в ту минуту, когда их хватаешь! Догадливый историк знает, о каких подробностях я намекаю. Одна *свеча*, на *месте поставленная*, освещает целую комнату; одна *черта*, счастливо замеченная и удачно помещенная, проясняет целое происшествие. Накануне сражения сочинитель, обойдя стан свой, должен сводить читателя и в стан неприятельский, показать ему расположение войск и расположение духа их. Оба они должны прилежно вслушиваться, что говорят простые воины у полевых огней, что шепчут генералы в шатрах своих и какие речи раздаются в темноте ночной или на утренней заре пред боем из уст главных предводителей войск. Тогда видно будет, прозорливое ль благоразумие или слепое счастье, дерзкая ль самонадеянность или кроткая вера и надежда в военных советах предселят и решительную волею вождей управляют.

А *более всего* должен быть он русским. Так сказал я выше и смею утверждать, что историк Отечественной войны должен быть русским по рождению, поступкам, воспитанию, делам и душе. Чужеземец со всею доброю волею не может так хорошо знать историю русскую, так упоиться духом великих предков россиян, так дорого ценить знаменитые деяния протекших и так живо чувствовать обиды и восхищаться славою времен настоящих!

Чужеземец невольно будет уклоняться к тому, с чемзнакомился с самых ранних лет: к истории римлян, греков и своего отечества. Он невольно не отдаст должной справедливости *победителям Мамаю, завоевателям Казани*, воеводам и боярам русской земли, которые жили и умерли на бессменной страже своего Отечества. Говоря о величии России, иноземец, родившийся в каком-либо из тесных царств Европы, невольно будет прилагать ко всему свой *уменьшенный размер*. Невольно не вспомнит он, на сколь великом пространстве шара земного опочивает могущественная Россия. Вся угрюмость Севера и все прелести Юга заключены в пределах ее. Обширные моря на ее великом протяжении кажутся озерами. Ее столицы суть области, ее области — царства! Русский историк, описав, как должно, войну 1812 года, преисполнит чуждые народы благоговейным почтением к великому Отечеству нашему, показав, как оно, заслонясь сынами своими, удержало место свое на лице земном в те дни ужаса и разрушений, когда все

бури брани и все оружие Европы стремилось столкнуть его в небытие. Тогда исчезнут, конечно, все полубаснословные рассказы, впрочем, во многих отношениях достойного уважения, Лабома, ниспровергнутся кривые толки Саразеня и сами собою уничтожатся некоторые несправедливые о нас понятия Вентурини. Сей последний, писавши, равно как и два первых, о войне 1812 года, хотя и отдает полную справедливость мужеству русских, но по какому-то странному предубеждению довольно ясно намекает, что они не имели должного понятия ни о славе и свободе Отечества, ни о святости прав народных, а сражались по слепому порыву, как дикие за свой *юрты!*

Подобным заключениям и толкам иноземцев, конечно, не будет конца, доколе русский не покажет свету величия и славы своего Отечества в верной и блистательной *картине исторической*. «Всякий писатель российской истории (говорит Великая Екатерина в письме к его превосходительству Н. С. Мордвинову) должен иметь одну цель, одно намерение, один общий подвиг, чтоб представить величие и славу России». Кто ж лучше русского историка изобразит нам, как Россия, посыпанная пеплом истлевших городов, среди разбитых стен и дымящихся развалин восстала в чудесной необходимости своих сил? Кто лучше изобразит пробуждение народного духа, дремавшего под покровом двух мирных столетий, и представит, как русский народ *облекался во крепость свою*, пламенея усердием к царю и Отечеству? Каких пожертвований не сделано было? Курились города, исчезали села, пустели чертоги, посохи превращались в копыя, серпы и комы — в мечи. И наконец, кто лучше русского, испытавшего столько превратностей в столь короткое время, признает *священный промысл* существа, все движущего и всем управляющего во вселенной своей? Русский историк не опустит ни одной черты касательно *свойств народа и духа времени*. Он не просмотрит ни предвещаний, ни признаков, ни самых догадок о случившихся несчастьях. И тогда-то в описании его увидим мы, как наяву и будто в сию самую минуту, как постепенно унывает Отечество наше, как слышатся отдаленные стоны громов находящей тучи, как дивные знамения в небесах являются, как растекается тайный шепот предчувствия о будущем великом горе и цепенеют сердца людей среди мнимого спокойствия.

То же перо, которое опишет начало народных бедствий, изобразит и счастливейшее заключение кровавого по-

зорища, когда бог наш вступился за обиды земли своей, за разоренные храмы, за опозоренные алтари. Тогда увидим мы ясно в сей новой и необычайной картине неслыханное бегство тьмочисленных врагов по оледенелым пустыням, увидим, как гневное небо дышит на них бурями и всеми видимая десница всевышнего ужасным мечом своим своим жинает тысячи буйных глав. Мы увидим, наконец, победоносные воинства наши сквозь чашу дремучих лесов, сквозь тесноту диких ущелий, среди истлевших селений и догорающих городов, по снегам и трупам враждебных тысяч достигающие берегов Немана.

Таким образом, определили мы, кажется, главные черты, которыми должны ограничиваться обязанности сочинителя, и расположение его сочинения. Сего требовал *ум*. Но теперь *сердце* подает голос свой. «Ты русский! — говорит оно историку. — Ты должен сделать, чтобы писания твои услаждали и приводили в восторг все сердца твоих соотчичей»¹. Как же успеть в сем? Русское сердце знает о том, Русский историк! Ты видел великое торжество любви к Отечеству, видел ты древних старцев, стонавших под бременем лет и недугов, вдруг оживотворенных и подъявших меч защиты! Не видал ли ты нежных матерей, отторгавших от сердца своего ни опытом еще, ни силами не зрелых единокровных сынов своих и посылавших оных, как обреченные жертвы, Отечеству, в пламенеющие бури браней, на тяжкую истому и неслыханные труды? Не сих ли самых юношей видел ты летевших в кровавую сечу с неустрашимостью мужей и увядавших на прекрасной заре дней своих в гремящих бурях войны? Кому утешать сетующих отцов, неутешенных матерей, рыдающих жен и невест? Тебе, русский историк, предложит священный подвиг сей: ты должен оживотворить для потомства тех, которые пострадали смертью за Отечество! Твоя история должна вмещать в себе подвиги великих и малых, как ясное зеркало вод величественные древа и скромные кустарники, на берегах его растущие, равно и в себе изображает. Да

¹ Мне кажется, что всякий, читавший великих историков, конечно, согласится, что бессмертные писания их, кроме того, что удовлетворяют вполне любопытству, приводят в восторг и умиление души и сердца. «Когда Геродот читал свою историю на Олимпийских играх, тогда все несчетное множество греческих народов в глубоком молчании упивалось слушанием, и гром плесканий узенчивал оное». Вот что говорит о действии истории на людей чувствительных один из лучших писателей наших, по душе и слогу, покойный Мих. Ник. Муравьев.

будет книга твоя памятною книгою усопших на полях битв. Возьми в пример летописателей прежних веков. Не все ли деяния отечественных героев передавали они, как святыню, позднешему потомству? Так! Вы не умерли, мужи, падшие на полях задонских; не исчезла память ваша, витязи, окропившие кровию своею пустыни аркские! Великие тени ваши не сетуют о забвении: вы живете в сердцах истинных россиян!

Но скажут: как поместить все мелкие черты, все частные подвиги в истории, имеющей в виду столько великих происшествий, касающихся судьбы царств и народов? Пойдите сему у Иоанна Миллера. Описывая важнейшие события в истории своего народа, чудесные превращения в судьбах его и рисуя величественные картины швейцарской природы, он не забывает упомянуть, кто именно был первый житель какой долины, кто провел первую борозду на скатах холмов ее и кто развел в ней виноградные лозы. Самый пламенный юноша не может описывать с таким страстным жаром прелестей невесты своей, как Миллер описывал свое Отечество. И вот как должно писать отечественную историю! Так напишется история единственной 1812 года войны. В сем уверяюсь и с удовольствием смотрю в будущее.

Уже я вижу, как проясняется сердце скорбной матери, вижу, как за слезами горести светится в очах ее удовольствие. Она раскрывает книгу и находит *имя* и *подвиг* своего сына, до смерти пострадавшего за Отечество. Какое утешение для благородной души! Ей кажется, что смерть отеклась от прав своих, что раскрывается *могила храброго*, и утешенная тень друга и любимца ее приветствует из блеска нового бытия. Вот награда сердечных потерь отцов, супруг и матерей! А награда историка — благодарные слезы их! Утешьтесь, тени павших на полях Бородинских, в битвах под стенами Смоленска, на берегах Двины, при Тарутине, Малом Ярославце, Вязьме и Красном! Вы, погребенные в дремучих лесах польских, и вы, опочившие под чуждыми снегами в пределах дальних стран! Скоро, скоро пробудит вас глас повествователя, и вы оживете в истории Отечественной войны. Но будь справедлив, историк! Справедливость есть лучшее украшение повествований. Будь справедлив, не забудь еще и о тех страдальцах, которые, принеся все на оltарь Отечества, бежали от мест своего рождения, от гробов отцов своих! Ты видел, как грустно было им расставаться с пределами родины своей;

ты видел, как они, прощаясь с домами, где восприняли жизнь, лобызали, как друзей, и самые бездушные вещи, освященные прикосновением их предков. Ты видел, с каким бескорыстием, оставя богатые села, все недвижимые имущества и древние заведения, взяв только домашние иконы и грудных младенцев, с сердцем, исполненным грусти, среди шума военных бурь и воплей народа, скитались они из края в край смятенной России. Многие сожигали собственные жилища, чтобы не дать в них гнездиться злодеям. И всякий лучше хотел быть *изгнанником*, нежели остаться *заложником*¹. Кто исчислит пользы от сей великодушной решимости дворян? Не забудь их, историк! И утешь претерпевших *великие потери*, но предпочитающих всем сокровищам в мире спасенную ими честь! Не забудь и тех добродушных сынов России, которые в скромной простоте своей, менее всех казавшись опасными врагам, нанесли им, однако ж, незабвенный вред. Сии мирные сыны природы от тишины родных полей, от пения птиц домашних лесов внезапно переступили в шум битв и свист смертей. Оратаи и пастыри сделались воинами. Оросив слезами жен и детей, ограда грудь свою крестом, беспечно и бодро шли они распивать смертную чашу с врагами небывалыми на русской земле. Они бились за веру и царя и устояли в вере и верности. Видели они потом страны иноземные, странствовали по цветущим полям Германии и пировали победы в пределах Франции. Но среди роскошной природы, в благоухающих долинах и зеленеющих садах, не утешались они сиянием чужого солнца и грустно вздыхали о снежной родине своей. Не забудь их, историк!

Напрасно клевета легкомысленных иноплеменников силится уверить свет, будто русские управляются одним *страхом* или *корыстию*, будто слава не есть их единственная цель. Истина, водившая пером древних летописателей наших, явно опровергает клеветы сии. Народ русский, потомок славян, привык жить славою и для славы. Нужны ль примеры? Им нет числа! Там, в отдаленной древности, слышим воевод царя Иоанна Васильевича, говорящих друг другу душевную речь: «Не бессмертными созданы мы от бога. Рано или поздно умрем. Но не стократно ли предпочтительнее славная смерть безвестной жизни? Пойдем,

¹ Мужественная смерть смоленских дворян Энгельгардта, Шубина и прочих будет перлюю отечественной истории.

постраждем смертью за Отечество! Отдадим временное бытие за право жить вечно в *памятных книгах*»¹. И во дни наши, в чудесном походе величайшего из полководцев чрез горы Альпийские, когда воинство наше среди всех ужасов природы, под вечным шумом падающих рек, под гремящим разрушением снежных громад, среди зияющих бездн, терпя истому, голод и стужу, сражалось с препятствиями и врагами, слышим мы последние слова борющегося с смертью юноши к будущему историку его времени: «Не забудь меня в реляции!»² Он сказал и чрез две минуты умер. Сколько подобных сему завещаний сделано усердными россиянами, падшими в 1812 году! Историк, ты их *душеприказчик*: исполни последнюю волю героев бывших, и тогда история твоя родит *героев времен будущих*.

В заключении, кажется, должно сказать что-нибудь и о слоге. Слог в описании событий 1812 года должен быть исполнен важности, силы и ясности. Более всего дорожить надобно собственноручными писаниями и изречениями действовавших лиц в сей войне. Позднему потомку приятно будет видеть всех их вместе, так сказать, в *общей* беседе и слышать их разговаривающих между собою *языком, обстоятельством и времени их приличным*. Слог грека Фукидида, римлянина Тацита и нового Тацита — Иоанна Миллера, без сомнения, послужит образцом. Но отнюдь не должно упускать из вида и древнего славянина Нестора, которого рукою водила сама истина: должно напоить перо и сердце свое умом и духом драгоценнейших остатков древних рукописей наших. Я уверен, что никто из благомыслящих читателей не подумает, чтоб рассуждение мое об истории выдавал я за образец слога, каким писать ее должно. Ясно видно, что слог *повествовательный* весьма отличен от того, каким написано *Рассуждение*, имеющее более вид *речи*, как бы в присутствии некоего собрания слушателей от избытка сердечных чувств произнесенной.

Одно прилежное чтение великих писателей научает слог, одно искусное подражание древним придает совершенство сочинениям новейших времен. Тацит описывает войны германские, мы читаем его спустя несколько веков и забываем о месте и времени. Мы видим мрачные области

¹ Смотри летописец под заглавием: «Царственная книга от 7042 до 7061 году».

² Егор Борисович Фукс описывает случай сей в изданной им «Истории Суворова». Достопамятные слова, означенные мною, произнесены 22-летним поручиком Мещерским.

древней Германии и преселяемся на дикие берега Визургиса и Рейна. Читая о подвигах римлян, невольно сами становимся римлянами. С великим трудом вместе с ними идем *по длинным мостам*, продираясь сквозь чащу дремучих лесов. Нас застигает бурная ночь, окружают неприятели. Берега вод и холмы унизаны множеством пылающих костров, мы слышим шум и бряцанье оружия, дикие крики и песни варваров, — боимся, надеемся и верим гаданиям, снам и предчувствиям. В глазах наших начинается бой. *Длинные копья* торчат из болот; сила стремит, проворство отражает их — первое обладают варвары, второе принадлежит римлянам. Болота зыблются, мосты гремят, кони и всадники падают с шумом, и треск оружия растекается далеко по необъятному пространству пустынных лесов. В пылу самого боя является Арминий, велик, могуч и дикообразен. Мы слышим громкий и сиповатый голос его и видим чудесные усилия храбрости. Но сражение вождей проиграно, варвары рассеяны, и непоколебимейший из них, намазав лицо кровью, чтоб не быть узнанным, бежит лечить раны и острить оружие во мраке неприступных вертепов для нового боя. Напротив того, благородный Германик, привлекая победу к знаменам своим, скидает шлем, чтоб воины лучше видели бодрость и мужество на челе его! Прочитав Тита Ливия, кто не подумает, что он сам был очевидцем того несчастного случая, когда Понтий, полководец Самнитский, завлек и замкнул войско римское в ущелия Кавдийских утесов? А прочитав Фукидиду, я точно могу быть уверен и других уверить, что находился лично в морском сражении афинян с сиракузцами при берегах Сицилии. Я могу рассказать все подробности, описать все обстоятельства. Я знаю, что затмение луны, устранив суеверного Никию, заставило его простоять *трижды девять дней*¹ на месте и опоздать отступлением, которое могло спасти флот и войско. Я могу пересказать от слова до слова все речи Никии и других военачальников; могу описать, как началось и продолжалось сражение, как, когда и какие именно расходились и сцеплялись корабли и что между тем происходило на берегу: какие чувства изображались на лицах и какие таились в сердцах зрителей, и ко всему оному могу исчислить ошибки вождей и описать последствия оных. Вот что можно узнать из несколь-

¹ Древнее суеверие имело особенное уважение к числам *девяти* и *трех*.

ких страниц Фукидида, и вот как писали и как умели сохранять и малейшие подробности великие историки!

Русский историк, подражай им! Но чтоб не затмить мыслей и чувств прямо русских выражениями чужеземными! Историк наш постарается изгнать из писаний своих все слова и даже обороты речей, заимствованные из чуждых наречий. Он не потерпит, чтобы слог его испещрен был полурусскими или вовсе для русских непонятными словами, как то обыкновенно бывает в слоге ведомостей и военных известий. Но спрашивают: где набрать довольно слов, наименований и выражений, объясняющих все разделения строев, все обороты построения и движения войск и проч. и проч. Отвечаем: разве предки наши, славяне и русские, не воевали, разве и прежде не было строев и движений? Нет! — говорит *история*: были войны кровавые, были походы дальние; и прежде умели русские сражаться и побеждать; для новейших построений и оборотов воинских можно и должно сочинить новые наименования. Степенные книги, синопсисы, некоторые книги славянские, разные предания и летописи суть источники, из которых писатель, знающий основательно язык свой, почерпнет речения для составления *русского военного словаря*. Таковая книга была бы подарком для отечественной словесности. Так! Слог истории, о которой мы говорим, должен быть чист, ясен и понятен не для одних ученых, не для одних военных, но для людей всякого состояния, ибо все состояния участвовали в славе войны и в свободе Отечества.

Война 1812 года неоспоримо назваться может *священною*. В ней заключаются примеры всех гражданских и воинских добродетелей. Итак, да будет история сей войны чистейшим *приношением* небесам, лучшим похвальным словом героям, наставницею полководцев, училищем народов и царей. Да узнает в ней любопытный взор отдаленного потомства, как в ясном зеркале, весь ряд чудесных событий, все величие России...

* * *

В конце рассуждения моего об истории упомянул я о необходимости изгнать из русского, особенно *исторического* слога, все иностранные слова и выражения. Я сказал, между прочим, что *русский военный словарь*, объясняющий все так называемые *технические термины* (которые вовсе

для незнающих иностранных языков непонятны); был бы дорогим подарком для словесности отечественной. Один из наших генералов, умеющий мыслить и чувствовать по-русски, предпринял составить со временем столь необходимый, особливо для военно-исторических писаний, словарь. Известясь о намерении его, я изложил мысли мои о сем предмете в особом к нему письме.

ПИСЬМО К ГЕНЕРАЛУ N. N. О ПЕРЕВОДЕ ВОИНСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

К душевному удовольствию всех истинно любящих Отечество, известным сделалось, что Ваше превосходительство намеревается изгнать из *воинского слога* нашего все иностранные слова и *выражения* и подарить словесность нашу важною и полезною книгою: «*Словарем воинских речений*».

Конечно, время уже присоединиться и воинам к мирным защитникам отечественного слова, дабы общими силами освободить язык наш, столь же сильный и величественный, как и сам народ русский, от нашествия иноплеменных наречий.

Во все времена и у всех почти народов слава языка следовала за славою оружия, гремя и возрастая вместе с нею.

Но где во вселенной не говорят теперь о России? И где говорят языком ее?.. Имя Отечества нашего сияет славою немерцающею, а язык его безмолствует!

Уж нет врагов на русской земле!.. Уже истлели кости грозных тысяч, устлавших трупами своими поля от Оки до Немана: мы свободны, мы русские, а говорим не по-русски!.. Начнем писать — и описания единственных в бытиях мира *подвигов* пестрим, засоряем словами, вовсе для русских непонятными.

Издание предприемлемого Вашим превосходительством *воинского словаря* (для объяснения по-русски всех чужеземных слов и выражений в военных писаниях) нанесет, конечно, последний удар уже из всех пределов российской словесности вытесняемой *толпе чужеземных речений*.

Я вижу *шумную толпу* сию, уподобляющуюся в пестроте тем безобразным сонмищам, которых мразное дыхание

снежных бурь и громы оружия российского, разя и стыдя, изгоняли из своего царства.

Уже знатная часть чужезычного наброда в бесприютном шатании своем не знает, где найти покров. В каком постыдном пресмыкании видим мы теперь сих гордых нашельцев на русский край!.. То взводят они очи на чертоги, в которых многие лета пировали господство свое, то вспоминают о неизъяснимой приятности, которою украшались в прелестных устах цветущих красотою русских дев, то, собрав последние силы и призвав на помощь *иноплеменное воспитание*, хотят прodrаться, войти и втиснуться опять в священные пределы языка нашего. Но добрый оногo страж, громом Отечественной войны пробужденный и славою ее увенчанный, *дух русский* стоит на праге¹ с мечом. Он всеми средствами действует вдруг: иных ослепляет блеском здравого рассудка, других поражает перуном справедливого порицания, и многие издыхают на остриях насмешек его. Таково-то теперь положение чужеземных бродяг в прекрасных областях словесности русской...

Однако многие из множества имеют еще дерзкие надежды найти себе приют и углубиться корнем в *цветущем вертограде слова нашего*.

Надежды их ободряются теми иностранными речениями, которые, пользуясь *военною суетою*, закрались, засели и укрепились в большей половине писаний о славе и победах россиян. «Как? — говорят сии темные объяснители блистательных подвигов наших, — могут ли русские обойтись без нас?.. Умели ль они воевать по правилам ратного дела?.. Имели ль понятие о порядке строев?.. Разумели ль искусство воинских движений?» История русская, полная дивных повествований о походах дальних, о битвах кровавых, смеется кривым толкованиям сим. *Древние летописи, степенные книги, синопсисы и хронографы*, раскрываясь, показывают нам слова и выражения, которыми за три и четыре перед сим века описывали военные дела.

Но для лучшего объяснения сказанного мною позвольте мне, Ваше превосходительство, представить образчик нынешнего полуиностранного слога воинских описаний и сделать потом с оногo перевод. Не касаясь новейших происшествий, я отхожу нарочно за 400 лет назад, выбираю некоторые обстоятельства из предшествовавших великому

¹ пороге. (Примеч. ред.)

побоищу Задонскому и военные предприятия и подвиги древних славяно-россов описываю новым наречием, полу-французским.

Вот пример: «Дмитрий, князь Московский, делая *специальные ревиш* каждому корпусу и *генеральный смотр* всей под командою его состоящей *армии* рекомендует служащим под ним¹ князьям и воеводам *организовать массы* свои накануне великой *Задонской баталии*».

Эскиз реляции такого же *штиля*:

«В 6 часов пополудни неприятель учинил форсированную *рекогносцировку* и *аванпосты* россиян. Разъезжавшие впереди *обсервационные детешаменты*, также *патрули*, *ведеты* и *пикеты* русские, не подвергаясь сильнейшему *шоку* неприятеля, в тот же *момент* свернулись в колонну и, *маневрируя* с большим искусством под стрелами *таральеров*, *ретировались* (в *ордер баталии ан эшекье*) к стороне Дона², где все *массы* русские в твердой *центральной позиции* *консантрированы* были. Но вскоре открылось, что неприятель, не предпринимая ничего похожего на *формальную атаку*, сделал *фальшивую демонстрацию* для удобнейшего *обрекогносцирования* *позиции*, занимаемой россиянами. Отважные *партизаны* татарские сближались на выстрел к *фронту*. Но, увидя длинные линии *биваков* и великое множество густых и *тяжелых масс*, проворно ускакали назад, дабы подробно *рапортовать* обо всем *Главкомандующего*³ всею *кавалериею* и *инфантериею* татарскою, великого мурзу Челубея, для официального о том донесения его величеству царю татарских орд *Мамаю*.

Тогда Мамай, сей обширный *гений*⁴, имевший *репутацию* великого генерала в *офансивной* и *дефансивной* войне в искусном вождении великих *операций*, равно как⁵ в составлении блистательных *стратегических планов* кампаний и изобретении *маневров* и *эволюций тактических* — сей самый⁶ Мамай, увидя *вещи в истинном их свете*⁷, во-

¹ Sous lui. (Странный галлицизм! но он употребляется в воинских писаниях наших.)

² Du côté du Don (франц.).

³ По правилам русского языка следовало бы сказать: рапортовать или доносить кому. Не знаю, почему ввелось в обычай говорить: рапортовать кого!

⁴ Ce vaste génie (франц.).

⁵ Ainsi que (франц.).

⁶ Ce tête (франц.).

⁷ Dans leur vrai jour (франц.).

зымел совсем *иную идею о характере и талантах* полководца русского.

Дмитрий же, со своей стороны¹, осмотрев внимательно *фланги и центр своего фронта и сформировав (по генеральной диспозиции) аван- и арьергард, обеспечив себя секурсом, сгустя резервные батальоны в массы, также detaшировав разные партии для разных секретных экспедиций, отнял сим у неприятеля все возможные оказии турнировать или дебордировать деплоированные линии фронта его; а в то же самое время, чувствуя весь авантаж занятой им позиции, решился стать на ней твердою ногою² и, не переменяя дирекции, нажидать на себя атаки неприятельской».*

Не точно ли или не почти ли так пишут у нас теперь военные донесения и пр.? А как писать иначе? — скажут защитники чужесловия. Осмеливаюсь представить опыт перевода с полурусского на *настоящий русский*.

По-русски:

«Дмитрий, князь Московский, осматривая каждое ополчение порознь и все рати вместе, увещевает князей и воевод, пришедших служить под знаменем Отечества, содержать полки и дружины свои в стройном порядке и сражаться всем вместе и заодно».

Военное донесение

«В 6 часов пополудни неприятель в превосходных силах напал на передовые караулы россиян. Разъезжавшие для наблюдения отряды, сторожевые цепи и прочие находящиеся впереди небольшие отделения войск русских, не ожидая сильнейшего натиска, сомкнулись в общий строй и, употребляя разные воинские обороты, с большим искусством и ловкостью уклонились к Дону, близ которого все российские ополчения на выгоднейших местах расположены были. Но вскоре увидели, что неприятель, не предпринимая ничего похожего на открытое нападение, сделал только ложный поиск для удобнейшего обозрения занимаемой россиянами страны. Отважные наездники татарские гнались до самых полков русских, но, увидя пространный стан и великое воинство, в одном месте сгущенное, быстро обратились назад, дабы донести подробно обо всем виден-

¹ *De son coté (франц.).*

² *De pied ferme (франц.).*

ном ими начальникам конницы и пехоты, а через них и самому царю татарских орд Мамаю.

Тогда Мамай, почитавшийся человеком великого ума и приобретший славу знаменитого полководца как в оборонительной и наступательной войне, так и в управлении большими движениями войск, в составлении искусных предначертаний и в изобретении различных оборотов воинских, — сей Мамай, получив справедливые известия о превосходном ополчении россиян, возымел совсем другие мысли о качествах и достоинстве полководца русского.

Дмитрий же, осмотрев внимательно оба крыла и середину своего воинства, учредя передовое войско в *сторожевой полк* (арьергард), совокупил все запасные дружины вместе и разослал разные отряды по разным сторонам для скрытных наблюдений, чтобы совершенно отнять у неприятеля возможность окружить или обойти распространенные его строи. Сам же между тем, видя себя на крепком и выгодном месте, решился, возложя упование на бога, стоять на одном неуступно и, встретя неприятеля, грудью биться до смерти за честь и свободу русской земли».

Вот перевод. Может быть, он и несовершенно, но, по крайней мере, в нем нет уже ничего для русских непонятного. Восемь французских оборотов, или галлицизмов, и несколько десятков иностранных слов изгнаны из строк, которыми было завладели. Счастливы будем мы все, если вместе со словами успеем изгнать и дух того народа, который, неся меч и цепи, опламенил и окровавил священную землю Отечества нашего!

Но уже занимается заря свободы *словесности и нравственности* нашей.

Скоро услышат верные сыны России, что *выступил, ушел, вырвался, убежал*, как лютей Катилина из древних стен Рима, сей заражавший нас дагубный дух!..

РИГА

Рассматривание любопытных грамот в Риге обновило во мне мысль, которая не раз, особливо в прогулках по старому Киеву, представлялась мне со всею заманчивостию пользы и приятности. Я хочу сказать о составлении путешествия по древней первобытной России. Известная

книга «Путешествие Анахарсиса по Греции» невольно внушает мысль сию. Пусть кто-нибудь представит нам славяно-русского Анахарсиса, путешествующего из края в край еще не разделенной России; пусть нарисует полную картину обрядов языческого богослужения и подле нее выставит другую — картину священную и величественную водворения веры христианской. Пусть опишет, как, подобно благовонным кринам райским, возникали юные храмы бога небесного на смрадных развалинах капищ богов земных. Пусть, переменя слог, представит почетный пир князя Владимира, Солнышка Святославича. Пусть введет нас во светлые гридни княжеские, покажет нам вещей Боянов, могучих богатырей, храбрых витязей и подле, на площади, всю поляницу удалую, черпающую мед из корчаг и забавляющуюся старинными потехами русскими.

Пусть покажет потом Россию разделенную и поведет читателя из одного княжества в другое, от одного двора к другому. Какое разнообразие в законах, обычаях и страстях!

Я воображаю, что, например, в 1185 году, около мая месяца, приезжает он в Новгород Северский, и что находит там? Все княжество в движении; везде бряцает оружие и блещут доспехи; готовятся к делу великому навести полки на землю Половецкую за обиду Русской земли. Уже все готово к бранному пиру; «уже ржут кони за Сулою; звенит слава в Киеве; трубят трубы в Новгороде; веют знамена в Путивле; ждет Игорь милого брата Всеволода» — и Всеволод Трубчевский, Святослав князь Рьльский и Владимир Путивльский спешат соединить войска свои с Игоревым и поискать счастья за синим Доном.

Пусть наш Анахарсис сопутствует Игорю в благородном, отважном, но мало обдуманном предприятии его. Ужасное солнечное затмение, кровопролитнейший двухдневный бой и, наконец, падение знамен Игоревых в земле чуждой, на поле неизвестном, возбудят в читателе множество разнообразных чувств, которые сольются потом в общее чувство умиления и жалости о судьбе пленного героя.

Сопутник его может возвратиться в числе тех 214 человек, которые, пробившись сквозь чащу копий и мечей половецких, одни из целого войска воротились.

Конечно, в «Русском Анахарсисе» не увидим мы обманутой любовником Сафы, летящей со скалы Левдакской;

но увидим одну из русских княгинь, брзающуюся с высокой колокольни в роковую минуту скорби, когда узнает о смерти своего супруга. Мы увидим знаменитейших жен русских, избавляющих себя честною смертью от позорного пленения. Мы услышим стоны любви и грусти нежнейших из супругов. Ефросиния, дочь князя Ярослава Владимировича Галичского, нежная, верная супруга отважного Игоря, горько сетует в разлуке с милым сердцу героем. Покой и радости удалились от нее с той роковой минуты, когда с верною дружиною неустрашимых воинов полетел он искать битвы и славы на широких полях неизвестных Половецких стран. Для нее осветило солнце счастья, отцвели цветы веселия, все дни ее исполнены были печалью, а ночи — страшными видениями. Бури, шумящие в дремучих лесах, звери, воющие пред страшным днем битвы, птицы вестие, налетающие черными стадами, молодой месяц, померкающий в мутных облаках, грозные половцы, идущие от моря, от Дона и со всех сторон, треск копий и мечей харалужных и шлемы, летящие с главами под ноги коней, — представлялись встревоженному воображению печальной супруги в тишине прекрасных летних ночей. Нескоро увидишь ты друга твоего! — говорил ей тайный голос предчувствия. Напрасно в сладкие минуты забвения простирает она белые руки, чтоб обнять его... пуста и хладна, как могила, половина двойственного ложа ее, которое разделял прежде с нею верный супруг. Он унес с собою полсердца ее!.. Ранним-рано, на утренней заре, в золотые для счастливых супругов часы, покидает она орошенное слезами ложе, страшится унылого одиночества и спешит на высокую стену града Путивля, где с сильным трепетом сердца прилежно смотрит и слушает: не раздастся ли в поле топот коней, не скачет ли гонец с вестью радостной, не блещут ли в тумане брони витязей, не ведет ли бог с войны друга милого!..

Ярославны голос слышится
На стене Путивля города:
«Полечу я,— говорит она,—
По реке Дунаю зегзицей,
Омочу рукав бобровый мой
Во струях Каялы быстрая,
Раны оботру кровавые
Я на теле друга милого!»
Ярославнин голос слышится
На стене Путивля города:
«О ветрила, ветры буйные!
Вы к чему так сильно веете?»

Вы бушуйте средь песков и вод,
Корабли носите по морю, —
Но зачем мое веселие,
Как ковыль-траву развеяли?

Быстротечный и преславный Днепр!
Принеси скорей назад ко мне
Моего супруга милого.
Я бы рано посылать к нему
Перестала слезы по морю!..»

Так изнывала в тоске печальная Ефросиния! Ветры, солнце и Днепр были всегдашними свидетелями грусти злополучной жены: им поверяла она стоны сердца своего. Ей казалось, что и самые бездушные предметы могут понимать и делить с нею скорбь растерзанной души ее. Вот как сетовали русские жены того времени в разлуке с супругами, и могут ли быть сетования печальнее и выражения грусти естественнее? Сочинитель песни о полке Игорева передал нам золотые выражения сии, растворенные слезами любви и нежности.

Захочет ли русский Бартеlemi избрать для нового «Анахарсиса» своего времена позднейшие? Тысячи блестящих событий и любопытнейших предметов представятся перу его. Поля задонские и стены казанские громко беседуют с бессмертием о прежней славе россиян.

Но мне надлежало бы исписать несколько листов, помещая одни только намеки на избранные места истории нашей. Великие деяния, рассеянные в летописях отечественных, блестят, как богатейшие восточные перлы или бразильские алмазы на дне глубоких морей или в ущелии гор. Стоит только собрать и сблизить их, чтоб составить для России ожерелье славы, которому подобное едва ли имели Греция и Рим.

Древнейшие русские летописи, рассеянные по разным рукам, любопытнейшие грамоты и записи, погребенные в архивах древних городов и монастырей, старинные народные предания, песни и стихотворения русские — вот первые источники для исторического путешествия. Книги степенные, хронографы и синопсисы всегда готовы беседовать о древности. Историки византийские и хроники польские не откажут также объяснить некоторые темные места. Исторические труды новейших времен многих почтенных россиян довольно уже известны всем и каждому.

«Сильная надежда есть порука в успехе!» — говорят восточные мудрецы. С такою-то надеждою и еще сильнее-шим любопытством должен обозреть Россию сочинитель нашего «Анахарсиса». Преселенный духом в столетия протекшие, он вслушается в таинственные беседы их и постигнет язык времен. Древние храмы, безмолвные для людей обыкновенных, надгробные тризны, памятники (курганы) и запустелые места давно существовавших городов (теперь называют их городищами) откроют для него уста свои. Нет никакого сомнения, что просвещенный путешественник с наблюдательным духом, проезжая разные области России, отыщет вещи, особенного внимания достойные. Даже вслушиваясь в старинные русские песни и разбирая разные местные наречия, можно найти много любопытного и для нас теперь еще нового...

Ничто не ускользнет от глубоко проникающего взора неусыпной внимательности путешествующего историка, — и он опишет нам все словами старых повестей, не по замыслениям стихотворцев и басносплетателей, но по былинам тех времен. Подвиг трудный, но блистательный!.. Тогда увидим мы в сей любопытнейшей книге, как в очарованном зеркале, гражданские законы, воинское искусство, нравы, обычаи, одежду людей и слог — одежду мыслей их, — все в совершенном приличии месту, случаю и времени. Тогда, конечно, выиграет дух юного россиянина при воззрении на великие доблести и воинскую славу предков. Но каким небесным умилением обольется сердце его, когда он увидит дух чистейшего благочестия, дух нежнейшей кротости, страстной любви к ближнему и неограниченной привязанности к Отечеству в предках наших, которых безрассудным иноплеменникам угодно называть суеверами, невеждами и варварами.

Люди, умевшие сражаться и вести переговоры с просвещенными и хитрыми греками, не могут назваться невеждами. Игорь, не убоившийся ужаснейшего солнечного затмения, не может почестся суевером. «Когда вы, подстрекаемые чуждыми советами, уже непременно хотите идти на нас войною, то мы пойдем против вас не с оружием, а с пресвятою богородицею и поклоном, ибо вы — наши братья; побейте нас всех, если хотите быть беззаконными!» — так говорили жители Пскова новгородцам, вознамерившимся объявить им войну. Это было в начале XIII века. Но новгородцы ужаснулись быть беззаконными, и мир утверждён. И люди, умевшие говорить так просто

истину, и люди, умевшие убеждаться ею, могут ли назваться варварами?

И такой народ разве мог быть непросвещен? Нет! Пусть каждый по-своему толкует о просвещении ума, но предки наши имели истинное просвещение в сердцах. Это неоспоримо.

Мы еще не можем утвердительно сказать и о том, чтобы русские прежних столетий, умевшие уже пользоваться всеми выгодами торговли и сношениями с отдаленными государствами, не сделали и важных успехов в искусствах и художествах. Но войны и разрушения, ходившие по России, истребили и сгладили многие памятники времен. Отверстия, или голосники, примечаемые в древних стенах Успенского собора в Киеве, и множество больших, особого вида и рода глиняных сосудов, найденных в пустоте стен при починке оных, ясно доказывают, что строитель храма сего имел уже понятие об одном из важнейших таинств зодчества — увеличивать и вторить голос посредством эллиптических сводов. А искусная кисть, изобразившая с редким совершенством множество лиц в алтаре Софийского собора в Новгороде, не доказывает ли, что она принадлежала превосходному живописцу того времени? Но сколько можно найти еще и других важнейших доказательств!..

И как приятно б было увидеть историю славы, добродетелей и ума предков наших в блестящем ряду таких картин, какие умело рисовать перо бессмертного Бартеlemi!

Вот избыток чувств, излившихся в несвязных выражениях! Вот мечта, которую могут осуществить почтенные писатели русские, имеющие проницательный ум, хорошее знакомство с древностию, покровительство осыпанных дарами счастья любителей отечественной славы, надежные способы к жизни и досуг!..

МЫСЛИ ¹

Зависть и благородное соревнование, как два человека, сходные лицом, голосом, поступью — словом, всеми наружными приметам, но совершенно различными свойст-

¹ Мысли сии помещены здесь совершенно без всякого порядка, ибо записаны были в разные времена и в разных обстоятельствах

вами сердца. В шуму светском и во мраке страстей часто принимают одно за другое. Что же открывает между ними разницу? — Действие их. — *Соревнование*, видя *достоинство*, восходящее по *лестнице*, им самим сооруженной, старается устроить подобную и себе, чтоб достигнуть той же высоты. *Зависть*, напротив, ползет и подгрызает ступени, по которым всходит достоинство. — «Пусть я и никогда не возвышусь (говорит всегда *зависть*), да лишь бы оно упало!»

*

Сердце человеческое подобно светлomu ключевому потоку, на дне которого таится густой ил. Не мути илу, поток будет всегда чист; не волнуй страстей, и сердце будет покойно, и жизнь тиха и счастлива.

*

Дразнить страсти — то же, что пробуждать дремлющих змей. Человек в мире, как воин в осажденной крепости. Страсти собственные — его домашние враги; страсти чуждые — неприятели посторонние. Нередко те и другие входят в тайные против него заговоры. Случаи, обстоятельства и разврат его века — все враждует против него. Одна оборона его — добрые нравы.

Бедствия в жизни, как неприятели в день битвы, никогда не наступают поодиночке.

*

Наслаждаться досугом и предаваться слепо праздности — то же, что *купаться и топить себя!*

*

Пусть всякий порок вдруг станет марать, как сажа, и получит отвратительный запах: вы увидите, что в некоторых так называемых *блестящих обществах*, несмотря на множество цветов и благоуханий, нельзя будет пробыть минуты, не зажав крепко носа и не выпачкав платья.

жизни. Знаю, что для выражения подобных мыслей потребуется отлично обработанный слог, но ни в сем, ни в других отрывках, помещенных в Письме к другу, я не мог выполнить усердного желания моего, изъясненного в 1 части на 1 странице, ибо вовсе не имел свободного времени.

*

Пороки имеют какую-то клейкость; оттого пороки вечно один к другому липнут. Они всегда вместе, заодно. Подойди близко к толпе их, пристанешь и не скоро отклеишься.

*

Вздорный человек, как колючий репейник при дороге: идешь мимо и не увидишь как прицепится!..

*

Насмешник похож на ежа: он колет даже и тогда, когда его ласкают.

*

Злые люди, как пчелы: рады умереть, только б ужалить!

*

Чем больше на кого ополчатся зависть и клевета, тем больше должно предполагать в нем достоинства. Это такая неоспоримая истина, что вместо того, чтобы спрашивать, имеет ли он истинные дарования, довольно спросить: имеет ли он завистников?

Никто столько не сделал перемен в Европе, как Наполеон и мода.

*

Спросите у человека, стоящего на самом верху высокой горы, досадует ли он на *собак*, которые внизу, под горою, так зло на него лают, и боится ли *змей*, которые там же шипят? «Совсем нет! — скажет он, — я не слышу ни лаю, ни *шипения* сих подножных врагов моих: они слишком ниже меня». Такой же ответ дает и *благородное дарование* о тех, которые, пресмыкаясь во прахе, *шипят злобою* или *лают порицанием*, видя его стоящим на высоте.

*

Слыша в детстве от няни, что есть-де люди, которые то *выше леса*, то *ниже травы* бывают, я думал: «Какой вздор!». Но, узнав Фонова в губернии, где у него деревни, поклонники и должники, я видел, что он в самом деле *выше леса*; а встречая его потом в передних у министров и случайных людей, невольно убедился, что он точно *ниже травы*: каких чудес не бывает на свете!

*

Не ободрять дарований значит то же, что не поливать цветов или не снимать со свечей: первые вянут, другие тускнеют, и в комнате становится темнее.

*

Если кто начинает порицать живопись, у него тотчас спрашивают: «А вы, конечно, рисуете?» Рассуждает ли кто о музыке: «Вы, верно, музыкант?» — говорят ему. Почему ж у того, кто пускается в разбор и порицание чьих-либо сочинений, не спрашивают: «Сочиняете ли вы сами и что издали в свет?» Такой вопрос отнял бы у многих право, а может быть, и охоту судить и рядить без смыслу и толку об авторах и сочинениях.

*

Светская молва и пересуды, как волны морские: их приносит и уносит *ветер случайности*.

*

Страсти в человеке, как огнедышащие горы в природе: одни угасают, другие воспламеняются почти без всякой видимой причины.

*

Мечты, как звуки, доставляют минутное удовольствие и исчезают... «Не мешайте мне слушать музыку...» — говорят обыкновенно. «Не мешайте мне мечтать!» — можно бы сказать также. И не должно мешать, если б мечты не разнеживали сердца до того, что, расслабнув, оно уже не способно остановиться наслаждаться существенностью.

*

Общество похоже на многострунный музыкальный инструмент. Очень трудно настраивать, а еще труднее поддерживать строй его. Самая малость может произвести разлад.

*

Сердце человеческое, как *резвое дитя*, всегда должно быть под строгим надзором.

*

Для человека нечестолюбивого, но чувствительного и влюбленного в красоты природы *сияние полной луны* в прекрасный летний вечер приятнее *сияния* всякой *короны*.

*

Что за несчастное творение человек и что за гнусные страсти его! Чуть-чуть посветит ему счастье: они тотчас и зашевелятся, как змеи, пригретые солнцем в болоте. Горе, как мороз, приводит их в оцепенение.

*

Три болезни неизбежны в жизни: *оспа*, *корь* и *любовь*.

*

Некоторые люди, не успев размыслить о важном назначении человека и гражданина, не составив правил для своего поведения и не испытав довольно дарований и способностей своих, ищут *известности*, порываясь занимать важные в государстве места. Их можно сравнить с птенцами, которые, не испытав сил своих и не уверясь еще, созрели ли их крылья, рвутся вон из гнезда. Те и другие вспорхнут, полетят, взовьются — и упадут!..

*

В некоторых годах (обыкновенно, после многих опытов) мы смотрим на жизнь, как на прочитанную книгу.

*

Толпы путников идут, во мраке глубокой ночи, чрез цепи утесистых гор. *Путеуказатели*, нарочно поставленные по сторонам, на высоких скалах с зажженными светильниками, кричат беспрестанно идущим: «Прямо, прямо! по этой *узкой стезе*; та широкая дорога ведет к пропастям, другая к скользким крутизнам. Прямо, прямо! опять повторяем вам». Но упрямые путники, спеша друг перед другом вперед, толпятся то в ту, то в другую сторону и падают в бездонные пропасти. Мир сей — есть гористая область; мрак ночи — мрак страстей и предрассудков; прямая, но узкая стезя — путь к добродетели: следовательно, и к счастью; *путеуказатели* — *рассудок* и *совесть*. Кто ж путники? — Мы, — все мы своевольные, упрямые и бедные люди!.. Много ль слушают мудрых проводников? Зато сколько падающих в бездны!

*

Колумб, по долгом размышлении и после глубоких соображений, постигнул и убедился, что за отдаленными морями, на другой половине шара земного, есть *новый свет*. Воскрыляясь быстрым умом своим, он протекал неизмеримые океаны, парил мыслию под сводами чуждых небес и *умственными очами* видел ясно новые земли, неизвестные дотоле древнему миру. «Гений Колумбов, — сказал Шиллер, — в часы мечтаний великого мужа *обещал* ему новый мир, а что обещает Гений, — говорит тот же писатель, — то всегда находит и оправдывает *опыт*». Таким образом, Невтон и Гугений в тишине кабинетов своих доказали шаровидность Земли. Истину, открытую умозрением их, нашли и подтвердили на опыте Лакондамин и товарищи его измерением градуса и проч. Таким же образом и астроном Кеплер, соображая времена движений планет около Солнца с расстояниями их от оногo, открыл закон *кубиквадратного содержания* между теми и другими. И по сему-то закону тогда же предугнал, что в солнечной системе нашей должны быть еще планеты, которых мы не знали. Что предугадано умозаключением, то отыскано впоследствии наблюдением и доказано опытом.

*

Человек, проживший несколько времени в уединении, не узнает света, не узнает и людей: он привык мечтать об них совсем иначе.

*

Сердце чувствительного человека подобно тем нежным цветам, которые, раскрываясь с первыми лучами солнца, спешат опять свернуться при свежем дыхании вечера. В то же время множество других цветов, в траве около них растущих, не чувствуют никакой перемены. Лед не ломается и от сильных ударов бури, вода струится от легкого дыхания ветерка. Жесткое сердце покойно, когда чувствительное страдает, но зато первое холодно и бесчувственно и в то время, когда последнее наслаждается.

*

Честный гражданин, лишенный своего отечества, умирает с печали, как рыба без воды. Чужой край то же, что чуждая стихия. Многие растения зеленеют и цветут на знойных песках или каменистой почве, в родных своих краях; но перевезены будучи в другие страны, на черной и рыхлой земле, среди роскошных цветников — засыхают.

Так, жизнь под отечественным небом и на родной земле ничем заменена быть не может! Воздух и воды кажутся слаще, солнце и месяц — яснее, зелень свежее и цветы душистее на *родине нашей*. По словам некоторых испытателей природы, магнитная *стрелка* для того обращается к северу, что имеет сродство с большими, находящимися там магнитами: так и сердце каждого верного сына для того должно постоянно стремиться к отечеству своему, что ему там все знакомо, мило и сродно.

*

Свет подобен широкой и неизвестной реке. Желая перейти чрез нее безбедно, будь осторожен: иди тихо и размеряй свои шаги. Раз ступил невпопад — и упал; лишний шаг — и в бездне! Идущий за тобою при *свете благоразумия* увидит опасность, отступит назад и обойдет стороною.

Многие, с зажмуренными глазами, окрыленные дерзостью, летят чрез препоны и бездны: но зато из тысячи таковых едва ли один уцелеет!

*

Удовольствие сердечное так же неразлучно с *добрым делом*, как аромат с розою, а сладкий вкус с *ананасом*.

*

Сострадание приводит все чувственные нервы в приятное содрогание: тело страдает, а душа наслаждается чем? — стремительным желанием благотворить.

*

Честолюбие никогда не дает тех радостей, которые обещает. Это может быть и потому, что оно родит ненасытные желания.

*

Любовь часто стучится в калитку сердечную, но *благо-разумие* не всегда отпирает ее.

*

Кто привык к порывам и стремлениям, для того равнодушие — оковы!

*

Можно подумать, что сердце наше распространяется, когда сильные страсти действуют, потому что тотчас после того, как они утихнут, мы чувствуем *пустоту*. Попробуйте сжать сердце вдруг в прежнюю меру — станет больно и грустно.

*

Отсутствие некоторых страстей похоже на отъезд коротких знакомцев наших, которые гостили долгое время у нас в доме. После тех и других (в сердце и в доме) приметна какая-то пустота, и на хозяина находит томность, как будто у него чего-то недостает.

Испытатели природы замечают повсюду общее во всем стремление к равновесию. Теплота, электрическая сила и прочие тонкие жидкости быстро переходят из одного тела в другое, чтоб находиться в обоих равно. Все то же и в нравственном мире. Умножится ль *побуждение любить*, с которым родятся все люди, в одном человеке, он стремится изливать любовь на всякого и на всех. Он любит животных и любит даже цветы и травы. Окружите его дремучими лесами, бросьте на дикой скале: и там найдет он предметы для любви своей. Не встречая ни одной живой твари, он готов любить камни и деревья не оттого, что предметы сии возбуждали в нем сами собою чувство любви или были достойны оной, но оттого, что избыток чувства сего не может больше меститься в сердце. Излишество любви, в летах юности, подобно брожению молодых напитков, которые рвутся из закупоренных сосудов и брызжут на все окружающее их. Счастлив всякий *ближний* человек, в котором усиливается чувство любви, сто крат счастливее его *друг*; но счастливейшею из смертных бывает *подруга души* его. Чувство любви, во всей полноте своей, пламенным потоком исторгается из сердца юноши и райским блаженством окружает жизнь милого ему существа.

Известно, что природный *слепец*, которому искусство открывает зрение, точно как новорожденный младенец, не имеет никакого понятия о *расстояниях*. Тот и другой протягивают руки к отдаленнейшим предметам, которых призраки мелькают у них пред глазами. *Опыт* научает обоих различать мало-помалу, что близко и что далеко. Точно в таком же положении бывает юноша, вступающий в свет. Он за всем гоняется и ко всему простирает свои желания, полагая, что так же легко все получит, как увидит и пожелает. Вихрь мечтаний кружит его голову, надежда ускоряет биение сердца, пробуждается неумолимая, но беспрочная деятельность, и юность проходит в непрерывном волнении, как беспокойный день. Во *втором томе жизни* или в летах возмужалости движение жизненных духов становится покойнее; опыт научает познавать, что

возможно и что нет, что тень и что существенность, и деятельность хотя становится медленнее, но зато успехи во всем бывают вернее.

*

Союз истинной дружбы должен заключаться между двумя страждущими существами. Благополучные соединяются только приязнию. Для прочной дружбы потребно равенство состояний. Богач хочет иметь у себя друга как некоторую приятную для себя вещь.

*

Кто засеваает ниву благотворениями, тот пожинает класы благодарности.

*

Счастье есть сладкий плод, растущий на вершине высокого дерева. Всякой ухитряется по-своему, чтоб достать его. Одни устраивают лестницы, громоздят подмости, другие карабкаются наудачу. Тот и другой нарочитися, как бы добраться скорей до счастья; но многие, видя невозможность доползти, спускаются на землю с пустыми исцарапанными руками; другие падают и загибаются, оборвавшись. Один только *мудрый* стоит спокойно, ожидая, пока плод созреет и сам собою (*по законам тяготения*) или отбитый перелетным ветерком (*случаем*) упадет к ногам его.

*

Уединенный созерцатель природы, при обозрении разнообразных красот ее, приходит в некоторое раскаяние, похожее на раскаяние жителя большого света. Но между ними та разница, что мысли первого теряются в небесах, а последнего увязают в тине земной.

*

Смотреть на волнение бурного моря и страстей человеческих иногда любопытно, но отдавать себя на произвол тому и другому — всегда опасно!

*

В страсти глаза наши делаются микроскопами, и самые малейшие вещи показывают в увеличенном виде.

*

Какая разница между страданиями *бедных* и *богатых*! Бедный страдает оттого, что жаждет и не может прикоснуться к сосуду жизненных благ, а *богатый*, в свою очередь, томится и скучает затем, что, начав жить слишком рано, задолго еще до смерти осушил до дна всю чашу наслаждений земных.

*

Во время наших праотцев *великие люди* жили в малых хижинах, а в наше время *малые* люди живут в превеликих чертогах.

*

Многие кажутся *великанами* оттого, что ходят на *ходулях гордости*: подшиби их — и великаны станут *карлами!*..

*

Обращаясь всегда с неизъяснимым удовольствием к добродетели и в ней только одной находя истинное блаженство, мы ясно можем видеть, что она-то есть первоначальная, коренная жительница нашего сердца и должна, так сказать, быть хозяйкою оною; а страсти закрались, вломились и ворвались в него уже впоследствии.

*

Человек в светской рассеянности все мысли, чувства и душевные способности рассеивает.

*

Прежде известны были одни только *воздушные вихри*, потом узнали вихри философа Декарта, а теперь открылся *вихрь* большого света. Последний едва ли не сильнее тех и других: он кружит столицы, города и тысячи голов, как крылья ветряных мельниц.

*

Человек бедный в нынешнем свете похож на придворного, который поскользнулся у двора и впал в немилость. Все убегают его знакомства. Он везде *посторонний*. Об нем иногда и жалеют, но только из учтивости. «Бедность не порок!» — говорят философы большого света, утопая в наслаждениях жизни. Кто говорит, что порок, но как не сказать, что она большое несчастье в жизни? Это все то же, что зимою без шубы ходить совсем не стыдно, да холодно!..

*

Ум похож на самую упругую сталь. Жми, дави — согнешь, но не сломишь!..

*

Движение страстей подобно течению реки: при первой встрече с препонами то и другое становится бурно и шумно.

*

Кто привык вставать поздно и в первый раз велит разбудить себя до рассвета, тому очень трудно расставаться с приятностью утренней дремоты. В первую минуту пробуждения ему кажется, что у него отнимают все благополучие земное. Но принудив себя встать рано и отрясши сонную мглу, он любит румяною зарею, восхищается восхождением солнца и чувствует какую-то необыкновенную свежесть, совсем новую жизнь. Точно так и человек, усыпленный светскими удовольствиями, осыпанный цветами роскоши, упоенный отравками сладострастия и забавляемый мечтами честолюбия, боится спасительного пробуждения.

*

С человеком вспыльчивым обходитесь так же бережно, как с *фосфором*: при малейшей неосторожности он вспыхнет и обожжет!

*

Многие во всю жизнь не делают ничего важного потому только, что готовятся произвести *нечто* необыкновенное, чрезвычайное, удивительное!!!

*

Человек сам по себе мал, но благотворный Нил не может принести столько пользы окрестным нивам и полям, сколько он ближним своим. Зато и пламенные вихри Везувия, Этны и Геклы не столь пагубны для природы, сколь вреден может быть злой человек для общества.

*

Каково *перу* на ветре, а легкой *лодке* в бурном море, таково и чувствительному *сердцу* в треволнениях мирских. Уединение есть надежнейшая пристань для любителей мирного счастья.

*

Гордость может быть только достоинством лошадей. Гордая лошадь — очень хороша; гордый человек — никому да не годится!

*

Общественное воспитание есть, бесспорно, лучшее из всех. Оно уравнивает все состояния и приучает питомцев к единомыслию и братскому союзу, что впоследствии может составить истинную неодолимую крепость общества. Домашнее воспитание нежит тела, расслабляет души и делает до крайности надменными и своевольными баловней потворства и неги. Какой-нибудь княжеский или графский сын, привыкнув от молодых ногтей слышать беспрестанно, что все с уклончивостью называют его *сиятельным*, поневоле вообразит, что он в самом деле земное или, по крайней мере, *комнатное солнце!*.. Его лелеют няни и мамушки, за ним ухаживают слуги и дядьки, ему поблажает весь дом. Станет беситься — ему говорят: «Ваше сиятельство! не извольте резвиться!» Станет швырять, рассердятся, чем и в кого попало — ему говорят: «Ваше сия-

тельство! не извольте драться!» — и если бы сиятельный повеса вздумал пырнуть кого ножом под самое сердце, то едва ли не с такою же снисходительностью сказали бы ему: «Ваше сиятельство! не извольте резать людей!» Напротив, в общественном воспитании все посторонние титулы, все причуды знатности исчезают, а при всяком остается одно только звание человека. За худые поступки всем равно грозит исправление, и одни только добрые качества имеют права на награду.

*

Если бы я имел хотя в десятую долю *выражения* против *воображения*, то не знаю чего б не написал!..

*

Везде, где науки начинают еще только возникать, видно между ними страшное неустройство и борение. Распри и споры их подобны великому спору стихий во мраке древнего хаоса. *Физики* говорят: «Мы изъясняем все законы природы». «Мы раздробим и сплавим все, что может дробиться и плавиться!» — восклицают *химики*. «Послушайте нас! — кричат *метафизики*, — мы научим вас понимать и чувствовать и дадим, т. с., ощупать все, что без наших глупокомысленных объяснений не может подлежать ни пониманию, ни чувствам смертного». «К нам, к нам! — восклицают громче всех *математики*, — мы все исчислим и сочтем, все измерим и определим; наша наука первая, на ней основаны все прочие, уважайте ее, уважайте и нас!» Сие брожение наук подобно беспокойному волнению народов в средних веках. Но когда установится *господствующий вкус* и утвердится *общее мнение*, тогда каждая наука узнает свой предел и, по мере истинных польз ее, приобретет приличные ей права. Тогда только, когда все войдет в известные правила, сотворится, так сказать, новый, умственный мир, исполненный красоты и порядка. И тогда-то, при сиянии истины, по беспристрастному суду изящного вкуса и здравого рассудка, может быть, и *последние* станут *первыми*.

*

Жизнь человеческая похожа на книгу, в которой на первых страницах множество живописных картин, поэтических описаний весны, изображений долин, садов и проч. Но чем далее, тем содержание книги печальнее. В середине — слезные драмы, часто и трагические явления, а к концу, обыкновенно, сборы к похоронам. Счастлив, чья книга жизни кончится несомненным уверением на лучшую *будущность*.

*

Великие *характеры*, говорит Ансильон, только два раза (во времена древней Греческой Истории и в продолжение *рыцарских веков*) являлись в полном сиянии своем. Тогда сила телесная уступала одной только силе духа. Нравы были чисты, умы здравы, души возвышенны. Сила, бодрость и свежесть отличали *юность народов*. В те времена ощущения были живы, *струны сердец* натянуты, и звуки оных полны, сильны и чисты. Великие мужи тех веков любили веру, отечество, свободу; не терпели притеснения и не страшились смерти. Везде соблюдали они справедливость, везде работали добродетели и повсюду разили порок. Растление нравов, роскошь, изнеженный образ жизни и множество неизвестных дотоль причин ослабили впоследствии тела, унизили души и помрачили умы. Благородный дух народов, царивший прежде *орлом*, стал пресмыкаться *змеєю*. Себялюбие погрело все добродетели, и частные выгоды растерзали общее благо. Покоренные страстям и предрассудкам народы постепенно сближаются с стадами бессловесных и безмолвно покорствуют пасущему их *железною палицею*. Струны сердец человеческих так ослабли, так опустились, что ничего уже более издавать не могут, кроме глухого стога и рокота... Оросит ли сила души, увядшие подобно иссохшим нивам? Воскреснет ли опять *дух* народов или навсегда останется Европа мертвою пустынею, покрытою развалинами прежнего своего величия?
(*писано прежде 1812 года*)

*

Не избыток сил, а расслабление нервов — причина судорог и всеобщего трепетания в теле человеческом. Перенося наблюдение сие от тела одного человека к телу каж-

дого Государства, не считайте за *избыток* сил видимого повсюду беспокойного волнения и судорожных движений в Европе, но припишите сие лучше большой истрате оных. Следственно, *не пускать кровь народам*, как иные думают, а остудить и успокоить только ее нужно для возвращения им сил и здоровья после великих переворотов и страшных военных тревог.

*

Наглость, готовая, как говорится, на нож и огонь, часто цепенеет пред одним взором целомудренной женщины.

*

Многие люди похожи на книги, в которых хорошо одно только *вступление*, впрочем, чем далее, тем скучней и не-сноснее.

*

Многие, входя в вельможи, выходят из людей.

*

Скорее отличишь *тень* от человека, нежели *порок* от гражданского общества.

*

Талант без ободрения, как лампада без масла,— угасает!

*

Характер в человеке то же, что *устойчивость* в морском судне, что *маятник* в часах...

*

Веру и любовь должно показывать делами.

*

Кто истинно свободен? Тот, кто не раболепствует собственным страстям и чужим прихотям.

*

Сильнейшая из всех страстей есть страсть к жизни, которую несправедливо называют только привязанностью. Страсть сия ранее всех открывается в человеке и всех позже оставляет его. Дитя, едва вышедшее из колыбели, истлевший заживо от недугов старец и воин, утративший половину членов своих, — хотят еще жить!.. Но есть, — хотя, правда, они очень редки, — и такие души, которые умеют побеждать совершенно страсть сию. Отечество, свобода и доброе имя дороже для них жизни. Рассказывают, что в одном уголке древнего Севера было общество людей, в котором юноши до того доводимы были воспитанием, что совершенно ни во что ставили жизнь, а высочайшим благом почитали смерть в битвах за свободу и отечество.

*

Государи живут *лѣта*, а народы *столетия*. Все государственные постановления, однажды утвержденные, должны уподобляться *древам*, которые всякий может поливать и должен беречь, но которых никто не смеет рубить. Тогда, под верною сению сих насажденных мудрыми правителями *древ*, спокойно опочивать будет благоденствие народов.

*

Мирная совесть лучше всякой перины доставляет приятный сон.

*

Что есть конституция? Неизменное Государственное постановление, руководствующее правительством и сохраняющее права народа.

*

Ныне механические снаряды так усовершенствовались во многих краях Европы, что, право, кажется, скоро люди станут сидеть поджавши руки, а работать будут *машины!*

*

Сколь ясно чистые воды изображают вид неба и прелестные окрестности в зеркальной влаге своей, столь верно и ясно изображен всегда бывает образ *милой* в сердце, плененном ею.

*

Если б можно, выходя из дому, запирать в один шкаф *ум*, а в другой *чувствительность* и, пускаясь в свет, запастись длинным лицом и гибкою шеею, то куда как легко б было, став болваном, вертеться с куклами и поклоняться раззолоченным истуканам!

*

Худые хозяева всегда красят кровли, не заботясь о починке подгнивших стен.

*

Слабые всегда бывают добычею сильных, а сильные нередко становятся жертвами хитрых. Сила и хитрость делят между собою владычество над жребиями людей.

*

Гораздо легче неученого выучить, нежели ученого переучить.

*

Истинный *любитель наук* видит препятствия и не страшится оных. Усыпьте путь его горящими углями, он готов идти и по ним обнаженными стопами, чтоб только достигнуть цели своей!..

*

Не на гладких долинах рождаются *цветы познаний*, должно продираться сквозь колкие терны и ступать по острым камням, чтоб достигнуть до них.

*

О, если бы благие нравы и добродетели так же верно переходили от отцов к детям, как тяжёбые дела и фамильные ссоры!..

*

Я нигде не видел столь скорого, столь точного и столь неллицемерного исполнения законов, как на *карточных столах*. Пропусти два, три закона, подведи ложную справку и, будто ненарочно, обвини правого: сойдет с рук. Судьи, председатели и проч. и проч. скажут: «Просмотрели, ослышались, что за беда!» — Но попробуй пойти не с той *масти*, не заплатить за полное число *углов*: тотчас укорят в невежестве, уличат в обмане и тут же без проволочек — суд и расправа! То и другое коротко и ясно, ибо карточные законы соблюдаются строго!.. Проиграл — и не заплатил: как стыдно! завял — и не отдал: так водится!

*

Хотите ль повиноваться *существу*, не имеющему ни страстей, ни пристрастия, ни лица, ни личности, ни любимцев, ни прихотей — повинуйтесь *закону*.

*

Даровать самое лучшее законодательство *народу*, не исправля прежде нравов *его*, — все равно что налить драгоценный напиток в нечистый сосуд. Чем же исправляются нравы? В детстве *воспитанием*, а в прочих возрастах *благоразумным порицанием*. Первое не допускает до пороков, другое преследует, разит и гонит их из общества.

*

С тех пор как *деньги* сделались *мерю ценности* вещей или общим *представительным знаком* — и люди тесно соединили с ними судьбу свою — повышение и понижение оных составляет столько же важное происшествие, как выигрыш или потеря сражения. Совершенный же упадок *монеты* стоит нашествия неприятельского; разумеется, по своим последствиям. Всего труднее возвышать ценность

монет, не переменяя вида оных. «Надобно быть волшебником, чтоб заставить народ принимать единицу за два!» — говорит Кондильяк.

*

В простонародном наречии, сколько, впрочем, не пренебрегают оным, встречаются необыкновенные выражения. Простодушные поселяне без всякого намерения блистать умом нередко изъясняют чувства и мысли свои весьма замысловато. Вот некоторые образцы: один крестьянин, желая изъяснить, что вместо прежнего братства и согласия между людьми завелись раздоры и ссоры, сказал: «Ныне в народе не стало *склею*». Другой, желая сказать, что нельзя проникнуть, что у кого на душе, изъяснил сие так: «*У всякого душа грудью закрыта*». А говоря о жизни беглеца, который, убежав из родной своей деревни, должен скитаться по чужим домам и быть всегда в опасности, он сказал: «Он (беглец) везде чужой и везде *страхом обгорожен!*»

*

Верный кусок хлеба, небольшой покойный домик, доброе сердце, доброе имя, независимость от страстей и прихотей людских и пламенное воображение, умеющее и на снегах находить розы: вот, конечно, все, чем можно быть счастливу во всяком климате, во всякое время!..

*

Излияние сердечных чувств греет и украшает письма и писания.

*

Одип почтенный, умудренный опытом человек доказал мне прекрасно разницу между *заслугою* и *выслугою*. *Первая* живет на ратных полях, приобретается трудом и кровью и вечно ходит путями чести и правоты. *Другая* на бессменной страже в передних у министров и знатных господ старается, изгибаясь пред всяким и пользуясь всем, схватить и поглотить принадлежащее *первой*.

*

Безымянный сельский ручей, падающий на колесо сукновальни, или ветер, дующий на крылья мельниц, гораздо более приносят пользы обществу, нежели целая толпа раззолоченных шаркателей и пустоглавых светских вертопрахов.

*

Человек с дарованиями, как полновесный червонец или отделанный алмаз, куда б ни был заброшен, в сор или в грязь, везде должен быть поднят и употреблен. «Так должно быть!..» — говорит здравый рассудок. «Но так ли это есть?» — ворчит, сквозь зубы, *опыт*.

*

Учиться и делать добро должно всякому, всегда и везде, где только возможно.

*

Многие рассуждали о свойствах *ума* и проникали в области его, но *сердце* все еще остается для нас загадкой неразрешенною, странною, неизвестною. Стерн, однако ж, как мне кажется, так же глубоко проникнул в сердце человеческое, как Мунгопарк в неизвестные страны Африки.

*

Всякий, кто бы он ни был, проходя мимо дому, под углом которого тлеются угли и может вспыхнуть пожар, имеет право и даже должен, обязан закричать: «Берегитесь пожара!» И всякий, увидя течь в корабле, имеет же право воскликнуть: «Корабль начал течь там-то!»

Эти простые сравнения можно применить *ко многому*. Почему ж не имеет всякий такого же права, заметя беспорядок в обществе, говорить прямо и гласно, что видит его, и указывать на причину оногo?..

*

Если б хотя в десятую долю помнили добро столько, как помнят зло, то неблагодарности не существовало бы в мире!..

*

Ликующий в широте обилия не разумеет тесноты скудости.

*

ДВЕ СЕСТРЫ, ИЛИ: КОТОРОЙ ОТДАТЬ ПРЕИМУЩЕСТВО?

Я знаю двух сестер... Как это слабо выражает мое отношение к двум милым, прекрасным существам! Я люблю, люблю пламенно двух обворожительных сестер, и сия любовь не знала бы предела, если б это прекрасное, высокое чувство могло быть решительнее, без колебания, без двойственности. Но я чувствую, что оно не может быть полным, единственным, от непрерывного уклонения то к старшей, то к младшей сестре. Обе прелестны; но каждая имеет свои особенные прелести; обе привлекательны, но влечение к ним не одинаково. Одна сияет в полноте своей красоты, как ясный, погодный день, обнаруживающий всю живопись окрестностей, всю роскошь природы. Душа погружается в некое упоение, увидя сияние гор с поднебесностью, небес с стекловидностью моря; луга, подстилающиеся под рощи; большие дороги, лежащие, как развернутые свитки и сады, как картины, окруженные рамами своих оград. Но очарование, так сказать, редая, истощается, когда душа, упоенная красотами великими, но единообразными, не находит новой пищи для нового восхищения. Напротив, другая мила, заманчива, привлекательна, как лунный вечер поздних дней лета. Я люблю такие вечера! Белые туманы, то затопляя, то выказывая закругленные холмы, чернеющиеся леса и развалины замка на

острие скалы, волнуются, застилают белые скатерти или накидывают трепещущую дымку, которая, ничего не закрывая, ничего и не высказывает. Душа любит погружаться в сие смешение бледнеющего света, синевы небесной и сизого сумрака; любит ловить предметы среди зыбучих туманов и странствовать за разнообразными тенями, которые, будто живые, следом за луною перемещаются из долины в долину, от холма к холму. Такова *вторая сестра*, не имеющая ничего общего, но полная очарования. Как прекрасна старшая! Вообразите стан и поступь Минервы. Что-то греческое в лице светлом, что-то римское в осанке величественной. Разум и тишина сияют в больших голубых очах ее, ненарушимое спокойствие в чертах лица, в чертах, которых согласие есть согласие музыки. Все в ней правильность, во всем отточенность. Каждое движение — мысль; каждое слово — разум. Высокое красноречие льется из полных, румяных уст. Формы ее роскошно округлены, и в самих складках одежды — обдуманная неискренность, ум и приличие. Важность соответствует ей, ослабление уст соответствует мысли, сияющей на возвышенном челе. Все в ней открыто, все ясно. По виду — Юнона; мудростию — Минерва, осанкою — царица! Большая златострунная лира, украшенная драгоценною отделкою, в высоком древнем вкусе, часто обращается в красивых, полных руках и звенит под белыми, округленными перстами ее. Что скажу о песнях, которые она поет о царях, о народах, о великом, о божественном?.. Величественны и бессмертны, как возвышенная поэзия, они важны, как гармония вселенной, как беседа веков, коей внимают поколения мимотекущие. Сии песнопения действуют прямо на разум, утоляют страсти, возвышают душу. Такова сестра старшая.

Как прелестна младшая сестра! Уловите кистью красоту радуги, лентою простилающуюся между слоистых туч; определите музыкальными нотами переливы звуков, склонение перекатов коленчатой песни соловья! Изобразите на холсте быстро-переменчатые оттенки на лазоревой шее птицы Юнониной и тогда разве постигнете всю прелесть, всю миловидность младшей сестры! Но она не прекрасна, не величественна, в ней нет ничего важного, почти ничего правильного. Легкость — ее примета; чрезвычайно стройный стан — черта ее красоты; какое-то детское простодушие, сердечность: вот абрис ее нравственной физиономии. Ее одежда, почти небрежная, всегда у нее к лицу. Я не могу описать ее лица: оно неуловимо и для самого иску-

ного карандаша. Я знаю только, что локоны каштановых волос ее, случайно разбросанные по плечам, прелестны; что миловидность лица восхитительна и что в глазах ее есть нечто околдовательное. Часто я засматриваюсь в поэзию сих глаз и прочитываю в них более, нежели в огромных фоллиантах холодной прозы. Она, я продолжаю говорить о младшей сестре, также имеет музыкальное орудие. Часто гибкие персты ее пробегают по клавишам гармоники. Какие звуки! Все нервы приходят в движение, подгрудие наливается тоскою. Фантазия откликается, как будто на знакомый зов, воображение пылает, и весь я вне себя от тоски, от упоения, от непостижимой тревоги чувств, от сладостного смешения ощущений. Эта младшая сестра имеет свои милые причуды, свои пленительные прихоти. Ее уединенные прогулки разнообразны, как и все в ней разнообразно. Раз я видел ее высоко от земли, на самом острове скалы. Там, под навесом тихого неба, на котором жаркая позолота заката мешалась с светлым румянцем вечерней зари и с серебристым сиянием выступающего месяца, в белой одежде, под голубым покрывалом, она стояла в живописной неподвижности, как гений, изваянный рукою великого художника, как легкое видение, внушающее сладкие, приветливые ощущения. Но она любит скитаться и под воем осенних бурь и всматриваться в страшные картины неба, на котором тучи громоздятся, как густые ополчения сражающихся человекoв. В запустелых башнях ставит она Эолову арфу и долго, долго слушает, как будто желая затвердить и после кому-нибудь пересказать те прерываемые, дикие звуки, те переходы заунывные, те отголоски, похожие то на плач, то на тоскливое сетование, напоминающее все былое, все минувшее, то чудное смешение воплей и пения, которое рождается от мимолетного прикосновения пустынного ветра к звонким, упругим струнам. Она любит странствовать по развалинам рыцарских замков, опустелых храмов, упраздненных монастырских обителей, посещать хранилища древнего оружия, гробницы, украшенные гербами, памятниками пышной жизни и боевой славы людей, которых уже не стало! Как волшебница фессалийская, она умеет возбуждать мертвых на кладбищах! по гласу ее восстают в белых саванах и, длинными рядами проходя мимо колдующей, рассказывают ей были минувшего времени. Несравненно более прихотливая, она менее разборчива, чем старшая сестра, в выборе предметов для пения. С добродушною охотливостью она рассказы-

вает сказки и повести, напевает элегии и баллады и, пленяя, увлекает вас от сухой, бесцветной сущности в какую-то неведомую страну очарования, где человеку, болезнующему душой, так весело забываться и обманываться. Не одни чертоги царей, не одни великие явления мира бы-вают содержанием ее песней.

Она передает события, случившиеся в хижине поселянки, в шалаше пастыря, в кибитке степного жителя, в ауле черкеса и в чуме лопаря. Младшая сестра любит города древние, где все говорит воображению и чувству, где на обломках зданий глубоко запечатлены следы веков. Прямые улицы, красивые площади, здания великолепные, хотя и единообразные, порядок и правильность нравятся старшей. Превосходно ее красноречие! Сама прекрасная, как поэма, она внушает восторги высокие, рождает думы величественные, вводит душу в сферу благороднейших наслаждений, знакомит ее с высокими идеалами. В ее рассказе единство, гармония, истина. Заманчивы пленительные повествования младшей сестры! При ней пробуждаются мечты, освежаются надежды, воскресают воспоминания и все семейство страстей, сопродных человеку, приходит в движение. Что есть жизнь без бурей и случайностей? — спросил я однажды у младшей сестры. Вместо ответа она указала на пространное озеро, медленно, как человек, истаявающий от смертоносного недуга, замирающее в заглохлых берегах, исчезнувшее под густым наплывом тины, покрытой зеленью, мхами и папоротниками. Я понял смысл сего указания. Так душа, оторванная от сообщества существ, ее понимающих, не освежаемая обменом ощущений и мыслей, ни огненным веянием вдохновения, ни порывами восторгов, ни бурей жизни, увядшая, степенная пресмыкающимися нуждами, лишается пштитической жизни своей и в холодном бесстрастии, в гробовом спокойствии ненарушимого единообразия предается дремоте, самозабвению, чтоб, наконец, в глубоком усыплении прийти в оцепенение — не пылать; не волноваться; существовать, но не жить.

Однажды была гроза и буря. Густые тучи, набежав, поглотили звезды. Половина луны, как будто отсеченная мечом, долго бегала в растревоженных облаках. Наконец она исчезла. Заблестали изломчатые молнии и живописно бороздили черное, бессветильное небо. Валы свинцового цвета, в венках из белой кружащейся пены, ходили, как привидения, по озерам. В воздухе было душно, в лесах

темно; только молнии озаряли высоты золотым огнем, а фосфорические гнили, рассеянные по мокрой земле, сияли серебряным блеском, и холодные лучи земного встречались с пламенным сверканием неба. В это время, в этом месте нашел я младшую сестру. Она сидела спокойно в густом лесу на изломанном дереве. Слух ее, казалось, ловил перебивы свистящих вихрей, в ее очах изображалось какое-то юродивое забвение, локоны длинных волос, как и всегда, струились; крупные капли, при свете молнии, сверкали на них, как убор из перлов и яхонтов. Она не заметила меня, но я любовался чудесными прелестями сей уединенной очаровательницы. Она, мне сдавалось, хотела постигнуть всю тайну бури, запомнить переходы грозы, может быть, для того, чтобы после все пересказать своим любимцам, умеющим понимать ее странный язык, таинственную красоту беседы ее. Но гроза ночная исчезла вместе с ночью. Великолепно было утро освеженной природы. На зеленом скате, у подножия которого лежал, как голубое стекло, зеркальновидный залив моря, среди зданий, увенчанных красивыми куполами и миловидными тосканскими столбами, в светлом приморском домике, живо напоминающем приморский Плиниев дом, нашел я старшую сестру. Великие поэты Греции и Рима окружали ее в творениях своих. В руках младшей я видел Данта, Ариоста; недавно перечитывала Гетева Фауста. Старшая жила только среди ваяний и пиитического века древних. Странно! я по какому-то прихотливому, безотчетному чувству влекусь к младшей сестре; но и старшая привлекает меня к себе. Любовь ко второй заставляет заниматься только ею; но любовь, соединенная с уважением к первой, сильно колеблет привязанность ко второй. От сего мысли мои часто шатаются, и я, колеблемый нерешимостью, уподобляюсь маятнику, равномерно движущемуся то к одной, то к другой стороне... Которой же отдать преимущество? — Я не смею решить спор. Может быть, этот спор занимает теперь умы всего современного человечества. Молчу, чтоб, говоря более и яснее, не подать повода подумать, что в сем иносказательном описании подразумеваю я поэзию: *Классическую и Романтическую*.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О КАРАМЗИНЕ

1

В раннем детстве, как запомню себя, в нашем смиренном околотке (Смоленской губернии близ города Духовщина) мало читали и, кроме книг духовного содержания, почти не имели других. Календарь, Жизнь Мирмонда (соч. Федора Эммина), Несчастный Неаполитанец и т. под. составляли вечернее чтение многочисленных в околотке дворян, разделявших свое время между хлопотами по хозяйству и наслаждениями самого радушного гостеприимства.

Вдруг появились у нас в доме «Мои безделки». Нам прислали эту книгу из Москвы — и как описать впечатление, произведенное ею? Все бросилось к книге и погрузилось в нее: читали, читали, перечитывали и наконец почти вытвердили наизусть. От нас пошла книга по всему околотку и возвратилась к нам уже в лешестках. Кто-то сказал: «Лучшая похвала автору, когда книгу его зачитывают до лешестков!» Так и случилось, думаю, повсюду с *первыми* опытами Карамзина. Никто, хоть бы самый рьяный противник Ник. Мих., не станет отрицать громадного влияния его на современное ему общество.

Из первых его сочинений повеяло уже каким-то свежим, живительным, о котором дотоле не имели понятия. В семействах помещиков, живших жизнью обыденною, бесцветною, он пробудил новую жизнь, поднял ряды незнакомых понятий, заговорил языком чувства и получил взамен всеобщее сочувствие. Он как будто дал ключ к самой природе, раскрыв красоты ее утешительные и на нашем севере. Читая его, поняли приятность смотреть на восходящее солнце, на запад, окрашенный угасающими лучами его, любоваться утренним пением птичек (за что позднее упрекали его достойные сами осмеяния насмешники), вслушиваться в шум родных ручьев, дружить с домашнею природою и наслаждаться бесплатными ее дарами, с которыми легче миришься с случайностями жизни, охотнее веришь надеждам и, при ясном настроении души, привольнее поддаешься мечтам, рассыпающим столько золотых блесков на черный бархат жизни.

Прочитав первые опыты Карамзина, я поступил в 1-й кадетский корпус и на первом шагу встретился с славою и уже последующими опытами Николая Михайловича.

Кадеты и в рекреационные часы, и в классах, заслоняясь лавкою, тишком и украдкою читали и вытверживали наизусть музыкальную прозу и стихи, так легко укладывавшиеся в памяти. Смело могу сказать, что из 1200 кадет редкий не повторял наизусть какой-нибудь страницы из «Острова Борнгольма». И это уважение, эта любовь к Карамзину доходила до того, что во многих кадетских кружках любимым разговором и лучшим желанием было: «Как бы пойти пешком в Москву поклониться Карамзину!»

Из северной столицы (по выпуске из корпуса) уехал я в полк, в теплую, цветущую Воынь. И там в кругу романтических полек встретил я громкую известность Карамзина и его «Бедную Лизу», кем-то переведенную на польский язык; и там молодые офицеры с гитарами в руках и часто с томными вздохами напевали: «Кто мог любить так страстно, как я любил тебя!»

Тотчас по возвращении наших армий из Парижа в С.-Петербург услышал я, что Николай Михайлович начал писать Историю России, и, не будучи еще знаком с ним лично, послал к нему несколько приобретенных мною польских хроник. В ответ получил я от него очень ласковое письмо, которое доселе храню за стеклом.

По прибытии Н. М. в Петербург (уже с первыми томами Истории) я познакомился с ним лично. Это была важная для него эпоха! Все надежды, может быть, и мечты его сосредоточились в этом кратком, но томительном периоде *ожидания*: «Как будет принята и оценена и в каком виде пропущена в печать его История?» В это время я был

полковником гвардии, состоял при гвардейском штабе и был издателем «Военного журнала».

Поэтому у меня было очень много знакомых — сослуживцев бивачных по штабам и к тому же присоединялись знакомства (по обстоятельствам весьма близкие) с лицами, стоявшими тогда во главе Управления. Кроме гр. Милорадовича, у которого я был ежедневным, я часто бывал у Паскевича, Чернышева, кн. А. Н. Голицына. У Николая же Семеновича Мордвинова и А. С. Шишкова я был как домашний человек; даже имел доступ к недоступному тогда графу Аракчееву.

Если добавить к этому членов литературного общества (в котором были Пушкин и все его лицейские товарищи, три брата Княжевичей, Ковалевский, Корф и друг.), которого я был председателем, а Гнедич вице-президентом, то легко понять, что мне доводилось иметь обширное знакомство в разных слоях общества. Я говорю об этом потому, что тогда мне сподручно было *видеть* и слышать все приемы и *суждения* насчет Истории Российского Государства и судьбы, ожидавшей ее в С.-Петербурге.

6

Н. М. имел привычку — и привычку неизменную, ходить (для здоровья) много, долго и во всякую погоду. Обыкновенно приходилось ему проходить мимо нашего Штаба, и я, завидя его, в известный час, выбегал к нему навстречу, и у нас бывали разговоры любопытные *по тому времени*. Я сообщал ему взгляды разных партий и значительных единиц на его Историю, о которой всякий судил по-своему и то по слуху! Об ином Н. М. уже слышал и знал; о другом догадывался; а некоторые вещи были для него еще новы. Уже обе государыни были на стороне Карамзина, многие влиятельные особы стояли за него: но все чего-то недоставало. Полагали и, кажется, не ошибались, что Н. М-чу следовало сделать визит Аракчееву. Он исполнил эту процедуру, и на третий же, если не на другой день Истории Р. Г. разрешено появиться в свет.

7

Наконец, История Российского Государства принята, понята, пропущена в свет, и автор получил награду и приглашение ко двору. Раз зашел я к Н. М-чу с Гречем. Мы

застали его в хлопотах по туалетной части: он по-особенному зазыву собирался на парадный обед во дворец. Он уж совсем был готов, как вошел Ал. Тургенев и, увидя на шее его огромный старинный Владимирский крест, объявил, что с ним нельзя показаться на парадный обед, что никто уж не носит теперь таких крестов, потому что по новой форме положено носить маленькие крестики. Что тут было делать? Н. М-ч нашелся в затруднении. Тогда я снял у себя и предложил мой маленький, очень изящно отделанный Владимирский крестик. Николай Михайлович принял, благодарил и, сняв с шеи свой огромный крест, подал мне, сказав с любовью и ласкою: «Примите моего старого товарища, с которым я свылся: по заветному русскому обычаю обменяемся крестами, и отныне мы будем крестовыми братьями». Он и доказал это на деле. Раз Ал. Тургенев, приехав из Павловска, сказал мне: «Я сегодня обедал с Карамзиным у императрицы, и когда она завела речь о Письмах русского офицера, то он говорил об вас с таким чувством и жаром, что не всякий брат так отзовется о брате».

8

Между тестем моим Павлом Ивановичем Гол.<енищевым>-Кутузовым и Карамзиным существовало какое-то недоразумение. Сторонники обоих различно толковали о причинах разлада, который доходил и до перебранок. Воейков засадил Кутузова в Дом сумасшедших. Но я уверен, что в этом не было ничего серьезного. Жена моя — любимица своего отца — не только при отце читала наизусть Карамзина, но каждое его стихотворение вписывала в свой альбом, и отец ни в чем ей не поперечил (*sic.*). Затем Иван Иванович Дмитриев, которого и портрет красуется у нас в деревне, был известным заветным другом Карамзина и в то же время был и остался до конца дней другом семейства Кутузовых, где его искренне уважали и любили. Откуда ж тут быть вражде? А дело вот в чем: и до Карамзина горели в литературе русской — и, может быть, горели очень хорошо, по-своему, свечи *сальные*; а Карамзин первый зажег *стеариновую!* Новый блеск, новый строй слова растревожил старых и пошел толк: «О старом и новом слоге». Это, однако ж, не доходило до такой вражды, какую выдумывали современные официозные журналы и нахлебники той или другой стороны.

Павел Иванович Кутузов был человек умный, но вовсе не лукавый (каким его воображали), был человек начитанный, ученый, говорил и писал на многих языках (французский знал отлично) и имел нужду, даже необходимость, поддерживать свое значение по своим соображениям политическим и домашним, от которых зависела участь его семейства. Избалованный веком Екатерины и милостями Павла, он ошибся в своих мечтах, которым вверялся с детским простодушием.

Притом Павел Иванович был великим мастером в высших степенях масонства, имевшего тогда огромное значение.

Карамзин также был лелеем последователями Новикова¹ учения религиозного, но вместе углублявшегося в таинства природы и в мистическое созерцание мира духовного. Карамзин, оставшись на черте простого сердечного верования, отклонился от Бема, Экартгаузена и не имел полной веры в *камень мудрых* и *палингинезию вещей*. За это упрекал его в трех письмах и С. И. Гамалея. Вот это было также причиною несогласия (разумеется, в мыслях) между Кутузовым и Карамзиным.

9

Я спросил у Николая Михайловича: как он составил у себя такую богатую библиотеку? — «C'est le fruit de mes épargnes!» — отвечал он и пояснил: «Отправившие меня за границу выдали путевые деньги по расчету, на каждый день: на завтрак, обед и ужин. Я лишил себя ужина и на эти деньги (за границей книги дешевы) закупил много книг, таким образом, я возвратился с лучшим здоровьем и с библиотекою!»

10

Я спросил еще его: откуда взяли вы, Николай Михайлович, такой чудесный слог? Он отвечал: «Из камина!» —

¹ Непреложным доказательством, что Карамзин в молодости был в близких связях с Новиковым, я отправил к Погодину — единственную (ибо другой быть не может!) печатную (корректуры) книгу, в которой на каждой почти странице написано: «Ник. Карамзин; читал: Ник. Карамзин» и целые фразы его рукою. Жена Погодина писала мне, что он выздоровел от радости, получа эту книгу! Притом сообщенные мысли и проч. он вклеил в свой рассказ.

Как из камина?! «А так: я переводил одно и то же раз, два и три раза и, прочитав и обдумав, бросал в камин, пока наконец доходил до того, что мог издать в свет».

11

А вот черта находчивости Карамзина. Перед войною 1807-го года при вызове народного ополчения (милиции) издан был краткий манифест, из которого явно выглядывал «Наполеон-антихрист». Народ так и не понял и принял его за сына погибели. После несчастного Фридландского сражения довелось Карамзину ехать из Москвы в С.-Петербург, и вот (он имел привычку, завидя станцию, отпускать лошадей вперед, чтобы пройти пешком), когда он подходил к станции Яжелбич, собравшаяся у станции толпа крестьян обратила его внимание. Из толпы выходили шум, крики и даже угрозы. Станционный смотритель держал в руке газету и разъяснял по-своему известие из-за границы. «О чем это шумите, ребята?» — спросил Карамзин. «Да как же, батюшка! — отвечал один из более речистых. — Царь наш, видишь, помирился с Наполеоном, а он ведь (сказано было) *антихрист!*!» — «Эх, вы, братцы! — возразил Карамзин. — Да разве не прочли в газете, что дело-то было *на воде*; мир заключен посреди реки: вот царь прежде окрестил его, а там уж помирился!» «Ой ли так? — закричали крестьяне. — Ну слава богу!» — и, сняв шапки, крестились и весело разошлись по домам.

12

Раз, выбежав из Штаба навстречу Карамзину и будучи очень утомлен утреннею работою, я жаловался Н. М-чу на скуку этой работы. Сипягин — аккуратный начальник Гл. Штаба — не хотел ни у кого оставаться в долгу и поручил мне, между прочим, писать ко всем ответные письма: в одно утро приходилось иногда писать к архиереям, генералам, а там к бабушкам, матушкам, тетушкам гвард. подпрапорщиков и офицеров. «Да, — сказал Н. М., — и для меня самая трудная комиссия писать частные письма: легче, бывало, написать главу Истории, чем одно письмо!»

Что прекрасная, мягкая (по-нынешнему «гуманная») натура Карамзина выражалась не одним его пером, можно представить многие факты. Я представляю ближайший. Другой, написавши «Р. Ист.», уж никак не дозволил бы идти кому-нибудь по одному с ним пути; а Н. М-ч не только одобрял словами «Рус. Ист.» С. Глинки, но еще хлопотал «о введении этой Истории (чего, однако ж, не случилось) в учебные заведения».

Очевидцы рассказывали, что Н. М. смолоду был веселоправен, быстр в движениях и, как говорится, легок на подъем. Часто заставляли его опиравшегося на спинку стула и делающего легкие пируэты, вероятно, это была гимнастика. Радужно и весело встречал он своих гостей и, между прочим, поэта того времени Панцербитера, автора «Была на свете Катерина» и проч. (пьесы, которая долго бегала по рукам в рукописи). Всякий раз, когда Панцербитер входил, Н. М. приветствовал его: «Was macht man auf Parnasus, Herr Panzerbitter?»¹ — и продолжал с ним *веселый разговор*.

В 1825 году поехал я (тогда еще считалось это диковинкой) на пароходе «Берта» в Петергоф на известный *праздник*. Пароход не был еще как нынешние; качка заставила меня выйти на палубу. Оттуда, еще издалека, увидел я на берегу, выше кипящей внизу толпы, человека величавого, стоявшего неподвижно и спокойно смотревшего на *заходящее* солнце, позлатившее небо и залив, утихший после волнения. Сойдя с парохода и пробравшись сквозь толпы суетившегося народа, я очутился лицом к лицу с Карамзиным. «Что вас вызвало сюда, Николай Михайлович?» — спросил я. Он отвечал: «Я всякий вечер прихожу сюда смотреть на заходящее солнце».

Но петергофское солнце заходило, а солнце его славы все более и более разгоралось: известно как с той поры оценен был он Отечеством.

¹ «Что делается на Парнасе, господин Панцербитер?» (нем.)

УДАЛЕНИЕ А. С. ПУШКИНА ИЗ С.-ПЕТЕРБУРГА В 1820 ГОДУ

Познакомившись и сойдясь с Пушкиным с самого выпуска из Лицея, я очень его любил как Пушкина и уважал как в высшей степени талантливое поэта. Кажется, и он это чувствовал и поэтому позволял мне говорить ему прямо на прямо насчет его тогдашней разгульной жизни. Мне удалось даже отвести его от одной дуэли. Но это постороннее: приступаю к делу. Раз утром выхожу я из своей квартиры (на Театральной площади) и вижу Пушкина, идущего мне навстречу. Он был, как всегда, бодр и свеж; но обычная (по крайней мере, при встречах со мною) улыбка не играла на его лице, и легкий оттенок бледности замечался на щеках.

— Я к вам.

— А я от себя!

И мы пошли вдоль площади. Пушкин заговорил первый:

— Я шел к вам посоветоваться. Вот видите: слух о моих и не моих (под моим именем) пьесах, разбежавшихся по рукам, дошел до правительства. Вчера, когда я возвратился поздно домой, мой старый дядька объявил, что приходил в квартиру какой-то неизвестный человек и давал ему пятьдесят рублей, прося дать ему почитать моих сочинений, уверяя, что скоро принесет их назад. Но мой верный старик не согласился, а я взял да и сжег все мои бумаги.

При этом я сразу узнал Фогеля с его проделками.

— Теперь,— продолжал Пушкин, немного озабоченный,— меня требуют к Милорадовичу! Я знаю его по публике, но не знаю, как и что будет и с чего с ним взяться?.. Вот я и шел посоветоваться с вами.

Мы остановились и обсуждали дело со всех сторон. В заключение я сказал ему:

— Идите прямо к Милорадовичу, не смущаясь и без всякого опасения. Он не поэт; но в душе и рыцарских выходках его у него много романтизма и поэзии: его не понимают! Идите и положитесь безусловно на благородство его души: он не употребит во зло вашей доверенности.

Тут, еще поговорив немного, мы расстались: Пушкин пошел к Милорадовичу, а мне путь лежал в другое место.

Часа через три явился и я к Милорадовичу, при котором, как при генерал-губернаторе, состоял я, по высочайшему повелению, по особым поручениям, в чине полковника гвардии. Лишь только ступил я на порог кабинета, Милорадович, лежавший на своем зеленом диване, окутанный дорогими шальями, закричал мне навстречу:

— Знаешь, душа моя! (это его поговорка) у меня сейчас был Пушкин! Мне ведь велено взять его и все его бумаги; но я счел более деликатным (это тоже его любимое выражение) пригласить его к себе и уж от него самого вытребовать бумаги. Вот он явился, очень спокоен, с светлым лицом, и когда я спросил о бумагах, он отвечал: «Граф! все мои стихи сожжены! — у меня ничего не найдется на квартире; но если вам угодно, все найдется здесь (указал пальцем на свой лоб). Прикажите подать бумаги, я напишу все, что когда-нибудь написано мною (разумеется, кроме печатного), с отметкою, что мое и что разошлось под моим именем». Подали бумаги. Пушкин сел и писал, писал... и написал целую тетрадь... Вот она (указывая на стол у окна), полюбуйся!.. Завтра я отвезу ее государю. А знаешь ли? Пушкин пленил меня своим благородным тоном и манерою (это тоже его словцо) обхождением.

После этого мы перешли к очередным делам, а там занялись разговорами о делах графа, о Вороньках (имение в Полтавской губернии), где он выстроил великолепный дом, развел чудесный сад (он очень любил садоводство) и всем этим хотел пожертвовать в пользу института для бедных девиц Полтавской губернии.

На другой день я постарался прийти к Милорадовичу пораньше и поджидал возвращения его от государя. Он возвратился, и первым словом его было:

— Ну, вот дело Пушкина и решено!

Разоблачившись потом от мундирной формы, он продолжал:

— Я вошел к государю с своим сокровищем, подал ему тетрадь и сказал: «Здесь все, что разбрелось в публике, но вам, государь, лучше этого не читать!» Государь улыбнулся на мою заботливость. Потом я рассказал подробно, как у нас дело было. Государь слушал внимательно, а на конец спросил: «А что ж ты сделал с автором?» — Я?.. — сказал Милорадович, — я объявил ему от имени вашего величества прощение!.. Тут мне показалось, — продолжал Милорадович, — что государь слегка нахмурился. Помолчал

пемного, государь с живостью сказал: «Не рано ли?..» Потом, еще подумав, прибавил: «Ну коли уж так, то мы распорядимся иначе: снарядить Пушкина в дорогу, выдать ему прогоны и, с соответствующим чином и с соблюдением возможной благовидности, отправить его на службу на юг».

Вот как было дело. Между тем, в промежутке двух суток, разнеслось по городу, что Пушкина берут и ссылают. Гнедич, с заплаканными глазами (я сам застал его в слезах), бросился к Оленину; Карамзин, как говорили, обратился к государыне; а (незабвенный для меня) Чаадаев хлопотал у Васильчикова, и всякий старался замолвить слово за Пушкина. Но слова шли своею дорогою, а дело исполнялось буквально по решению...

Кто таков помянутый здесь Фогель? Фогель был одним из знаменитейших, современных ему агентов тайной полиции. В чине надворного советника он числился (для вида) по полиции; но действовал отдельно и самостоятельно. Он хорошо говорил по-французски, знал немецкий язык, как немец, говорил и писал по-русски, как русский. Во время Семеновской истории он много работал и удивлял своими донесениями. Служил он прежде у Вязмитинова, потом у Балашева, и вот один из фактов его искусства в ремесле. В конце 1811 года с весьма секретными бумагами на имя французского посла в С.-Петербурге выехал из Парижа тайный агент. Его перехватили и перевезли прямо в Шлиссельбургские казематы, а коляску его представили к Балашеву, по приказанию которого ее обыскали, ничего не нашли и поставили с министерскими экипажами. Фогеля послали на разведку. Он разведал и объявил, что есть надежда открыть, если его посадят, как преступника, рядом с заключенным. Так и сделали. Там, отдаленный только тонкою перегородкою от номера арестанта, Фогель своими вздохами, жалобами и восклицаниями привлек внимание француза, вошел с ним в сношение, выиграл его доверенность и через два месяца неволи вызнал его тайну. Возвратясь в С.-Петербург, Фогель отправился прямо в каретный сарай, снял правое заднее колесо у коляски, велел отодрать шину и из выдолбленного под нею углубления достал все бумаги, которые, как оказавшиеся чрезвычайно важными, поднес министру. Вот какого полета была эта птица, носившаяся над головою Пушкина!

СЕМИСОТЛЕТИЕ МОСКВЫ

Москва — эта область, заключающая теперь в объеме своем дворцы, замки и слободы, этот город палат и храмов,— была некогда едва приметною точкою на русской земле. Историческая жизнь ее началась с 1147 года. Тогда случилось в России событие, которое история записала, как будто предугадала в нем зерно великой будущности. Неисчислимые последствия оправдали потом историческое значение этого события, казавшегося, может быть, в свое время простым и малозначащим. В 1147 году, в марте (28-го) или апреле, Суздальский князь Юрий (Георгий Владимирович) звал к себе князя Святослава. «Посла же к нему (Святославу) Юрий, рек: буди, брате, ко мне в Москве!» Далее предание говорит, что оба князя съехались и «любезно целовастася в день пятка на похвалу Богородицы». Тут,— в зарождавшейся тогда Москве,— Юрий угостил своего гостя чисто по-московски: «Великолепным обеденным пиршеством и щедро одарил бояр, сопровождавших Святослава». Итак, первые звуки, повторенные пустынным эхом тогдашних московских рощей, были звуки и возгласы великолепного застольного пира и веселой братской беседы. Не было ли это,— намекнем мимоходом,— каким-то предвестием того радушия и доброго хлебосольства, которое впоследствии сделалось задушевною доблестью москвитян? Таким образом в первый раз огласилось имя Москвы!.. Пустынно стояли тогда семь холмов, на которых почивает теперь наш великий город. Густой бор шумел по скатам и у болотистого подножия нынешнего кремля; все другие окрестности, более или менее, были лесисты или болотисты. Только на гребне Воробьевых гор и на немногих чистых полянах мелькали селы Степана Ивановича Кучки, которого боярские хоромы стояли у нынешних Чистых прудов. Уединенно казалось положение Москвы (тогда еще купы сел Кучковых), трудно было отыскать ее за старыми борами и частыми рощами; а потому, всматриваясь в судьбу ее, невольно склоняешься к мысли, что сам русский бог отыскал на русской земле точку, к которой прикоснулся перстом своим и рек: «Здесь быть Москве!» Предание повествует, что Юрий, взойдя на один из холмов тогдашнего владения Кучкова («и поведше очами семо и овамо»), пленился красотю места и указал («по-

веле соделати мал древян град») быть тут городу, который долго оставался небольшим городком и назывался Кучковым. Но этот городок пришелся как-то у самого сердца России, и жизнь и деятельность стали приливать к нему с разных сторон. Самое местоположение помогало делу: ибо многие, если не все, тогдашние пути и дороги с Востока и Юга на Север России сокращались, проходя через урочище нынешней Москвы¹. Притом еще до пришествия Юрия благодать, хранящая Россию, заронила искру, которая в темном прибрежном бору светилась для набожных поклонников и была первой вестью, первым заревом, лучом той заветной святыни, тех величественных златоглавых храмов, которыми благочестие русское одело вершину холма кремлевского. Спас-на-Бору может быть родоначальником нашей святыни, построен на месте, где, по словам предания, стояла уединенная хижина пустынника и смиренный лик явленного образа. Название Москвы, — сперва реки, потом города, — остается тайною. Здесь не место исследовать разыскания, из которых ни одно не удовлетворяет вполне. Некоторые производят Москву даже от Мосохова; другие говорят, что на языке сарматском слово «Москва» значит «река излучистая». С тайною своего наименования и в тайне своих лесов долго оставалась Москва под какою-то хранительною рукою, вне общей деятельности, тогда шумной и воинственной. Земля русская страдала в усобицах. Судороги смуты и крамолы болезненно сжимали оконечности тогдашней России, но сердце ее, — новорожденный городок Москва, — было спокойно. Бури качали колыбель, не касаясь младенца, который скоро стал юношею и вышел на свет мужем. По чудному своему положению Москва все росла и крепла даже и под несчастным владычеством татар. Со времени переселения в нее митрополии она засияла храмами и стала слыть в народе

¹ Проверка этому случилась в 1812 году, когда французы заняли Москву и почти не выходили из очерка ее, все хозяева гуртов должны были делать чрезвычайно большие обходы, чтоб проникнуть (с своими волами) с юга на север. С занятием точки, на которой лежит многозаставная Москва, просеялось много путей и дорог и между несколькими губерниями изменилось обычное прямое сообщение. Напротив, в стратегическом смысле занятие Москвы послужило к гибели французской армии. Воинская мудрость Кутузова обошла (посредством искусных фланговых маршей) неприятеля окольными дорогами и осетила его во множестве распущенными по сторопам легкими отрядами и смелыми партизанами.

третьим Римом. Число соборов и церквей ее дошло, наконец, до известного (по крайней мере, в народе) количества сорока сороков. Эти соборы и церкви сияли изукрашенными главами и целою ратию крестов своих в середине Москвы, а знаменательнейшие монастыри (Симонов, Донской, Данилов и проч.) стали святыми сторожами на окраинах ее. Чудно расположились и города около Москвы или Москва расположилась посреди городов русских: это мать посреди семейства!.. Взглянув на старинные чертежи и взяв Москву за средоточие, вы можете обвести около нее шесть, даже семь довольно правильных кругов, на которых встретите былые и еще существующие большие слободы, посады, торговые села, а наконец, и самые города на расстоянии 30, 60, 90, а потом на два, на три, на четыре девяноста верст. Последние назывались украинами¹. Такое стройное семейное расположение значительных мест и городов невольно наводит на мысль о каком-то подобии системы планетной, в которой Москва была как бы средним солнцем, а города ее — планетами. И действительно, эти города кормились и грелись Москвою, которую народ недаром прозвал Матушкой. Украины московских владений глядели в поле и были, по местам, оберегаемы сторожевыми валами и нарочным войском²; сама Москва заслонялась живыми крепостями — лесами дремучими, перегороженными крепкими засеками. До Калиты, даже под игом татар, все усобицы России можно назвать междуусобною войною долей; с Калиты началась война единицы с полями. Сильно привлекла к себе эта московская единица разъединенные доли древней Володимирской Руси, пока наконец, все дробь приведены к одному знаменателю и великая задача разрешилась. Россия стала государством. Москва была ядром и зародышем этого Государства, которое иноземцы окрестили ее именем — Московиею... Уже реже слышалось имя татар; реже взглядывала Литва из лесов своих. Пригасла слава Твери, Володимира и Рязани; примолк вечевой колокол в Нове-городе. Государство

¹ Новейшие перемены дорожных линий изменили расстояния: но еще недавно вошки производили ряды свои на два, на три, на четыре девяноста верст от Москвы. Клин (по старой мере верст), Серпухов, Коломна и прочие были на первом девяносте; Тверь и Тула — на втором, Орел и Тамбов — на 4 и 5 девяносте и так далее... К этому расположению подходят еще: Калуга, Ростов, Владимир, Рязань, Ярославль и проч.

² Остатки этих валов и теперь видны в Рязанской, Орловской, Курской и Тамбовской губерниях.

вошло в новые отношения, в новую жизнь; прошли славные царствования Иоаннов, настали опять смуты, но причина их была уже внешняя. Кто не знает событий 1612 года? Кому не известны имена Пожарского и Минина? Михаил избран народом, и род его царствует над Россиею. Но для Москвы готовился другой, более памятный нам 12-й год. Темна была туча, поднявшаяся с запада: народы как будто сдвинулись с оснований своих и пошли на Россию. Страшное войско следовало за страшным вождем! Москва была целью похода; к Москве шел этот вооруженный полумиллион, и роковое число его приближалось: ей было тогда 666 лет!.. С неизъяснимым самоотвержением приняла и выпила она свою чашу. Москва сгорела; но пожар ее спалил крылья орлов Наполеона и растопил его железные полки! В 1612 году города русские стояли за Москву, в 1812 году — Москва отстояла города, пожертвовав собою наравне со всеми и за всех. Французы вышли из Москвы еще с дерзостью, но уже без силы... Опожаренная Столица лежала под пеплом; но, преизбыточествуя прирожденною ей силою жизни, затаила в себе способность вырастать и разрастаться. В глазах наших совершилось то, что на деле, что рассказывали некогда в сказках: кто-то вспрыснул живую водою мертвые кости Москвы, и Москва встала, выросла и разрослась. Русские вошли в столицу свою с восклицанием: «Дивен бог во святых своих!»¹ Раздался знакомый звон колоколов московских; храмы освятились и засветлели. Жизнь народная опять прихлынула к сердцу. Пришли полки плотников и каменщиков; во все заставы тянулись обозы с лесом, железом и разными съестными и строительными запасами. И под зимними бурями Москва была тепла чувством своей радости; народ валил в нее толпами, и пустоши ее начали застраиваться. Положась во всем на бога и на свое «авось», люди московские принялись опять жить и наживать добра по-старинному. Обновилась Москва, но много еще старинного затаила в себе обновленная. И вот теперь, со всеми следами своей старины, византийскими очерками своих храмов, со всеми своими особенностями, стоит опять Москва, как кудрявая старопечатная буква во главе великого свитка России! После знаменитого 666 года исторической жизни своей прожила еще 34 года. В эти годы, — годы незабвенные! — рус-

¹ Объявление, изданное по этому случаю, начиналось приведенными словами. Это объявление написано князем Александром Александровичем Шаховским, недавно скончавшимся в Москве.

ские прошли всю Европу, и за разорение Москвы заплатили помилованием Парижу...

И вот минули эти 34 года, полные событий, и семь веков, став на семи холмах столицы, приглашают нас приветствовать маститую! И приветствовала ее церковь молебственным песнопением и красноречивою проповедью, а граждане великолепным освещением площадей и зданий. Городская часть и длинные линии лавок опоясаны были широкою огненною лентою и по столпам обнизаны огнями. Подножие памятника Минина и Пожарского было также освещено, а по сторонам его отличались две высокие пирамиды с замечательными надписями. Императорский Московский Университет, осыпанный огнями, и многие другие здания привлекали толпы двигавшегося народа, между тем как длинные ряды экипажей тянулись по улицам под розовым заревом освещения. Можно сказать, что Москва встретила 1847 год и свое седмисотлетие светло и радушно...

ПЕСНЬ РУССКОГО ВОИНА ПРИ ВИДЕ ГОРЯЩЕЙ МОСКВЫ

Темнеет бурна ночь, темнеет,
И ветер шумит, и гром ревет;
Москва в пожарах пламенеет,
И русский воин песнь поет:

«Горит, горит царей столица;
Над ней в кровавых тучах гром,
И гнева божьего десница...
И бури огненны кругом.

О Кремль, твои святые стены
И башни горды на стенах,
Дворцы и храмы позлащенны
Падут, уничиженны, в прах!..

И все, что древность освятила,
По ветрам с дымом улетит!
И град обширный, как могила
Иль дебрь пустынна,— замолчит!..

А гордый враг, оставя степи
И груды пепла вокруг Москвы,
Возвысит грозно меч и цепи
И двигнет рать к брегам Невы...

Нет, нет! не будет пить он воды
Из славных невских берегов:
Восстали рати и народы,
И трон царя стережет любовь!

Друзья, бодрей! Уж близко мщенье:
Уж вождь, любимец наш седой,
Устроил *мудро* войск движенье
И в тыл врагам грозит бедой!

А мы, друзья! к творцу молитвы:
О, дай всеильный нам творец,
Чтоб дивной сей народов битвы
Венчали славой мы конец!»

Вещал — и очи всех подъяты,
С оружием длани к небесам:
Блеск молний пробежал трикраты
По ясным саблям и штыкам!

Между 1812—1816

МОСКВА

Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!

Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах:
Сколько храмов, сколько башен
На *семи* твоих холмах!..

Исполинскою рукою
Ты, как хартия, развит,
И над малою рекою
Стал велик и знаменит!

На твоих церквах старинных
Вырастают деревья;
Глаз не схватит улиц длинных...
Это *матушка* Москва!

Кто, силач, возьмет в охапку
Холм Кремля-богатыря?
Кто собьет златую шапку
У *Ивана-звонаря*?..

Кто *Царь-колокол* подымет?
Кто *Царь-пушку* повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У *святых* в Кремле *ворот?!.*

Ты не гнула крепкой выи
В бедовой своей судьбе:
Разве пасынки России
Не поклонятся тебе!..

Ты, как мученик, горела,
Белокаменная!
И река в тебе кипела
Бурнопламенная!

И под пеплом ты лежала
Полоненною,
И из пепла ты восстала
Неизменною!..

Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат!
Град *срединный*, град *сердечный*,
Коренной России град!

1840

МОСКВЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ

Москва! Москва! Прошли года
С тех пор, как хищные татары
Твои палили города,—
И мирно тянутся товары
На пестрые твои базары,
И ты сидишь, красна, тверда,
На *семихолмиях* священных.
Но память есть о незабвенных,
О *двух* годах роковых
В твоих преданьях вековых.

И забыто ль? — И давно ли
Ты гостей была полна?
Но пришли не *хлеба-соли*,

Не заморского вина
Гости дальние откушать:
Грустно верить, страшно слушать,
Как, зачем приплыли они!..
Засветили, разложили
В белокаменной огни
И родную запалили,
И *святынь* не пощадили...
Но прошло... И где они?

А Москва цветет все так же!
И, с кудрей стряхнувши прах,
Стала чище, стала глаже
Все ж на тех *родных* холмах.
Отчего ж легко так *снова*,
Так роскошно зацвела?..
Оттого, что век готова
Делать *добрые дела...*

Ты застольничаешь славно
И радушье праотцов
Поновила нам недавно:
Вот наставила *столов*¹
И скликает *хлебосолие*
(И в невзгодье на приволье)
И *калеку* и *слепца*.
Не зазябли, знать, сердца
У людей Москвы *старинной*.
Тут душа, как встарь, кипит:
Много доброго таит
Град наш древний, град картинный!..

1840

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ПРИЕЗД В. А. ЖУКОВСКОГО В МОСКВУ

Собирайтесь, поэты!
Стройте лиры и сердца,
Сыпьте розы и куплеты

¹ Стол Замоскворецкий, стол Лефортовский, стол Смоленский, стол Сухаревский, стол Яузский, стол Серпуховский и стол Сущевский.

На любимого Певца:
На Певца, что в шуме битвы
Год великий наш воспел,
Год страданий, год молитвы,
Год заветных Русских дел.

Наш Певец был в грозных драках,
Был бойцом в войне святой,
И коптился на биваках
С лирой звонко-золотой.
И усаые гусары,
И железный кирасир,
И посадские, и бары,
Весь крещеный Русский мир,
Гимн Певца в устах носили
И читали и твердили
Барда Руси звонкий стих!..
Одинокий, в Дворском шуме
Тихой он звездой сиял
И *чего-то* в тайной думе,
В думе сердца *пожелал*...

Нет блаженства в наших славах,
В буревой игре страстей,
В раззолоченных забавах,
Под полудюю честей!

У широкой, у далекой
Европейския реки
Ты найдешь, Певец высокой,
То пожатие руки
И ту прелесть поцелуя,
От которого, тоскуя,
Загораются сердца!

Собирайтесь же поэты!
Сыпьте розы и куплеты
На любимого Певца!..

1841

В. А. ЖУК (ОВСКО) МУ

С прелестною душой, поэт у нас известный,
Ты в Храм *бессмертия* поставил целый ряд
Красами чудными блистающих *баллад*:
Твои стихи — легки и полновесны!!!

<1825—1826>

РЕИН И МОСКВА

Я унесен прекрасною мечтой,
И в воздухе душисто-тиховеяном,
В стране, где грозд янтарно-золотой,
Я узнаю себя над *Рейном*.
В его стекле так тихи небеса!
Его берега — расписанные рамки.
Бегут по нем рядами паруса,
Глядят в него береговые замки,
И эхо гор разносит голоса!
Старинные мне слышатся напевы,
У пристаней кипит народ;
По виноградникам порхает хоровод;
И слышу я, поют про *старый* Рейн *девы*.

«Наш Рейн, наш Рейн красив и богат!
Над Рейном блещут города!
И с башнями замки, и много палат,
И сладкая в Рейне вода!..»

И пурпуром блещут на Рейне берега:
То наш дорогой виноград;
И шелком одеты при Рейне луга:
Наш реинский берег — Германии сад!

И славится дева на Рейне красотой,
И юноша смотрит бодрей!
О, мчись же, наш Рейн, серебрись полосой,
До синих, до синих морей!..»

Но чье чело средь праздничного шума,
Когда та песня пронеслась,

Подернула пролетной тенью дума
И в ком тоска по родине зажглась?..
Он счастлив, он блажен с невестой молодою,
Он празднует прекрасный в жизни миг;
Но вспомнил *что-то* он над реинской водою...
«Прекрасен Рейн *твой* и тих
(Невесте говорит жених),
Прекрасен он — и счастлив я тобой,
Когда в моей дрожит твоя рука;
Но от тебя, мой юный друг, не скрою,
Что мне, на севере, милей *одна* река:
Там родина моя, там жил я, бывши молод;
Над бедной той рекой стоит богатый город;
По нем подчас во мне тоска!
В том городе есть башни-исполины!
Как я люблю его картины,
В которых с роскошью ковров
Одеты склоны всех *семи холмов* —
Садами, замками и лесом из домов!..
Таков он, город наш *стохрамный, стопалатный!*
Чего там нет, в *Москве*, для взора необъятной?..
Базары, площади и *целые* поля
Пестреются кругом высокого *Кремля!*
А этот *Кремль*, весь золотом одетый,
Весь звук, когда его поют колокола,
Поэтом, для тебя не чуждым, Кремль воспетый
Есть колыбель Орла
Из царственной семьи великой!
Не верь, что говорит в чужих устах молва,
Что будто север наш такой пустынной, дикой!..
Увидишь, какова Москва,
Москва — святой Руси — и сердце и глава! —
И не покинешь ты ее из доброй воли:
Там и в мороз тебя пригреют, угостят;
И ты полюбишь наш *старинный* русский град,
Откушав русской хлеба-соли!..»

1841

ЕДИНСТВЕННЫЙ ЛИСТ В МОСКВЕ ¹

Наш май угрюм и не цветист,
Знать, осень возвратилась снова:
Как грустно! — Здешнего листочка нет роднова,
И радует Москву один — *нездешний* Лист!

1843

ОСЕТР ЗА ОБЕДОМ В МОСКВЕ ²

Что за волна над ним плескала?
Из Волги он иль из Урала?
Чья богатырская рука
Железом острого крюка
Его из влаги извлекала
На скаты желтого песка?
И вот теперь он — рыба-чудо,
Сей великан двухпудовой,
Не помещается на блюдо...
Но, представитель русских рыб,
Не вовсе великан погиб
В пустынях, полных бурей свиста,
В бесславной тесноте сетей:
Он заслужил вниманье Листа,
Рукоплескание гостей!..

МОСКОВСКИЕ ДЫМЫ

Дымы! Дымы!
Московские дымы.
Как вы клубитесь серебристо
С отливом радуги и роз,
Когда над вами небо чисто
И сыплет бисером мороз.

¹ Написано по случаю холодного и безлистленного мая и знаменитых концертов Листа.

² Стихи сложены за самим обедом Степаном Шевыревым и Федором Глинкой.

Но мне приходит часто дума,
Когда на ваш воздушный ряд,
Над цепью храмов и палат,
Гляжу я из толпы и шума:
Что рассказали б нам дымы,
Когда бы рассказать умели!
Что там таится в тайниках,
Какая жизнь, какие цели
Сердца волнуют и умы
В громадах этих зданий крытых?
О! сколько вздохов, сколько слез,
Надежд, безжалостно разбитых,
Молитв и криков сердца скрытых
Московский дым с собой унес!!!!...

Дымятся дома, где в веселье
Покалы искрятся в звездах
И вьется струйкой дым на келье,
Где бледный молится монах.
Все дым — но дым есть признак жизни,
Равно и хижин и палат:
Дымись же, лучший перл отчизны,
Дымись, златоголовый Град!
Была пора — ты задымил
Не войском надпалатных труб,
Но, вспыхнув, как мертвец, свалил,
И дым одел твой чистый труп!

И, помирившись с судьбою,
Воспрянул ты — и над трубою
Твоей опять кудрится дым:
За Русь, с бесстрашием героя,
Ты в руки шел к чужим без боя,
Но руки опалил чужим!..
Печален дом, где не дымится
Над кровлей белая труба:
Там что-то грустное творится,
Там что-то сделала судьба!..
Не стало дыма — и замолкнул
В поварне суетливый нож,
Замок на двери грустно щелкнул,
Борьбы и жизни стихла дрожь!
Засох с разохшейся бадьею
Колодец на дворе глухом,

Не стало дыма над трубою,
И числят запустелым дом.

О! да не быть тому с тобою,
Не запирайся, дверь Москвы:
Будь вечно с дымною трубою,
Наш город шума и молвы!..
Москва! Пусть вихри дымовые
Все вьются над твоей главой
И да зовут, о Град святой,
Тебя и наши и чужие
Короной царства золотой!..

1847

ПЕТР ЯКОВЛЕВИЧ ЧЕАДАЕВ

(Человек, памятный Москве)

Одетый праздником, с осанкой важной, смелой,
Когда являлся Он пред Публикою белой
С умом блистательным своим,
Смирялось все невольно перед ним!..
Друг Пушкина любимый, задушевный,
Всех знаменитостей тогдашних был Он друг:
Умом его беседы увлеченный,
Кругом его умов теснился круг;
И кто не жал ему с почтеньем руку?
Кто не хвалил его ума?..
Но пил и он из чаши жизни МУКУ
И выпил ГОРЕ от УМА!....

<1850-е гг.>

МЕЧТАНИЯ НА БЕРЕГАХ ВОЛГИ

Воспоминанием живет душа моя!

Я. Княжнин

И я, в мой краткий век,
Я видел много славных рек
В отчизне и в странах далеких;

Но Волгу светлую, в брегах ее высоких,
Всегда с весельем новым зрю.
Как часто, вспомянув протекших лет зарю,
Я вижу, как теперь, Дуная бурны волны,
Его брега — убийств и крови полны:
На них пылала грозна брань
И рати бурные кипели,
Над ними небеса горели,
И было все — войне и смерти дань!..
Там призрак гибели над юношей носился,
И гаснул мой безоблачный рассвет,
И с жизнью молодой, на утре ранних лет,
Едва я в бурях не простился!..
Но память мне мила о *жизни боевой*,
Когда я пел, — для храбрых лиру строя, —
Не сладость вялого покоя,
Но прелесть битвы роковой...
Как вы любезны мне, о братские беседы!
У светлых полевых огней...
Забуду ль я и праздники победы,
И славу грозных дней...

*

Я видел *Ваг*, надменный и свирепый,
Я зрел, как он, чрез дебри и вертепы
Пробив широкий путь меж гор,
Как грозный дух времен, кипит и рвет преграды,
Шатая древних скал громады,
И, с шумом поглотив и брег, и дикий бор,
Дивит и восхищает взор.
Дела времен, протекши годы,
О *Ваг!* твои кипящи воды
Напоминают мне... и вижу я народ,
С оружием ищущий и славы и свободы...
Так здесь, на сих полях и на брегах сих вод,
Дружины конные скакали
На пир кровавая войны,
И сабли, с свистом, рассекали
Врагов свободной стороны...
Здесь храбрых вождь, герой сраженья
И враг оков и униженья,
Текелли молнией летал;
И в бедствах чуждый укоризны,

Огонь и мужество вливал
В боях за святость прав отчизны...

*

Я видел древний *Буг* в глуши степей унылых:
Из стран Авзонии, из мест отчизны милых,
Овидий-изгнанник стонал на сих берегах
И горесть и любовь в прелестных пел стихах,
Отторжен сильною от счастья рукою...
Вверяя грусть свою пустыням и лесам,
И эху чуждому, и чуждым небесам,
Душа его, стена, не ведала покою...
И днесь на берегах твоих, священный *Буг!*
Пиита славного еще витает дух:
Бессмертного не зрят нечисты смертных очи,
Но в молчаливый час безоблачной полночи
Невинных пастырей беспечный ясный взор
Его на высоте встречает диких гор...

*

Я видел древнюю границу двух держав,
Красивый, быстрый *Днестр*, в берегах его песчаных,
Обильный и в плодах, и в гроздиях румяных.
Там тысячи овец и сладкомлечных крав¹
Пестреют на степях в серебряных бурьянах
И пастырям несут бессеребряную дань;
Издrevле там леса дремучие темнели,
Недремлющая в них мечи острила брань,
И зорко хищники из дебрей к нам глядели
И порубежную перебегали грань
С арканом и огнем... И все их жертвой было;
Но мести зарево ужасно осветило
Издавна гневные на хищных небеса:
Пришли от Севера полки, отваги полны,
Пред ними гром — и пламенные волны,
И пепл — дремучие леса!..

*

Нередко я видал и *Днепр* голубоводный
На лоне матери-природы
Еще младенцем-ручейком;

¹ коров. (Примеч. ред.)

Но зрел, я зрел его в величьи рек царем!
Как, грозный, он пробил меж гор себе дороги
И, пеной оснежа пороги,
С протяжным грохотом, кипящий, в дол летит!
Высокобашенный Смоленск над ним стоит!
И холмы киевски, веками освященны,
И храмы божии, богато позлащенны;
Исполненна чудес глядится в нем страна!
И нетерпением полна,
Бежит к *могучему* прекрасная Десна...

*

Я в *Польше* реки зрел: и воды светлой *Вислы*,
И с шумом к ней бегущий *Буг*;
И замки с башнями из бездны с скал навислы;
Седых времен парит над ними дух...
Страны прелестные не раз облиты кровью,
Земля, засеяна костями,
Ты с давних лет присвоена любовью
С ее волшебными сетями;
Гроза сердец — твои молодые *феи*:
Как милы их любовные затеи!
И гибкий, легкий стан, и сладость их речей,
И прелесть тайная очей!..
Но мне милей их жаркое участие
В судьбе родной их стороны:
Они святой любовью к ней полны,
И счастье их — отчизны милой счастье!
Как часто, позабыв и негу и покой,
Их вдохновением дружина храбрых дышит,
И воин, в битве роковой,
Заветные слова незримых спутниц слышит:
«Свобода и любовь!»
И храбрый вихрем на врагов!
Там пылкая моя промчалась младость,
И мнится, я во сне увидел жизни рай;
Но в сердце и теперь живая вспыхнет радость,
Как, вспомнив, назову тебя, приветный край!..
Так мило и теперь, в стране златых мечтаний,
Искать мне, как друзей, о прошлом воспоминаний,
Их сердце грустное манит, к себе зовет:
Где ты, о время прежних лет!
Где первой страсти грусть и первые волненья?

Где вы, любви надежды и мученья?
О дети неба! разве вас
Один лишь только в жизни раз
Встречает смертный и лелеет
В груди пылающей, младой?
Но что так сладко в душу веет?
Так вьется к сердцу... сердце млеет,
Когда в очах моих светлеет
Туман протекшего седой?..—
То вы, мои мечты! мои воспоминанья!
Небесные! при вас я все забыл страданья:
При вас в душе моей так тихо и светло!
И все прошедшее как будто не прошло!

*

Как странник, многие еще я видел реки:
Мне указала их молва;
Они красуются в странах, от нас далеких...
Тебя ж, о пышная дочь Ладоги, *Нева!*
Я зрел в младенческие лета;
И, новый гость безвестного мне света,
Не знал я и имен, сует, забот и бурь;
В моей душе веселия лазурь,
Как свод небес в тебе изображался...
Ах! в тот златой мой век с страстями я не зпался:
Не плакал от тоски, не думал крепких дум...
И града пышный вид, смятенье, звук и шум,
Богатство, слава, честь, блестя, обворожая,
Мелькали для души, души не поражая,
И мимо протекли, как сон, как ряд теней...
Мне жизнь была *нова!* не знал я в ней путей,
Не знал, что полон мир обманов и сетей.
Безбурны детства дни, о времена златые,
Забуду ль вас? — О радости святые!
Вы по цветам *беспечно*го вели
И сами, как цветы, вокруг него пестрелись,
Ужели для меня навек вы отцвели?
Забавы детских лет, как птички, разлетелись,
И мой челнок оставил тихий брег!..
Придете ль вы опять, о дни очарований?
Я счастлив, счастлив был в пылу моих
мечтаний,

В семье живых надежд, веселий и утех!
 Но строг угрюмый мой учитель,
 Воздушных замков разрушитель
 Был опыт. Он мою младую грудь стеснил,
 Смолистым факелом на мир сей посветил
 И мир подернул черной тканью...
 «Гроб мрачный,— рек он мне,— один конец
 страданью;
 Обеты счастья — ложь! дни жизни — дни
 сует!
 Волшебны зеркала — прелестные мечтанья,
 Без них уныл и мрачен свет,
 И слез полна юдоль земного испытанья:
 Надежды и мечты
 Нас тешат, как детей, и вянут, как цветы,
 Под бурями страстей мертвеет добродетель!..»
 Не так ли он гласит, суровый благодетель? —
 Но к прежним радостям искать ли мне путей?..
 И где укроюсь я от мятежа страстей? —
 Не при тебе ль, *о рек российских мать и слава!*
 О пышна Волга величава!
 Мне суждено мои утраты возратить
 И сердца грустного все раны залечить?
 О волжские струи! О холмы возвышенны!
 Воскреснут ли при вас дни, счастьем
 обновленны?
 Прольется ль в томну грудь веселия струя;
 И буду ль, буду ль счастлив я?..
 Не здесь ли, о берега, пленяючи собою!
 Я заключу желанный мир с судьбою?
 И будете ли вы, нагорны высоты,
 Притоном странника, приютом сироты?
 В укромной хижине, к утесу прислоненной,
 Душистой липою и кленом осененной,
 Найду ли наконец душе моей покой?
 Как восхищался б я прелестною рекой!..
 Но сбудется ль, что я, певец уединенный,
 Святой свободой вдохновенный,
 О Волга! воспою твой бег, твои берега,
 Златые пажити, роскошные луга,—
 Как белокрылые струга
 Ты к морю синему в седую даль уводишь...
 Мечта! зачем опять к мечтам меня заводишь?
 Мне ль счастья ожидать? — Судьбы гремющий глас,

Брега прекрасные! велит оставить вас:
Я странник! не ищу чертогов пышных строить:
Ищу лишь *уголка*, где б сердце успокоить.

1812

ВОЕННАЯ ПЕСНЬ...

Раздался звук трубы военной,
Гремит сквозь бури бранный гром:
Народ, развратом воспоенный,
Грозит нам рабством и ярмом!
Текут толпы, корыстью гладны,
Ревут, как звери плотоядны,
Алкая пить в России кровь.
Идут, сердца их — жесткий камень,
В руках вращают меч и пламень
На гибель весей и градов!

В крови омочены знамена,
Багреют в трепетных полях,
Враги нам вьют вериги плена,
Насилье грозно в их полках.
Идут — влекомы жаждой дани,
О страх! срывают дерзки длани
Со храмов божьих лепоту!
Идут — и след их пепл и степи!
На старцев возлагают цепи,
Влекут на муки красоту!

Теперь ли нам дремать в покое,
России верные сыны!
Пойдем, сомкнемся в ратном строе,
Пойдем, и в ужасах войны
Друзьям, отечеству, народу
Отыщем славу и свободу,
Иль все падем в родных полях!
Что лучше: жизнь — где узы плена,
Иль смерть — где русские знамена?
В героях быть или в рабах?

Исчезли мира дни счастливы,
Пылает зарево войны:
Простите, веси, паствы, нивы!
К оружию, дети тишины!
Теперь, сей час же, мы, о други,

Скуем в мечи серпы и плуги:
На бой теперь — иль никогда!
Замедлим час — и будет поздно!
Уж близко, близко время грозно:
Для всех равно близка беда!
И всех, мне мнится, клятву внемлю:
Забав и радостей не зная,
Доколе враг святую землю
Престанет кровью обогащать!
Там друг зовет на битву друга,
Жена, рыдая, шлет супруга
И мать в бой своих сынов!
Жених не мыслит о невесте,
И громче труб на поле чести
Зовет к отечеству любовь.

*Военная песнь,
написанная во время приближения
неприятеля к Смоленской губернии
Июль 1812*

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ...

Вспомним, братцы, россю славу
И пойдем врагов разить!
Защитим свою державу:
Лучше смерть — чем в рабстве жить.
Мы вперед, вперед, ребята!
С богом, верой и штыком;
Вера нам и верность свята:
Победим или умрем!
Под смоленскими стенами,
Здесь, России у дверей,
Стать и биться нам с врагами!..
Не пропустим злых зверей!
Вот рыдают наши жены,
Девы, старцы вопиют,
Что злодеи разъяренны
Меч и пламень к ним несут.
Враг строптивый мечет громы,
Храмов божьих не щадит;
Топчет нивы, палит дома,
Змеет лютым в Русь летит!

Русь святую разоряет!..
Нет уж сил владеть собой:
Бранный жар в крови пылает,
Сердце просится на бой!
Мы вперед, вперед, ребята!
С богом, верой и штыком;
Вера нам и верность свята:
Победим или умрем!

*Солдатская песня,
сочиненная и петаая во время соединения
войск у города Смоленска в июле 1812 года.
На голос: Веселяся в чистом поле*

ПАРТИЗАН СЕСЛАВИН

Он в юности своей весь отдался наукам,
Дышал мечтой о жизни боевой:
И чтением он ум обогащая свой,
И душу приучал к волшебным славы звукам...
Но вдруг... двенадцатый, с его войною, год!
Пожар! Отечество горит — и весь народ
К оружию от сохи... И косы на защиту...

Кто там на дереве сидит
И, пепельной золой покрыту,
Москву святую сторожит?
Кто так искусно нам дает правдивы вести?
Он храбр и прям, как меч! Ни трусости,
ни лести!..

Вот Вильна, польский град, французами кипит!
Двадцатиградусный мороз трещит!
И русские сердца трещат от правой мести!
Кто ж воин сей, с отвагою такой,
В крови, — с подвязанной рукой, —
С дружиной ломится в ворота?
Вот груды золота в разбитых сундуках:
Пусть гинет золото в снегах,
Ему важнее есть заботы,
Чтоб славу скользкую держать в своих руках...
Героям древности он благородством равен;

Душой прямою россиянин,
О нем вещал бы нам и предок-славянин:
«Се — с л а в е н!»

1827

ПАРТИЗАН ДАВИДОВ

Усач. Умом, пером остер он, как француз;
Но саблю французам страшен:
Он не дает топтать врагам нежатых пашен
И, закрутив гусарский ус,
Вот потонул в густых лесах с отрядом —
И след простыл!.. Но *невидимкой* он то рядом,
То, вынырнув, опять следом
Идет за шумными французскими полками
И ловит их, как рыб, без невода, руками.
Его постель — земля; а лес дремучий — дом!
И часто он, с толпой башкир и с казаками
И с кучей мужиков и конных русских баб,
Как вихорь, как пожар, на пушки, на обозы
И в ночь, как домовый, тревожит вражий стан.
Но милым он дарит, в своих куплетах, розы.
Давыдов! Это ты, поэт и партизан!

1827

СМЕРТЬ ФИГНЕРА

(*Опыт народной поэзии*)

1

Уж солнце скрылось за леса.
Пойдем и сядем здесь, любезныйевич!
Ты закрути свои два длинные уса!
И ты, как сказочный Иван-царевич,
Слыхал, видал большие чудеса!..
Но я один и вижу, как в картине,
Живой, картинный твой рассказ,
Как бились вы на смерть над Эльбой на плотине
Где Фигнер-партизан, как молния, угас..
О, Фигнер был великий воин
И не простой... он был колдун!..

При нем француз был вечно беспокоен...
Как невидимка, как летун,
Везде неузнанный лазутчик,
То вдруг французам он попутчик,
То гость у них: как немец, как поляк
Он едет вечером к французам на бивак
И в карты козыряет с ними,
Поет и пьет... и распростился он,
Как будто с братьями родными...
Но усталых в пиру еще обдержит сон,
А он тишком с своей командой зоркой,
Прокравшись из леса под горкой,
Как тут!.. «Пардон!» Им нет пардона;
И, не истратив ни патрона,
Берет две трети эскадрона...
И вот опять на месте стал,
Как будто и не он!..

.
.

2

Он широко шагал!
И часто после общей драки
Его летучие биваки
Сияли где-нибудь в глуши:
В болоте топком, в чаще леса,
На гребне дикого утеса...
И вот Орловский сам картину с них пиши!
Храпят у коновязи кони,
Звенят над кормом удила:
«Никто не смей снимать седла!
Кругом француз!.. Мы тут, как рыба в тоне;
Дремли без сна и будь готов!» —
Так он приказывал... И, лежа вокруг котлов,
Курят табак усатые гусары,
И зорко вдаль глядит казак...
И он своим рассказывает так:
«Я бился с турком, мне знакомы янычары;
Тогда служил я с пушкою пешком;
«Готовы лестницы?» — сказал Каменской,
А было то под грозным Рущуком.—
«Но ров не вымерян... Тут с хитростью женской
Потребно мужество... И кто из удальцов

Украдкой проползет и вымеряет ров?»
 Он все сказал. И я пустился...
 Темнело в поле и в садах,
 Муллы сзывали на молитву,
 И турки, говоря про битву,
 Табак курили на валах...
 Фитиль над пушкою дымился,
 Дремал усталый часовой...
 Я подошел... перекрестился...
 И лот, на снуре, весовой
 Тихонько с берега скатился...
 Я вымерил и возвратился.
 И храбрый русский генерал
Спасибо русское за подвиг мне сказал,
 И я в душе ношу спасибо это.
 Хозяин мудрый правит светом:
 Товарищи, наш бог велик!
 Он от погибели спасает неминучей».
 Так он рассказывал... и красный луч зари
 Уже проглядывал вдали за синей тучей...
 Тогда в Саксонии вели войну цари,
 И против них Наполеон могучий,
 Как темная гроза, над Эльбою стоял,
 И в перемирие он битвы замышлял...

3

. Чу, кто там проскакал
 Близ городка красивого *Дессау*?
 Конечно, к *Верлицу*? Да, Верлиц — сад на славу!
 Я сам в нем был, и он меня пленял...
 «Смотрите, и не пьян, а по колено море:
 Вот партизан прямой! В груди слышав горе,
 В веселый сад он мчится погулять!
 А может, и не в сад... Как знать?
 Уж перемирию конец... опять тревоги:
 Французской конницей заставлены дороги;
 В саксонских городах везде француз!..
 Наш партизан лихой! Уж подлинно не трус...
 И он без усталости... Всю ночь считает звезды!
 Сам поверяет цепь и ставит сам разъезды...
 При нем никто не смей звать!»

Но кто взмутил песок зыбучий?
Что там синеется? Как издали узнать?..
Быть может, лес, быть может, тучи...
Ах, нет, то к Верлицу валит французов рать..

4

«Бей сбор! муштучь! труби! Вся партия к походу!
Француз объехал нас дугой
И жмет к реке. Друзья, назад нам прямо в воду!
Вперед, на штык, на смертный бой!
Но я, друзья! за вас в надежде,
Что слово «смерть» не испугает вас:
Не все ль равно, что годом прежде,
Что позже десятью возьмет могила нас!..
Слушай! стоять! не суетиться!
Патрон и мужество беречь!
Стрелкам по соснам разместиться:
Ни слова... ни дохнуть, в тиши стеречь!
Драгуны могут, спешась, лечь...
А вы, мои залетные гусары!
Бодри коней и сноровляй удары,
Ни вы меня, ни я друзей не выдавал!
Дай сабле поцелуй, и бьемся наповал!»
.
.

5

Шумит... вдаль песок дымится:
Француз сквозь частый бор проник.
Палят!.. Вот конница и пеших крик:
Уланы польские... и все на нас валится,
Как лес!.. Молись и на коня!
Сюда, на узкую плотину:
Одна сменяй другую половину.
И все смотрите на меня!..
Уж я с женой в душе простился,
Сказал последний мой завет:
Я знал, когда на свет родился,
Что ведь должно ж оставить свет...—
Сказал... пошел... и закипело...

Ну,евич! Это дело
 Из самых славных русских дел...
 Уж бой давно, давно горел:
 Дрались в лесу и на поречье;
 Постлался трупом узкий путь;
 И русская трещала грудь.
 Никто не думал об увечье:
 Прочь руку, сабля уж в другой!
 Ни фершалов, ни перевязки!..
 Признаться, разве только сказки
 Расскажут о борьбе такой...

.

Но где ж союзники? Ко времени б и месту
 Теперь им быть!.. На них надежда уж плоха!
 Дерись... година нам лиха!
 Так два отчаянных влюбленных жениха
 До смерти режутся за милую невесту...
 Что зашумел громче лес?
 Еще звончей и ближе топот...
 Берут французы перевес!
 У наших слышен тайный ропот...
 То не боязнь, но злей... то шепот...
 «Что не видать его в огне?
 Доселе, в бурке, на коне,
 Он все был тут, в глазах маячил,
 Он сам, он первый рубку начал...»

.

Взошла, как и всегда, луна
 И в ясной Эльбе потонула;
 Как мертвая, глухая тишина!..
 Но разве днем не эта сторона
 Кипела адом! Да! и вот уснула!
 И враг и друг — в непробудимый сон!..
 О берег, берег Эльбы дальней!

Что мне сказать жене печальной?
Где он, герой? Куда ж девался он?
Никто не знает, неизвестно!
Его искали повсеместно:
На поле битвы, по лесам;
Но он остался в ненайденных
Ни между тел, ни между пленных:
Его безвестен жребий нам!..
Лишь ты, любезныйевич,

Порою, вспомянув о нем,
Мне говоришь: «Он был прямым богатырем
И чудом... как Бова, Додонский королевич!..»
Ты помнишь, как тебе твердил я: «Говори!
(Как вместе мы запрошлым жили летом)
Рассказывай мне, друг, о человеке этом:
Я рад послушать до зари!»
И проводили мы в рассказах дни и ночи.
Тогда каким огнем твои пылали очи!
Летели мимо нас вечерние часы,
Слеза в очах твоих светилась
И тихо из очей катилась
На длинные усы!..

1826

МЕСТО СЛАВЫ

(Бородино)

Темпо! на линии сверкают огоньки:
В порядке боевом растянуты биваки,
Ружье осмотрено, наострены штыки,
И закоптелые от пороху полки
Готовы резаться в огне сердитой драки
И пришлецов скрошить в куски.
У них Наполеон с отважной головою,
А мы — пред *Матушкой-Москвою*.
Тут всемогущество врагов раздроблено
И раздробленное в России — спасено:
Я узнаю тебя — село *Бородино!*

<1826—1827>

ГУСАРСКАЯ ПЕСНЯ

Друзья, залетные гусары!
Шумит военная гроза!
Готовьте меткие удары;
Посмотрим смерти мы в глаза!

*

Идут необозримым строем,
Но мы прорвем их тесный строй;
Повеселимся грозным боем,
Навалим трупы их горой...

*

Еще долина не отстонет,
И гул не стихнет по горам;
А гордый враг в крови потонет,
И мы — опять к своим огням!

*

Там к небу теплые молитвы!
И спор веселый закипит
О чудесах протекшей битвы,
И ночь, как птица, пролетит!

1823

1812-й год

(Отрывок из рассказа)

Посвящено людям 12-го года

Дошла ль в пустыни ваша весть,
Как Русь боролась с исполином?
Старик-отец вел распри с сыном:
Кому скорей на славну месть
Идти? — И, жребьем недовольны,
Хватая пику и топор,
Бежали оба в полк напоольный
Или в борах, в трупобах гор

С пришельцем бешено сражались.
От Запада к нам бури мчались;
Великий вождь. *Наполеон*
К нам двадцать вел с собой народов,
В минувшем нет таких походов:
Восстал от моря к морю стон
От пота конных, пеших строев;
Их длинная, густая рать
Всю Русь хотела затоптать;
Но снежная страна героев
Высоко подняла чело
В заре огнистой *прежних* боев:
Кипело каждое село
Толпами воинов брадатых:
«Куда ты, нехристь?.. Нас не тронь!»
Все вопили, спустя огонь
Съедать и грады, и палаты,
И созиданья древних лет.
Тогда померкнул дневный свет
От курева пожаров рьяных,
И в небесах, в лучах багряных,
Всплыла погибель; мнилось, кровь
С них капала... И, хитрый воин,
Он скликнул вдруг своих орлов
И грянул на *Смоленск*... Достоин
Похвал и песней этот бой:
Мы заслоняли тут собой
Порог Москвы — в Россию *двери*;
Тут русские дрались, как звери,
Как ангелы! — Своих голов
Мы не щадили за икону
Владычицы. Внимая звону
Душе родных колоколов,
В пожаре тающих, мы прямо
В огонь метались и упрямо
Стояли под дождем гранат,
Под взвизгом ядер: все стонало,
Гремело, рушилось, пылало;
Казалось, выхлынул весь ад:
Дома и храмы догорали,
Калились камни... И трещали,
Порою, волосы у нас
От зноя!.. Но сломил он нас:
Он был *сильней!*.. Смоленск курился,

Мы дали тыл. Ток слез из глаз
На пепел родины скатился...
Великих жертв великий час,
России славные години:
Везде врагу лихой отпор;
Коса, дреколье и топор
Громили чуждые дружины.
Огонь свой праздник пировал:
Рекой шумел по зрелым жатвам,
На селы змеем налетал.
Наш бог внимал мольбам и клятвам,
Но враг еще... одолевал!..
На Бородинские вершины
Седой орел с детьми засел,
И там схватились исполины,
И воздух рделся и горел.
Кто вам опишет эту сечу,
Тот гром орудий, стон долин? —
Со всей Европы эту встречу
Мог русский выдержать один!
И он не отстоял отчизны,
Но поле битвы отстоял,
И весь в крови, — без укоризны —
К Москве священной отступал!
Москва пустела, сиротела,
Везли богатства за Оку;
И вспыхнул Кремль, — Москва горела
И нагнала на Русь тоску.
Но стихли вдруг враги и грозы —
Переменилася игра:
К нам мчался Дон, к нам шли морозы —
У них упала с глаз кора!
Необозримое пространство
И тысячи пустынных верст
Смирили их порыв и чванство,
И показался божий перст.
О, как душа заговорила!
Народность наша поднялась:
И страшная России сила
Проснулася, взвихрилася, взвилася:
То конь степной, когда с натуги
На бурном треснули подпруги,
В зубах хрустели удила,
И всадник выбит из седла!

Живая молния, он, вольный
(Над мордой дым, в глазах огонь),—
Летит в свой океан напоольный;
Он весь гроза — его не тронь!..
Не трогать было вам народа,
Чужезычны наглецы!
Кому не дорога свобода?..
И наши смурые жнецы,
Дав селам весть и богу клятву,
На страшную пустились жатву...
Они — как месть страны родной —
У вас, непризванные гости:
Под броней медной и *стальной*
Дощупались, где ваши кости!
Беда грабителям! Беда
Их конным выюкам, тучным ношам:
Кулак, топор и борода
Пошли следить их по порошам...
И чей там меч, чей конь, и штык,
И шлем покинут волосатый?
Чей там прощальный с жизнью клик?
Над кем наш Геркулес брадатый —
Свиреп, могуч, лукав и дик —
Стоит с увесистой дубиной?..
Скелеты, страшную дружиной,
Шатаясь, бредут с трудом,
Без славы, без одежд, без хлеба,
Под оловянной высью неба,
В железном воздухе седом!
Питомцы берегов Луары
И дети виноградных стран
Тут осушили *чашу кары*:
Клевал им очи русский вран¹
На берегах *Москвы и Нары*,
И русский волк, и русский пес
Остатки плоти их разнес.
И вновь раздвинулась Россия!
Пред ней неслись разгром и плен.
И Дона полчища лихие...
И галл и *двадцать* племен
От взорванных кремлевских стен,
Отхлынув бурною рекою,

¹ ворон. (Примеч. ред.)

Помчались по своим следам!..
И, с оснеженной головою,
Кутузов вел нас по снегам;
И все опять по Неман, с бою,
Он взял — и сдал Россию нам
Грошавленной, неразделенной.
И минул год — год незабвенный!
Наш Александр благословенный
Перед Парижем уж стоял
И за Москву ему прощал!

1839

СЛАВНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ

Битва на поле гремела — битвы такой не бывало:
День и взоршел и погас в туче нависнувшей дыма;
Медные пушки, дрожа, раскалялись от выстрелов частых,
Стоном стонала земля; от пальбы же ружейной весь
воздух

Бурей сдавался сплошной... Там, по холмам бородинским,
Юноша нес на плечах тело, пробитое пулей:
Свежая кровь по мундиру алой тянулась дорожкой.
«Друг! ты куда же несешь благородную ношу?»

В ответ он:

«Братцы! товарищ убит! Я местечка ищу для могилы —
Видите ль, взад и вперед колесистые бегают пушки,
Кони копытом клеймят поле; боюсь я: собрата
Конница ль, пушки ль сомкнут... не доищешься после
и членов!..

Грустно подумать и то, что, как поле затихнет от битвы,
Жадный орел налетит — расклевать его ясные очи,
Очи, в которые мать и сестра так любили глядеться!..
Вот почему я квартиры тихой ищу постояльцу!»
«Ладно!» — сказали сквозь слезы усачи-гренадеры

и стали,

Крест сотворивши, копать, на сторонке, могилу

штыками...

Только что кончили труд, закипела беда за бедою:
Буря за бурей пошла... и метелью и градом картечи,
Черепом бомб и гранат занесло, завалило могилу!..

ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОК А. П. ЕРМОЛОВУ

Умом затмил он блеск алмаза,
В боях был славный он боец,
Да здравствует герой Кавказа!
Да здравствует герой сердец!
Под буркою, над русским станом,
С морщиной умной на челе,
Не раз стоял он великаном
Монументально на скале!
А пашка между тем чеченцев
Вела с штыком трехгранным спор,
И именем его младенцев
Пугали жены диких гор.
И вот еще из-за тумана,
Которым лик его прикрыт,
Глядит героем Оссиана
Он на мельчающий наш быт!
И под маститой сединою,
Хоть взор орлиный и пригас,
Всё баснословной стариною
И славой обдает он нас!

1847

ОПЫТЫ ДВУХ ТРАГИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ В СТИХАХ БЕЗ РИФМЫ¹

Содержание первого явления:

Один из верных сынов покоренного тираном отечества увещевает сограждан своих в тишине ночи к поднятию оружия против насильственной власти².

¹ Читано в собрании СПб. Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, 11 ч. сего октября.

² Вместо имен действующих лиц поставлены здесь нумера, ибо отрывок сей (два явления) не принадлежит ни к какому целому, а написан только для опыта, чтоб узнать, могут ли стихи такой меры заменить александрийские и монотонию рифмы, которая едва ли свойственна языку страстей.

Друзья! уклоняясь от злобы врагов,
 К свиданью полночный назначил я час.
 Теперь все спокойно, все предано сну;
Тиранство на лоне утех, на цветах —
 И *рабство* во прахе под тяжким ярмом
 Спят крепко!.. Не спит лишь к *отчизне любви!*
Она не смыкает слезящих очей:
 Скитаясь по дебрям, при бледной луне,
 Рыданьем тревожит полуночный час
 И будит свободу от смертного сна.
 Свобода! Отчизна! священны слова!
 Иль будете вечно вы звуком пустым?
 Нет! мы воскресим вас! Не слезы и стон
 (Ничтожные средства душ робких и жен),
 Но меч и отвага к свободе ведут!
 Умрем иль воротим *златые права*,
 Что кровию предки купили для нас!
 Чем жизнь в униженьи, стократ лучше
смерть!..

Отечества гибель нам лезя ль пережить?..
 Ответ ваш, о други! читаю в очах:
 Горящий в них пламень, багряность ланит
 И дланей стремленье к звенящим мечам —
 Все, все мне являет тех самых мужей,
 С которыми в битвах я славу делил...
 Мы те же, но край наш не тот уже стал! —
 Под пеплом, в оковах, под тяжким ярмом
 Отечество наше кто может узнать?

Так в лютых напастях все зрим мы наш край!
 Родных и знакомых я стран не узнал,
 Когда на свиданье к местам сим спешил.
 О родины милой священны поля,
 Где первый раз в жизни я счастье познал,
 Что сделалось с вами? — Все умерло тут!..
 Где спела надежда на нивах златых
 И радости песни гремели в лугах,
 Там страшен вид мрачных, ужасных пустынь,
 Пустынь, где унынье, от воя зверей,
 Сугубит звук томный влачимых оков!

На трупах, на пепле пожженных им стран,
 На выях согбенных под гнетом рабов
 Тиран наш воздвиг свой железный престол;
 Но слышен уж ропот, тирана клянут...

Клянут лишь и только! а *руки и меч*,
 А предков примеры кто отнял у них?..

Содержание второго явления:

Завоеватель открывает наперснику любовь свою к одной из жен покоренного им народа.

Рожденный в пустынях, меж диких племен,
 Валелеян средь браней на ратных щитах,
 О чувствах сердечных что ведать я мог? —
 Туманное небо, печальны леса
 И вечные битвы — вот все, что я знал!
 Война мне забавой была от пелен;
 Я счастье чтил — в славе, мне друг был — мой меч!
 И юное сердце, лишь бранью кипя,
 Под броней железной не знало любви...
 Но здесь, друг мой верный, узнало оно
 Чувств новых волнение — для новых мне мук!
 Ни слова о троне, о блеске побед —
 Ни слова, о друг мой! ни лавры, ни трон
 Не могут покоя душе возвратить!
 Ты помнишь дни славны, как с бранной грозой,
 Как бурные воды, втекли мы в сей край:
 Нам каждая битва была торжеством,
 По трупам, по пеплу вошли мы в сей град —
 Мой трон! мое царство! — «Но сам ты не свой!» —
 Вещало мне сердце, уныло стена.
 Я в первый раз в жизни услышал сей стон...
 Услышал, смутился... Что ж в царском венце?
 Ах! многие ль счастье в величьи нашли? —
 Что власть? коль мгновение все может отнять
 И скорби посеять в душе семена!..
 Почто я узрел в *ней* собор всех красот?..
 Где вы, равнодушье, холодность, покой?
 Исчезали!.. я страстен... и мучусь любя!

Огонь тайный проникнул сквозь твердую сталь,
И пламенные вихри клубятся в груди!..
Так *вождь-победитель* стал сам побежден,
И царь, все пленивший, пленен здесь — *рабой!*

1817

К ПУШКИНУ¹

О Пушкин, Пушкин! кто тебя
Учил пленять в стихах чудесных?
Какой из жителей небесных
Тебя младенцем полюбил,
Лелея, баял в колыбели?
Лишь ты завидел белый свет,
К тебе Эроты прилетели
И с лаской Грации подсели...
И Музы, слышал я, совет
Нарочно всей семьей держали
И, кончив долгий спор, сказали:
«Расти, резвись, — и будь Поэт!»
И вырос ты, резвился вволю,
И взрос с тобою дар богов:
И вот, блажа беспечну долю,
Поешь ты радость и любовь,
Поешь утех, наслажденья,
И топот коней, гром сраженья,
И чары ведьм и колдунов,
И русских витязей забавы...
Склонясь под дубы величавы,
Лишь ты запел, молодой певец,
И добрый дух седой дубравы,
Старинных дел, старинной славы
Певцу младому вьет венец!
И всё бывшее обновилось:
Воскресла в песне старина,
И песнь волшебного полна!..
И боязливая луна
За облак дымный хоронилась
И молча в песнь твою влюбилась...
Все было слух и тишина:

¹ Стихи сии написаны за год перед сим, по прочтении двух первых песней «Руслана и Людмилы».

В пустыне эхо замолчало;
Вниманье волны оковало,
И, мнилось, слышат берега!
И в них русалка молодая
Забыла витязя Рогдая,
Родные воды и в луга
Бежит ласкать певца младого...
Судьбы и времени седого
Не бойся, молодой певец!
Следы исчезнут поколений,
Но жив талант, бессмертен гений!..

1820

ОСЕННЕЕ ЧУВСТВО

Опять прошли дни лета золотова,
И бурный ветер в дубравах зашумел!
Опять потух блеск неба голубова
И вид полей отцветших побледнел!..
Дождусь ли я, чтоб, после хлада, снова
Красой весны сей мир себя одел?
Иль мрачность дум и чувства унылы
Предвестники готовой мне могилы?

Дождусь ли я природы обновленья,
И шепота проснувшихся ручьев,
И, по зарям, весны любимца пеня,
И спутницы вечерних вечеров,
Мечты, и с нею мук и наслажденья?
Узрю ль опять красу родных лугов?
Иль рок велит с сим миром разлучиться
И мне еще весной не насладиться?

О Вера! будь мой благодатный Гений!
Пошли один от горних мне лучей!
Пролей свой свет на мрак земных сомнений
И пелену сорви с моих очей! —
Ты внемлешь мне: в час дивных откровений
Я зрю тебя среди радужных зыбей...
И, упоен восторгами надежды,
Готов сомкнуть навек, без страха, вежды.

1817

К ИТАЛИЯНСКОМУ ЯЗЫКУ

Язык Италии прекрасный,
Как услаждал ты мой досуг! —
Как пьем мы запах ананасный,
Так пил твой звук мой жадный слух.

Мой слух, когда тебе внимаю,
Лелеет звонкая свирель:
В тебе я рокот струн встречаю
И колокольчик — букву *Эль*.

Ты не шумлив, как свист *Эолов*.
Ты светел, кроток и цветист;
Как сладостно твое *фильёло!*
И каждый звук твой голосист.

Как ловко выговорит *лоро!*
И вдруг, мечтой, туда летим,
Где рощи зацветают скоро
И долго цвел могущий Рим.

1827

СОН РУССКОГО НА ЧУЖБИНЕ

Отечества и дым нам сладок и приятен.

Державин

Свеча, чуть теплясь, догорала,
Камин, дымяся, погасал;
Мечта мне что-то напевала,
И сон меня околдовал...
Уснул, и вижу я долины
В наряде праздничном весны
И деревенские картины
Заветной *русской* стороны!..
Играет рог, звенят цевницы;
И гонят парни и девицы
Свои стада на первый луг.
Повеял новый теплый дух
Весенней жизни и свободы...

Там юноша, страстям принесший жертвы,
В подземной сырости, в безгласной тишине,
Иссохнул, пожелтел и, ни живой, ни мертвый,
Белеет волосом в полумогильном сне!..

(1826—1830)

СРАВНЕНИЕ

Как светел там янтарь луны,
Весь воздух палевым окрашен!
И нижутся кругом стены
Зубцы и ряд старинных башен.
Как там и вечером тепло!
Как в тех долинах ароматно!
Легко там жить, дышать приятно,
В душе, как на небе, светло;
Все говор, отзывы и пенье:
Вот вечер, сладостный, весенний,
Страны, где жил я, как дитя,
Среди семейной, кроткой ласки,
Где так меня пленяли сказки...
Но буря жизни, ухватя
Мой челн, в безбрежное умчала:
Я слышал, подо мной урчала
И в клуб свивалася волна;
И ветры парус мой трепали...
Ах! часто чувства замирали
И стыла кровь. Скучна страна,
Куда меня замчали бури:
Увы! тут небо без лазури!
Сии бесцветные луга
Вовек не слышат пчел жужжаний,
Ни соловьиных воздыханий;
И тут, чрез мшистые брега,
Как горлик, ястребом гонимый,—
Летит весна, как будто мимо,
Без ясных теплых вечеров...
Ничто здесь чувства не лелеет,
Ничто души не отогреет;
Тут нет волшебных жизни снов;
Тут юность без живых волнений,

Без песен молодость летит;
И, как надгробие, стоит,
Прижав крыле, безмолвный гений.
1827

РОЖДЕНИЕ АРФЫ

*(Древнее финское стихотворение,
написанное размером подлинника,
с изустного перевода проф. Шегрена¹)*

Сам наш старый Вейнамена,
Сам лады изобретатель,
Изобрел и сделал арфу.
Из чего ж у арфы березы?
Из карельския березы.
Из чего колки у арфы?
Из каленых спиц дубовых.
Из чего у арфы струны?
Из волосьев бурных коней.
И сзывает Вейнамена
Дев и юношей игривых,
Чтоб порадовались арфой,
Прозвенев ее струнами...
Но была не в радость — радость,
Не игриво их игранье!
Позвал он мужей безженных
И женатых звал героев:
Радость все была не в радость,
Не ласкались к звукам звуки...
Позвал он старух согбенных
И мужей в средних летах:
Радость все была не в радость,
Не сливался звук со звуком!
Тут восстал наш Вейнамена
Сам — и сел как лучше ведал.

¹ Известный профессор Шегрен два раза проходил скалистую Финляндию и олонецкие леса с целью исследования языка финских племен. По зимам заходил он отогреваться в Петрозаводск и словесно переводил мне некоторые из финских стихотворений, имеющих свой особенный размер без рифм, но звучный и приятный.

И своими он перстами
Повернул затылок арфы
На коленях, к самой груди;
И, уставя чинно арфу,
Заиграл он сам, наш старец...
И была игра игрою,
И уж радость стала в радость!
И по всем лесам и рощам
Не нашелся ни единый
Из больших четвероногих
Или чьи малютки-лапки
Резво бегают в дубравах, —
Кто б не шел с толпой послушать,
Как искусно будит радость
Старый, добрый Вейнамена...
Сам медведь на задних лапах,
Упершись на изгороду,
Стал и долго слушал песню, —
Не нашлось в лесах и рощах
Никого из всех пернатых,
Пестроперых, двукрылатых,
Кто б от песни отказался:
И слетались все, как тучи
Или снежные охлопки.
Не нашлось и в синем море
Шестиперых, восьмиперых,
Молодых и старожиллов,
Обитателей подводных,
Кто б, узнав о чудной песне,
Не пошел ее послушать.
И хозяйка водяная,
Повалившись на осоку
И припавши грудью белой
На высокий мшистый камень,
Поднялась, чтоб слушать песню...
И у старца Вейнамены
Влажны, влажны стали очи,
И отхлынули потоки!
И скруглялась влага в капли,
И те капли были крупны,
Как на мшистых тундрах клюква.
И катились капли к груди —
И от груди, потихоньку,
На согбенные колена,

От колен к ногам и ниже...
И прошли сквозь пять покровов
И сквозь восемь рунных тканей.

1827

* * *

Ручьи спокойные мелькали по скалам
И, весело журча, бежали на долину...
Вдруг вздумал Господин — и перегнул плотину,
И вот уж ходу нет свободного ручьям.

Но что же? — Он ведь тем ручьев не уничтожил,

А только силу их умножил.

Степенные взялись превыше берегов
И стали гибелью и жатвы и лугов!..
Тут слуги верные, любивши Господина,
Осмелились ему однажды так сказать:
«О, добрый Господин! ведь надо прежде знать,
У места ль и нужна ль плотина?!?...»

<1825—1826>

УЗНИК

Не слышно шуму городского,
На невских башнях тишина,
И на штыке у часового
Горит двурога луна.

Но бедный юноша, ровесник
Младым, цветущим деревьям,
В глухой тюрьме заводит песню,
Передает тоску волнам.

«Прости, мой дом, мой кров любезный,
Прости навек, моя семья;
Здесь за решеткою железной
Теперь не свой вам больше я!

Прости, отец, прости, невеста,
Сломись, венчалное кольцо;

Отныне здесь мое уж место,
Не быть мне мужем и отцом!

Сосватал я себе неволю,
Мой жребий — слезы и тоска;
И мне сносить такую долю
Взяла сама моя рука».

И ночь прошла; с рассветом ясным
За ней день новый воссиял;
А бедный узник в каземате
Все ту же песню повторял.

<1825—1830>

К СИНЕМУ НЕБУ

Синее небо! синее небо!
Алмазные звезды!
Залягте, утоньте
В раскрытую душу,
Как тонете вы величаво
В хрустальном, глубоком потоке!..
Ах! как бы я весел, ах! как бы я счастлив
И радостен был,
Когда б я мог слышать, когда б я мог верить,
Что небо в душе я ношу!..

1830

ГРУСТЬ В ТИШИНЕ

Объято все ночью тишиною,
Луга в алмазах, темен лес,
И город пожелтел под палевой луною,
И звездным бисером унизан свод небес;
Но влажные мои горят еще ресницы,
И не утешилась тоска моя во мне;
Отстал от песней я, отстал я от цевницы:
Мне скучно одному в безлюдной стороне.
Я живу, не живу,
И, склонивши главу,

Я брожу и без дум и без цели;
И в стране сей пустой,
Раздружившись с мечтой,
Я подобен *надломленной* ели:
И весна прилетит
И луга расцветит,
И калека на миг воскресает,
Зеленеет главой,
Но излом роковой
Пробужденную жизнь испаряет;
И, завидя конец,
Половинный мертвец
Понемногу совсем замирает!

1826—1830

ВОСПОМИНАНИЯ О ПИИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ПУШКИНА

Посвящено отцу поэта

ПУШКИН — ПОЭТ

1

Я помню — в детские он лета
Уж с *Музой* *важною* играл¹,
И, отрок с думою поэта,
Науку песен заучал.
Я знаю: *грации* слетали
К нему, оставя Эмпирей,
И *невидимками* гуляли
С царем цевниц в садах царей²;
Там, уклонясь в густые тени
(Дитя их сердцем узнавал!),
Он к ним чело свое в колени —
И беззаботно засыпал;
А рок его подстерегал!..

¹ Это напоминает пьесу Пушкина «Муза».

² Пушкин воспитывался в Царскосельском лицее.

Еще мне памятной те лета,
 Та радость русския земли,
 Когда к нам *юношу-поэта*
Камены за руку ввели —
 И он, наш *вещий*, про Руслана,
 Про старину заговорил!
 В певце — поэта-Великана¹
 Певец Фелицы обличил! —
 Как дружно вдруг его напевы,
 Как пышно хлынули рекой²,
 Не раз срывая сердце девы,
 Не раз мутя души покой,
 Как чар волшебных обаянья;
 И шум заслуженных похвал.
 Молву и треск рукоплесканья,
 Следя свой *дальний* идеал,
 Поэт летучий обгонял!..
 А рок его подстерегал!

Как часто роскошью пирушки
 И лучшим гостем пировым
 Бывал *кудрявый*³, бойкий Пушкин.
 Не так бокал, воспетый им,
 Отсвечивал звездящей влагой,
 Как, в заревых своих лучах,
 Поэт умом сверкал в речах,
 Скропленных солью и отвагой;
 Когда ж вскипал страстей огнем.
 Он, пылкий, был Отелло истый:
 И живо обличались в нем
 Приметы Африки огнистой.
 Но вихорь скоро пролетал,
 И он опять смирен бывал!..

¹ Державин, прочтя первые стихи Пушкина, понял будущего поэта и сказал (С. Т. Аксакову): «Вот кто заменит Державина».

² Иные начинают каплями... Поэзия Пушкина вдруг хлынула рекой

³ В портрете, в первый раз появившемся при «Кавказском пленнике» Пушкина, он представлен с веселым лицом, с кудрявою головою.

Палатной жизни с тесной рамой
Поэт душою был не в лад
И в ней *смешное* эпиграммой
Хлестал и метко и впопад!
А между тем на лак паркета
Со всей воздушностью поэта
И сам с толпою поспешал;
Но в блеске пышности и неги
Уж в голове его «*Онегин*»,
Как плод под бурей, созревал;
А рок его подстерегал!

4

И вот из Северной Пальмиры
Он бурей жизни унесен;
Непрочность благ узнал и он!..
И зазвенели струны лиры
Под искушенною рукой
Какой-то сладостной тоской.
На темя древнего *Кавказа*
Его взвела все та ж тоска,
И дивной прелестью рассказа,
В котором будет жить *Кавказ*,
Он упоил, разнежил нас!
Старинный блеск жилища Хана
Затмил он блеском юных дум:
Бахчисарайского фонтана
Не смолкнет долго, долго шум!..
Есть беспредельность — улеглася
Она, холмов обнявши цепь,
Как песнь, как дума, развилася
Ковыльная, седая *степь*.
Как шелковисты там долины!
Какие чудные картины
Там путник видит под луной
В часы, как белые туманы
Лобзают древние курганы,
Плывя то морем, то стеной...
Вдруг слышишь в тишине ночной,
За чащей свежего бурьяна,
Трещат огни кругом кургана:
Друзья! то старого *Цыгана*
Кочует пестрая семья:

Туда летал душою я!
И часто на степях *Кагула*
Мне пела песни *Мариула* —
И вам знакома песнь ея;
Цепной медведь, кони, телеги,
Вся эта жизнь без уз, без неги
Давно вам стала, *как своя*, —
Там и воздушная *Земфира*,
Как призрак, как мечта, гостит:
Как сладко *Пушкина* нам лира
Пропела весь *цыганей* быт!
Ах! эту дивную *поэму*
С отсветом жизни кочевой
И страстно-пылкую *Зарему*
Чье сердце не слило с собой?!
Наш Чайльд Гарольд, любя *Тавриду*,
*В волнах зеленых*¹, из-за скал,
Подстерегал нам *Нереиду*,
А рок его подстерегал!

5

Своей Итаке возвращенный —
Наш друг, наш новый Одиссей
Сзывает вновь своих друзей
На день, свиданью посвященный;
И сколько дивных повестей
О жизни, о боях страстей
Он сдал друзьям с души своей
В разгаре дружбы говорливой!..
Но кто-то, гость не пировой,
Был сумрачен в семье игривой
И молча помахал главой,
Смеясь разгульных дум свободе...
На все враждебно он глядел
*«И ничего во всей природе
Благословить он не хотел!»*.²
Таинственный, как час полночи,

¹ Это выражение (зеленые волны) самого Пушкина, напоминающее одну из лучших отдельных его пьес — «Нереиду».

² Последние два стиха Пушкина из его пьесы «Демон». Эта прекрасная пьеса написана Пушкиным около того времени, про которое намекаем в V-й строфе этого беглого очерка пиитической жизни Пушкина.

Он огнедышащие очи
(Огонь Мельмота в них сиял)
В поэта с умыслом вперял
И что-то в нем подстерегал...

6

Года летели чередою,
Телега жизни ходко шла;
Но в душу мысль одна легла:
Душа просилася к покою...
Свой идеал, свою мечту
Он раз в Москве заветной встретил
И запылал — едва заметил:
Как жадно обнял красоту!
Дотоль разгулом избалован,
Он вмиг окован, очарован
И счастлив стал и ликовал...
А рок его подстерегал!

7

И вот, от бурь уступенный,
По *делке* с жизнью *мировой*,
Поэт, отец и муж почтенный,
Он мог бы задремать душой;
Его душа не задремала:
Бытописания заря
Над ним прекрасная играла...
И раз, о предках говоря,
Его нам муза рассказала,
Что он потомок Ганнибала,
Слуги царя-богатыря...
Так он, все с теми же струнами,
Все вдохновением горя,
Все рос талантом между нами;
И в гридне¹ русского царя
Являлся наших дней Баяном...
Но яд уж пьет *одна* стрела,
Расставшись с гибельным колчаном!
Ее таинственно взяла

¹ В старинных русских стихотворениях говорится о светлой гридне (о дворе) красного солнышка Русской земли князя Владимира.

Рука, обвитая туманом.
Как многого, за дань похвал,
В его полуденные лета
От *бытописца* и *поэта*
Еще край русский ожидал!!!
Но рок его подстерегал...

8

И подстерег творца «Полтавы»
Сей рок враждебный, рок лукавый!
Ах! сколько дара, сколько славы
Взяла минута тут одна!
Мы смотрим — всё глазам не веря —
Ужель народная потеря
Так неизбежна, так верна!?
Ужель ни искренность привета,
Ни светлый взор царя-отца
Не воскресят для нас поэта?
Теперь не лавры для венца —
Несите кроткую молитву:
Друзья! Он кончил с жизнью битву;
Едва ль о жизни вздохнув,
Сжал руку дружбы... И, уснув
Каким-то сном отраднo-сладким¹,
Теперь он там, чтоб снова быть:
Былые здесь ему загадки
Там разгадают, может быть!..

9

Могила свежая холмится
Под легкой ледяной корой,
Ночного месяца игрой
Хрусталь холодный серебрится,
И строй воздушный бардов мчится,
Теней и звуков высь полна...
Но что там ярче, чем луна,
Вершину холма осветило?
То песнь поэта!.. То она
Горит над раннею могилой!

¹ «Пушкин в гробу имеет вид очень спокойный; ни малейшего следа мучений на лице, как будто он сладко, крепко уснул». (Из частного письма П. М. де Роберти.)

Не плачь, растерзанный отец!
Он лишь сменил существованье:
Не умирая, как *преданье*,
Живут поэты для сердец!
Как ни свята тоски причина,
Не сетуй за такого сына —
Он для России не умрет!
Теперь уж рок, из вероломства,
Пяты *Ахилла* не стрежет:
В защитной области потомства
Поэт бессмертен — и живет!

1837

ДВЕ ДОРОГИ

(*Куплеты, сложенные от скуки
в дороге*).

1

Тоскуя — полосую длинной,
В туманной утренней росе,
Вверяет эху стон пустынный
Осиротелое шоссе...

2

А там вдали мелькает струнка,
Из-за лесов струится дым:
То горделивая чугушка
С своим пожаром подвижным.

3

Шоссе поет про рок свой слезный:
«Что ж это сделал человек?!
Он весь поехал по железной,
А мне грозит железный век!..»

4

Давно ль красавицей-дорогой
Считалась общей я молвой?

И вот теперь сижу убогой
И обездоленной вдовой.

5

Где, где по мне проходит пеший;
А там и свищет и рычит
Заклепанный в засаде леший¹,
И без коней — обоз бежит...»

6

Но рок дойдет и до чугунок:
Смельчак взвьется выше гор
И на две брошенные струнки
С презреньем гордый бросит взор.

7

И станет человек воздушный
(Плывя в воздушной полосе)
Смеяться и чугунке душной,
И каменистому шоссе.

8

Так помирите же, дороги, —
Одна судьба обеих ждет.
А люди? — люди станут боги
Или их громом пришибет.

<1840-е гг.>

НЕ СТАЛО У ЛЮДЕЙ ПОЭЗИИ

М. А. Дмитриеву

Не стало у людей поэзии!
Все речь о скудных барышах;
С какой-то пресностью магнезии
Тоска тоскует в их душах.

¹ Простой народ сначала, пока не ознакомился с делом, думал, что в машине сидит леший, который просит пить.

И вот суровая *существенность*,
Как серая, под осень, мгла,
Из душ их нежность и божественность
Своим налетом изгнала.

В сердцах ни жизни, ни движения,
Везде фабричный труд голов:
Любовь и Дружба как явления
Несбывшихся, давнишних снов!..

Увлечшись обаяньем *пластики*,
В угаре *славы мировой*
Поэты века — *головастики*:
Живут и пишут головой!

Весь мир становится машиною,
Где люди — *гайки да винты*:
У *чувств*, давно заплывших тиною,
Права и воля отняты.

Спеша к находке за находкою,
Души бездушной опекун,
Смеется над своей сироткою
Ум — старый демон и хвостун.

Кругом обшарила *несчастную*
Его костлявая рука,
И собственность ее прекрасную
Он всю распродал с *молотка*!..

Не стало у людей поэзии,
Всех жмет *расчет* — стальной кумир,
И без чудес *палингинезии*
Цветов и звуков сгибнет мир!..

<1850—1860-е гг.>

НАУКА ВСЕ ИДЕТ, ИДЕТ...

1

Наука все идет, идет,
А веру все с земли сживают,
Зато так души простывают,
И многие — уж чистый лед!!!

2

Не лучше ль дальше от науки
Поэтом жить да поживать,
И все, что видишь, просто в звуки
И звуками передавать?

3

Оно б и лучше... да Цензуры
Обычай стал уж больно строг,
Он и с поэтов скоблил шкуры
И гнет талант в бараний рог!

4

Но пусть Цензуре Стихоломство
Как право некое дано,
Придет же в свой черед *Потомство*
И суд свой выскажет оно!..

5

И так, как девы бисер чистый
Пересыпают на руках,
Мы будем бисер дум огнистый
Пересыпать в своих стихах.

6

И пусть *холодный люд* помехи
Порой лукаво ставит сеть.
Для собственной своей утехи
И мыслить будем мы, и петь.

<1840—1850-е гг.>

В ЗАЩИТУ ПОЭТА

Два Я боролися во мне:
Один рвался в мятеж тревоги,
Другому сладко в тишине
Сидеть в тиши дороги

С самим собой, в себе самом.
Несправедливо мыслят, нет!
И порицают лиры сына,
За то, что будто Гражданина
Условий не снесет Поэт...
Пусть не по нем и мир наш внешний,
Пусть по мечтам он и *нездешний*,
А где-то всей душой гостит;
Зато, — вскипевши, в час досужный, —
Он стих к стиху придвинет дружный,
И брызнет рифмою жемчужной,
И высоко заговорит!..
И говор рифмы музыкальной
Из края в край помчится дальной,
Могучих рек по берегам,
От хижин мирных к городам,
В дома вельмож... И, под палаткой,
В походном часто шалаше,
Летучий стих, мелькнув украдкой,
С своею музыкаю сладкой,
Печатью ляжет на душе...
И в дни борьбы, и сеч, и шума
Отраднo-радужная дума
Завьется у молодых бойцов
По свежим лаврам их венцов.
И легче станет с жизнью битва
И труд страдальца под крестом,
Когда холодная молитва
Зажжется пламенным стихом!
Не говори: «Поэт спокойным
И праздным гостем здесь живет!»
Он буквам мертвым и нестройным
И жизнь, и мысль, и строй дает...

<1846>

* * *

Давно я, житель городов,
Не видел тающих снегов,
Ни вскрытия озер зеркальных;
Не слышал песен музыкальных
Певиц проснувшихся лесов,

Ни колокольчиков хрустальных
Весны пророков — ручейков.
Давно приветно не шумела
Кругом меня дерев семья,
Давно душа моя немела
Под вешней песнью соловья...
Давно при мне заря жемчужной
Росой не серебрила луг,
Давно с природою так дружно
Весны не праздновал твой друг.

<1826—1830>

ПИСЬМА

А. С. ПУШКИНУ

1

Милостивый государь,
Александр Сергеевич!

Прочитав с большим наслаждением в Литературной газете отрывок из путевых записок Ваших, я заключил, что Вы должны уже находиться в столице, и не мог отказать желанию написать к Вам несколько строк. Из глубины Карельских пустынь я посылал Вам через барона Дельвига усердные поклоны. Часто, часто (живя только воспоминанием) припоминал я то приятнейшее время, когда пользовался удовольствием личных с Вами свиданий, Вашу беседу и, как мне казалось, приязню Вашу, для меня драгоценную. И без Вас мы, любящие Вас, были с Вами. В пиитическом уголке любезного П. А. Плетнева мы часто, и с любовью, об Вас говорили, радовались возрастающей славе Вашей и слушали живое стереотипное издание творений Ваших — Вашего любезного брата Льва Сергеевича. Он прочитывал, от доски до доски, целые поэмы Ваши наизусть с величайшей легкостью и с сохранением всех оттенков чувства и ритмических красот. Так было до того рокового часа, как всеобщий переворот в гражданской судьбе моей умчал и погрузил меня в дремучие леса Карелии. $\frac{1}{3}$ времени моего здесь пребывания провел я в ближайшем сотовариществе с двумя молодыми медведями, моими воспитанниками. Далее, ознакомясь с делами и лицами, по обязанностям службы, стал ближе к людям. У меня есть Ваш портрет. Только жаль, что Вы в нем представлены с какой-то пасмурностью: нет той веселости, которую я помню в лице Вашем. Ужели это следствие печалей жизни? — В таком случае молю жизнь,

чтобы она, заняв все лучшее у Муз и Славы, утешала бы Вас с таким же усердием, с каким я читаю Ваши пленительные стихи.

Приемлю смелость (хотя и трудно на это отважиться!) препроводить к Вам мою Карелию,— произведение лесное, горнокаменное. Наши критики читают глазами то, что написано от души. Но Вы, которому далась и природа внешняя, со всем великолепием разнообразия, и природа внутренняя человека с ее священной таинственностью, Вы, может быть, заметите в Карелии чувствования, незаметные другим и другими пренебрегаемые.

Примите же благосклонно мою лесную сироту и верьте искренней преданности и совершенному почитанию, с каким имеет честь быть,

милостивый государь!

Ваш покорнейший слуга

Ф. Глинка,

старший советник Олонецкого
губернского правления.

Филимонов из Архангельска прислал мне свой «Дурацкий Колпак» и прекрасные стихи ваши к нему.

1830-го февраля 17-го г. Петрозаводск

2

Милостивый государь,

Александр Сергеевич!

Драгоценное посещение Ваше для меня сугубо памятно. Вы утешили меня как почитателя Вашего, давно желавшего Вас видеть и обнять, и, в то же время, Вы приняли во мне участие, как человек, в котором совсем не отразился настоящий век. С добродушием, приличным старому, доброму времени, Вы сами взялись похлопотать (разумеется, по возможности) об улучшении моего положения. Вот вам тетрадка! Имейте великодушие ее прочесть — и вы увидите, каково было служение в Олонецкой губернии и как я рекомендован. Теперь все, что обо мне представлено, лежит у министра. Если можно, хотя звуком Вашей лиры, возбудите спящее! — Государь и мудр, и милостив, и великодушен. Нужно только представительство. Вы увидитесь с Василием Андреевичем; он мой благодетель, смолвьтесь с ним. Во всяком случае мне утешит

тельно будет увидеть, что двое первых поэтов нашего времени приняли участие в моей изувеченной судьбе. Прощайте! До радостнейшей возможности опять Вас увидеть и обнять.

С отличным почитанием и совершенной преданностью, имею честь быть, милостивый государь!

Вашим покорнейшим слугою,

Федор Глинка.

Ваше живое, стереотипное издание — милый братец Ваш, посетил меня, обедал, погостил и с богом отправился далее по тракту к Кавказу.

1831-го. Июля 28-го Тверь.

3

1831. Ноября 28-го. Г. Тверь.

Почтеннейший и любезнейший, Александр Сергеевич!

Вчера имел честь получить письмо Ваше от 21-го ноября. Весело было мне взглянуть на почерк руки Вашей: спасибо сплетчикам за доставленное мне удовольствие читать строки Ваши. Но я долго думал и не мог додуматься, из чего бы можно было вывести, что якобы я на Вас сердит?.. Смею уверить, что я Вас любил, люблю и (конечно, сколько за будущее ручаться можно) любить не перестану! — Многие любят Ваш талант; я любил и люблю в Вас — всего Вас. В первый раз из письма Вашего узнаю, что альманах составляется в пользу или в память Дельвига, милого, доброго Дельвига! О. М. Сомов писал мне нелепо. Я, однако ж, еще до получения вашего письма, выслал Сомову одну в прозе и пять пизс в стихах. Теперь Вам посылаю: три в стихах и одну (т. е. один лоскуток!) в прозе. Прозы у меня совсем нет! Проза губернского правления съела весь мой досуг. Из всех сих 10 пизс Вы выберете пару, много две пары по Вашему усмотрению, а прочие прошу покорно передать моему комиссионеру актеру Сибириякову, который к Вам явится. Если б я забыл Вас, то мне напомнила бы о Вас жена моя, которая еще недавно поставила портрет Ваш подле Шиллера и Гете. Она, будучи еще в девушках, перевела целый том Шиллера. Вчера я выдернул один листок из ее тетрадки и посылаю Вам Военную песню из Валленштейнова лагеря; да познакомит Вас это с одною из почитательниц Ваших —

моею женою; а меня прошу (как говорят французы) положить к ногам Вашей милой супруги. Я много наслышался о ее красоте и любезности. Итак, Вы осемьянились! Да почиет благословение божие над Вами и семейством Вашим! Если увидите Софью Михайловну Дельвиг, прошу отдать ей мое низжайшее почтение. Как мы (я и жена моя) обрадуемся, увидя Вас лично! А до того примите уверения в любви к Вам бывшей, настоящей и не могущей не быть Вам преданного,

милостивый государь!
Вашего покорного слуги,
Ф. Глинки.

Стихи мои дурно и ошибочно переписаны семинаристом, выправлять некогда — извините!..

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ.

4

С наиприятнейшим удовольствием получил я письмо ваше, любезный Вильгельм Карлович! Я всегда люблю беседовать, хотя заочно на бумаге, с умными и добрыми людьми. Но тем более для меня приятна беседа с молодым человеком, у которого изощрение ума не притупило чувствий сердца, у которого душа нова и светла, ибо не страдала еще в губительном пламени страстей и не томилась в глубоком мраке предрассудков, которым покоряется несчастное человечество. Этот молодой человек — вы! Берегите ж, о, берегите доброту сердца, непорочность нравов, свежесть мечтаний и самую даже прелесть неопытности: это невозвратимые сокровища золотого периода жизни юности! Но не предавайтесь слишком мечтам. Всего опаснее основывать на них соображения и расчеты для будущего. Не верьте лстивым обетам людей, а еще менее посулам счастья. Руководствуйтесь более благоразумием: оно столь же необходимо для того, кто, подобно вам, готовится вступить в свет, как компас для плавания в неизвестных морях. Это древняя истина, которую повторяют, которой все верят, но редкие следуют. Извините, милый! Что я начал и почти наполнил письмо мое все какими-то поучительными выражениями. Так расположились мысли в эту минуту.

Прошу вас усерднейше засвидетельствовать и мое ис-

креннее почитание доброму русскому человеку. Это название предпочитаю я всем титулам светлости, сиятельства и превосходительства, которые почти никому не придают ни светлости, ни сияния, ни превосходства. Я совсем не ищу, чтоб меня почитали как писателя, ибо только еще учусь писать, а, признаюсь, желал бы, чтобы меня любили как человека. Помните и любите любящего вас — Ф. Г.

Написал наскоро несколько экзаметров, которые и приписываю здесь, зная, что вы охотник до этого:

СОВЕТ ЮНОШЕ

Зрел ли, о юноша, ты, как неба на крае восточном
В сумраках утра блестит первая роза денницы?
Мраки, как серая тень, тихо спадают в долины
С горных хребтов. А меж тем в бодрости, в блеске

чудесном
Мир освеженный встает! О, как прелестно в час утра:
Перлы, кристаллы, алмазы горят! И солнца сиянье
Холмы венчает, злата серебристый туман... Не всегда ли
День к нам погодный ведет утро прекрасно? Ах, часто
С розовых облак оно, мнится, с усмешкой нам шепчет:
«Будьте беспечны!» — Но вмиг и громом и пламенем полны,
С вихрем свистящим, грядюю черные тучи несутся,
Грохот меж гор; а в полях молни змеистые реют!..
Сегует пахарь о том, что, утра обетам поверя,
День потерял!.. О, берегись ты, юноша, дней на рассвете
Утревним верить мечтам. Ах, бойся беспечности сладкой!
Пользуйся утром! Как знать — будет ли полдень твой
ясен? —

К осени тот лишь пожнет, кто ниву весной посеет!..

А. А. ИВАНОВСКОМУ

5

26-го июня 1826.

Почтенный, любезный и благодетельный Андрей Андреевич! Вот уже пять дней как я не там, где пробыл 13 недель. Но судьба моя не менее странна, не менее неизъяснима. Со мною делается что-то очень загадочное. От 16-го июня отдано в приказе, что Глинка 1-й (т. е. я) переименовывается в коллежские советники для определения к статским делам. Дежурный генерал объявил мне, что я должен быть отправлен на службу в Олонец немедленно. Я посему писал к государю письмо, после коего мне сказали: «Вам выдадут прогоны, на месте государь будет давать

жалованье», а сим на исправление моих дел дали три дня. В сии дни я переделался по-статскому, делал, что мог, чтобы изготавиться к отъезду, а ночевать ходил под арест. Вдруг сегодня получаю приказ, печатный же, от 16-го же июня, в коем все есть по-прежнему, кроме статьи обо мне в сем новом приказе, уничтожающем старый, и имени моего не упомянуто; теперь кто же я? статский ли я или военный? отставной ли я или служащий? А между тем мне велено сегодня быть уже непременно готовым к отъезду (куда же?). По-прежнему меня имели везти в Олонец. Признаюсь, мой милый, мой благодетельный Андрей Андреевич, грустно. Противувольный отъезд мой отсель есть такое событие, которое одним ударом отсекает меня от всего знакомого, милого, родного и привычного; разлучаюсь и с вами!.. 13-недельное сидение без света и воздуха и снятие чинов не столько огорчает, как сей отъезд.

Увы! как бедный пешегонец
От вас, по сердцу мне родных,
Скачу, скачу на почтовых
В какой-то городок Олонец!
Признаться, грустно! я томлюсь,
Что с вами быть лишусь свободы;
Но там железные есть воды,—
Авось и я ожелезнюсь...

Шутки в сторону, а я, право, не знаю, кто я, что я и куда меня... Неизвестность тошнее прежнего жилища. Возвращаю ваш янтарь с трубки: он распался, как и все мое бывшее. Я не вижу вас лично потому, что весь тону в суете, и вас дома, верно, нет. Как мне вас благодарить? Ну, уж!.. Милостивой государыне Александре Егоровне целую ручки; скажите ей о сем, если она здесь. Прощайте, обнимает вас ваш *Ф. Глинка*.

Шпага мне отдана, и комендант (Петропавловской крепости) Сукин расцеловал и поздравил меня с свободой...

6

1827 г., Августа 17-го дня, г. Петрозаводск.

Что сказать вам, мой любезнейший Андрей Андреевич, на ваше милое, ласковое письмо? При первых строках я вскрикнул от радости и сказал сам себе: «Вот земляк, вот добрый человек: нигде своих не забывает». Из прекрасного письма вашего вижу, что вы всегда сохраняли меня в

своей памяти. Это для меня утешительно. Поверьте, и вы часто, часто являлись моему воображению в стране воспоминаний о былом, о невозвратном. Много минут светлых, романтических провели мы вместе. Я помню прелестный летний вечер в Смоленске, когда среди неги природы и юных возвышенных ощущений мы читали вместе письмо Руссо к Сесилии. Ах! такие минуты похожи на сладкие сновидения, которые один только раз могут присниться в жизни. Вы, как вижу из письма вашего, желаете узнать, как я провожу здесь мое время или мой день. Охотно опишу вам, если это стоит описания. Я встаю в 7 часов. В 8 уже занимаюсь (по обязанности старшего советника губернского правления) чтением журнальных статей или постановлений. Эта материя вам знакома по прежней службе. В 10 я в правлении. Развитие гражданственности ознаменовывается и в сих полудиких странах необычайным множеством бумажного дела. В почтовые дни (понедельник и вторник) мне приходится подписывать большие кипы бумаг печатных и писаных: нарядов, указов, меморий — т. п. Недавно в одно утро, для одной почты, подписал я ровно тысячу сто девять бумаг! За механическим трудом подписывания следует больший — труд прочитывания: на каждый день, круглым числом, достается прочитывать до 100 больших страниц. За недостатком низших чиновников у нас советники работают вполтора. Так проходят законные часы. В три часа иду обедать; иду, ибо у себя, по моей бедности и здешней дороговизне, стола держать не могу. Часу в 5-м возвращаюсь в свою квартирку. Тут, чтоб иметь более власти над часами ночи, немножко дремлю. В 6 часов опять считаю обязанностью заняться чтением какой-нибудь толстой журнальной статьи. Это трудно, но я улаживаюсь мыслию, что на той точке земли, где поставила меня державная рука моего государя, я служу ему верно, ревностно и, смею сказать, не без пользы. К 7-ми часам вечера иду на пустынные берега Онеги; к 8-ми часам куда-нибудь захожу на часок, ибо, не играя в бостон, нигде не засиживаюсь. Часов в 9 я уже дома, и тут мое время! У меня две комнатки, просто, но очень чисто прибраны. Все предметы и вещи расставлены и развешаны с мыслию, по размеру, в большом порядке. Это очень способствует к успокоению и порадованию чувств. Пылкость и жизнь, утолненная, замороженная холодным чтением безобразной приказной прозы, начинают оживать в сии часы глубокого вечернего уединения. Тут внешний мир мало-помалу отс-

лоняется, и промежуток между ними и душою занимается какою-то высшею стихиею. В таком расположении работаю я что-нибудь в прозе, иногда до 2-х и далее. Однако в 3-м и в три часа я уже сплю и — странное дело! — чем горестнее положение и состояние души, тем прелестнейшие вижу сновидения: иногда снятся совсем невиданные страны, чудесный климат, цветущие долины, так что, будучи разбужен, очень живо чувствую услаждение, которое ложится на горечь бытия моего, как позолота на жесткий, бозобразный металл. Вот вам мой день и ночь! Завидного в судьбе моей нет! Три несчастья тяготят постоянно надо мною: бедность, политическое уничтожение и одиночество.

С отъездом в столицу здешнего почтенного губернатора Тимофея Ефремовича Фан дер Флита, его ангельской супруги и милого семейства я лишился последней опоры, последнего утешения...

Мой милый, признаюсь, меня удивило, что «Опыты» мои были чрез вас приняты так ласково Вл. Фед. Адл. Мне казалось, в известное время, при известных обстоятельствах, что он как будто имеет какое-то враждебное противу меня чувство; рад, восхищаюсь, если я ошибся. Но скажу вам, любезный А. А., что я, слава богу, ни против кого не имею ничего похожего на чувство злобы. И сие состояние совершенно беззлобия производит удивительное действие. Когда скажешь себе: «Я всех люблю!», то кажется, какое-то солнце входит в грудь и наполняет ее утешительною светлостью и теплотою.

Благодарю вас за похвалу «Иову». Это ободряет меня продолжать. Чем далее, тем в тексте (французском, немецком, польском, итальянском и славянском) более темноты и единообразия; однако, в некотором расположении души, когда она упитана собственною скорбью, когда слезы мешаются с чернилами, можно угадывать тайны скорби многотрадального. Я стану усиливаться выразить что можно и сколько можно проще и яснее, не гоняясь за пиитизмом, но за верностию.

Впрочем, желая в сем случае и всегда быть вам сколько можно более приятным, я обязуюсь и дополнить, и заменить другими те из пьес, которые могут найтись не совсем годными... Ваш пустынный друг *Ф. Глинка*.

Ноября 27-го, года 1827-го. В г. Петрозаводске.

Ваше письмо посетило меня, как гость неожиданный. Оно принесло с собою надежду: судите же, сколько должно быть драгоценно! Так, любезно-почтенный Андрей Андреевич, вижу, что вы добрый человек и любите любящего вас. Радость, навеянная на душу от вашего письма, умерена несколько случившею простудою, стиснувшею мою физическую оболочку. Получение верного известия, что бывший здешний губернатор, мой утешитель, уже не возвратится, меня огорчило внутренно. В это время душа, занявшаяся тем, что ее трогают, не успела отразить внешнего явления стужи, и я простудился. И сии строки пишу больной, поэтому извинительно написать как-нибудь. Что это вам пришло на ум заниматься мною, и до такой степени, что даже хотите передать мое письмо (я уж не помню, что в нем написано) потомству? Печальная повесть существования бедного человека для кого может быть любопытна?

Как я вам благодарен за разуверение меня на счет Влад. Федор. В первый раз, когда я его увидел в его дому, он мне очень понравился. Впоследствии, при известных обстоятельствах, я думал видеть в нем то, чего, к сожалению, не было. В то же время в местах и обстоятельствах, от которых содрогнется мысль человеческая, я видел однажды его во сне в положении для него небезвыгодном, но эмблематическом, и тогда же, по какому-то сочувствию, я примирился с ним в душе.

Нельзя скорее исполнить поручения вашего, ибо на сей же почте отправлю и прозу, и стихи, несмотря на то, что все еще сыро, не вызрело, не улажено, не углажено: но я болен и неволен по обязанностям службы, поэтому и посылаю что есть и как есть. В первой песне вы найдете слова Павла Пустынника, или Павла Фивадского. Ими (извлеки их из жития его) уже пользовался незабвенный наш Н. М. Карамзин в своем «Острове Борнгольме». Только прошу вас усерднейше не ценить моих безделок никакою вещественною оценкою: это лепт дружбы в вашу сокровищницу. Насчет же комиссий я вам, пожалуй, дам целых три: 1) пришлите мне нововышедшую главу из Онегина; 2) если недороги, Остолопова аполоти и 3) когда выйдет ваш альманах, один экземпляр доставьте от меня, чрез И. С. Сибирякова, в Пантелеймоновский переулок, дом Небабиной, его превосходительству Тимофею Ефремовичу

Фан дер Флиту, бывшему нашему губернатору. Вот вам и комиссии. Когда увидите А. С. Пушкина, скажите, что я мысленно его целую с уважением к его таланту, с любовью к нему. Он был живой волкан, внутренняя жизнь была из него огненным столпом. Теперь приостыл и, как обыкновенно водится около волканов, окружен изобилием, цветом и плодами. Надежда Андреевна мне не написала о чудностях, бывших в Харькове. Ее превосходительству милостивой государыне Александре Егоровне с почтением целую ручки. Вопрос насчет наименования альманаха и меня ставит в тупик. Но если хотите назвать его Зарейю какою-нибудь, то почему ж не назвать «Северною Зарейю»? Див и Пери получены и прочтены. Что сказать? Это прелестное, воздушное явление в самых легких очертаниях; много радужности, есть роскошь, много миловидности. Почти жаль, что она написана хорейми, хотя прелестными. Если стихи, как обертку мыслей, можно сравнивать с тканью, то в ямбах сия ткань плотнее, гуще и потому надежнее удерживает мысль и чувство; хорей как-то сетчатые, и мысли в них не довольно остепенены. Скажете: «Но ямбы не так легки»; посмотрите-ка на Пушкина: его стихи легки как пух и полновесны как золото. По стихам я очень полюбил стихотворца Подойлинского, познакомьте меня с ним заочно. Что ж сказать вам о себе? Все, бывшие здесь от высшего правительства (флигель-адъютант Лазарев, Маслов и друг.), меня полюбили и обо мне жалели. И сам достопочтенный сенатор Д. О. Баранов изъявляет благоволение и жалости. Если несравненный Батюшков из Неаполя, из средоточия чудесных красот природы, писал: «Здесь, на чужбине, надобно некоторую силу душевную, чтобы не унывать тут в совершенном одиночестве», то что должен писать вам тот, кто находится в таком месте, о котором Дмитрий Осипович Баранов сказал: «Здесь (т. е. у нас), если не иметь книг, должно или с ума сойти, или застрелиться». Препровождаю вам аттестат, данный мне губернатором; нынешний же управляющий губернией также аттестовал меня в сенат отлично. Прощайте, милый!

Весь ваш Федор Глинка,

Милостивый государь,
Владимир Васильевич!

Вступая в особые обязанности с одним из наших журналов, я почти не вправе посылать моих стихов в другие журналы. Но, при чтении приятного письма вашего, мне живо представилось, чем я обязан вам с давнего времени за те усладительные минуты, которые доставляло мне чтение ваших сочинений еще в ранних летах моей молодости. Так что бы ни толковали новейшие критики, но первая проза незабвенного Николая Михайловича Карамзина и ваша всегда будет памятна и любезна для людей чувствительных, как нечто прелестное, обворожительное, не требующее сухого, школьного разбора, но услаждающее безотчетно. Мне очень нравился ваш живой, цветущий, сердечный слог. Ныне ум берет великий перевес над сердцем: мы становимся умнее, но становимся ли счастливее?.. Извините, что я увлекся живым удовольствием сказать вам не приветствие, но правду в отношении к вашим произведениям.

Уверен, что Альманах, вами изданный, будет иметь приятность альманаха и достоинство книги. О себе могу сказать вам, не обинуясь, что я, право, попал в авторы как-то ненарочно. Что я писал, то писал по обстоятельствам и для того только, чтобы облегчить сердце, облекая холодною буквою кипящее чувство, которое, иногда, волнуется в груди и требует быть выраженным. Я не классик и не романтик, а что-то сам не знаю как назвать! И в прилагаемых у сего двух, трех пьесах увидите одно голое чувство, меткость, несколько звучности в стихосложении стиха — и более ничего! Извините, что не посылаю прозы, хотя я более прозаик; теперь заключен: меня сделали советником Олонецкого Губернского правления — и это самая прозаическая должность! И за стихи или, лучше сказать, за стишки, не попеняйте: чем богат, тем и рад! — Прощайте, почтеннейший Владимир Васильевич! Верьте и будьте уверены, что вас очень уважает и с преданностью имеет честь быть вашим покорным слугою,

Ф. Глинка.

Петрозаводск, 1826 года, Декабря 13-го.

Милостивый государь,
Владимир Васильевич!

Очень благодарен вам за ваше ответное письмо. В моем положении, в холодном уединении, мне весьма приятно читать строки, начертанные умом, согретые чувством. Не приветствия говорил я вам в моем прежнем письме, а говорил, что чувствовал. И теперь повторяю, что ваш слог, на котором, как в хороших картинах, много теплоты, мне очень нравился и нравится. Пусть кричат умопоклонники, пусть выхваляют свой правильный, сухой и холодный слог, я придерживаюсь сердца — и повторяю одно и то же: с ума сойти можно, а с сердца никогда!

Надеюсь, что ваш альманах будет отзываться более сердечностию. Благодарю за внимание к моим опытам, а вдвое благодарю за намерение рассказать о них публике! Мне лестно и ободрительно иметь между собою и читателями такого посредника, как вы!

По желанию вашему и единственно из желания быть вам угодным посылаю отрывок — маленький лоскуток моей прозы. Я назвал этот отрывок — Воспоминание. (Город Ровно, описание сада, замка, домашнего общества княгини Любомирской, портрет ее дочери, освещение, сделанное покойным графом Милорадовичем, и некоторые черты, собственно к нему относящиеся, вот что составляет сущность сих воспоминаний. Я не успел еще хорошо выгладить и отделать сего отрывка: примите, каков есть! Вот моя лепта!

Теперь обращаюсь к последним строкам вашего письма. Глазами прочел, сердцем понял я сей унылый отклик души, удрученной житейскими страданиями. Но будьте утешены, почтеннейший Владимир Васильевич! Критики, со всею их язвительностью, пресмыкаются в пыли земной, когда душа, окрыленная восторгом, парит в сфере высшего, благороднейшего бытия. Слава ваша от вас не отыметя; что ж касается до нужд житейских, то, по моему мнению, молитва и труд суть единственные средства, врачующие от них.

За сим поздравляю вас с наставшим новым годом, и, желая вам всего лучшего, с отличным почитанием имеет честь быть вашим, милостивый государь, покорным слугою,
Ф. Глинка,

1827-го, Генваря 10-го,
г. Петрозаводск.

Милостивый государь,
Владимир Васильевич!

Письмо ваше, по слогу, содержанию и чувствам весьма приятное, имел честь получить. Его буду читать, т. е. перечитывать, для подслады моего уединения. Ваши мысли насчет холодности нынешнего светского общества (в котором больше прозаизма, нежели в самой бумажности губернского правления) весьма сходны с теми, как я имел сам, обращаясь в свете или в суеи и суетности. Бывало, приезжал я к почтенному Н. И. Гнедичу, у которого много теплоты в душе, и говорил ему: «Дайте обогреться, застудил душу в свете!» Конечно, уединение собирает существо наше, развлеченное по разным радиусам, к одному центру тихого самодовольствия, но вместе с сим застаивается в душе унылое жаление: почему люди не живут по-людски! Пушкин в своей поэме «Евгений Онегин» очень хорошо описал всю ничтожность нынешнего общества, и можно понять, почему Евгений, имевший блеск и удачи, наконец застыл чувствами, остолбенел. По мне эта поэма есть самая едкая сатира на свет. Но отчего ж это так? И всегда ли так было? Тут я опять за старую песню, опять обращаюсь к тому времени, когда славился Карамзин, Дмитриев, когда читали вас с наслаждением, когда еще ценили прозу Хераскова, имеющую неотъемлемое внутреннее достоинство: тогда читали и романы, любили и мечтательность, но тогда было больше теплоты в обществе, менее дремоты в душах, в мужчинах менее холодности к женщинам, в женщинах более пленительности! Теперь

...Иная дама
Читает Сея и Бентама...

Но что ж с этого? Все так чванно, чинно, холодно! Желание жить своим умом, просто сказать, умничание — всему виною! «Quand l'esprit saignise, le coeur seche!» (Умы изострились, как бритва, но сердца иссохли!) Не стало ни веры, ни доверия, всякий ищет у своего ближнего деревянной ноги; вы знаете Франклинову аллегорю.

Смейтесь, как хотите, но я вам признательно скажу, что Руссо в речи своей во многом прав!

Просвещение! Просвещение! Это заветный талисман, который и пользует, и губит. Все зависит от меры, способа и приложения к месту и времени. Грамотность у нас счи-

тается просвещением, а я здесь вижу ее существенный вред. С небольшим за 100 лет Петр I-й спросил у воеводы Олонецкого: «Сколько у тебя дел?» Воевода пал на колени и сказал: «Виноват, государь!» — «Что это значит?» — «У меня дел нет!» — «Да разве у вас не спорят, не ссорятся?» — «Все бывает, — отвечал воевода, — да я ссорящихся мирю, и на бумагу ничто не выходит!»

Так было за сто лет, когда читать не умели и жили полесному, по простоте! Теперь здесь много грамотеев и множество ябедников: за всякий толчок — ссора, за всякую копейку — спор и тяжба! От сего присутственные места завалены бумагами, чиновники в денно-нощной работе, и народ в бесконечной хлопотливости. Ну, чем же опровергнут это любители всякого просвещения?..

Но я уже записался! С нетерпением ожидаю вашего Альманаха. Радуется, что вы опять здоровы, и желает вам всех благ почитающий и любящий вас, милостивый государь, ваш покорный слуга,

Ф. Глинка.

26-го Февраля 1827-го года.

11

Почтенный и любезнейший,
Владимир Васильевич!

Письмо ваше, от 29-го марта, разрешило некоторые из моих сомнений. Между прочим, я узнал о причине, по которой отложено издание нового журнала. Вы правы: без князя Вяземского нельзя пускаться на предприятие отважное. В Северной пчеле и в Подснежнике читал я Вяземского Станция, какое умное, живое, заманчивое описание Польши! Кажется, переселяешься в эту страну любви, музыки и романтической жизни. Я провел там несколько лет в моей молодости. Недавно, также случайно, в собрании образцовых сочинений прочел я раз некоторые из ваших писем. В поэтических описаниях Крыма и Кавказа проза единственная. Теперь, при обстоятельнейшем размышлении, дал я сам себе некоторый отчет, почему еще в ранней юности моей так нравился мне ваш слог, полный жизни и красок, а более всего мыслей постоянных и теплоты непритворной...

Сердечно радуюсь, что вы по службе (могу ли сказать и по дружбе?) сблизились с моим братом Сергеем Николаевичем. Вы удивляетесь, что отдали одну из моих писем

издателю Галатеи, а я очень этому рад: я его должник за милую Галатею. Я наступлю на вас еще более. Если вы знакомы с М. П. Погодиным (которого я также должник за многие и любезные присылки) и если нет у вас литературного грызенья, то прошу передать ему все мои стишки и статью прозы. Коль же скоро вам понадобится, я обяжусь верно и поспешно доставить вам что-нибудь лучшее, противу того, что вы передадите. Не осердитесь и дозвольте, чтобы, сказав вам радостно: «Христос воскрес!», обнял вас мысленно вам преданнейший и как будто родной по уважению к вам

Ф. Глинка,

22-го Апреля, 1827 г.

12

Почтеннейший Владимир Васильевич!

Не желая пропустить почты, пишу к вам, крайне жалея, что, будучи полуждоровым, не могу вполне выразить моей благодарности за присылку «Альманаха» и выразить всех ощущений, разнообразных и приятных, при чтении оного. Получив ваш дорогой подарок, я созвал двух-трех мыслящих людей из здешних, и мы читали с наслаждением прекрасную прозу. Давно уж не читал я такой богатой мыслями, стройной и благозвучной прозы, какую подарили вы в двух ваших статьях. Благородная простота и плавность придает им совсем особенный характер. Нынешний слог, особливо в отдельных статьях, есть какой-то резкий, бойкий, отрывистый, шершавый от ума, часто поддельного, насыпанный блестками остроумия, часто приторного. В нем недостает именно того, чем отличается ваш слог,—элейности, мягкости, влаги, которого чувство сдобривает черствость буквы. Порядок и ясность в вашем способе выражения только показывают большую опытность, и в этом отношении название ветерана отечественной словесности — есть почетность.

Сия-то общая красота в ваших статьях (обозрение 1826 года и Наблюдатель XIX века) скрадывает и то увечье, которому подверглись они, проходя через прокрустово ложе.

Мне также чрезвычайно понравилась проза Иванчина-Писарева; если вы его видаете, поклонитесь от меня; я имел удовольствие приобрести некогда его знакомство в доме знаменитого и уважаемого мною И. И. Дмитриева. Ваши

стихи к нему полны жизни и приятности. Что же сказать мне о вашем отзыве о моих книгах? В немногих строках вы сказали мне много, много лестного; хорошо, если б мне вполне заслужить похвалу вашу. К легкому стихотворению «Мотыльку» присоединю еще гораздо тяжеловеснейшее и скоро вышлю для будущего вашего Альманаха.

Прощайте, почтеннейший, любезнейший Владимир Васильевич! Мы живем в чудном веке: «C'est un siècle pereux»¹ — говорит некто П. Ф. Ганк; но и в судорогах века сего желает вам покоя и счастья вас любящий

Ф. Глинка.

25-го апреля 1827 г.

М. П. ПОГОДИНУ,

13

Милостивый государь,
Михаил Петрович!

С особенным удовольствием получил я экземпляр Московского вестника; с живейшею признательностию приемлю сей дорогой подарок. Благосклонным вниманием своим вы нашли человека в пустыне, и прекрасное издание ваше, конечно, будет манною для ума, для вкуса. Примите отличное почитание, благосклонность и уважение, с коим имеет честь быть, милостивый государь!

Вашим покорным слугою
Федор Глинка.

1827-го Мая 2-го дня.
Г. Петрозаводск.

14

Милостивый государь,
Михайло Петрович!

С особенным удовольствием спешаю исполнить желание ваше, препровождая несколько стихотворений для будущего альманаха Урания на 1828 год. Уранию за 1826 год получил и с большим удовольствием читаю. Вероятно, не все посылаемые мною пизсы могут войти в состав Урании, остальные можете разместить в вашем жур-

¹ Этот нервный век (франц.). (Примеч. ред.)

нале, а буде и туда не годятся, то просто их уничтожить. Я не смею придавать никакой цены моим произведениям, ибо пишу для собственного услаждения, без притязаний на славу. Повторяю мою благодарность за присылки ваши, с почтением и преданностью имею честь быть,

Милостивый государь!
Вашим покорным слугою,
Федор Глинка.

*1827. Июля 21-го.
Г. Петрозаводск.*

15

Милостивый государь,
Михайла Петрович!

Долго не отвечал я на ваше почтенное, обязательное письмо! На это были причины местные, для вас нелюбопытные. Теперь, в ответ на приглашение ваше участвовать в издании Московского журнала, я могу сказать одно: готов по возможности.хлопотливая, прозаическая должность моя по службе поглощает много досугу, при том же я просто не считаю себя автором, могущим обогащать какое-нибудь издание, особливо такое прекрасное, как ваше. У меня есть стихотворения, большею частью незанимательные для нынешнего света: это вопли души, изливания чувства; у меня найдутся некоторые мысли, обернутые в прозаические периоды, но все это едва ли стоит внимания.

Если ж вы за сею откровенною отговоркою найдете, что я с тем, что у меня есть, могу вам быть полезным, то я представляю совершенно вам самим условия определить, на коих могут основаться наши сношения. Я же могу сказать только то, что готов пересылать преимущественно и исключительно мои произведения в Московский вестник. За качество не ручаюсь, количества не назначаю, срочной работе подчиниться не могу. Назначение монетной платы представляю вам, по удержанию за собою права сказать вам, если вы назначите много, и в таком случае, отстраня излишек, я приму только то, что мне покажется достаточным. Я с большим вниманием прочел повести ваши: «Нищий» и другую: «Как аукнется, так и откликнется», они внушили в меня большое уважение и что-то дружелюбное к автору. В разных местных журналах я замечаю также мысли, заимствованные у философии Шеллинга: некогда я с жадностью слушал лекции сей философии, содержание

оних сохранилось еще у меня в тетрадах. Важное понятие о безусловном, о Гармонии мира уясняет мысли, возвышает душу. Но я уж слишком записался, извините! Ожидая вашего ответа с нетерпением, я с искреннею преданностию и почитанием имею честь быть, милостивый государь,
вашим покорнейшим слугою,
Федор Глинка.

*1827-го года 7-го Ноября.
г. Петрозаводск.*

16

Милостивый государь,
Михайла Петрович!

Я перед вами кругом виноват за молчание. Оправдаться могу только недосугом за делом службы. Теперь, по Высочайшему повелению, назначено мне служение в Твери, куда отправлюсь на сих днях. Но прежде оставления Пустынь Карелии я хотел поблагодарить Вас за то удовольствие, которое доставили вы мне сообщением вашего издания. Примите для него маленькую дань из 4-х пиес. С отличным почитанием имеет честь быть,
Милостивый государь!
вашим покорным слугою,
Федор Глинка.

*1830-го. Апреля 27-го.
г. Петрозаводск.*

17

Незнакомый знакомец Федор Николаевич Глинка приезжал отдать свое почтение Милостивому государю Михайле Петровичу с искренним желанием познакомиться лично.
1832 г.

18

Думал, думал как быть! Послать, не послать?.. Не послать, не угодишь Вам, почтеннейший Михайла Петрович. Послать — обидеть себя. Где это видано, чтоб посылать свое детище в отрешьях и лоскутах, посылать в гости замарашкою, растрепую?! Но вы так настоятельно требуете, что я решился, наконец, послать Вам подобие моего Иова. Это экземпляр, бывший у меня в Орле. По прибытии в Мо-

скву я сравнил мое переложение с Гердером, Михаели, Умрейтом и другими и много, очень много переменял и прибавил. Не осталось ни одной главы на месте: особенно последняя вовсе изменилась в форме и стиле.

Но этот последний из последних экземпляров (по которому я читал у Аксаковых) не может быть выслан: он весь в лепестках, в заплатах, в листках перепутанных... Один только я могу ходить по этому лабиринту! Итак, если захотите когда-нибудь озолотить нам вечерок — приезжайте в нашу смиренную хижину! Мы бы прочли Вам нечто такое, что (по существенному содержанию своему) еще выше Иова, о чем можно бы поговорить много, много. К нам ли, к Аксаковым ли приезжайте, мы с ними сжились. Только приезжайте в нашу сторону! Мой племянник, Владимир Сергеевич, напечатал книжку, которую просит доставить Вам. Да я посылаю Вам своих стихов три тетрадки. Кушайте во здравие! Прошу об одном: никому на свете не показывайте моего Иова в том виде, в котором посылаю его теперь Вам. У себя могу я (буде найдутся охотники) прочесть Иова в том виде, в каком познала его цензура.

Жена моя, очень много Вас уважающая, усердно Вам кланяется. Ей бы хотелось поднести Вам чашку чаю. Но я этой радости уже не чаю!

Усердно вам преданный слуга,
Федор Глинка.

1837. Апреля 1-го.

Р. С. Уж, пожалуй, чего доброго, не сочтите всего моего письма за 1-е Апреля. По крайней мере, уверение в моем к Вам уважении примите за сущую и неопровержимую истину.

19

Из письма Вашего, вчера полученного, увидел я, что Вы желаете иметь в вашем Москвитянине мое стихотворение: «Москва». Эта Москва, как кажется, уже разбежалась по Москве в разных списках с прибавлениями и убылью.

Чтоб доставить Вам настоящие, моя жена переписала своею рукою эти стихи, а я их подписал и припечатал, как делают аптекари.

Я бы просил вас об одном, чтобы с общего набора журнального отпечатали бы эти стихи для меня (для раздачи приятелям), как это делают и для меня делали почти все

журналисты. За билет мы благодарим Вас оба и Москвитянина желаем сколько можно более успеха и Московности.

С истинным почтением имеет честь быть,
милостивый государь,
вашим покорнопреданным слугою,
Федор Глинка.

28-го Декабря. 1840.

20

Москва.

1845. Ноября 12-го.

Почтеннейший и многоуважаемый
Михаил Петрович!

Статья для Вас в прозе (о Милорадовиче) — статья большая и стихотворение небольшое уже переписаны и отложены. Авдотья Павловна (восхитившаяся Вашим объявлением) также дает пьесу в стихах. Но — вот видите ли — Вы сами, в оное время — когда я был весною у вас — согласились, чтоб наши посильные приношения поступили в 1-ю книжку Вашего издания. В этом смысле я и выжидаю. Донося о сем, с истинным уважением к Вам имеет честь быть

Вашим покорным слугою,
Ф. Глинка.

21

1862. Октября 18-го.

Почтенный и всегда нам драгоценный Михаил Петрович! С первым экземпляром в руках, первую мою мыслью и первым разговором с женою было: послать Вам книгу мою. Но, подумав и порядив между собою, мы сказали: «Да где ж его найти?» Как старик Списов везде и нигде, Михаил Петрович бог знает где?! Я писал нарочно к Лихонину, прося Вашего адреса и адреса Юрия Никитича. Ответа еще не получил. Но вот Вы сами, любимый и уважаемый! отозвались нам, и тотчас в клеенку зашивается и Вам отправляется давно принадлежавший экземпляр.

Примите, прочтите и не осудите! Не осудите и за то, что русская сердечная речь оттиснута на чужеземном станке. С Христом в моей книге случилось то же, что и в Палестине: «К своим пришел — и свои его не приняли!..»

Теперь читают книгу в Париже (Толстой писал, что она

очень понравилась Ваш — ву), в Берлине, в Вис-Бадене; а в России нет!

Я распорядился через дом Шлицдорфов послать Каплю по всем Славянским университетам, разумеется, бесплатно. Бесплатно раздал бы я мое произведение и в России, да дверь крепко заперта! Едва, едва (и то всеми неправдами) могли мне переслать полдюжины экземпляров! Море разврата и нечестия разливается повсюду, а бедной благочестивой Капле места нет! В последнем номере Северной Пчелы читаю: «Дозволяется ввоз в Россию книги (Герцен и проч.), напечатанной в Берлине. Вот есть же счастливицы! А я, вздыхая, повторяю слова прикупельного страдальца: «Человек не имам!»

Я вас заговорил! Извините! Авдотья Павловна, Вас искренне любящая, сама припишет.

Ставлю адрес наобум, да свой прилагаю самый верный: «Ф. Николаевичу Глинке, в собственный дом, в г. Тверь». Вот и все.

Обнимает вас с любовью и уважением
Покорнопреданный
Ф. Глинка.

22

Г. Тверь.

1863. Сентября 23-го.

Многоуважаемый и всегда любимый Михаил Петрович! Письмо Ваше (дороже иного тома!) доставило мне вчера много радости и пало светлую каплю на грустную мою душу. Вы подали голос утешения, как будто по догадке, что мы (ведь очень издавна!) Вас любили и уважали Ваши стремления и Ваш взгляд на вещи. У покойной, моей незабвенной, ваши письма и отзывы хранились в особом ларце. Да, почтенный Михаил Петрович! Я думаю быть в Москве, хоть и грустно будет на каждом шагу вспоминать время прежних радостей. В материальном отношении я готов занять, т. е. нанять, помещение в прекрасном вашем доме, нанять потому, что вы ведь не Крез и я не дошел еще до нищеты. Но когда могу выехать из Твери — сам не знаю! С одной стороны, еще не доконченная служба, с другой — роковой удар постиг нас врасплох (много дел и хлопот). Во всяком случае, благодарю вас за сочувствие, память и участие. Мое положение томительно: это круглое сиротст-

во. Вы знали нас, когда мы, — Я и Она, — составляли десяток: Она была единицей, я — полем.

Проводил я свою золотую единицу в землю и остался полем на земле!! Сочувствие петербургских друзей (многие приезжали нарочно сюда) старается наполнить пробел в моей жизни; но бог знает, наполнимое ли это дело?

Но здесь меня терпят, — даже любят, — но мир чиновников, как зимнее солнце, хоть и приветен, но не греет! В остывшем ложе жены моей больше теплоты, чем во всех официальных заявлениях.

Из комнаты, где скончалась жена, я сделал свою спальню и все как будто еще не совсем расстался с нею. Простите! Будьте здоровы и долго, долго еще радуйте друзей своих.

Этого желает Вам
преданнейший
Ф. Глинка.

23

1871. Г. Тверь. Ноября 16-го.

Тайному Советнику от явного почитателя его почтение, поздравления и сердечный привет посылает

Ф. Глинка.

КОММЕНТАРИИ

«Очерки Бородинского сражения» впервые изданы в Москве в типографии Николая Степанова в 1839 году. С тех пор полностью не переиздавались. «Очерки Бородинского сражения», безусловно, выдающееся произведение военно-мемуарной литературы, специально приуроченное к 25-летию победного окончания Отечественной войны 1812 года.

Строгая документальность изложения в сочетании с энергичным лаконизмом повествования образует удивительный сплав исторической достоверности и высокой художественности.

Заранее обдумывая стиль будущей исторической книги, Глинка писал: «Слог в описании событий 1812 года должен быть исполнен важности, силы и ясности».

Любопытно сравнить описание Бородинского сражения в «Очерках...» Ф. Глинки с выразительной зарисовкой, которую оставил в своей переписке другой выдающийся современник Глинки поэт В. А. Жуковский, побывавший, кстати, на Бородинском поле как раз в дни праздника 25 августа 1839 года, в том же самом году, когда вышла в свет книга «Очерков...» Ф. Глинки.

В. А. Жуковский, в частности, писал: «Утро Бородинского праздника было так же ясно, как утро Бородинского боя. Тогда чувствовалась осенняя свежесть; теперь было тепло, от долговременной засухи повсюду была ужасная пыль, которая при малейшем ветерке поднималась столбами. Войска, около ста пятидесяти тысяч, были рано поутру сведены на места, им назначенные; они стояли колоннами по наклону покатостей, окружая с трех сторон то возвышение, на котором теперь стоит памятник бородинский и у подошвы его лежит Багратион, на коем тогда произошла самая жаркая битва, где дрались Раевский, Барклай, Паскевич, где ранен Воронцов, где погиб Кутайсов, на котором без умолку гремело более двухсот наполеоновских пушек, где наконец все перемеша-

лось в рукопашной убийственной свалке. Войска, видимые с вершин этого холма, представляли зрелище единственное; одним взглядом можно окинуть стотысячную армию, сжатую в густые колонны, которые амфитеатром одна над другой подымались. Пехота была неподвижна. По ружьям сверкало солнце, и они казались блестящею поднявшеюся щетиною огромного боевого чудовища. Где стояла конница, там двигалось; конские копыта подымали пыль, она колебалась над колоннами как черная громовая туча. Позади армии расставлена была артиллерия. В середине этого чудного амфитеатра возвышался памятник, у подошвы коего, внутри ограды, были собраны все отставные, некогда участвовавшие в славной битве и из разных мест собравшиеся на ее праздник; между ими особенно замечательны были некоторые инвалиды, кто с подвязанною рукою, кто с повязкою на голове, кто без обеих ног. Одни, в ожидании торжества, сидели на ступенях монумента; другие, положив на землю клюки, отдыхали у Багратионова гроба, который один на земле Бородинской, величественно тихий в виду армии нового поколения, казался представителем поколения прежнего, которого войны положили свои головы, которого прах вечно живая природа с такою любовью одела здесь своею свежелою зеленью, своею благовонною жатвою. Другие бородинские войны, еще находящиеся в службе, сидели на конях и выстроены были фронтом вне ограды...»

С. 26. *Парфы* — Парфянское царство, государство (250 до н. э.— 224 н. э.) к юго-востоку от Каспийского моря.

Волугина гора — деревня в 10 км восточнее Смоленска, около которой 7 (19) августа 1812 года произошел бой части сил 1-й русской армии (Барклай-де-Толли, 17 тысяч человек) с передовыми корпусами французской армии Наполеона (Ней, Даву, Жюно и Мюрат, 32 тысячи человек). Французские войска пытались сорвать маневр русской армии, отходившей на Дорогобуж, но были отброшены на исходные позиции.

С. 27. *...князь Экмюльский* — маршал Даву Луи-Никела (1770—1823) — участник всех наполеоновских войн, командовал корпусом. Один из самых талантливых полководцев наполеоновской армии.

С. 30. *Редут* — опорный пункт, сомкнутое полевое укрепление.

Люнет — открытое с тыла полевое укрепление.

Флешь — небольшой редант с тупым углом.

С. 31. *Редант (редан)* — открытое полевое укрепление в виде угла в сторону противника, позволяющее вести косопрямельный огонь.

С. 34. *Секурс (франц.)* — помощь.

С. 41. *Маршан Луи-Жозеф Нарцисс* (1791—1876) — граф.

С 1812 года был камердинером Наполеона I, сопровождал его в 1815 году на остров Св. Елены и был его душеприказчиком.

Монбрена (Монбрён) Луи-Пьер (1770—1812) — французский кавалерийский генерал. Убит в Бородинском сражении, где командовал корпусом.

Жюно — герцог Д'Абрантес (1771—1813) — французский генерал. Неудачные действия Жюно в 1812 году, особенно в сражении при Велутиной горе, побудили Наполеона удалить его из армии.

С. 47. *Ретрашэмент* — фортификационное укрепление.

С. 49. *Евгений будет осью.* — Речь идет о Евгении Богарне (1781—1824). Французский генерал, участник наполеоновских войн, вице-король Италии.

С. 58. *...русский Баярд* — М. А. Милорадович. Баярд — легендарный средневековый французский «рыцарь без страха и упрека». Пленные французской армии, «призренные Милорадовичем и спасенные им от голодной смерти», называли его северным Баярдом.

С. 60. *...лобоище Задонское* — Куликовская битва (1380).

С. 62. *Эполементы* — полевой окоп.

С. 63. *Эпаминод* (около 418—362 до н. э.) — фиванский полководец, новатор в области военной тактики, впервые применивший так называемый косой строй.

Ободняло (устар.) — рассвело.

С. 72. *«Рассказ артиллериста о деле Бородинском»* — автор этой книги Николай Любенков, прапорщик 17-й артиллерийской бригады 2-го пехотного полка.

С. 83. *...молодой Палладин средних веков* (от позднелат. *palladini*) — так называли в средневековой литературе сподвижников Карла Великого; в переносном смысле — человек, беззаветно преданный делу или какому-либо лицу.

...битва Фонтенейская — сражение близ села Фонтенца в Бельгии, где французская армия Морица Саксонского нанесла поражение англо-голландским войскам. В ходе этого сражения обе стороны применили строй колонн.

С. 86. *...вести войну скифов* — т. е. завлекать, заманивать, заводить неприятеля как можно дальше.

С. 89. *...короновал... высоты* — укрепил их.

С. 103. *...разжидил... накопом* — ослабил... сосредоточением.

«Письма русского офицера». Печатаются по второму изданию (СПб., 1815—1816). Все письма, относящиеся к Отечественной войне 1812 года, первоначально печатались в журналах «Русский вестник» и «Сын отечества» за 1812—1813 годы.

Любопытную точку зрения на «Письма...» Глинки сформулиро-

вал журнал «Русский вестник», заметив, что если «Письма русского путешественника» Карамзина были «песней соловья», то «Письма русского офицера» Глинки — «звуком оружия».

Книга Глинки явилась одним из первых, ярких и содержательных произведений, написанных о войне 1812 года непосредственным ее участником.

И. В. Путьята вспоминал: «Письма эти по появлении своем имели блистательный успех, они с жадностью читались во всех слоях общества, во всех концах России. Красноречивое повествование о свежих еще, сильно волновавших событиях, живые яркие картины, смело нарисованные в минуту впечатлений, восторженная любовь ко всему родному, отечественному и к военной славе, все в них пленило современников. Я помню, с каким восторгом наше, тогда молодое, поколение повторяло начальные строки письма от 29 августа 1812 года: «Застонала земля и пробудила спавших на ней воинов. Дрогнули поля, но сердца покойны были. Так началось беспримерное сражение Бородинское».

Бесспорно, «Письма...» явились драгоценным историческим материалом, использованным впоследствии Лермонтовым при создании «Бородина» и Л. Толстым при описании Бородинского сражения в романе «Война и мир».

С. 121. *Фонтенель Бернар Ле Бовье* (1657—1757) — французский писатель, ученый-популяризатор.

Монтескье Шарль-Луи (1689—1755) — французский писатель, философ-просветитель, активно выступавший против абсолютизма. Автор знаменитых «Персидских писем» (1721).

С. 126. *Шамфор Николай* (1741—1794) — французский писатель, славившийся своим остроумием.

С. 127. *Бетанкур Августин* (1758—1824) — инженер, архитектор, с 1808 года генерал русской армии; основатель Института инженеров путей сообщения.

С. 129. *Стерн Лоренс* (1713—1768) — английский писатель, один из зачинателей сентиментализма, очень популярный в России в конце XVIII — начале XIX века.

С. 132. *Иксион* — царь ланифов, отец Пейритя, супруг Деи.

С. 134. *Лада* — в славянской мифологии богиня любви и красоты.

Зимцерла — в славянской мифологии богиня ранней весны.

Радегаст — один из славянских вождей.

С. 136. *Томас (Тома) Антуан* (1732—1785) — французский поэт и критик.

С. 137. *Меценат Гай Цильний* (I в. до н. э.) — римский аристократ, покровитель поэтов, художников, музыкантов.

С. 143. *Аббат Сабатье* (1682—1742) — французский монах и теолог, критически изучавший Библию.

С. 144. *Ведомости* — журнал «Московские ведомости».

Степенные книги — свод исторических сведений о России от древнейших времен до Ивана Грозного, составленный в XVI веке. Первое издание свода — 1775 год.

Макиавель — Макиавелли Николо (1469—1527) — итальянский политический деятель и писатель.

Маркиз Куева де Бедмар (1572—1655) — испанский дипломат, посол в Венгрии; описан французским аббатом и историком Сент-Реалем (1639—1692) в книге «История заговора испанцев против Венецианской республики в 1618 году» (1674).

С. 145. *Гедеон* (ок. 1726—1763) — придворный священник при императрице Елизавете Петровне, славившийся своими проповедями.

...близ Дриссея — укрепленная позиция близ г. Дриссы на левом берегу Западной Двины.

С. 146. *Пассек Петр Петрович* — русский генерал, в 1812 году служил в Смоленском ополчении.

С. 147. *Рудня* — ныне город в Смоленской области.

С. 148. *Кажется, еще боятся развязать руки* — намек на то, что царское правительство боялось вооружать крестьян, опасаясь широкого народного движения, которое могло обратить оружие против помещиков.

С. 153. *Катон Младший, или Утический* (95—46 до н. э.) — римский политический деятель, философ-стоик, убежденный и неподкупный республиканец.

Луканова поэма — Лукан (39—65) — римский поэт, автор поэмы «Фарсалия», в которой прославляется Катон Младший как воплощение гражданской доблести.

С. 154. *Мармонтелев Велисарий* — Мармонтель Жан-Франсуа (1723—1799) — французский писатель, автор популярного в свое время романа «Велисарий» (1767), осужденного церковью за проповедь веротерпимости.

С. 156. *Колоцкий монастырь* — расположен близ села Бородина, где произошло генеральное сражение 26 августа 1812 года.

С. 162. *...древняя столица Севера, после двухсотлетней свободы*. — Глинка имеет в виду нашествие польских интервентов на Москву в 1612 году, т. е. ровно за двести лет до Отечественной войны.

«Москва в слезах, Москва уныла...» — строки эти, процитированные не совсем точно, принадлежат И. И. Дмитриеву (1760—1837), которого Глинка характеризовал как «одного из превосходнейших поэтов наших».

...один знаменитый писатель говаривал...— имеется в виду Г.-В. Лейбниц (1646—1716) — немецкий философ-идеалист, математик, физик, языковед.

С. 169. ...так говорит Царственная книга — одна из четырех книг Ветхого завета.

С. 171. Паростники — кустарники.

С. 173. ...как Павел и Виргиния — речь идет о персонажах романтической идиллии «Поль и Виргиния» французского писателя Бернардена де Сен-Пьера (1737—1814).

С. 175. Навуходоносор — царь Вавилонии (605—562 до н. э.). При нем сооружены так называемые Вавилонская башня и висячие сады.

С. 176. ...сбылся стих великого поэта...— Прочитирован отрывок из оды М. В. Ломоносова «На победу над турками и на взятие Хотина» (1793).

...ушла лисица, только хвост в западне остался...— Имеется в виду ложный маневр, с помощью которого Наполеону с остатками «великой армии» (около 30 тыс. человек) удалось ускользнуть на Березине от преследования намеревавшихся его пленить адмирала Чичагова и графа Витгенштейна.

С. 177. Клястицкие поля — севернее г. Полоцка, в районе которого произошло сражение между войсками корпуса генерала П. Х. Витгенштейна и французскими войсками маршала Удино.

...перескажут им всего Монто...— Монто Луи (1754—1842) — французский политический деятель, якобинец, член законодательного собрания и Конвента.

С. 179. ...кто был... прелестным певцом во стане русских...— Речь идет о В. А. Жуковском, который незадолго до описываемых событий напечатал в «Вестнике Европы» стихотворение «Певец во стане русских воинов».

С. 180. Валахия — юго-западная часть Румынии.

«Письма к другу» впервые вышли в свет в 1816—1817 годах в трех частях. Являются непосредственным продолжением «Писем русского офицера». Статья «О необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года», включенная в состав «Писем к другу», была написана в 1813—1814 годах и первоначально напечатана в журнале «Сын отечества», 1816 г., часть 27.

Многие идеи «Писем к другу», особенно статья «О необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года», предвосхищают написанные позднее великолепные «Очерки Бородинского сражения» (1839).

О необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года. Печатается по кн.: Глинка Ф. Письма к другу. СПб., 1816—1817,

ч. 1, с. 1—37. Отечественная война 1812 года заставила литераторов задуматься о создании в России литературы, ориентированной на героическое прошлое страны. Этой мыслью пронизано «Рассуждение о причинах, замедлявших развитие нашей словесности» Н. И. Гнедича, где говорится, что «слава Земли российской должна наполнить наши сердца той благородной гордостью, должна вселить в нас навеки то уважение к самим себе и языку своему, которое одно составляет истинное достоинство народа». В статье Глинки уже явственно обозначены социальные воззрения и эстетическая программа революционных дворян, направленная на возрождение национального прошлого России.

С. 205. *Лабом Эжен* (1783—1849) — французский историк, автор книги «Полный отчет о русском походе» (1814).

Саразен — Сарразен Жан (1770—1840) — французский авантюрист, автор нескольких сочинений о наполеоновских походах, в том числе «Истории войны в России» (1815).

Вентурини Карл — французский историк, автор четырехтомного сочинения «Освободительная война России и Германии против французского господства при Наполеоне Бонапарте в 1812—1825 гг.».

Мордвинов Николай Семенович (1754—1845) — граф, русский государственный и общественный деятель, адмирал. Президент Вольного экономического общества. В 1826 году единственный из членов Верховного уголовного суда отказался подписать смертный приговор декабристам: П. Пестелю, К. Рылеву, С. Муравьеву-Апостолу, П. Каховскому, М. Бестужеву-Рюмину.

...дивные знамения — речь идет о комете, появившейся осенью 1811 года; это явление рассматривалось как грозное предзнаменование.

С. 207. ...поля задонские — Куликово поле.

...пустыни аркские — Аркское поле под Казанью, через которое наступали войска Ивана IV при взятии города.

Миллер Иоганн (1752—1809) — немецкий историк, автор «Истории Швейцарии» (1870).

С. 208. *Пастыри* — пастухи.

С. 209. ...величайшего из полководцев — генералиссимуса Александра Васильевича Суворова.

Фукс Е. Б. — секретарь Суворова, автор книги «История генералиссимуса князя Итальянского графа Суворова-Рымникского» (М., 1811).

Арминий (I в.) — вождь древних германцев, победитель римских легионов.

...благородный *Германик* (15 до н. э.— 19 н. э.) — римский военачальник; писал стихи.

С. 210. *Никия* (5 в. до н. э.) — афинский полководец.

Письмо к генералу Н. Н. о переводе воинских выражений на русский язык. Печатается по кн.: *Глинка Ф.* Письма к другу. СПб., 1816—1817, ч. 1, с. 39—51. Страстный поборник самобытности родного языка, Ф. Глинка видел «зарю свободы» отечественной словесности в очищении русского языка от галлицизмов. Не в возвращении русского языка к старославянскому наречию, а в расширении его народно-национальных основ усматривал Глинка путь к закреплению национального самосознания, окрепшего в годы Отечественной войны 1812 года. Проблемы важности исторической темы в русской литературе, необходимости очищения «слога» неоднократно будут затрагиваться в обзорах «Полярной звезды», в литературно-критических работах К. Рылева, В. Кюхельбекера, П. Катенина, О. Сомова и других литераторов декабристской ориентации.

С. 215. *Турнировать* — обходить, огибать (от *франц.* tourner).

Дебордировать — охватывать фланг (от *франц.* deborder).

Деплоированный — развернутый (от *франц.* deployer).

С. 216. *Катилина Сергей Люций* (ок. 103 — 62 до н. э.) — римский политический деятель, организатор заговора против Циперона. Яркий художественный образ, созданный самим Ципероном в «Речах против Катилины», дал повод в новое время для незаслуженной романтизации Катилины и преувеличения значения заговора.

С. 217. *Крины* — лилии.

С. 218. *Зегзица* — кукушка.

Ярославны голос слышится... — Глинкой приводится фрагмент «Плача Ярославны» из величайшего памятника русской литературы «Слово о полку Игореве».

С. 219. *Бартеlemi Жан-Жак* (1716—1795) — французский археолог. Самое известное произведение «Voyage du jeune Anacharsis en Grèce» (Paris, 1788).

С. 221. *Голосники* — маленькие керамические сосуды или камеры, закладываемые в своды и стены храма как резонаторы для усиления звука.

С. 230. *Нарохтится* — парогтиться — собираться, намереваться.

С. 235. *Воскреснет ли опять дух народов...* — По мнению Глинки, нет для человека большего позора, чем влачить ярмо иноземного рабства. Стилистические приемы ранних произведений Глинки, в частности риторические восклицания, рассчитанные на пробуждение патриотических чувств, ярко выраженная гражданская лексика — все это отвечает эстетике ранних декабристских организаций. Глинка призывает не покорствоваться тому, кто «пасет железною палицею», т. е. тирану, а воспрянуть и, не страшась, бо-

роться за свободу. Помета «писано прежде 1812 года» — явное прикрытие от цензуры.

С. 237. Взгляд Глинки на конституцию является выражением его политической программы, ориентированной на конституционно-монархическое правление.

Две сестры, или: которой отдать преимущество? Печатается по первой публикации: альманах «Северные цветы» на 1828 год. СПб., 1827, с. 151—165.

С. 243. *Минерва* — в древнеримской мифологии богиня мудрости.

Юнона — в древнеримской мифологии высшее женское божество, богиня брака, материнства.

...птица *Юнонина* — речь идет о павлине.

С. 244. *Эол* — в греческой мифологии бог ветров; «Эолова арфа» — известное романтическое стихотворение В. А. Жуковского.

С. 245. ...*волшебница Фессалийская* — Медея — в греческой мифологии волшебница, которой приписывались черты солнечной богини, могущественной колдуньи Фессалийской. Фессалия — историческая область в Греции.

С. 246. ...*юродивое забвенье* — ясновидение, прорицание.

Плиний Младший (61 — ок. 114) — римский писатель, консул.

Данте Алигьери (1265—1321) — итальянский поэт, автор «Божественной комедии».

Ариосто Лудовико (1474—1533) — итальянский поэт, автор рыцарской поэмы в октавах «Неистовый Роланд».

«*Фауст*» *Гете* — философская трагедия немецкого писателя, мыслителя, естествоиспытателя Иоганна Вольфганга Гете (1749—1832).

Мои воспоминания о Карамзине. Печатается по первой публикации: Известия Отдела русского языка и словесности императорской Академии наук, 1903, т. 8, ч. 2, с. 76—102. Воспоминания написаны к 100-летию юбилею Н. М. Карамзина и отосланы в Академию наук, но по каким-то причинам не были тогда опубликованы. Рукопись Глинки обнаружил К. Я. Грот в бумагах своего отца; академика Я. К. Грота, он же и был первым публикатором.

С. 247. *Эмин Федор Александрович* (1685—1770) — русский писатель.

«*Мои безделки*» — 1-е издание 1749 года, 2-е — 1797 года.

С. 248. *Остров Борнгольм* — повесть «Остров Борнгольм» опубликована в альманахе «Аглая», 1794, кн. 1.

Переводчика «Бедной Лизы» на польский язык установить не удалось.

«История России». — Имеется в виду монументальный труд Карамзина «История Государства российского».

С. 249. *«Военный журнал»* — издавался при гвардейском штабе в 1817—1819 годах. Его издание предприняло «Общество военных людей при гвардейском штабе». Предшествовала журналу брошюра «Краткое начертание военного журнала» Ф. Глинки, который позднее стал его редактором.

Паскевич Иван Федорович (1782—1856) — генерал-фельдмаршал. В качестве бригадного командира принимал участие в боях под Смоленском, Бородином, Вязьмой.

Голицын Александр Николаевич (1773—1844) — князь, государственный деятель. Министр духовных дел и народного просвещения.

Шипков Александр Семенович (1754—1841) — русский государственный деятель, адмирал, писатель, автор «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» (1803). Глава литературного общества «Беседа любителей русского слова», выступавший против литературного кружка «Арзамас» — поборников сентиментализма и романтизма в русской литературе. В «Арзамас» входили Карамзин, Жуковский, Пушкин и многие другие поэты-романтики. Будучи президентом Российской академии, Шипков продолжал свои нападки на последователей романтизма.

...обе государыни — императрицы Мария Федоровна и Елизавета Алексеевна.

Аракчеев Алексей Андреевич (1796—1834) — граф, русский государственный деятель, генерал, всесильный временщик при Александре I. Имея огромное влияние на Александра I, Аракчеев, по существу, с 1815 по 1825 год единолично правил Россией, поэтому лишь после его разрешения мог Карамзин отдать в печать свой труд.

С. 250. *Тургенев Александр Иванович* (1785—1846) — русский общественный деятель, историк, писатель. Член литературного кружка «Арзамас».

Павловск — летняя резиденция Павла I. С 1801 по 1823 год там постоянно проживала императрица Мария Федоровна.

...обедал у императрицы — имеется в виду Мария Федоровна.

Голенищев-Кутузов Павел Иванович (1767—1829) — русский писатель, куратор и попечитель Московского университета. В 1816—1819 годах состоял председателем комиссии для оказания помощи жителям, пострадавшим от нашествия французов.

Воейков Александр Федорович (1779—1839) — русский писатель, редактор журнала «Новости литературы», где печатались

Пушкин, Жуковский, Дельвиг, Рылеев. Воейков — автор известной политической сатиры «Дом сумасшедших». Современники явно переоценивали тогда литературную одаренность автора «Дома сумасшедших», ставя его имя рядом с именами Жуковского и Батюшкова.

Дмитриев Иван Иванович (1760—1818) — русский писатель, баснописец. Был близок с Державиным, Карамзиным.

С. 251. *...великий мастер* — одна из высших ступеней масонской иерархической лестницы.

Новиков Николай Иванович (1744—1813) — русский просветитель, писатель, издатель сатирических журналов «Трутень», «Живописец», «Кошелек», выступавший против крепостного права, высмеивал галломанию русского двора. Организатор типографий, библиотек, школ в Москве. В 1775 году вступил в масонскую ложу (организацию так называемых «вольных каменщиков»), движимый желанием объединения людей в союзы единомышленников. Екатерина II, раздраженная деятельностью масонов, вела с ними ожесточенную борьбу: больницы и школы отдала под надзор Приказа общественного призрения, наложила арест на книги, издаваемые в типографиях Новикова. Самого писателя в августе 1792 года отправила в Шлиссельбургскую крепость, где он пробыл до 1796 года. Литературная ценность деятельности Новикова была определена лишь во второй половине XIX века, когда сатирическая публицистика заняла значительное место в литературном процессе.

Бем, Экартгаузен — немецкие философы, философская система которых строилась на сочетании натурфилософии с мистикой. В Россию их идеи проникли в конце XVII века. Извлечения из сочинений Бема и Экартгаузена были тайно перепечатаны Н. И. Новиковым для практического употребления в тайных организациях.

Гамалея Сергей Иванович (1747—1822) — известный в свое время переводчик мистических сочинений. Автор книги «Письма С. И. Гамалеи» (М., 1832).

С. 252. *...переводил одно и то же...* — то есть повторял, переписывал.

Милиция — от латинского *militia* — войско.

Фридландское сражение — состоялось во время русско-пруско-французской войны 1806—1807 годов. Закончилось поражением русской армии под предводительством генерала Беннигсена.

...мир заключен посреди реки... — речь идет о Тильзитском мире, заключенном Александром I и Наполеоном I в 1807 году на реке Неман.

С. 253. *Глинка Сергей Николаевич* (1776—1837) — брат Ф. Н. Глинки, русский писатель, журналист, издатель «Русского вестника». Цензор московского цензурного комитета. Автор истори-

ческой пьесы «Минин», «Записок о Москве», «Русской истории» в 14 частях, написанной для учебных заведений.

...тогда еще считалось это диковинкой...— Первый пароход в России «Елизавета» был сооружен в 1815 году для рейсов между С.-Петербургом и Кронштадтом.

Удаление А. С. Пушкина из С.-Петербурга в 1820 году. Печатается по кн.: Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1950, с. 175—178.

Знакомство Глинки с Пушкиным относится к 1817 году, когда лицеисты первого выпуска сближаются с передовой петербургской молодежью, находящейся в сфере влияния тайных организаций. Лицеистов можно было видеть среди членов Вольного общества любителей российской словесности, председателем которого был Ф. Глинка, на заседаниях «Зеленой лампы» у Всеволожского. Федор Глинка, Никита Муравьев вовлекали Пушкина в легальную деятельность литературных обществ, руководимых конспиративными организациями. Среди друзей Пушкина многие входили в Союз благоденствия, а позже и в Северное общество. Не случайно много лет спустя, работая над десятой главой «Евгения Онегина», Пушкин описывает одно из заседаний общества, на котором присутствуют известные декабристы Н. Муравьев, М. Лунин, И. Якушкин.

С. 254. *...ответи его от одной дуэли...*— Для душевного состояния Пушкина этих лет характерна нервозность, напряженность. По его словам, он в любую минуту ожидал обид и готов был ответить на них вызовом на дуэль. Летом 1817 года он вызвал на дуэль своего дядю С. И. Ганнибала, Н. Тургенева, однокашника М. Корфа, майора Денисевича и многих других. Одна из его современниц писала: «У г. Пушкина всякий день дуэли; слава богу, не смертоносные».

С. 256. *Гнедич... бросился к Оленину.*— Гнедич Николай Иванович (1784—1833) — русский поэт, переводчик. Долгие годы служил в Императорской публичной библиотеке. Частый гость в литературном салоне Алексея Николаевича Оленина, основателя и первого директора Публичной библиотеки, президента Академии художеств, знакомством и дружбой связанного со многими выдающимися учеными, писателями, музыкантами, будущими декабристами.

Карамзин... обратился к государыне — императрице Марии Федоровне. 19 апреля 1820 года Н. М. Карамзин писал И. И. Дмитрию: «Над здешним поэтом Пушкиным если не туча, то, по крайней мере, облако, и громоносное (это между нами): служа под знаменем Либералистов, он написал и распустил стихи на вольность,

эпиграммы на властителей и проч., и проч. Это узнала полиция etc. Опасаются следствий».

Чаадаев хлопотал у Васильчикова...— Чаадаев Петр Яковлевич (1794—1856) — русский философ, участник Отечественной войны 1812 года. Друг Пушкина, член Северного общества, был одним из замечательнейших людей своего времени. По словам одного мемуариста, «Чаадаев был красив собою, отличался не гусарскими, а какими-то английскими, чуть ли даже не байроновскими манерами и имел блистательный успех в тогдашнем петербургском обществе». В 1820 году Чаадаев числился в лейб-гвардии гусарском полку, был адъютантом командира гвардейского корпуса генерала Васильчикова Иллариона Васильевича (1777—1847) — участника Бородинского сражения, члена Государственного совета.

...дело исполнялось буквально по решению...— А. С. Пушкин 6 мая 1820 года выехал из С.-Петербурга на юг с назначением в канцелярию генерал-лейтенанта И. Н. Инзова.

Семеновская история — восстание лейб-гвардии Семеновского полка в Петербурге в октябре 1820 года, вызванное жестоким отношением командира полка к солдатам.

Вязмитинов Сергей Кузьмич (1749—1819) — граф, с 1812 года министр полиции, губернатор С.-Петербурга.

Балашев — Балашов Александр Дмитриевич (1770—1837) — петербургский обер-полицмейстер, позже министр полиции.

Семисотлетие Москвы. Печается по кн.: *Хавский П. В.* Семисотлетие Москвы. М., 1847, с. 498—506. Первоначально статья была напечатана в «Московских ведомостях».

С. 257. *...суздальский князь* — Юрий Долгорукий.

...князь Святослав — союзник Долгорукого, северский князь Святослав Ольгович.

Кучка Степан Иванович — суздальский боярин; владел селами и деревнями по реке Москве. Юрий Долгорукий проездом остановился в этой местности, приказал убить Кучку за какую-то грубость, овладел селами убитого боярина и заложил на берегу Москвы-реки город, который долго назывался Кучковым, а потом Москвой.

...семя и овамо — туда и сюда.

С. 258. *Спас-на-Бору* — древнейшая церковь, существовавшая с начала Москвы, была перестроена в 1527 году (не сохранилась).

...обошла неприятеля... и осетила его — опутала сетями.

С. 259. *Калита — Иван I Данилович* (? — 1340) — с 1325 года князь Московский. Заложил основы политического и экономического могущества Москвы. Добился у Золотой Орды права сбора

монгольской дани на Руси. При нем резиденция митрополита Петра была перенесена из Владимира в Москву, с этого времени город стал застраиваться и разрастаться.

С. 260. *...прошли царствования Иоаннов* — имеется в виду начало царствования Петра I.

1612 год — поход поляков на Москву.

666 — «дьявольское число», суеверное понятие.

ПОЭЗИЯ

Песнь русского воина при виде горящей Москвы¹. Входила в состав книги Глинки «Подарок русскому солдату» (СПб., 1818).

С. 263. *...любимец наш седой* — Кутузов.

Длани — ладони.

Москва *. Популярный гимн, положенный на музыку композитором Ребиковым.

Иван-звонарь — колокольня Ивана Великого.

Москве Благотворительной. Печатается по отдельному изданию: М., 1840.

С. 264. *Семихолмия* — московские холмы и горы подавали повод рассуждать о семи холмах, на которых будто бы расположен город, и сближать топографию Москвы с далекими Константинополем и Римом.

Приглашение на приезд В. А. Жуковского в Москву. Печатается по первой публикации: Современник, 1841, т. 23, с. 161—163. «Когда в последний раз Жуковский был в Москве в 1841 г., — вспоминал М. А. Дмитриев, — все московские поэты встрепенулись от радости, как будто с возвращением его в Москву возвратилось прежнее время светлого вдохновения. Его приезд был для всех, занимающихся литературой, истинным праздником».

С. 266. *Гимн Певца* — стихотворение В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов», написанное в 1812 году.

Бард — певец-поэт у древних кельтов.

В. А. Жуковскому. Печатается по автографу: ЦГАЛИ, ф. 141, оп. 1, ед. хр. 42, л. 13. Датируется 1825—1826 годами по стихотворению «Чиновник» («За делом просидев часов пять-шесть...»), которое записано на том же листе.

Рейн и Москва *. Стихотворение обращено к В. А. Жуковскому.

¹ Здесь и далее стихотворения, отмеченные *, печатаются по кн.: Глинка Ф. Н. Избранное. М.; Л., 1957. (Библиотека поэта. Большая серия).

Единственный Лист в Москве. Печатается по автографу: ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 5295, л. 2. Весной 1843 года Москву посетил Ференц Лист (1811—1886) — венгерский композитор, пианист, дирижер. Создатель нового направления в музыке, превративший фортепиано из салонно-камерного инструмента в инструмент для массовой аудитории. М. П. Погодин писал о впечатлении от концерта Листа: «Слушал Листа в Малом театре и как будто разверзлись уши». Тогда же К. С. Аксаков писал Ю. Ф. Самарину: «Как жаль, что ты не был вчера. Ты потерял высокое наслаждение. Лист превзошел себя и явился с совершенно новой стороной».

Осетр за обедом в Москве знаменитому Листу 1843-го мая 13-го. Печатается по автографу: ЦГАЛИ, ф. 141, оп. 1, ед. хр. 44, л. 10. Свидетель торжества вспоминал: «Один из любителей музыки предложил для этого свою прекрасную залу. Роскошный обед был приготовлен мастерской рукой известного Власа, который некогда был поваром у Василия Львовича Пушкина... Но вот явился чуть не трехраршинный и не трехпудовый осетр, который несли несколько человек... Для Листа было ново такое зрелище. Он рукоплескал осетру, назвав его «poisson — monstre»¹. Осетр был потоплен в лучшем рейн-вейне. Волга и Рейн соединили дары свои».

Московские думы. Печатается по первой публикации: Невский альманах на 1847-й и 1848-й гг. Вып. 1, с. 37—39. Написано к 700-летию юбилею Москвы.

Петр Яковлевич Чаадаев (человек, памятный Москве). Печатается по автографу: ОР ГБЛ, 1033а.9. В квартире Ф. Глинки на стене висел портрет П. Я. Чаадаева, под которым были помещены эти трогательные стихи.

Мечтания на берегах Волги *. Стихотворение написано во время путешествия автора по Волге в 1810 году. После первой войны с Наполеоном Глинка по болезни вышел в отставку. В 1810—1811 годах он предпринял краеведческое путешествие по Смоленской и Тверской губерниям, побывал в Киеве, плавал по Волге. Стихотворение Глинки содержит мотивы, характерные для его ранней элегической поэзии. Впечатления от этого путешествия вылились также в «Замечания, мысли и рассуждения во время поездки в некоторые отечественные губернии», вошедшие в «Письма русского офицера».

С. 272. *Текелли, Тёкёй Имре* (1657—1705) — руководитель антигабсбургского освободительного движения в Венгрии в 1678—1685 годах.

С. 273. *Авзония* — поэтическое название Италии.

Овидий-изгнанник — Публий Овидий Назон (43 до н. э.—

¹ рыба-чудовище (франц.). (Примеч. ред.)

ок. 18 н. э.) — римский поэт, автор мифологического эпоса «Метаморфозы» (о «превращениях» людей и богов в животных, созвездия и проч.). Овидий, призывавший в своих произведениях к наслаждениям жизни, имел огромный успех в Риме, в связи с чем представлял для императора Августа, мечтавшего о возрождении древних и суровых римских добродетелей, прямую идеологическую оппозицию. Поэтому поэт в 8 г. н. э. был сослан Августом в дальний город Томы.

Военная песнь, написанная во время приближения неприятеля к Смоленской губернии *. Входила в книгу Ф. Глинки «Подарок русскому солдату».

С. 277. Веси — села.

Вериги — здесь: цепи.

Лепота — украшения.

Паствы — пастбища.

Солдатская песнь, сочиненная и петая во время соединения войск у города Смоленска в июле 1812 года *. Входила в книгу Ф. Глинки «Подарок русскому солдату».

Партизан Сеславин *. Сеславин Александр Никитич (1784—1839) — русский генерал-лейтенант, адъютант М. Б. Барклая-де-Толли, затем командир партизанского отряда.

С. 279. ...Москву святую сторожит. — Сеславин первым обнаружил отход французов из Москвы и сообщил об этом Кутузову.

Партизан Давыдов *. Давыдов Денис Васильевич (1784—1839) — русский генерал-лейтенант, герой Отечественной войны 1812 года, поэт. В Отечественную войну командир гусарского полка и партизанского отряда. Прототип Василия Денисова — персонажа романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир».

С. 280. ...дарит в своих куплетах розы. — Имеется в виду поэтическое дарование Д. Давыдова.

Смерть Фигнера *. Фигнер Александр Самойлович (1787—1813) — русский полковник. В Отечественную войну 1812 года успешно руководил партизанским отрядом, под видом французского офицера вел разведку в занятой французами Москве. А. С. Фигнер выведен в романе М. Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году», где широко использованы сведения, сообщенные автору Д. Давыдовым.

С. 281. Орловский Александр Осипович (1777—1832) — известный художник. Мастер батальной и жанровой живописи и графики.

Руцук — турецкая крепость.

Лот — прибор для измерения глубины воды.

Бова — Бова-королевич — герой русской волшебной богатырской повести.

Место славы (Бородино). Печатается по автографу: ЦГАЛИ, ф. 141, оп. 1, ед. хр. 42, л. 45. Датируется 1826—1827 гг.

1812-й год (отрывок из рассказа) *.

С. 286. *Напольный* — полевой.

С. 288. *Седой орел* — М. И. Кутузов.

...к нам мчался Дон — донские казаки под командованием атамана М. И. Платова.

...упала с глаз кора — прозрели.

С. 289. *...питомцы берегов Дуары* — итальянцы.

Славное погребение *. Написано по случаю 27-й годовщины Бородинского сражения. Гимн простому солдату, верному сыну Отечества, вынесшему на своих плечах всю тяжесть войны.

Заздравный кубок Ермолову. Печатается по автографу: ОР ГБЛ, ф. 231/1.15.12. Глинка, хорошо знавший Ермолова еще со времен 1812 года, преподнес эти стихи прославленному герою на одном из званых московских вечеров. Ермолов Алексей Петрович (1777—1816) — русский генерал, участник наполеоновских войн. После разгрома декабристов Ермолов, связанный с ними, был отстранен от дел. Опальный генерал был очень популярен в вольнолюбивых кругах. Об истории создания стихотворения Глинка вспоминает современник: «Вчера 23 января в доме одного из образованнейших московских жителей почетным гостем вечерней беседы был А. П. Ермолов. Богатырскими шагами русской славы разговор носился от Бородина до Сены и на гребни Чечни. За ужином, отличавшимся чудовищно-огромною рыбою и другими отборными блюдами, хозяин поднял кубок в честь Алексея Петровича, а один из гостей (Ф. Глинка) преподнес четыре стиха, к которым вслед за тем прибавилось еще четыре четверостишия».

Опыты двух трагических явлений в стихах без рифмы *.

Глинка, как и другие поэты-декабристы, обращался к античным сюжетам, чтобы, используя известные имена и события как декорации, иметь возможность воспевать идеалы свободы, борьбы с тиранией. Это произведение стоит в ряду первых опытов декабристской драматургии.

К Пушкину *. Выполняя обязанности полковника по особым поручениям военного генерал-губернатора С.-Петербурга графа Милорадовича, Глинка, наряду с Жуковским, Гнедичем, Чаадаевым и другими друзьями и знакомыми Пушкина, хлопотал о смягчении наказания попавшему в немилость поэту. Уже в то время Глинка знал, что Александр I не жалует его за смелые речи, но тем не менее он не поколебался выступить на страницах «Сына отечества» с открытым сочувствием поэту-изгнаннику. В этом стихотворении Глинка одним из первых дает высокую оценку поэтическому дарованию тогда еще молодого поэта. На это стихотворение

Пушкин ответил посланием «Ф. Н. Глинке» («Когда средь оргий жизни шумной...»).

С. 294. *Эрот* — в греческой мифологии бог любви.

Грации — в римской мифологии соответствуют греческим богиням красоты и изящества Харитам.

Осеннее чувство. Печатается по первой публикации: журнал «Сын отечества», 1817, № 42, с. 151. Стихотворение написано древней восьмистишной строфой итальянского происхождения — октавой. В ряду русских произведений, написанных этой строфой, оно по праву занимает первое место рядом со стихотворением Жуковского «Мечта», написанным в том же году. Употребление октав в жанре медитативной элегии Глинкой, как и Жуковским, может быть связано с освоением творчества Гете в русской литературе.

К итальянскому языку. Печатается по первой публикации: журнал «Московский вестник», 1827, № 20, с. 369. Для литературного круга Глинки 20-х годов характерен своеобразный культ Италии. В стихотворении поэт широко использует аксессуары солнечной Италии, экзотику южной природы, пытается передать звучание итальянской речи.

С. 206. *Лоро* — *loro* (итал.) — их.

Фильёло — *figliolo* (итал.) — дитяtko.

Сон русского на чужбине*. Необыкновенную популярность в народе завоевал фрагмент из этого стихотворения, посвященный русской тройке. Отдельно «Тройка» была напечатана в «Русском альманахе» на 1832—1833 годы со следующим издательским примечанием: «Сия песня, сделавшаяся народною, в первоначальном своем виде составляла часть стихотворения Ф. Н. Глинки «Сон русского на чужбине». Она не была напечатана особо, и оттого ее пели с разными изменениями. Здесь помещается она по желанию самого сочинителя точно так, как вышла из-под пера его».

Жилище узника. Печатается по автографу: ЦГАЛИ, ф. 141, оп. 1, ед. хр. 42, л. 13. Датируется 1826—1839 гг. Образ страдальца узника особенно дорог ссылкеному поэту, недавно вырвавшемуся из казематов Петропавловской крепости. Стихотворение предвосхищает знаменитого «Узника».

Сравнение*. Этим стихотворением открывается период олонецкой ссылки. В стихотворении скорбно звучат характерные для этого периода мотивы пловца, потерпевшего крушение в «бурях жизни».

С. 298. *...Скучна страна* — речь идет о Карелии.

Рождение арфы*. Написано в годы олонецкой ссылки. Текст стихотворения соответствует 41-й руне «Калевалы». «Калевала» — карело-финский эпос. Увлечение «инонациональной» тематикой было характерным явлением для всей русской литературы 1820—

1830-х годов. Прогрессивные взгляды революционных дворян на национальный вопрос оказали сильное воздействие на современную литературу и журналистику, в частности на журналы «Сын отечества» и «Славянин». В «Славянине» (1828, № 21, с. 303) было опубликовано стихотворение Глинки «Вейнамена и Юкована», соответствующее 3-й руне «Калевалы».

С. 301. *Рунных* — шерстяных.

Ручьи спокойные мелькали по скалам... Печатается по автографу: ОР ГБЛ, ф. 433.2.33. Датируется 1825—1830 гг. В форме аллегории автор рассказывает о событиях 1825 года, непосредственным свидетелем которых был и он сам. В завуалированной форме Глинка пытается объяснить, что никакой плотиной нельзя остановить и подчинить себе текущий исторический процесс.

Узник *. Текст стихотворения с некоторыми изменениями вошел в поэму «Дева карельских лесов». Долгое время стихотворение приписывалось Рылееву и Полежаеву. Прочитав «Узника» среди стихотворений Рылеева, опубликованных П. А. Ефремовым в «Русской старине», Глинка прислал в редакцию небольшую заметку, в которой писал: «Пьеса «Не слышно шуму городского и проч.» отнюдь не Полежаева и нисколько не Рылеева! Это просто одного моего знакомого, и в ней в печати недостает одного куплета. Она написана точно под землю, но как-то выскользнула на свет, попала в Киев, положена на ноты и распевалась по разным местам».

Первые наброски «Узника» относятся еще ко времени заключения Глинки в Петропавловской крепости, «знакомый» и есть Ф. Глинка.

К синему небу. Печатается по первой публикации: альманах «Северные цветы на 1831 год», с. 52. Первое, насколько известно, оригинальное русское стихотворение, написанное безрифменным стихом неравного размера.

Грусть в тишине *. В Петрозаводске Глинка создает превосходные лирические стихотворения, проникнутые тоской о свободе, настроениями политического ссыльного. Вечным лирическим мотивам поэт придавал особый колорит, навеянный природой и мифологией Севера, существованием одинокого человека.

Воспоминание о пиитической жизни Пушкина *. Глинка одним из первых откликается на смерть Пушкина. Его стихотворение помечено датой: 6 февраля 1837 г. Оно посвящено отцу погибшего поэта, с которым Глинка был хорошо знаком. Стихотворение построено как метафорический рассказ об отдельных этапах литературного пути Пушкина. Оттиск стихотворения хранится в бумагах С. Л. Пушкина с дарственной надписью автора: «Первому другу

и достойному родителю незабвенного Поэта — Первый экземпляр. 1837. Февраля 27 дня».

С. 303. *Эмпирей* — здесь: заоблачные высоты.

С. 304. *Камены* — музы.

Певец «Фелицы» — Г. Р. Державин.

С. 305. *Северная Пальмира* — Петербург.

...дивной прелестью рассказа, в котором будет жить Кавказ...— «Кавказский пленник».

...кочует пестрая семья — речь идет о поэме «Цыганы».

С. 306. *Кагул* — озеро в долине реки Дунай.

Мариула, Земфира — персонажи поэмы «Цыганы».

Зарема — персонаж поэмы «Бахчисарайский фонтан».

Таврида — старое название Крымского полуострова.

Итака — в греческом эпосе родина и царство Одиссея.

С. 307. *...свой идеал* — Н. Н. Гончарову.

...что он потомок Ганнибала — речь идет о стихотворении Пушкина «Моя родословная».

Две дороги *. Одно из лучших произведений Глинки позднего периода. Речь идет о Николаевской железной дороге, по которой Глинке довольно часто приходилось ездить из Твери как в Москву, так и в Петербург. Не останавливаясь на восхищении чугунок, Глинка пророчески заглядывает в будущее, предвидя то время, когда человек сможет летать.

Не стало у людей поэзии (М. А. Дмитриеву). Печатается по автографу: ОР ГБЛ, ф. 231/III.3.26, л. 4—4об. Сетования по поводу упадка в поэзии — характерная тема в позднем творчестве Глинки. Эта же тема звучит в произведениях Вяземского, Полонского, Бенедиктова.

С. 311. *Палингинезия* — обновление, воскресение.

Наука все идет, идет... Печатается по автографу: ЦГАЛИ, ф. 141, оп. 1, ед. хр. 41, л. 28. В стихотворении звучит неприкрытое раздражение, вызванное длительной борьбой с духовной цензурой, запретившей печатать «Свободное подражание священной книге Иова», которое обличает гонения, несправедливость «злоначальства». В письме к цензору, наложившему запрещение на книгу, Глинка пишет: «По причинам, которые исчезают, как дым, при одном прикосновении к ним луча истины, заперли вы мою книгу, арестовали мою материальную собственность и хладнокровно замкнули ее в холодном подвале, где крысы и моль пожирают теперь шестилетний труд, проникнутый чувством и мыслью поэзии». В конце концов при деятельном участии А. В. Никитенко запрет с книги был снят.

В защиту поэта *. Одно из последних стихотворений Глинки, где автор обращается к теме предназначения поэта и гражданина.

Давно я, житель городов... Печатается по автографу: ЦГАЛИ, ф. 141, оп. 1, ед. хр. 41, л. 25. Датируется 1826—1830 гг., т. е. периодом олонечкой ссылки Ф. Глинки.

ПИСЬМА

А. С. Пушкину

Печатается по кн.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М., 1937, т. 14. Знакомство Ф. Глинки с А. Пушкиным относится к 1817 году. Кроме Вольного общества любителей российской словесности и «Зеленой лампы» поэты часто встречались в Журнальном обществе, организатор которого Н. И. Тургенев предполагал включить их в число участников замышляемого им журнала «Россиянин XIX века». Пушкин глубоко уважал в Глинке человеческие и гражданские качества; из южной ссылки, тронутый искренним вниманием Глинки, Пушкин отвечает «благородному Аристиду»:

Но голос твой мне был отрадой,
Великодушный гражданин...

Посылая своему брату Льву стихотворение «К Ф. Н. Глинке», Александр Сергеевич пишет: «...покажи их Глинке, обними его за меня и скажи ему, что он все-таки почтеннейший человек здешнего мира». Пушкин также отмечал глубокий неподдельный лиризм поэта, его самобытность, но ему был совершенно чужд глинкинский морализм, пренебрежительное отношение к отделке стиха, стремление Глинки выйти на путь «мыслящей, а не орнаментальной поэзии» — характерные черты творческой манеры Ф. Глинки, отличавшие его от современников.

С. 315. ...отрывок из путевых записок.— В 1829 году Пушкин ездил в Закавказье и был в русской армии Паскевича, действовавшей против Турции. Во время путешествия Пушкин вел дорожные записки, которые легли в основу очерков «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года». В «Литературной газете» был опубликован отрывок из этих записок под названием «Военная Грузинская дорога».

Дельвиц Антон Антонович (1798—1831) — русский поэт, друг Пушкина. Издавал альманах «Северные цветы» и «Литературную газету».

...и без Вас — речь идет о ссылке Пушкина.

Плетнев Петр Александрович (1792—1862) — русский критик, поэт, отражавший теоретические воззрения пушкинского кружка. Участвовал в редактировании альманаха «Северные цветы» и «Современника».

...стереотипное издание — Л. С. Пушкин — брат поэта — удивительно похоже, как отмечали современники, читал произведения своего известного брата.

...всеобщий переворот — восстание 14 декабря 1825 года.

С. 316. «Карелия» — «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой». Описательное стихотворение. В 4-х частях. Пушкин отозвался на поэму очень доброжелательной рецензией. В хлопотах по изданию ее принимали участие О. М. Сомов и А. А. Никитин. Вышла отдельным изданием в 1830 году (СПб.).

Филимонов Владимир Сергеевич (1787—1858) — русский поэт, беллетрист. Речь идет о стихотворении Пушкина «В. С. Филимонову при получении поэмы его «Дурацкий колпак» (1828).

...посещение ваше — Пушкин с П. А. Вяземским посетили Ф. Глинку 10 августа 1830 года по дороге в Москву.

...вот вам тетрадка — несколько аттестатов, выданных Глинке в Олонецком губернском правлении, характеризующие его с наилучшей стороны.

Государь и мудр, и милостив... — Глинка все еще наивно надеется на великодушие Николая I.

С. 317. ...братец Ваш — Л. С. Пушкин.

...якобы я на Вас сердит. — Вполне возможно, что в это время Глинка мог быть в обиде на Пушкина, так как тот совсем недавно написал эпиграмму «Собрание насекомых», в которой Глинка представлен «божьей коровкой», что конечно же было далеко не лестно для него. Но ответ его Пушкину подтверждает правдивость характеристики Глинки как добрейшего и благороднейшего человека.

...альманах... в память Дельвига. — Имеется в виду альманах «Северные цветы на 1832 год», изданный А. Пушкиным в пользу семьи умершего А. Дельвига.

...О. М. Сомов писал мне нелепо... — вероятно, О. Сомов, принимавший участие в издании альманаха, не совсем понятно изложил причины издания.

Сибиряков Иван Семенович (? — 1848) — русский поэт-самоучка. Был крепостным рязанского помещика. Во время войны 1812 года и заграничного похода, принадлежа Д. Н. Маслову, сопровождал своего барина в Германию и Францию; выучил немецкий язык, писал стихи патристического содержания. В 1821 году, благодаря участию Жуковского, Глинки, Вяземского, братьев Тургеневых, Сибиряков был выкуплен за 10 тысяч рублей и определен канцеляристом в департамент духовных дел. Позже Сибиряков служил на императорской сцене.

...жена — Авдотья Павловна Голенищева-Кутузова (1795—1863) — русская писательница, переводчица, хорошо знала не-

сколько иностранных языков, прекрасно играла на арфе. Внучатая племянница М. И. Кутузова.

...том Шиллера — имеется в виду книга «Песнь о колоколе», прочитав которую В. А. Жуковский писал переводчице: «Я несколько раз принимался за Колокол, но никогда не был доволен собой и оставлял; ваш же перевод так отчетлив и красив, что сам Шиллер полюбовался бы им!»

С. 318. *Софья Михайловна Дельвиц* — жена А. А. Дельвига.

В. К. Кюхельбекеру

Печатается по тексту: Щукинский сборник, ч. 8, с. 247—248.

Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797—1846) — русский поэт, декабрист, друг А. Пушкина. Участник восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 года, отнесенный к первому разряду государственных преступников, «осуждаемых к смертной казни отсечением головы». По конфирмации (утверждению царем решения суда) 10 июля 1826 года приговорен в каторжную работу на двадцать лет. Вместо Сибири и каторги по повелению Николая I был отправлен в Шлиссельбургскую крепость. По существу, одиночное заключение Кюхельбекера длилось более десяти лет. Знакомство Глинки с Кюхельбекером состоялось в 1817 году. Особенно оно укрепилось с 1819 года, когда Кюхельбекер вступает в Вольное общество любителей российской словесности, председателем которого был Ф. Н. Глинка. Часто встречались они и на заседаниях Союза благоденствия, членами которого являлись. Старшая сестра Кюхельбекера Юстина Карловна была замужем за двоюродным братом Федора Николаевича Григорием Андреевичем Глинкой, профессором Дерптского университета.

С. 319. *Экзаметр* (гекзаметр) — метрический стих из шести стоп дактиля.

Совет юноше — стихотворение, значительно переработанное, было опубликовано в журнале «Сын отечества», 1817, № 42, с. 185.

Перлы — жемчуга.

А. А. Ивановскому

Печатается по тексту журнала «Русская старина», 1889, т. 63, № 7—9, с. 119—124.

Ивановский Андрей Андреевич (1791—1848) — чиновник, любитель литературы, сам сочинял стихи. Служил в канцелярии военного министерства. В декабре 1825 года он был прикомандирован в следственную комиссию по делу декабристов. В меру возможности Ивановский оказывал некоторые услуги во время следствия арестованным, с которыми был знаком. Его письма, опубликованные в «Русской старине» (1889), свидетельствуют о его дружеских

отношениях с К. Ф. Рылевым, А. О. Корниловичем и другими декабристами.

С. 319. *...я не там* — Письмо написано после освобождения поэта из Петропавловской крепости.

С. 320. *Пешегонец* — странник.

Александра Егоровна — жена А. Ивановского.

...вот земляк — А. А. Ивановский родом из Смоленска.

С. 322. *Т. Е. Фан дер Флит* — гражданский губернатор Петровзаводска.

С. 323. *«Опыты»*. — В 1826 году вышли две книги Ф. Глинки: «Опыты священной поэзии» и «Опыты аллегорий в стихах и прозе».

Вл. Фед. Адл. — Адлерберг Владимир Федорович (1790—1884) — офицер гвардейского Литовского полка. С 1817 года адъютант великого князя Николая Павловича. С 1828 года — директор канцелярии военного министерства.

«Иов». — В ссылке Глинка начал работать над переложением в стихах «Книги Иова», сюжет которой основывается на библейском предании. Книга была закончена в Твери. Образ библейского страдальца Иова стал в годы ссылки созвучен изгнаннику Глинке. Сам он писал об этом: «Душа невольно сроднилась со страдальцем; века исчезли, расстояния не стало... я понял его муки, разгадал тайны скорби, непостижимой для счастливых мира». «Иов» Глинки становится поэмой о томительном одиночестве ссылки поэта, в которой звучит обличение несправедливости.

С. 323. *Павел Фивадский (Фивский)* — согласно христианской легенде, прожил в Фиваиде 91 год у ручья, питаясь плодами пальмы, а листьями ее одеваясь.

Остолоповы апологи — сборник стихов Остолопова Николая Федоровича (1783—1833) — поэта, переводчика, автора «Словаря древней и новой поэзии» (1821). Аполлог (апология) — чрезмерное восхваление.

С. 324. *...наименование альманаха...* — Альманах вышел под названием «Альбом северных муз» (СПб., 1828).

«Див и Пери» — поэма А. И. Подолинского.

В. В. Измайлов

Печатается по тексту журнала «Московское обозрение», 1877, № 16, с. 415—425. Измайлов Владимир Васильевич (1773—1830) — русский писатель, последователь Карамзина. Издатель журнала «Вестник Европы». Большой поклонник Руссо. Пользовался большим уважением среди литераторов своего времени.

С. 325. *...Одним из... журналов* — «Московским вестником».

С. 326. *Альманах...* — имеется в виду готовящийся к изданию В. Измайловым альманах «Литературный музей на 1827 год».

«Воспоминание» — опубликовано в «Литературном музее на 1827 год».

С. 327. *...читает Сея и Бенгата* — неточная цитата из 1-й главы (строфа XLII) поэмы Пушкина «Евгений Онегин». У Пушкина — толкует Сея... Сей (1767—1832) — французский экономист, последователь Адама Смита, автор «Курса политической экономии». Бенгатам (1748—1832) — английский писатель-правовед. Оба были популярны среди декабристов.

С. 328. «Северная пчела» — петербургская газета.

«Подснежник» — литературный альманах (СПб., 1829), изданный Дельвигом и Сомовым. Издатели по каким-то причинам не смогли поместить в издававшихся ими же «Северных цветах на 1829 год» присланные П. А. Вяземским стихотворение «Станция» и некоторые другие. Не желая обижать Вяземского, Дельвиг решил собрать новый альманах «Подснежник», куда и вошли эти стихи.

С. 329. *...издатель «Галатеи»* — С. Е. Раич.

Элейность (елейность) — сладость, умильность.

...в ваших статьях — обе статьи опубликованы в альманахе «Литературный музей на 1827 год».

Прокрустово ложе — здесь: цензура.

М. П. Погодину

Печатается по автографам: ОР ГБЛ, ф. 231/II.

Погодин Михаил Петрович (1800—1875) — русский историк, писатель, академик Петербургской академии наук, издатель журналов «Московский вестник», «Москвитянин». Заочное знакомство с Глинкой относится к весне 1827 года, когда Погодин — молодой редактор нового журнала «Московский вестник» — пригласил «почтенного поэта» участвовать в новом издании. Приятельские отношения у них сохранились на всю жизнь. В московский период жизни Глинки Погодин — частый гость его «понедельников». Ф. Н. и А. П. Глинки — постоянные авторы «Москвитянина». В 1869 году М. Погодин решил издать Собрание сочинений Ф. Н. Глинки.

С. 330. *...в пустыне...* — Дореволюционный Петрозаводск представлял собой заброшенный провинциальный городишко. «Невзрачные деревянные домики, посеревшие и большею частию постаревшие, каменные присутственные места, губернаторский дом, ряды и, наконец, совершенная тишь на улицах, пыльных летом и грязных осенью, — вот физиономия Петрозаводска», — писал один путешественник, посетивший этот город.

Урагия на 1828 год. — Издание альманаха не состоялось.

Урания на 1826 год.— «Возбужденный примером «Полярной звезды», произведшей движение в литературе,— писал биограф М. Погодина А. П. Барсуков,— Погодин, в 1825 г., решился издать альманах «Уранию». В целом альманах получился удачным.

С. 331. *...повести ваши...*— повести Погодина «Нищий» и «Как аукнется, так и откликнется» были опубликованы в «Урании на 1826 год». Повесть «Нищий» получила резонанс в обществе. «Я знаю,— писал в своем дневнике М. Погодин,— о подозрении на меня за «Нищего», помещенного в Урании; новый председатель цензурного комитета князь Мещерский послал на меня донос, выставляя Московский вестник отголоском 14-го декабря».

Шеллинг Фридрих (1775—1854) — немецкий философ, представитель немецкого романтического идеализма. Сочинения Шеллинга сыграли большую роль в разработке идеалистической диалектики и философии искусства в России кружком «любомудров», члены которого, отбрасывая французскую деистически-материалистическую философию и классицистическую эстетику, ратовали за создание принципиально новой, самобытной философии. Главные представители кружка М. Погодин, Д. Веневитинов, С. Шевырев, В. Одоевский входили в редакцию «Московского вестника».

С. 332. *...назначено мне служение в Твери.*— В начале 1829 года Глинка начал хлопотать о своем переводе в другую губернию, ссылаясь на тяжелые климатические условия, плохое здоровье и крайнюю дороговизну в Петрозаводске. О решении по вопросу перевода Глинки граф Бенкендорф сообщал министру внутренних дел Закревскому 29 января 1829 года:

«По всеподданнейшему моему о сем государю императору прошению, его величество высочайше повелеть соизволил перевести коллежского советника Глинку на службу в Тверь.

Сообщая Вашему высокопревосходительству сию высочайшую волю, для зависящего от вас в исполнении оной распоряжения, покорнейше прошу Вас, милостивый государь, приказать также продолжать присмотр и о последующем почтить меня уведомлением».

С. 333. *Гердер Иоганн Готфрид* (1744—1803) — немецкий философ и писатель-просветитель, друг Гете, теоретик «Бури и натиска». Оказал влияние на немецкий романтизм.

«Москвитянин» — ежемесячный журнал, выходявший в Москве с 1841 по 1856 год под редакцией М. П. Погодина. Был основан при ближайшем участии Жуковского. В журнале печатались сочинения Жуковского, Гоголя, Загоскина, Вельтмана, Даля и многих других известных литераторов того времени. Журнал несколько не соответствовал духу времени, так как его редакторы Погодин и Шевы-

рев (заведовал литературно-критическим отделом) стояли на архаистских литературных позициях.

С. 334. ...*статья... о Милорадовиче.*— Речь идет о статье «Взгляд на прошедшее. 1-й Кадетский корпус», опубликованный в журнале «Москвитянин», 1846, № 2.

...*с первым экземпляром в руках.*— Поэма «Таинственная капля» была издана в Берлине в 1861 году, так как в России на нее был наложен арест. Звучащее в поэме противопоставление хижин и дворцов, непримиримое отношение автора к жадности, предательству, жестокости власть имущих позволяет говорить о более радикальной, чем принято считать, позиции Глинки в условиях реакции. В поэме открыто звучат богоборческие мотивы, в частности Глинка позволял себе упрекать бога за его равнодушное отношение к страждущему человечеству. Лишь через десять лет, в 1871 году, Погодин добился разрешения издать «Таинственную каплю» в Москве.

...*старик Списов* — персонаж драмы Шписа «Везде и нигде». Шпис (Spiess) Христиан-Генрих (1755—1799) — немецкий писатель, драматург.

Юрий Никитич — Бартенева, приятель Глинки.

Толстой Федор Петрович (1783—1873) — русский живописец, скульптор, график. Давний друг Ф. Глинки. Создатель цикла медальонов (21) в память Отечественной войны 1812 года.

С. 335. ...*моей незабвенной* — жена Ф. Глинки Авдотья Павловна скончалась в августе 1863 года.

Крез (560—546 до н. э.) — последний лидийский царь, славившийся своими богатствами. Однажды Крез послал в дар городу Дельфы золотое изваяние льва, стоящего на пьедестале из 117 золотых кирпичей.

...*круглое сиротство* — у Глинок не было детей.

СОДЕРЖАНИЕ

С. Серков, Ю. Удерецкий. Писатель, воин, гражданин — 5
Ф. Н. Глинка

Проза и публицистика

Очерки Бородинского сражения	26
Письма русского офицера (<i>извлечения</i>)	119
Письма к другу (<i>извлечения</i>)	198
Две сестры, или: которой отдать преимущество?	242
Мои воспоминания о Карамзине	247
Удаление А. С. Пушкина из С.-Петербурга в 1820 году	254
Семисотлетие Москвы	257

Поэзия

Песнь русского воина при виде горящей Москвы	262
Москва	263
Москве Благотворительной	264
Приглашение на приезд В. А. Жуковского в Москву	265
В. А. Жук<овско>му *	267
Рейн и Москва	267
Единственный Лист в Москве *	269
Осетр за обедом в Москве *	269
Московские дымы	269
Петр Яковлевич Чаадаев (Человек, памятный Москве)	271
Мечтания на берегах Волги	271
Военная песнь...	277
Солдатская песня...	278
Партизан Сеславин	279
Партизан Давыдов	280
Смерть Фигнера (Опыт народной поэзии)	280
Место Славы (Бородино) *	285
Гусарская песня	286
1812-й год (Отрывок из рассказа) <i>Посвящено людям 12-го года</i>	286
Славное погребение	290
Заздравный кубок А. П. Ермолову *	291
Опыты двух трагических явлений в стихах без рифмы	291
К Пушкину	294

Осеннее чувство	295
К италийскому языку	296
Сон русского на чужбине	296
Жилище узника *	297
Сравнение	298
Рождение арфы (<i>Древнее финское стихотворение, написанное размером подлинника, с изустного перевода проф. Шегрена</i>)	299
«Ручьи спокойные мелькали по скалам...» *	301
Узник	301
К синему небу	302
Грусть в тишине	302
Воспоминание о бытийской жизни Пушкина Пушкин-поэт	303
Две дороги (<i>Куплеты, сложенные от скуки в дороге</i>)	303
Не стало у людей поэзии *	310
Наука все идет, идет... *	311
В защиту поэта	312
«Давно я, житель городов...» *	313

Письма

А. С. Пушкину	315
В. К. Кюхельбекеру	318
А. А. Ивановскому	319
В. В. Измайлову	325
М. П. Погодину *	330
Комментарии	337

*Иллюстративный материал подобран
из фондов Музея истории и реконструкции
города Москвы*

*П. Ф. НИКОЛАЕВЫМ;
использованы также иллюстрации
московского коллекционера
И. И. САРЫЧЕВА*

ИБ № 2783

Федор Николаевич ГЛИНКА

ПИСЬМА
РУССКОГО ОФИЦЕРА:

ПРОЗА. ПУБЛИЦИСТИКА.
ПОЭЗИЯ. СТАТЬИ. ПИСЬМА

Составители
С. СЕРКОВ, Ю. УДЕРЕВСКИЙ

Заведующая редакцией

Л. Сурова

Редактор

С. Митрохина

Художник

А. Лемятский

Художественный редактор

И. Сайко

Технический редактор

Н. Привезенцева

Корректоры

Н. Кузнецова, Э. Комарова,

В. Чеснокова

Сдано в набор 25.01.85. Подписано к печати 23.08.85.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарни-
тура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл.
печ. л. 20,16. Усл. кр.-отт. 21,42. Уч.-изд. л. 20,34. Ти-
раж 100 000. Заказ 392. Цена 1 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Московский рабочий»,
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

М. И. Кутузов

М. Б. Барклай де Толли

П. И. Багратион

А. П. Ермолов

Д. В. Давыдов

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Д. С. Дохтуров

П. Х. Витгенштейн

А. И. Остерман-Толстой

К. Ф. Толь

М. И. Платов

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Н. Н. Раевский

А. А. Тучков

Н. А. Тучков

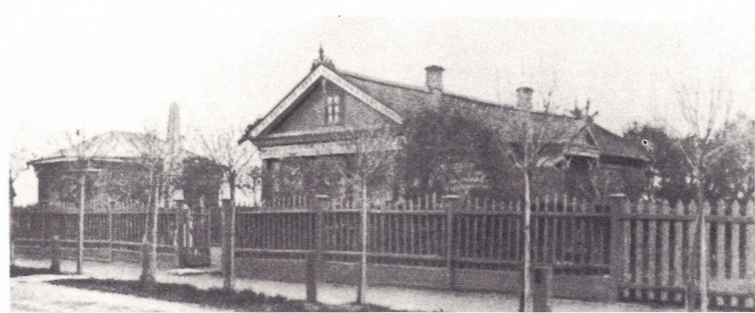
П. А. Тучков

А. Н. Сеславин

Пушкинский кабинет ИРЛИ

- А. И. Кутайсов
А. С. Фигнер
М. А. Милорадович
Л. Л. Беннигсен
П. П. Коновницын

Бородинское поле сражения

Военный совет в Филях. Картина А. Д. Кившенко (1880)

Фили. Изба Кутузова

Пушкинский кабинет ИРЛИ

У Калужских ворот, 19 октября 1812 г.

Пожар в Москве в 1812 г.

Рисунок неизвестного художника. Первая половина XIX в.

Наполеон в Петровском дворце

М. Ней

Страстная площадь в Москве.
Рис. А. Шарлеманя. Первая половина XIX в.

Страстная площадь в Москве.
Рисунок А. Шарлеманя. Первая половина XIX в.
Пушкинский кабинет ИРЛИ

К. Ф. Рылов в 1815 г.
Портрет работы Белла

Ф. Н. Глинка

Пушкин в Петербурге.
Рисунок Б. М. Кустодиева
Пушкинский кабинет ИРЛИ

14 декабря 1825 г. на Сенатской площади.
Акварель Д. Н. Кардовского

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Е. А. Баратынский.
*Рисунок
неизвестного
художника
(1828 г.)*

П. Я. Чаадаев
Пушкинский кабинет ИРЛИ

Н. М. Карамзин

В. А. Жуковский

Пушкинский кабинет ИРЛИ

И. И. Дмитриев

А. А. Дельвиг
Пушкинский кабинет ИРЛИ

И. А. Крылов

К. Н. Батюшков

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Н. И. Гнедич

А. И. Тургенев

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Н. И. Тургенев

М. П. Погодин
Пушкинский кабинет ИРЛИ

ЯМЩИКЪ

Сколько ямщиковъ въ Россіи бываетъ,
 Въ этомъ ямщикъ не знаетъ,
 Сколько ямщиковъ въ Россіи бываетъ,
 Въ этомъ ямщикъ не знаетъ,
 Сколько ямщиковъ въ Россіи бываетъ,
 Въ этомъ ямщикъ не знаетъ.

И если ямщикъ, въ Россіи ситъ,
 Какъ сто ямщиковъ, то сто,
 То сто, сто ямщиковъ,
 Такъ сто ямщиковъ, то сто,
 То сто ямщиковъ, то сто,
 То сто ямщиковъ, то сто.

Почты и ямщики, ямщики,
 О почты и ямщики, ямщики,
 О почты и ямщики, ямщики,
 О почты и ямщики, ямщики.

Ямщик.
 Лубок с текстом
 знаменитой
 «Тройки»
 Ф. Н. Глинки

Д. В. Веневитинов
 Пушкинский кабинет ИРЛИ